ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКВА,
2020

STATE
ACADEMIC UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

ORIENTAL COURIER

2020 (1 / 2)

Four issues published twice a year

Founded in January, 2019
Moscow

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВОСТОЧНЫЙ КУРЬЕР

2020 (1 / 2)

Журнал выходит четыре раза в год в двух сдвоенных номерах

Основан в январе 2019 года
Москва

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 - 77287 от 25 ноября 2019 г.
ISSN: 2686-8431

Периодическое издание,
рецензируемый научный журнал

Учредители:
Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН)
Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН)

E-mail: distan@gmail.com
URL: https://vk.jes.su

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук. 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Государственный академический университет гуманитарных наук. 119049, г. Москва, Мароновский переулок, 26, комн. 222

Periodical,
Peer-reviewed journal

Founders:
State Academic University for the Humanities (GAUGN)
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

E-mail: distan@gmail.com
URL: https://vk.jes.su

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IOS RAS). 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

State Academic University for the Humanities (GAUGN). 26, Maronovskiy Lane, Moscow, Russia, 119049, room 222

Восточный курьер. No. 1 / 2. – М.: ГАУГН, ИВ РАН, 2020. 292 с.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения ГАУГН, ИВ РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

Макет и верстка — Н. В. Бусыгин
В оформлении обложки использованы рисунки © Ю. А. Молоканова
На обложке: Знак ордена «Кинси Кунсё» (Золотого коршуна), Япония 1890–1947 гг. Серебро. Из раскопок Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе (Египет), сезон 2011 г. (фото © С. В. Малых)

© ГАУГН, 2020
© ФБГУН ИВ РАН, 2020
© Редакция журнала «Восточный курьер» (составитель), 2020

Редакционно-издательский совет

А. К. Аликберов
В. Я. Белокреницкий
Д. Д. Васильев
В. В. Наумкин
А. Л. Рябинин
Д. В. Фомин-Нилов

Главный редактор

Д. В. Дубровская

Редакционная коллегия

Л. Б. Алаев
А. С. Балахванцев
А. Д. Васильев
М. В. Грачев
А. Ю. Другов
Е. Ю. Ванина
М. С. Круглова
М. И. Крупянко
В. А. Кузнецов
Е. В. Кузнецова
П. А. Куценков
Д. В. Микульский
А. А. Столяров
Т. Л. Шаумян
А. И. Шмаинова-Великанова
А. И. Яковлев
Dominik Wujastyk
Kandarpa Das
Rosalien Van der Poel

Редакция

Е. И. Петерикова
(ответственный секретарь)
А. А. Мельник
(научный редактор)
М. В. Стародубцева
(литературный редактор)

Editorial Advisory Board

Alikber K. Alikberov
Vyacheslav Ya. Belokrenitskiy
Denis V. Fomin-Nilov
Vitaly V. Naumkin
Aleksey L. Ryabinin
Dimitry D. Vasiliev

Editor-in-Chief

Dinara V. Dubrovskaya

Editorial Board

Leonid B. Alaev
Archil S. Balakhvantsev
Alexander D. Vasiliev
Maxim V. Grachyov
Alexey Yu. Drugov
Evgeniya Yu. Vanina
Maria S. Kruglova
Mikhail I. Krupyanko
Vasiliy A. Kuznetsov
Evgeniya V. Kuznetsova
Pyotr A. Kutsenkov
Dimitry V. Mikulskiy
Alexander A. Stolyarov
Tatiana L. Shaumyan
Anna I. Shmainova-Velikanova
Alexander I. Yakovlev
Dominik Wujastyk
Kandarpa Das
Rosalien Van der Poel

Editorial Group

Elizaveta I. Peterikova
(Executive Editor)
Anastasiya A. Melnic
(Academic Editor)
Marina V. Starodubtseva
(Literary Editor)

Содержание

12 От редакции

VIVAT ACADEMIA!

13 Наблюдая за птицей Феникс. К 75-летнему юбилею академика РАН В. В. Наумкина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКА

29 Мельник А. А. Особенности японской экономической коррупции

38 Шалупкин В. В. Особенности внедрения исламского банкинга в экономическую модель страны на примере Судана

ВОСТОЧНОЕ ЧАЕПИТИЕ

48 Задушевная беседа с доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой стран Восточной Азии Алексеем Леонидовичем Рябининым, приуроченная к его юбилею

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

57 Рябинин А. Л. Сельская община в Китае: pro et contra. Часть 1

80 Яковлев А. И. Некоторые аспекты модернизации на Востоке в XX в.

ВЕСТИ С РАСКОПОВ

99 Малых С. Е., Лебедев М. А. Источник загадок: необычная история одной древнеегипетской погребальной шахты в Гизе

АРАБСКИЙ МИР

109 Матросов В. А., Кривошеева М. В. Мифический *наснāс* в арабских трактатах: демон или человек?

119 Микульский Д. В. Арабы и византийцы в арабо-мусульманских династийных хрониках: принципы восприятия «чужого»

126 Хан Е. И. Суфийская метафизика музыки Хазрата Инайята Хана

ЧИТАЯ ИСТОЧНИКИ

137 Грачев М. В. Великие кары небесные и земные бедствия в представлениях верноподданного служащего августейшего правителя в раннесредневековой Японии (на примере доклада Фудзивара Ацумицу 1135 г.)

152 Поздняев Д. А. Китайские переводы трудов Русской Духовной Миссии

ВОСТОК ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСКУССТВА

158 Кузнецова Д. Д. Выставки современных китайских художников в России: о травме китайского общества языком послевоенного европейского искусства

170 Мороз М. Р. Ориентализм Мариано Фортуни и его влияние на русских художников рубежа XIX–XX вв.

180 Стародубцева М. В. Визуальный активизм на Ближнем Востоке: как искусство пытается изменить мир

ВОСТОЧНАЯ СОКРОВИЩНИЦА

196 Вяземская К. Т. Лувр Абу-Даби: на пересечении цивилизаций

203 Пожидаева И. В. Могольский изумруд в европейском ювелирном искусстве

НАУЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

216 Столяров А. А. Путешествие в Сибсагар: три столицы Ахомского царства

MEMORABILIA

243 Дубровская Д. В., Столяров А. А. Яррист: Михаил Горелик между кистью и мечом

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

252 Васильев А. Д., Кожа К. А., Марьясис Д. А., Хлебникова Л. Р. III съезд молодых востоковедов в Уфе (2019 г.)

269 Лукьянов Г. В. Хроника онлайн конференции молодых ученых «Осмысляя Восток» (2020 г.)

ВОСТОЧНЫЙ ВЕРНИСАЖ

280 Дубровская Д. В. Василий Верещагин в восточных войнах

Contents

12 Editorial

VIVAT ACADEMIA!

13 Watching the Phoenix
To the Anniversary of the Academician
Vitalyi V. Naumkin

ORIENT: CURRENT EVENTS

29 Melnik Anastasia A. Characteristics of Economic Corruption in Japan

38 Shalupkin Vadim V. Introducing Islamic Banking to the State's Economic Model (The Case of Sudan)

ASIAN TEA PARTY

48 Sincere Conversation with the Chair
of the Department of East Asian Countries
Professor Alexei L. Ryabinin, Dedicated
to His Anniversary

THEORY AND ANALYTICS

57 Ryabinin Alexei L. Rural Community in China:
Pro et Contra. Part 1

80 Yakovlev Alexander I. Modernization in the East in the 20th Century: Problems and Solutions

ARCHAEOLOGY NEWS

99 Lebedev Maxim A., Malykh Svetlana E. The Source of Mysteries: The Unusual History of an Ancient Egyptian Burial Shaft in Giza

ARABIAN WORLD

109 Matrosov Valeriy A., Krivosheeva Mariia V. The Mythical *Nasnās* in the Arabic Treatises: A Demon or a Human?

119 Mikulsky Dimitry V. Arabs and Byzantines in the Arab-Muslim Dynasty Chronicles: Principles of The Alien's Perception

126 Khan Kate I. Hazrat Inayat Khan and His Sufi Music Metaphysics

READING HISTORICAL SORCES

137 Grachyov Maxim V. Great Punishments of Heaven and Earthly Calamities through the Eyes of a Loyal Emperor's Servant in Early Medieval Japan (the Case of Fujiwara Atsumitsu's Report of 1135)

152 Pozdnyaev Dionisiy A. Chinese Translations of Russian Orthodox Ecclesiastical Mission's Writings

ORIENT: AN ARTISTIC VIEW

158 Kuznetsova Daria D. Exhibitions of Chinese Contemporary Artists in Russia: The Trauma of Chinese Society through the Language of Post-War European Art

170 Moroz Maria R. Mariano Fortuny's Orientalism and its Influence on Russian Artists at the Turn of the 19th–20th centuries

180 Starodubtseva Marina V. Visual Activism in the Middle East: The Way Art Tries to Change the World

EASTERN TREASURY

196 Vyazemskaya Xenia T. Louvre Abu-Dhabi: At the Crossroads of Civilizations

203 Pozhidaeva Irina V. Mughal Emerald in European Jewelry

ACADEMIC JOURNEY

216 Stolyarov Alexander A. En Route to Sibsagar: The Three Capitals of the Ahom Kingdom

MEMORABILIA

243 Dubrovskaya Dinara V., Stolyarov Alexander A. Glamdring: Mikhail Gorelik Between a Brush and a Sword

ACADEMIC CHRONICLE

252 Vasiliev Alexander D., Kozha Ksenia A., Maryasis Dimitry A., Khlebnikova Luiza R. The 3rd Convention of Young Orientalists in Ufa (2019)

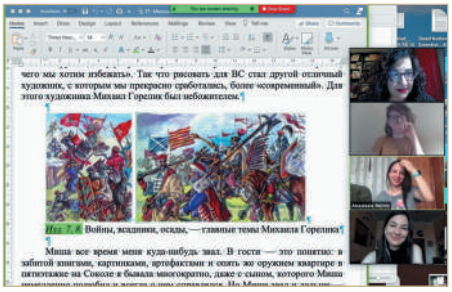
269 Lukyanov Grigoriy V. Online Conference of Young Scholars "Understanding the East", 2020

ORIENTAL VERNISSAGE

280 Dubrovskaya Dinara V. Vassily Vereshshagin and Eastern Wars

ОТ РЕДАКЦИИ:

Восточный курьер в респираторе и перчатках



Работа редакции «Восточного курьера» в дистанционном режиме

Очередной номер «Восточного курьера» готовился в беспрецедентных условиях, когда и наука, и редакции всего мира работали дистанционно, общаясь с коллегами через окна компьютерных и телефонных приложений. К счастью, редколлегия не может пожаловаться ни на малую загруженность материалами, ни на снижение собственной работоспособности: регулярно проходили Zoom-конференции, а интернет исправно держал авторов и редакторов на связи и снабжал их изобразительными материалами.

В нынешнем «карантинном» номере, как уже повелось, масса интересного. Вести с раскопов и находки в гробницах. Важные обобщения и наработки востоковедов-теоретиков о модернизации и об общине на Востоке, россыпь сокровищ — как живописных и инсталляционных, так и настоящих, ювелирных, в материалах о живописи, декоративно-прикладном искусстве, кино, выставках и музыке. Переводы не менее драгоценных источников с арабского, японского и китайского языков. Живой пульс молодой научной конференциальной жизни (впервые в истории через Zoom!). Стрит-арт и банкинг Судана. Воспоминания о выдающихся востоковедах.

Мы пользуемся случаем — пусть с запозданием, но от общей редакционной души — поздравить декана Восточного факультета ГАУГН академика РАН Виталия Вячеславовича Наумкина с юбилеем, которому посвятили подборку важных цитат из прессы, телевидения и монографий. С еще большим опозданием, но по-прежнему искренне и тепло поздравляем и Заведующего кафедрой стран Восточной Азии профессора Алексея Леонидовича Рябинина, который даже выделил время на то, чтобы выпить с нашим корреспондентом дистанционного чаю.

Ну, а для тех, кто совсем измучен сидением дома, — путешествие в Индию, где боги ездят на мышах и на людях, а посреди расположенных выше уровня земли рукотворных прудов возвышаются столбы, наполненные ртутью и углем. Ведь основная миссия Восточного курьера — доставка из рук в руки ценностей, как письменных, так и визуальных, с Востока на Запад, от авторов читателям, из прошлого в будущее.

DOI: 10.18254/S268684310010360-4

Наблюдая за птицей Феникс
К 75-летнему юбилею академика РАН В. В. Наумкина

Watching the Phoenix
To the Anniversary of the Academician Vitalyi V. Naumkin

21 мая 2020 года исполнилось 75 лет Виталию Вячеславовичу Наумкину, человеку, деятельность которого во многом определила и развитие российского востоковедения, и политику России на восточном направлении, и даже будущее целых народов, живущих в регионе. Ученый-арабист, исламовед, востоковед, политолог и культуролог — в своей жизни Виталий Вячеславович постоянно находился в движении, исследуя мир в самых разных его проявлениях — от развития языка и культуры разных народов до участия в разрешении политических кризисов. «Мчащийся сквозь время» — так называется книга о жизни Виталия Вячеславовича Наумкина [Виталий Наумкин… 2015 20], *и это название в полной мере отражает жизнь ученого, на протяжении многих лет не только помогающего понять, что происходит в мире и на Ближнем Востоке, но и влияющего на происходящие в регионе и мире процессы. Птица Феникс — это мифическое существо, победившее время и обретшее бессмертие. Раз в 400 лет она погибает, чтобы вновь*

Вручение государственных премий Российской Федерации. Президент России В. В. Путин с доктором исторических наук, академиком РАН, научным руководителем Института востоковедения РАН В. В. Наумкиным
Фото © Kremlin.ru

возродиться. Местом, где возрождается Феникс, считается Сокотра — затерянный во времени остров в Индийском океане, где сохранилась самая архаичная в семитском мире культура. Не случайно что именно Виталий Вячеславович Наумкин стал своего рода первооткрывателем Сокотры для мира. Уделяя пристальное внимание актуальным проблемам, Виталий Вячеславович тем не менее всегда возвращается к вневременным сюжетам. Так, сокотрийцам он помог сохранить свои язык и культуру. Не будет преувеличением сказать, что за многие годы участия в судьбе Ближнего Востока, он помог сохранить и этот уникальный регион.

За последние десятилетия Ближний Восток пережил серьезные трансформации, влияющие на международные процессы и развитие других стран, в том числе России. Когда Россия начала совершать поворот на Восток, роль ученого особенно возросла — как специалиста, хорошо понимающего регион и живущих в нем людей, и как посредника, умеющего слушать представителей разных сторон конфликта и устанавливать с ними контакт. Виталий Вячеславович никогда не смотрел на Ближний Восток глазами чужого, не пытался сломать существующие хрупкие структуры отношений, он всегда старался находиться внутри этого мира и поэтому стал для него своим. В этом-то и состоит его победа над временем.

В. В. Наумкин строит мир, в котором мы живем и будем жить, влияет на будущее — на будущее востоковедения, на будущее отношений между Россией и восточными странами и народами, и, шире, на будущее мироустройства. Возможно, сейчас мы еще не до конца понимаем масштаб этого влияния, но зато являемся свидетелями того, как человек ткет полотно истории. «Восточный курьер» решил проследить за линией истории, которая так органично сплелась с линией жизни человека, имя которого стало синонимом востоковедения[1].

1 О В. В. Наумкине как организаторе науки см. главу «Институт востоковедения на новом этапе: от 2009 года до настоящего времени» в книге [*Институт востоковедения РАН…* 2018, с. 124–135]. См. также обобщающие материалы, посвященные юбиляру: [Аликберов, 2020; Белокреницкий, Романова, 2020] и «К 75-летию Виталия Вячеславовича Наумкина»: ИВ РАН. URL: https://www.ivran.ru/novosti?artid=15685. Дата обращения 27.06. 2020.

Политик и дипломат

Имя Виталия Вячеславовича Наумкина известно всему дипломатическому миру. За последние десятилетия на Ближнем Востоке возникало немало кризисных ситуаций, которые необходимо решать путем разговора сторон, находящихся на разных сторонах конфликта. Виталий Вячеславович не раз становился медиатором в подобных встречах, переводя аксиомы одной культуры на язык другой. В 2006 году он стал представителем России в группе высокого уровня «Альянс цивилизаций», организации, созданной для урегулирования нарастающих конфликтов между западным и исламским миром. С 1991 по 2016 год он возглавлял общественную организацию Центр стратегических и политических исследований, также занимавшуюся общественной дипломатией, изучением конфликтов в регионе. С 2015 года, когда Россия начала военную операцию в Сирии, Ближний Восток стал одним из ключевых направлений российской внешней политики. На протяжении всех этих лет В. В. Наумкин участвовал в сирийском урегулировании в качестве советника (за работу по достижению перемирия в Сирии он получил премию Клуба «Валдай», созданного для взаимодействия политиков и экспертного сообщества). Ректор МГИМО ***Анатолий Торкунов*** *заявил на вручении премии, что «сегодня понятие востоковедения и Виталий Наумкин абсолютно неразделимы». Сегодня имя В. В. Наумкина известно далеко за пределами России, а он сам остается важнейшим экспертом, участвующим в разрешении кризисных ситуаций в арабском мире.*

Стаффан де Мистура,
специальный посланник генерального секретаря ООН по Сирии:

«Профессор Виталий Наумкин, которого я с гордостью считаю своим другом, обладает выдающимися человеческими качествами и крайне компетентен. Он владеет многими навыками, необходимыми в переговорах. Первое из них — рассудительность. Он очень рассудителен. Второе — он очень профессионален. Он говорит на нескольких языках, всегда скромен и слушает другую сторону. Он никогда не вступает в полемику. Он выучил одно из главных правил посредничества — никогда не показывать пальцем. Можно поднять руку, чтобы привлечь внимание. Он никогда не переходит на личности, всегда пытается вместе отвечать на вопрос и искать решение. В этом смысле он необыкновенно эффективен. Я упоминал, что он рассудителен, умеет молчать. Это то, что

Илл. 1. **Виталий Наумкин и Стаффан де Мистура**
Фото © English Alarabiya.net. по: https://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2016/03/24/Syria-war-parties-to-agree-on-UN-basic-principles-paper-diplomats.html

Илл. 2. **В. В. Наумкин и В. А. Кузнецов на Конгрессе сирийского национального диалога в Сочи. 29-30 января 2018 года**
Фото © Валдай-клуб. По: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kongress-siriyskogo-dialoga-v-sochi/

нужно, без пыли в глаза, когда вы посредник... Он очень хорошо готовится. Третье — он умеет общаться и слушать любого. Это именно то, что необходимо в посреднике»[2] (см. *Илл. 1*).

Александр Аксенёнок,
Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке):

«В эти трудные годы он сделал очень многое, для того чтобы российское видение бурных событий в исламском мире имело достойное звучание на международной арене. Этому во многом способствовали его широкая известность как крупного специалиста в арабском регионе и за его пределами. Ближневосточная тематика постоянно была в фокусе большого количества проводимых во многих странах мира конференций, круглых столов, различного рода семинаров, в которых В. В. Наумкин принимал участие и выступал в качестве почетного гостя, находя нестандартные и понятные для его оппонентов подходы к разъяснению нюансов российских позиций. Востребованными оказались опыт и способности В. В. Наумкина в сфере неформальной дипломатии, что, в частности, проявилось в работе по сирийскому урегулированию. Фигура российского ученого оказалась приемлемой как для официального Дамаска, так и для различных групп разрозненной сирийской оппозиции, так что возложенная на него миссия модератора в ходе состоявшихся в 2015 г. на московской площадке раундов межсирийского диалога была отнюдь не случайным выбором» [*Виталий Наумкин…* 2015, с. 138].

В. В. Наумкин
о сирийском урегулировании:

«Ближний Восток перекраивается. Я думаю, что система государственного устройства и сама система государств не останутся неизменными. Этот регион ждут очень серьезные изменения. Есть надежда на то, что, если региональным и глобальным игрокам удастся договориться, можно попытаться остановить кровопролитие в Сирии. Уже есть некие успехи в достижении локальных перемирий. Ставится задача национального перемирия, добиться чего будет очень трудно. Я думаю, что мирный переговорный процесс начнется в 2016 г., но он вряд ли начнется на фоне национального перемирия. Мы знаем в истории примеры таких вооруженных

2 Стаффан де Мистура: Виталий Наумкин необыкновенно эффективен как посредник в переговорах. *YouTube.* URL: https://www.youtube.com/watch?v=jwOo1lH4B2s. Дата обращения 26.06.2020.

конфликтов, когда мирные переговоры велись на фоне продолжения вооруженных действий»[3] (см. *Илл. 2*).

В. В. Наумкин об итогах Конгресса сирийского национального диалога в Сочи:

Есть надежда, что этот национальный диалог будет продолжаться в самой Сирии и те люди, которые приехали в Сочи и впервые сидели рядом друг с другом в одном зале, продолжат поддерживать контакт. Они продемонстрировали, и это, может быть, главный итог, что сирийское общество готово идти к примирению. И это сделала Россия! Это Россия смогла собрать в одном зале людей, которые находятся между собой в остроконфликтных отношениях. … Было много споров — особенно по тем решениям, которые в конечном счете все-таки принял Конгресс. … Но самое главное — это, конечно, подтверждение всех тех обязательств, которые взяли на себя организаторы по проведению этого судьбоносного, необычного явления в истории России, в истории нашего миротворчества, нашей дипломатической и военной деятельности»[4].

Наумкин о позиции России в регионе:

Мы стали самым влиятельным игроком на Ближнем Востоке. Это безусловно. Если сравнивать нас с американцами, то наша репутация намного выше. На одном посредничестве мы приобрели репутацию независимого брокера, который неожиданно впрыгнул сейчас в ливийскую телегу. … Это первый шаг. То, что мы успели через ливийский конфликт и сирийский выйти на совершенно новый уровень отношений с Германией, это удивительно. Мы установили хороший контакт с Францией и Италией именно на ближневосточном направлении. Ближний Восток ценен не только с точки зрения наших региональных интересов, но и как путь в Европу. Возьмем миграционный кризис, возьмем кризис, связанный с энергетикой, и многое другое. Мы, конечно, многое приобрели.

«Есть мощное давление Запада, есть мощное давление консервативных государств, которые ориентируются на Запад. Это реальность, и тут не нужно никаких иллюзий иметь, что мы получим везде какую-то поддержку. Но когда разговариваешь с людьми и политическими деятелями, видно, что симпатии многих из тех, кто не хочет или боится открывать рот, на самом деле, на нашей стороне».

О разнице восприятия США и России на Ближнем Востоке:

«Американцам не верят. Вот курды им сегодня не верят... Хотя все сегодня нуждаются в США. Что греха таить, это мощная держава. Но не понимают они Ближнего Востока. Они все время наступают на те же грабли. И вот это упоение силой, вот, все мы сделаем сейчас — этих купим, а других разбомбим. Не получается ни купить, ни разбомбить. А мы с меньшими ресурсами, менее затратно, налегаем на дипломатию и в том числе на личную химию. … Наша игра на посредничестве, на равноприближенность в одних случаях и на равноудаленность в других. Я думаю, это большое преимущество российской политики, которое позволяет с малыми ресурсами делать большие дела[5].

3 Виталий Наумкин выступил на заседании муждународного клуба «Триалог». *ПИР-Центр*. URL: http://www.pircenter.org/news/6804-vitaly-naumkin-gave-a-keynote-speech-at-the-trialogue-club-international. Дата обращения 26.06.2020.

4 Наумкин: Конгресс сирийского национального диалога в Сочи — уникальное явление в истории российского миротворчества. *Валдай-клуб.* URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kongress-siriyskogo-dialoga-v-sochi/. Дата обращения 26.06.2020.

5 Эксклюзивное интервью научного руководителя Института востоковедения РАН Виталия Наумкина. Полная версия. *НТВ.ru.* URL: https://www.ntv.ru/video/1815440/. Дата обращения 26.06.2020.

О целях российской политики на Ближнем Востоке:

Основные направления российской политики по восстановлению стабильности и безопасности в регионе, а также по развитию как двусторонних, так и многосторонних отношений останутся прежними. Сирийский конфликт не единственный в регионе. Остается неурегулированным арабо-израильский конфликт. Россия — член Ближневосточного квартета, она развивает отношения и с Израилем, и с палестинцами. Я думаю, что после урегулирования сирийского конфликта значение арабо-израильского мирного процесса возрастет. Продолжает оставаться непростой ситуация в Ливии, Йемене, Ираке. Наконец, существует курдский вопрос, который, учитывая его значение для ближневосточного региона, должен быть решен. У России в регионе есть и экономические интересы, связанные с энергетикой. Обостряется противостояние между Ираном и Саудовской Аравией, между шиитской частью мусульманского мира и суннитской. Дел на Ближнем Востоке много, поэтому преодоление сирийского конфликта позволит России уделять больше внимания другим серьезным вопросам[6].

О том, как победить радикальный исламизм:

«Нужно вылечить болезни общества, приводящие к тому, что молодежь обращается к радикальным идеологиям. Радикальный исламизм привлекает молодых людей, не имеющих возможности реализовать себя, не имеющих доступа к социальным лифтам, считающих свою жизнь бесцельной. Причем обращаются эти молодые люди не к исламу, а к экстремистским идеологиям, лишь прикрывающимся его именем. В исламе же этого изуверства нет и никогда не было. Напротив, в Средние века мы можем встретить религиозную жестокость у инквизиции, а не на Ближнем Востоке. Поэтому, чтобы молодежь отвернулась от радикального исламизма, надо решить социальные проблемы обществ (в том числе и западных). Во-вторых, надо решить политические проблемы, способствующие привлечению новобранцев под знамена ИГ и не допускать возникновения новых подобных проблем. К числу таковых относятся: арабо-израильский конфликт, американские авантюры в Ираке и Афганистане, восстановившие против Запада исламский мир. При этом внутри самого мусульманского сообщества должна идти работа по дискредитации радикализма. И, наконец, необходимо, чтобы военные разгромили ИГ. Ведь это зло, исламский экстремизм, оно было и раньше, но сегодня впервые обрело собственную территорию, стало псевдогосударством. И его следует уничтожить, обрубить щупальца, которые оно тянет в разные части мира»[7].

О палестино-израильском конфликте:

«Палестино-израильский конфликт, к сожалению, оттеснен на второй план теми событиями, которые происходят в Сирии. Внимание мировой политики приковано к Сирии. Этим пользуется группа «ястребов», которые стоят на позиции крайне правого крыла израильского истеблишмента в окружении Трампа. Они торопятся скорее решить проблему в пользу Израиля так, чтобы не было никакого шанса создать Палестинское государство. Сегодня нужны очень большие международные усилия, чтобы эту проблему решить и спасти саму формулу двух государств. (еврейского и арабского, — *Прим. ред.*). Чтобы можно было создать Палестинское государство на протяженной территории, а не дисперсными анклавами, как того хотели

6 Наумкин В. В. Что ждет Сирию? *РСМД.* URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/chto-zhdet-siriyu/. Дата обращения 26.06.2020.

7 «От терактов никто не застрахован». Виталий Наумкин о крахе исламизма, арабистике и отношениях сТурцией. *Lenta.ru.* URL: https://lenta.ru/articles/2016/02/25/naumkinmideast/. Дата обращения 26.06.2020.

Илл. 3. **Лидер палестинского сопротивления Ясир Арафат и Виталий Наумкин**
Фото из личного архива В. В. Наумкина

бы эти люди в окружении Трампа во главе с его зятем Джаредом Кушнером. То, что Трамп признал перенос столицы Израиля в Иерусалим, фактически ставит крест на проблеме палестинских беженцев. Это очень плохо. Это попытка решить проблемы в интересах даже не Израиля, а именно правой группировки поселенцев (еврейских поселенцев на палестинских территориях. — *Прим. ред.*), которые навязывают свою повестку. Думаю, в этих условиях Россия должна предложить свои посреднические усилия, чтобы возродить мирный процесс (см. *Илл. 3*). Здесь могут оказаться востребованными наши давние дружественные отношения с палестинцами, с одной стороны, и достаточно активные отношения с Израилем. Пока палестинцы в очень тяжелом положении»[8].

Об убийстве Сулеймани и опасности большой войны на Ближнем Востоке:

Сегодня Ближний Восток снова бурлит, да так, что некоторые аналитики стали сравнивать состоявшееся через три дня после наступления нового года убийство у аэропорта Багдада только что прилетевшего в иракскую столицу командующего элитной части официальной силовой иранской структуры — Корпуса стражей исламской революции «Аль-Кудс» («Иерусалим») Касема Сулеймани (известного в КСИР как «Хадж Касем») и еще пятерых или более сопровождавших его людей, в том числе генералов КСИР и Абу Махди аль-Мухандиса, заместителя командующего Сил народной мобилизации Ирака (аль-Хашд аш-Шааби), недавно интегрированных в систему вооруженных сил страны, с убийством австро-венгерского эрцгерцога Франца Фердинанда 28 июня 1914 г. Аналогия понятна — опасность «большой войны» давно не была так близка, как сегодня. Разница лишь в том, что убийство, которое разожгло Первую мировую войну, совершила группа молодых террористов, а удар с американского дрона был произведен по приказу президента Трампа[9].

О главных факторах, угрожающих безопасности на Ближнем Востоке:

Ближний Восток сегодня страдает от проблем неудовлетворенной самоидентификации различных групп населения, которые сегодня разобщены. Я сказал уже о палестинском народе, и

8 «Палестино-израильский конфликт оттеснен на второй план событиями в Сирии. *Реальное время.* URL: https://realnoevremya.ru/articles/96177-vitaliy-naumkin-o-svyazi-sirii-s-uregulirovaniem-v-palestine. Дата обращения 26.06.2020.

9 Крылья «черного лебедя» над Ближним Востоком. *РСМД.* URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krylya-chernogo-lebedya-nad-blizhnim-vostokom/. Дата обращения 26.06.2020.

Илл. 4. **Виталий Наумкин во время выступления в дискуссионном клубе «Валдай»**
© Валдай-клуб. По: https://ru.armeniasputnik.am/armenia/20170311/6666018/naumkin-armyanskie-diaspory-mogut-pomirit-rossiyu-i-ssha.html

мы как востоковеды должны понимать важность курдского фактора — еще одного фактора, разделяющего Ближний Восток и угрожающего безопасности. То, что Ближний Восток сегодня пытаются превратить в некую площадку для обкатки противоречий, которые существуют между глобальными и региональными игроками — это неконструктивный путь к урегулированию проблем. Наоборот, нужно сделать так, чтобы на Ближнем Востоке люди могли спокойно и безопасно жить[10].

О работе дискуссионного клуба «Валдай»:

«Международный дискуссионный клуб “Валдай” — это один из самых нужных, востребованных проектов в российской действительности. Это часть гражданского общества, при этом оказывающего большое влияние на общественное мнение в России, может быть, и не только в России (см. *Илл. 4*). Еще недавно эта связь [между властью и экспертами] практически отсутствовала, но сегодня это уже не так. Собственно, сам дискуссионный клуб «Валдай» — это площадка, где эксперты со всего мира могут предлагать идеи, которые услышит власть. В обратную сторону это тоже работает: представители власти приходят и общаются с участниками «Валдая», объясняя свои решения и взгляды.

Валдайский клуб — это не клуб для того чтобы решить сирийскую проблему, это клуб для того чтобы выявить точки зрения, попытаться их сблизить, для того чтобы помочь политикам решать эту проблему. Валдайский клуб — это не инструмент внешней политики, это инструмент интеллектуального диалога и сближения позиций. Мы здесь находим новые оригинальные идеи, подходы, рецепты, которые как мы считаем могут быть полезны политикам»[11].

10 IX Ближневосточная конференция. Открытие и 1 сессия «Ближний Восток, устремленный в будущее. Два взгляда». *Валдай-клуб.* URL: https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/devyataya-blizhnevostochnaya-konferentsiya-otkrytie-i-plenarnaya-sessiya/. Дата обращения 26.06.2020.

11 «Валдай – инструмент интелектуального диалога». *Вестник Кавказа.* URL: https://vestikavkaza.ru/video/Valday-instrument-intellektualnogo-dialoga-Vitaliy-Naumkin.html. Дата обращения 26.06.2020.

Об архитектуре безопасности, необходимой для стабилизации ситуации на Ближнем Востоке:

«Это должна быть инклюзивность, система должна быть общей, то есть для всех государств региона. Она должна быть связана с крупными международными игроками, которые должны войти в эту систему. Если Россия начинает осуществления плана всеобщей системы безопасности, то здесь речь идет о том, что наряду с государствами региона в ней смогут участвовать и США, и Евросоюз, и Россия, и Китай, и может какие-то другие государства, которые влияют на ситуацию. Если мы говорим о конфликтах, то такой важный и системообразующий конфликт, как арабо-израильский, должен найти свое разрешение»[12].

Ученый и учитель

Умение Виталия Вячеславовича сочетать академизм с практической работой и использовать политические сюжеты для продвижения науки сделало его одной из самых важных фигур для востоковедения в России. Хотя его интересы никогда не ограничивались исключительно одним сюжетом — мчась сквозь время, он прокладывал тропы все к новым и новым регионам и темам, но все же жемчужиной его исследовательских путешествий стал Йемен, и особенно — остров Сокотра, где к настоящему времени сохранилась самая архаичная и изолированная в семитском мире культура. Виталий Вячеславович впервые оказался там в начале 70-х, когда он открыл для современной науки уникальный язык жителей Сокотры — южноаравийский язык семитской группы, сохранившийся на острове из-за изоляции и существующий только в устной форме. Группа ученых-лингвистов под руководством Виталия Вячеславовича создала для языка письменность на основе арабского алфавита, таким образом сыграв ключевую роль в культурном развитии острова. «Освоить кусок культуры, сохранить, спасти — это правильное дело, это называется хороший вкус», — позже напишет о нем директор Эрмитажа и еще один исследователь Йемена ***Михаил Борисович Пиотровский****. За несколько десятилетий Виталий Вячеславович стал другом для арабского мира, но круг его исследований все больше расширялся, выходя за пределы арабского мира, включая в себя уже и Среднюю Азию, и Кавказ. Его глубокое понимание культурных и политических процессов на Востоке, а также талант организатора привел его в Институт Востоковедения РАН, который под его руководством стал одним из ведущих в мире аналитических центров. Обладающий уникальным опытом, широким кругозором, энергией и открытостью, для многих современных специалистов-востоковедов Виталий Вячеславович стал истинным учителем. Важно и то, что благодаря работе В. В. Наумкина в двери научных центров входит молодое поколение будущих исследователей.*

Наумкин о работе в Йемене и Сокотре:

«Я эту страну (Йемен. — *Прим. ред.*) люблю и считаю, что она уникальна. В любой арабской стране есть следы прежних эпох, но Йемен в наибольшей мере их сохранил. Это страна, которая сохранила традицию очень сильно в определенных областях жизни, мыслей, быта. Она осталась в чем-то нетронутой, она показывает, какими были арабы, их архаические, отчасти стойкие, крепкие и легко адаптирующиеся черты жизни, менталитета. Этим мне Йемен интересен.

Одно из самых интересных мест Йемена — остров Сокотра, где сохранилась своя маленькая подкультура в рамках Йемена. Совершенно уникальный народ, который на протяжении столетий не менялся, законсервировался ввиду полной изоляции (см. *Илл. 5*). Мне повезло: в начале 70-х я одним из первых русских попал на Соко-

12 Виталий Наумкин о новой архитектуре безопасности на Ближнем Востоке. *Валдай-клуб.* URL: https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/vitaliy-naumkin-o-novoy-arkhitekture-bezopasnosti-na-bv/. Дата обращения 26.06.2020.

Илл. 5. **Йемен, остров Сокотра.** Фото © Martin Edström
По: https://www.nationalgeographic.com/environment/2018/11/socotra-yemen-biodiversity-photography/

Илл. 6. **В. В. Наумкин в гостях у старого бедуина на Сокотре.** Из личного архива В. В. Наумкина

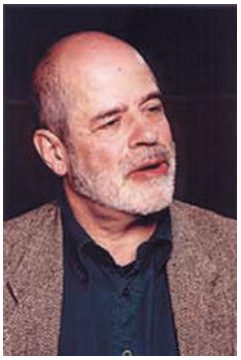
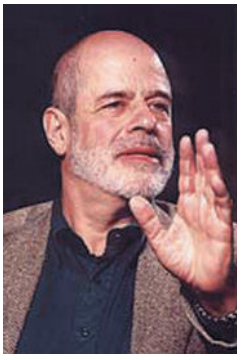
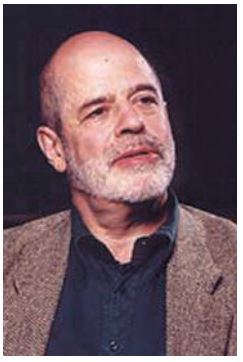
тру. В те времена остров был пространством потусторонним, люди спичек не знали. Они добывали огонь трением палочек. Я с этими людьми общался, изучал их язык. Он относится к семитской группе. В новом сборнике есть статьи на эту тему. Я написал несколько книг, они изданы на Западе. Сейчас будет обновленное переиздание моей работы по Сокотре на арабском языке. Издают ее в Эмиратах. В рамках Йеменской экспедиции, которая начала работать в 1983 году, я организовал сокотрийский отряд (см. *Илл. 6*). В этом году мы опять там работали, вели раскопки, нашли древнюю столицу Сокотры. Там просматривается еще много интересных открытий, о которых я пока не буду говорить. Я думаю, что в отношении Сокотры у нас есть научный приоритет. Археологи там никогда не работали. Единственные археологи, которые там вели раскопки, это российские. Потрясающе интересный материал!»[13].

О состоянии российского востоковедения сегодня:

«Есть кадровая проблема, она связана с общей ситуацией в гуманитарной науке когда не хватает стимулов для молодых людей делать длинную карьеру, которая не предполагает финансовых успехов на ее первых этапах. Все хотят сразу. Две проблемы — финансовая и кадровая. Ренессанс касается отдельных частей науки, она востребована. Но приток свежих сил очень ограничен. Если так будет продолжаться, востоковедение может загнуться. Должна быть система стимулирования прихода молодых людей — особые программы. Есть система поддержки, тем не менее многие талантливые выпускники вузов уезжают за рубеж, где они очень востребованы[14].

13 Сорок лет исканий арабиста. Интервью с В. Наумкиным. *Издательский дом «Медина»*. URL: http://www.idmedina.ru/medina/?240. Дата обращения 26.06.2020. См. также [Яковлев, 2020].

14 Эксклюзивное интервью научного руководителя Института востоковедения РАН Виталия Наумкина. Полная версия. *НТВ.ru*. URL: https://www.ntv.ru/video/1815440/. Дата обращения 26.06.2020.

Генеральный директор РСМД
Андрей Кортунов о В. В. Наумкине:

«Многие наши коллеги быстро и необратимо меняются, заняв высокие посты в своих институтах, приобретают академическую солидность и дополнительный вес (в том числе и в буквальном смысле этого слова). Для Виталия Наумкина позиция директора одного из наших ведущих академических центров, как мне кажется, мало что изменила — в стиле работы и жизни в целом; он сохранил свою невероятную, фантастическую энергию, свою жадность до новых идей и новых проектов, свое неподражаемое жизнелюбие и свой демократизм. Только, наверное, работать стал еще больше, разрываясь между собственными исследованиями, административными обязанностями и участием в работе над практическими вопросами нашей внешней политики».

Вице-президент РСМД
Александр Дзасохов, зам. председателя комиссии РФ по делам ЮНЕСКО:

«Виталия Вячеславовича всегда отличало умение сочетать академизм с большой полевой исследовательской и практической работой. Его имя хорошо известно в Йемене, где я много раз бывал и где о Виталии с неизменным почтением упоминали едва ли не все, с кем я встречался, — и Абд аль-Фаттах Исмаил, и Али Насер Мухаммед, и многие-многие другие... В Египте, в Сирии, в Ираке, в Палестинской Администрации — Наумкина в арабском мире знают, уважают, любят повсюду. Впрочем, его имя звучит и далеко за пределами Ближнего Востока. В Центральной Азии и особенно в Таджикистане, где он очень много сделал для прекращения гражданской войны в начале 1990-х. На Кавказе, где он отчаянно трудился над прекращением конфликта в Нагорном Карабахе. В мусульманских регионах России, где возглавляемый им Институт востоковедения ведет большую и полезную работу».

ФИЛОСОФ

С самого начала пути в академии Виталий Вячеславович обратил свои научные интересы в сторону политической философии. Одним из его первых научных трудов стала работа, посвященная доктрине средневекового мусульманского мыслителя Абу Хамида аль-Газали. Фундамент, заложенный изучением средневековой арабской философии, исламской культуры, в дальнейшем повлияет на то, с какой глубиной Виталий Вячеславович будет подходить к изучению современного арабского мира. Современные проблемы в его анализе приобретают философское измерение и такой взгляд оказывается крайне важным для понимания будущих трансформаций как на региональном, так и на глобальном уровне.

О трансформации миропорядка
и усилении Востока:

«Мир сегодня переживает серьезную трансформацию, одной из составных частей которой является повышение роли Востока. Восток, страны

Востока, к которым принадлежит и Россия через евразийское пространство, сегодня навязывает миру свою повестку, свои интересы и, главное, свой экономический вес потому что он транслируется в политику. И то, что мир сегодня полицентричен, стало совершенно очевидно даже для тех представителей западных государств, которые не всегда склонны это признавать. Фактически, все признали, что есть изменения мирового порядка, есть повышение роли Востока в этом порядке. И роль России в этом процессе так же признается»[15].

О религиозном факторе:

«С одной стороны, мы видим редуцирование роли религии, сегодня светское начало сильно идет в мире. Качнулось все в сторону резкого возрастания роли религии. Религия — спасательный жилет в море натиска сильных цивилизаций государств, игроков. Сегодня по линии исламских организации у нас волна нового партнерства. Некоторые организации которые были враждебными нам, говорят, что Россия — это модель сосуществования религиозных общин, уникальный опыт совместной жизни разных этнических групп. Мы приобретаем союзников и партнеров не только там, где есть наши единомышленники»[16].

Об участии в инициативе по диалогу цивилизаций:

«Я человек широких интересов, а в силу моих служебных обязанностей занимаюсь и международными отношениями, и политологией, преподаю в Московском университете. Но вопросы взаимоотношений между различными культурами и цивилизациями на самом деле были в русле моих интересов и в начале. Если взять того же аль-Газали, книгу «Воскрешение наук о вере», там как раз идет сравнение христианской и мусульманской теологий, выясняется, какие влияния были у аль-Газали и других философов. Когда эта тема стала острой, когда в мире стали обостряться отношения между исламским миром и Западом, именно на тот период пришелся период важных инициатив, таких как инициатива президента Ирана Хатами по диалогу цивилизаций. Я к этой тематике подключился. Особенно после 2001 года, когда эта тема стала еще более актуальной, когда возникла стена, враждебность между Западом и исламским миром, я оказался вовлечен в эти исследования»[17].

О конфликте Запада и Востока:

«Конфликта цивилизаций, я глубоко убежден, нет. Есть политика, есть политические конфликты сегодня, и они порождают эту самую схватку. Есть наследие, действительно, колониализма, есть уязвимость этих культур, допустим, ближневосточных и исламских — конечно, в исламском мире есть проблемы. Но есть теория, которая объясняет все через сопротивление модернизации. Но дело не в модернизации, дело в том, что — да, этот мир отталкивает от себя вестернизацию, отталкивает навязывание определенной культуры, которая в чем-то сильнее, в чем-то опирается на более мощный потенциал, более эффективное светское воздействие.

Стабильность сегодня ключевое слово для всей мировой системы, которая переживает период хаотизации, нарушения управляемости и попыток целого ряда держав ориентироваться на односторонние действия, не санкционированные мировым сообществом»[18].

15 Виталий Наумкин: мир сегодня переживает серьезную трансформацию – Россия 24. *YouTube*. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MDPicHNGU28. Дата обращения 26.06.2020.

16 Эксклюзивное интервью научного руководителя Института востоковедения РАН Виталия Наумкина. Полная версия. *НТВ.ru*. URL: https://www.ntv.ru/video/1815440/. Дата обращения 26.06.2020.

17 Сорок лет исканий арабиста. Интервью с В. Наумкиным. *Издательский дом «Медина».* URL: http://www.idmedina.ru/medina/?240. Дата обращения 26.06.2020.

18 Восток-Запад: конфликт цивилизаций или конвергенция культур? «Дым отечества». *Эхо Москвы.* URL: https://echo.msk.ru/programs/smoke/621515-echo/. Дата обращения 26.06.2020.

О глобализации:

«Глобализация часто преувеличивается. … Тот же Валленштейн считает, что глобализация — это выдумка. Что такое глобализация? Должно быть три потока: люди, капитал, информация. Сначала, действительно, открылись границы. Люди стали их переходить, ездить. Все возрастающая часть жителей земли стала жить не там, где она родилась. Больше перемещаются люди. А сегодня стали барьеры возникать. Фактически идет борьба против мигрантов, против перемещения людей. Никто не хочет, чтобы было свободное перемещение людей. Оно происходит, но ему ставят рогатки. По капиталам еще лет 20 тому назад вопросы о каких-то санкциях не стояли на повестке дня международной жизни. А сегодня введение санкций против всех подряд стало нормой жизни. Сплошные банки, препоны, контроль, протекционизм. Остается только информационная свобода, свобода доступа к информации. Но и здесь пытаются закрыть, что-то просеять, фильтровать. Появляются системы фильтра интернета, не пускают какие-то печатные издания в каких-то странах. Но все-таки, можно сказать, что да, есть свобода доступа к информации. Мы с вами можем гаджеты использовать, куда угодно влезть, с кем угодно поговорить. Связь, коммуникация — да. Но капиталы и люди — нет. Я бы не сказал, что есть большая свобода, и глобализация открывает ворота»[19].

О коронавирусе и возможных для мира изменениях:

«С одной стороны, коронавирус — новая большая угроза мировой безопасности, но с другой стороны — фактор, который может сблизить конфликтующие стороны, поскольку это общая угроза. Время покажет, удастся ли нам на фоне противодействия коронавирусу снова вернуться к тем позитивным этапам международного сотрудничества на основе международного права или, наоборот, он продолжит нас разделять, что губительно на фоне новых угроз и, в частности, террористической угрозы, которая заметно сохраняет потенциал на Ближнем Востоке и за его пределами. Складывается впечатление, что сегодня Ближний Восток в центре мира, переживающего период болезненного приспособления к новым меняющимся реалиям. Сегодня Ближний Восток в коммуникационном центре мира. Это и пути транспортировки энергоносителей, трубопроводы, движения танкеров. И мы знаем, насколько уязвимы эти коммуникации. Это такой своеобразный фронтир между Европой, Евразией и Азией. … Это одновременно и граница меду Европой и Африкой, христианским и исламским миром. И этот котел кипит еще потому, что там высок уровень внешнего вмешательства, огромное количество иностранных баз, огромное количество тех, кто без согласия Совета Безопасности или приглашения местных держав там находится. Это то, что фактически предопределяет грустную реальность — ограниченность суверенитета целого ряда государств Ближнего Востока. … Они сегодня зависимы от внешних факторов, происходит продвижение определенных далеких от подлинных интересов местных государств, интересов внешних игроков. Если говорить о внутренней конфликтности, то сегодня она высока. К сожалению, мы видим отсутствие солидарности. Даже на уровне субрегиональных групп, даже на уровне этнических, конфессиональных групп, общин. Эта разобщенность мешает ответить на вызовы»[20].

19 Наумкин В. В. Какая глобализация? Все стремятся отделиться. *РСМД*. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kakaya-globalizatsiya-vse-stremyatsya-otdelitsya/. Дата обращения 26.06.2020.

20 IX Ближневосточная конференция. Открытие и 1 сессия «Ближний Восток, устремленный в будущее. Два взгляда». *Валдай-клуб.* URL: https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/devyataya-blizhnevostochnaya-konferentsiya-otkrytie-i-plenarnaya-sessiya/. Дата обращения 26.06.2020.

О развитии фундаментализма на Ближнем Востоке:

«В этих странах явно отсутствует демократия, а иногда даже какие-либо элементы демократии. Нет никакого участия со стороны людей в принятии решений любого рода. … Проблема самовыражения настолько сильна, что люди находят в исламской альтернативе что-то, что может изменить их условия жизни. Так что, когда левая (социалистическая или коммунистическая) альтернатива исчезла, потому что больше нет доверия — может, уже много лет, кто знает? — единственной альтернативой является ислам и, возможно, радикальный ислам, потому что предлагает простые решения. Итак, "добро пожаловать обратно в штат Халифат, или исламскую группу, где все будут равны". Это те же идеи, что были и у коммунистов: социальная справедливость, равенство, богатство, распределенное между всеми. "Государство будет справедливым для всех". Это не просто совпадение, что многие бывшие последователи социалистических идей (или арабских националистических идей, потому что арабский национализм также был дискредитирован) стали фундаменталистами. Они просто обратились за поддержкой к исламистам, они стали приверженцами радикальных исламских движений. … Кроме того, антизападничество является очень важной частью этого процесса. Люди расстроены, потому что чувствуют, что Запад очень силен; вторгается в их общество, это касается западных СМИ, образования, технологий. У них есть свои ценности, они хотели бы защитить себя от этого сильного давления. Я думаю, что Запад в целом, включая Европу, нуждается в некоторой сдержанности. Мы должны помогать с модернизацией, но очень осторожно, не разрушая систему, потому что это напоминает им о прошлом. Если мы собираемся все изменить, навязать эти изменения силой, ну, мы просто будем вести себя как большевики. У них была та же идея изменить все, вы знаете, экспорт революции. Я думаю, что экспорт демократии не менее вреден, чем идея экспорта революции».

О совместимости ислама и модернизации:

«Я считаю, что ислам может быть совместим с модернизацией. Мы не можем сказать, что любая религия несовместима с модернизацией, потому что все эти религии — они разные, но вместе с этим эти авраамические религии очень похожи. В то же время ислам — это особый вид религии, потому что в нем очень тесно связаны власть с государством. Концепция государства и власти всегда была частью всех исламских учений, а первое исламское государство — государство пророка Мухаммеда — было теократией. Это одна из причин, по которой ислам делает вид, что контролирует большую часть жизни человека, а также контролирует государство. Мы знаем, что в исламе много модернизаторов. … У нас были так называемые "джадиды", которые были модернизаторами, и множество других групп, которые мечтали о модернизации исламского мира. И у нас были так называемые возрожденцы, которые были фундаменталистами, стремящимися возродить идею исламского государства и вернуться к временам первого теократического правления в исламском мире. Я считаю, что навязывать изменения в исламском мире силой со стороны внешнего мира контрпродуктивно. Чем больше вы оказываете давление на исламский мир, тем больше у вас будет оснований для того, чтобы эти фундаменталисты использовали ситуацию для защиты собственных ценностей. Любое общество в исламском мире является традиционным, и, особенно если оно фрагментировано, это является частью идентичности. Культурное давление настолько велико, что люди противостоят ему. Они пытаются защитить свои собственные ценности. И это создает почву для политической мобилизации со стороны

тех злых сил, которые хотят использовать ситуацию для захвата власти».

Дайджест составила М. Стародубцева[21]

© 2020 («ВК»)

Список литературы / References

Аликберов А. К. Приветствие В. В. Наумкину. *Восток / Oriens*. 2020. № 2. С. 6–8 [Alikberov Alikber K. Congratulation to Vitaly V. Naumkin. *Vostok / Oriens.* 2020. No. 2. Pp. 6–8].

Белокреницкий В. Я., Романова Н. Г. 75 лет академику РАН Виталию Вячеславовичу Наумкину, главному редактору журнала «Вестник института востоковедения РАН». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 12–14 [Belokrenitsky V. Y., Romanova N. G. 75th Anniversary of Academician Vitaly V. Naumkin, Editor in Chief of the Journal of the Institute of Oriental Studies, RAS. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2020. No. 2. Pp. 12–14].

Виталий Наумкин: мчащийся сквозь время… (альбом к 70-летнему юбилею). Ред. и сост. И. Звягельская, В. Кузнецов, А. Сарабьев. М.: ИВ РАН, 2015. — 200 с. [*Vitaly Naumkin: Dashing through Time…* (Album, Dedicated to the 70th Anniversary). I. Zvyagelskaya, V. Kuznetsov, A. Sarabiev (Eds). Moscow: IOS RAS. 2015. — 200 p.].

Институт востоковедения РАН — прошлое и настоящее. К 200-летию основания. В. В. Наумкин (отв. ред.), Д. В. Дубровская (авт.-сост.). — 336 с. М.: ИВ РАН, «Наука», 2018 [*Portrait of the Institute of Oriental Studies against the Background of Russian History*. V. V. Naumkin (Ed.), D. V. Dubrovskaya (Comp.). Moscow: IOS RAS, Nauka, 2018. — 336 p.].

Яковлев А. И. Неутомимый Наумкин. Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2. С. 15–16 [Yakovlev A. I. Naumkin the Indefatigable. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2020. No. 2. Pp. 15–16].

Электронные источники / Electronic Sources

IX Ближневосточная конференция. Открытие и 1 сессия «Ближний Восток, устремленный в будущее. Два взгляда». *Валдай-клуб.* URL: https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/devyataya-blizhnevostochnaya-konferentsiya-otkrytie-i-plenarnaya-sessiya/. Дата обращения 26.06.2020.

«Валдай — инструмент интелектуального диалога». *Вестник Кавказа.* URL: https://vestikavkaza.ru/video/Valday-instrument-intellektualnogo-dialoga-Vitaliy-Naumkin.html. Дата обращения 26.06.2020.

Виталий Наумкин выступил на заседании международного клуба «Триалог». *ПИР-Центр*. URL: http://www.pircenter.org/news/6804-vitaly-naumkin-gave-a-keynote-speech-at-the-trialogue-club-international. Дата обращения 26.06.2020.

Виталий Наумкин: мир сегодня переживает серьезную трансформацию – Россия 24. *You Tube.* URL: https://www.youtube.com/watch?v=MDPicHNGU28. Дата обращения 26.06.2020.

Виталий Наумкин о новой архитектуре безопасности на Ближнем Востоке. *Валдай-клуб.* URL: https://ru.valdaiclub.com/multimedia/video/vitaliy-naumkin-o-novoy-arkhitekture-bezopasnosti-na-bv/. Дата обращения 26.06.2020.

Восток-Запад: конфликт цивилизаций или конвергенция культур? *«Дым отечества». Эхо Москвы*. URL: https://echo.msk.ru/programs/smoke/621515-echo/. Дата обращения 26.06.2020.

К 75-летию Виталия Вячеславовича Наумкина. *ИВ РАН.* URL: https://www.ivran.ru/novosti?artid=15685. Дата обращения 27.06. 2020.

Крылья «черного лебедя» над Ближним Востоком. *РСМД.* URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krylya-chernogo-lebedya-nad-blizhnim-vostokom/. Дата обращения 26.06.2020.

21 Марина Витальевна Стародубцева, магистрант Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарныхнаук (ГАУГН), Москва, Россия; marina.starodubcev@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3015-9616
© 2020 Marina V. Starodubtseva, Magister of the Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities; marina.starodubcev@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3015-9616

Наумкин: Конгресс сирийского национального диалога в Сочи — уникальное явление в истории российского миротворчества. *Валдай-клуб.* URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kongress-siriyskogo-dialoga-v-sochi/. Дата обращения 26.06.2020.

Наумкин В. В. Какая глобализация? Все стремятся отделиться. *РСМД*. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kakaya-globalizatsiya-vse-stremyatsya-otdelitsya/. Дата обращения 26.06.2020.

Наумкин В. В. Что ждет Сирию? *РСМД.* URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/chto-zhdet-siriyu/. Дата обращения 26.06.2020.

От терактов никто не застрахован». Виталий Наумкин о крахе исламизма, арабистике и отношениях сТурцией. *Lenta.ru.* URL: https://lenta.ru/articles/2016/02/25/naumkinmideast/. Дата обращения 26.06.2020.

«Палестно-израильский конфликт оттеснен на второй план событиями в Сирии. *Реальное время.* https://realnoevremya.ru/articles/96177-vitaliy-naumkin-o-svyazi-sirii-s-uregulirovaniem-v-palestine. Дата обращения 26.06.2020.

Сорок лет исканий арабиста. Интервью с В. Наумкиным. *Издательский дом «Медина».* URL: http://www.idmedina.ru/medina/?240. Дата обращения 26.06.2020.

Стаффан де Мистура: Виталий Наумкин необыкновенно эффективен как посредник в переговорах. *YouTube.* URL: https://www.youtube.com/watch?v=jwOo1lH4B2s. Дата обращения 26.06.2020.

Эксклюзивное интервью научного руководителя Института востоковедения РАН Виталия Наумкина. Полная версия. *НТВ.ru.* URL: https://www.ntv.ru/video/1815440/. Дата обращения 26.06.2020.

Материал посвящен 75-летнему юбилею выдающегося российского ученого, дипломата и востоковеда академика РАН В. В. Наумкина. Статья представляет собой дайджест из публикаций о юбиляре а так же из его собственных высказываний о Ближнем Востоке, мировой политике, арабском мире, научной дипломатии, роли России в ситуации на Ближнем Востоке и о других актуальных проблемах современного мира.

Ключевые слова: В. В. Наумкин, востоковедение, Ближний Восток, мирное урегулирование, Сокотра, Институт востоковедения РАН, дипломатия второго трека.

Для цитирования: Стародубцева М. В. Наблюдая за птицей Феникс. К 75-летнему юбилею академика РАН В. В. Наумкина. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 13–28 DOI: 10.18254/S268684310010360-4

The publication honors the 75th anniversary of the prominent Russian researcher, diplomat, and orientalist Vitaly V. Naumkin, Academician of the Russian Academy of Sciences. The article presents a digest from different publications about the hero of the day as well as from his own statements about the Middle East, world politics, the Arab world, academic diplomacy, Russia's role in the situation in the Middle East and other pressing issues of the modern world.

Key words: Vitaly V. Naumkin, Oriental studies, Middle East, peaceful coexistence, Socotra, Institute of Oriental Studies RAS, second track diplomacy.

For citation: Стародубцева М. В. Watching the Phoenix. To the Anniversary of the Academician Vitalyi V. Naumkin. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 13–28 DOI: 10.18254/S268684310010360-4

DOI: 10.18254/S268684310010362-6

Особенности японской экономической коррупции

Characteristics of Economic Corruption in Japan

Анастасия Андреевна Мельник

магистр востоковедения (Восточный факультет Государственного академического университета гуманитарных наук, ГАУГН), Москва, Россия;
ana.melniccc@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3308-9211

Anastasia A. Melnik

Master of Oriental Studies, Oriental Studies Department, State Academic University for Humanities (GAUGN), Moscow, Russia; ana.melniccc@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3308-9211

В статье проводится анализ основных видов коррупции в Японии и рассматривается возникновение современной послевоенной коррупционной партийно-бюрократической системы. Дан краткий обзор текущего состояния, механизмов коррупционной деятельности и ее негативного воздействия на экономику современной Японии, а также отношение современного японского общества к деловой и бытовой коррупции.

Ключевые слова: *коррупция, железный треугольник, амакудари, кансэй данго*

Для цитирования: А. А. Мельник. Особенности японской экономической коррупции. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 29–37. DOI: 10.18254/S268684310010362-6

This article describes different kinds of corruption and uprising of contemporary corruption party-bureaucratic system of Japan. Briefly described current situation, mechanics of corruption and it's negative impact on Japanese economy and attitude of modern society to business and common everyday corruption.

Key words: corruption, iron triangle, amakudari, kansei dango

For citation: Anastasia A. Melnik. Characteristics of Economic Corruption in Japan. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 29–37. DOI: 10.18254/S268684310010362-6

Что такое «коррупция»?

Как известно, коррупция представляет собой сложное социальное явление, пронизывающее многие сферы общественной жизни: социальную, политическую, экономическую и т.д. В настоящее время изучению и решению этого феномена уделяется значительное внимание — как со стороны государства, так и в рамках исследований независимых специалистов и неправительственных организаций.

Понятие «коррупция» получило известность благодаря римскому праву, где оно обозначало некое противоправное действие: порчу, разрушение и подкуп. Таким образом сформировался отдельный и самостоятельный термин, применявшийся в тех случаях, когда в действии участвовало не менее двух лиц, целью которых было «повреждение» процесса управления делами [Астафьева, 2005, с. 34].

В наше время эксперты Совета Европы разработали, возможно, наиболее полное определение: коррупция — это «взяточничество, подкуп и любое другое поведение лица, наделенного ответственностью в публичном или частном секторе, которое нарушает свои обязанности, вытекающие из его публичного статуса как публичного лица, частного наемного работника, независимого агента или другого статуса подобного рода, и нацелено на получение неправомерных преимуществ любого рода для себя или другого лица» [Швец, 2000, с. 67].

Принято выделять два вида коррупции — экономическую и политическую. В статье сделан фокус на экономической коррупции в Японии.

Экономическая коррупция, как полагает российский ученый Ю. А. Нисневич, включает в себя все, что связано с материальными вопросами. Другими словами, характер экономической коррупции проявляется в том, что она является следствием экономических отношений, и способна напрямую влиять на их развитие — распространение коррупции, несомненно, служит поводом для зарождения целого спектра негативных процессов в экономике страны, что в свою очередь приводит к ряду нежелательных последствия.

Экономическую коррупцию можно разделить на бытовую и деловую.

Особенность бытовой коррупции заключается в том, что гражданин посредством общения с представителем государственных структур или чиновником получает за деньги определенные услуги на незаконной основе.

Деловая коррупция имеет место, когда бизнесмен вступает в контакт с представителем власти среднего звена или чиновником. В таком случае происходит следующее: бизнесмен путем воздействия на чиновника добивается продвижения собственных экономических интересов, приобретения определенной экономической выгоды, *получения доступа к необходимы ресурсам* и т. д. В результате бюрократический аппарат начинает работать уже не на государство, а в интересах частных предприятий, получая при этом материальное вознаграждение[1].

В японском языке слово коррупция (*осёку*), записывается двумя иероглифами: «汚» — грязь и «職» — должность; работа.

Подобное сочетание иероглифов можно объяснить, обратившись к древней религии, зародившейся в Японии как учение еще в VII–VIII вв., — к синтоизму. Дело в том, что древние японцы разделяли всех людей на «чистых» и «нечистых». Для добропорядочного человека «грязь» неприемлема, и именно поэтому в синтоизме до сих пор существуют традиционные обряды очищения [Davis, Osamu, 2002, p. 153].

Стать участником коррупционного правонарушения означает стать «грязным», потерять лицо. Для японца, позиционирующего себя в общественных отношениях не как отдельная личность, а скорее, как часть единого социума, для которого «социальное лицо значит очень много», быть «грязным» равносильно отчуждению от общества [Шкапа, 2004, с. 169].

1 Коррупция — излечимая болезнь? *High School of Economy.* URL: https://www.hse.ru/news/1163621/88978114.html (дата обращения 08.04.16).

Если говорить об официальном понятии термина «коррупция», то в японском законодательстве она определяется именно как противоправное действие, подразумевающее умышленное использование должностным лицом служебного положения с целью получения имущественных или же неимущественных благ любой формы[2].

Согласно Уголовному Кодексу Японии, обязательным признаком коррупционного действия по японским закону является взятка, при этом само понятие взятки в Уголовном Кодексе не раскрывается [Басова, 2005, с. 53]. Это напрямую связано с определенной спецификой восточной культуры, отразившейся на всех сферах социальной жизни японского народа.

Культура таких стран Дальнего Востока, как Китай и Япония, формировалась под господствующим влиянием этико-философских учений. Так, конфуцианство видело государство как «большую семью», где преподнесение подарков старшим считалось частью народной традиции и нормой поведения. Вместе с политической системой Япония позаимствовала у Китая и обряды, связанные с преподношением даров. Возможно, именно этим историческим фактом можно объяснить отсутствие четкого определения взятки. Как отмечает С. А. Полхов, «в докапиталистической Японии дары, подношения и взятки не различались между собой» [Полхов, 2014, с. 138].

На сегодняшний день не существует ни одной страны, где бы отсутствовала коррупция. Исследователи солидарны во мнении, что коррупционная деятельность зарождается именно там, где «существует власть и крутятся большие деньги»[3]. И притом что все больше стран направляют усилия на борьбе против коррупции, для других этот неистребимый феномен остается способом существования. «Сегодня в мире 194 суверенных государства, из них только 22–25 могут похвастаться низким уровнем коррупции, во всех остальных он либо средний, либо очень высокий, что во многом связано с разницей между политическими режимами» [4].

Особенности японской коррупции и причины ее возникновения

Согласно данным индекса восприятия коррупции, ежегодно публикуемому организацией по изучению и борьбе с коррупцией *Transparency International,* в 2015 г. Япония занимала 18-е место среди 168 стран, вошедших в исследование. Среди стран Азии Япония стоит на втором месте после Сингапура, известного весьма низким уровнем коррумпированности властных структур[5]. Столь высокий результат объясняется тем, что Япония на протяжении уже многих десятилетий предпринимает активные меры по борьбе с проявлениями коррупции, ведь согласно данным «Белой книги Главного полицейского управления Японии», ежегодно в стране возбуждается около 50–60 подобных дел[6].

В период правления императора Мэйдзи (1868–1912 гг.) чиновничество было еще слабо коррумпированным: статус бюрократа был высоким и престижным, а доход постоянным. Однако проблема коррупции в Японии обо-

2 Опыт законодательного обеспечения общественного и парламентского антикоррупционного контроля в некоторых государствах мира. *Сервер юридической информации.* URL: http://www.jk.ru/analiticheskaja-informatsija/antikorruptsionnyjj-kontrol-v-nekotorykh-gosudarstvakh-mira/ (дата обращения 08.04.16).

3 На «восходе» взяток не берут: Александр Панов о коррупции в Японии. *PASMI.RU Первое Антикоррупционное СМИ.* URL: http://pasmi.ru/archive/89726 (дата обращения 10.04.16).

4 Коррупция — излечимая болезнь? *High School of Economy.* URL: https://www.hse.ru/news/1163621/88978114.html (дата обращения 08.04.16).

5 Corruption Perceptions Index 2015. *Transparency International.* URL: http://www.transparency.org/cpi2015 (дата обращения 26.04.16).

6 Хэйсэй 27 нэн кэйсацу хакусё токэйсирё (Белая книга Главного полицейского управления Японии за 2015 г. Данные статистики). *Главное полицейское управление Японии.* URL: www.npa.go.jp/hakusyo/h27/toukei/02/05.xls (дата обращения 10.04.16).

стрилась в послевоенное время, когда в 1955 г. к власти пришла Либерально–Демократическая партия (ЛДП), остающаяся «у руля» страны и в настоящий момент. Фактически, именно ЛДП запустила механизм, способствовавший зарождению в стране сложной структуры распределения власти: государство считалось «унитарным субъектом», в котором все могущество было сконцентрировано в тесном «железном треугольнике» между политиками, бюрократией и бизнесом [*Сравнительное проведение…* 2010, с. 76].

С усилением значимости политической партии увеличивалось и ее влияние на чиновников, благодаря чему представители бюрократии начали активней занимать должности в высших эшелонах власти. Проявление этой тенденции стало значительно сильней, когда участилось перемещение чиновников из государственного аппарата в партийный, где они становились видными политическими функционерами [Молодякова, 2000, с. 65].

К сформировавшейся парадигме отношений «политики – бюрократия» постепенно органично присоединился и бизнес–сектор, обеспечивавший поддержку политических представителей за счет наполнения их финансовых фондов. Таким образом и выстроилась система сотрудничества, при которой бизнес обеспечивал поддержу политиков. В интересах бизнеса политики могли оказывать влияние на деятельность бюрократического аппарата. Следовательно, у бизнеса появлялась возможность в определенной степени контролировать аппарат исполнительной власти, ведомства и министерства, а также осуществлять частичный контроль и над выборными органами. Бюрократы же, расставшись с государственной службой, нередко занимали высшие посты в иерархии правящей партии. Благодаря их связям с госаппаратом они могли воздействовать на основные приоритеты вырабатываемого правительством курса в отношении развития страны, учитывая интересы крупного бизнеса [*Сравнительное проведение…* 2010, с. 74].

Таким образом, бытовая коррупция получила в Японии весьма малое распространение, в гораздо же большей степени развилась коррупция деловая. Это подтверждают и авторитетные российские исследователи. Как отмечает бывший посол России в Японии А. Н. Панов, коррупции на бытовом уровне в Японии и «вовсе не бывает, а бывает там, где есть большие деньги и власть»[7].

Считается, что еще одним толчком для зарождения коррупционной деятельности в Японии стала своеобразная японская система государственной службы. Дело в том, что в Японии система госслужбы предполагает достаточно медленное продвижение по карьерной лестнице и, согласно Закону «о предельном возрасте», относительно ранний (с учетом средней продолжительности жизни в Японии) уход на пенсию — 64 года [*Реформирование системы государственного управления…* 2005, с. 180]. Все это способствовало формированию схемы, получившей название *амакудари*.

Термин «*амакудари*», пришедший из синтоизма, изначально обозначал «схождение божества на Землю». Дословно он переводится как «сошествие с небес». Интересно, что сейчас под «небесами» понимается именно бюрократический аппарат[8]. В современной трактовке *амакудари* означает процесс перехода высокопоставленных бюрократов (по достижении предельного возраста пребывания на государственной службе) на работу из правительственного аппарата в частную компанию.

Известные российские исследователи Э. В. Молодякова и С. А. Полхов полагают, что *амакудари* действительно способствовала развитию коррупционной деятельность в сферах экономи-

7 На «восходе» взяток не берут: Александр Панов о коррупции в Японии. *PASMI.RU. Первое Антикоррупционное СМИ*. URL: http://pasmi.ru/archive/89726 (дата обращения 10.04.16).

8 The Government of Modern Japan: The Japanese Bureaucracy. Retirement: Amakudari. *Asian Topics.* URL: http://afe.easia.columbia.edu/at/jp_bureau/govtjb09.html (дата обращения 10.04.16).

ки и политики [Молодякова, 2000, с. 71]. Однако А. Н. Панов утверждает, что это «не коррупция, а изменение места службы, которое не воспринимается в Японии, как что-то порочащее»[9].

Система «амакудари»

С. А. Полхов объясняет свою точку зрения следующим образом. Частные компании находят сотрудничество с чиновниками, ушедшими в отставку, весьма выгодным, поскольку даже по окончанию государственной службы у тех остаются ценные политические связи в высших кругах: «В итоге, зарождается тесное переплетение бюрократии и частных компании»[10]. Другими словами, формируются двусторонние отношения, несущие в себе определенную пользу для обеих сторон.

Действительно, в Японии принято, чтобы крупные и ведущие компании принимали на работу отставных бюрократов, обеспечивая, таким образом, определенную защиту и преимущества, помогающие при выработке правительственными структурами решений по тем или иным вопросам, интересующим бизнес.

Если говорить о спонсорском финансировании политических избирательских кампаний, где в качестве главного спонсора выступают частные корпорации, то в Японии проведение подобных мероприятий является делом весьма затратными. Тем не менее они служат отличной базой для создания близких отношений между частным бизнесом и претендентами на парламентский мандат. Кандидат, победивший на выборах, способен вознаградить спонсорские компании, надавив на чиновников или создав максимальные условия для получения ими важных государственных заказов и т. д.

Одним из негативных последствий системы *амакудари*, без сомнения отражающимся и на экономике страны, видится тот факт, что она приводит к неэффективному использованию государственных средств: существует практика образования полугосударственных компаний, в том числе, с целью получения крупных сумм от правительства для отставных чиновников и их помощников[11]. В 2009 г., согласно подсчетам Демократической партии Японии, государственное финансирование корпораций, поддерживающих практику *амакудари*, в общей сумме составило 700 млрд. иен[12].

Таким образом, схема перехода из государственной службы в частный бизнес выгодна не только нанимающей компании, но и самому чиновнику, вышедшему в отставку — но не экономической системе страны в целом.

Коррупция в Японии может представляться не только традиционно в виде денежного подкупа, но и в виде подношения подарков. Можно сказать, что система *амакудари* является еще одним воплощением японской экономической коррупционной деятельности, определяющегося взаимовыгодными двусторонними отношениями.

Возможно, описанная система не всеми в Японии воспринимается как нечто порочное. Тем не менее ряд политических объединений, включая Демократическую партию Японии, считают, что *амакудари* способствует распространению коррупции, и, подтверждая свои доводы анализом различных статистик и подсчетами данных, активно пытаются бороться с ней.

9 Опыт законодательного обеспечения общественного и парламентского антикоррупционного контроля в некоторых государствах мира. *Сервер юридической информации.* URL: http://www.jk.ru/analiticheskaja-informatsija/antikorruptsionnyjj-kontrol-v-nekotorykh-gosudarstvakh-mira/ (дата обращения 08.04.16).

10 Коррупция в японском исполнении. *Свободная пресса*. URL: svpressa.ru/society/article/53869/ (дата обращения 10.04.16).

11 От лидерства чиновников к лидерству политиков. *Ассоциация японоведов. Межрегиональная общественная организация.* URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=305&Itemid=59 (дата обращения 08.04.16).

12 Минсюто но сейкенсейсаку манифесто 2009 (Государственная политика Демократической партии Японии). *Официальный сайт Демократической партии Японии.* https://www.dpj.or.jp/article/manifesto2009 (дата обращения 11.04.16).

Не менее важным доказательством того, что система *амакудари* связанна с коррупцией, является и то, что именно эта система стала причиной возникновения проблемы сговоров при проведении государственных тендеров, которую в Японии принято называть *кансэй данго*.

Коррупционная схема *кансэй данго*

Получившая распространение в Японии практика *кансэй данго* представляет собой сговор между частным бизнесом и чиновниками, в рамках которого компаниям, претендующим на получение государственных подрядов (особенно, строительным), становится доступной закрытая информация о тендере, включая предложения других конкурентов[13]. Эта коррупционная схема широко задействовалась в послевоенное время и даже воспринималась как нечто само собой разумеющееся. Нередко эти частные фирмы рассматривались японскими чиновниками как потенциальное место работы после завершения государственной службы (прослеживается связь с *амакудари*).

С. А. Полхов отмечает, что в Японии «вмешательство государства в экономику проявляется в том, что огромные средства выделяются на общественные работы — например, строительство дорог. Частные компании, которые эти дороги строят, тесно связаны с чиновниками профильного ведомства. Конкурс на поиск подрядчиков, разумеется, проводится, но чисто формально» [14].

Нередко в эти схемы оказываются вовлечены и политические круги. Тогда незаконные преференции могут быть предоставлены компаниям, являющимся основными финансовыми источниками политических фондов.

Хотя с начала 1990-х гг. в рамках общей тенденции борьбы с коррупцией в Японии начали вырабатываться меры, целью которых было полное устранение системы *кансэй данго*, проблема сохраняет актуальность и в настоящее время. Согласно опубликованным данным, количество уголовных дел, возбуждаемых в связи с этим видом коррупционной деятельности, ежегодно составляет в Японии около 10–15[15].

В качестве конкретных примеров можно привести имевший место в 2006 г. ряд судебных процессов, в ходе которых акционеры судились с руководителями корпораций из-за подозрения последних в участии в подобных схемах, что, как считалось, наносило компаниям значительный ущерб.

В 2010 г. опубликована информация о том, что служащие Воздушных сил самообороны Японии уличены в подтасовке договоров о закупках, в 2012 г. разоблачили представителей Сухопутных сил самообороны Японии, предоставивших одной частной компании информацию о заявках на тендер о новом поколении вертолетов [Pickworth, Williams, 2012, p. 144].

Подкуп иностранных должностных лиц

Япония, без сомнения, может гордиться достаточно низким уровнем коррупции внутри страны. Однако, как известно, в других государствах антикоррупционная политика только набирает силу. Это формирует условия, в которых японские граждане могут оказаться участниками схем, предполагающих дачу взяток в рамках работы за рубежом с иностранными партнерами. Таким образом, можно выделить еще один вид коррупции, получившей распространение в Японии, — подкуп иностранных должностных лиц.

13 Нюсацу данго надо канъёкои босихо ни цуитэ (О законе о противодействии сговору при проведении государственных тендеров). *Комитет по обеспечению справедливых торговых сделок Японии.* URL: www.jftc.go.jp/dk/kansei/kanyoboushi.files/kanseileaflet02.pdf (дата обращения 13.03.16).

14 Коррупция в японском исполнении. *Свободная пресса.* URL: svpressa.ru/society/article/53869/ (дата обращения 10.04.16).

15 Кансэйданго ва надзэ хэранай? Нюсацу футё кайхига мокутэкино «сингата» мо тодзё (Почему не сокращается число случаев кансэйданго? Новые формы сговора в целях недопущения аннулирования тендеров). *Еженедельное издание Сюкан даямондо.* URL: diamond.jp/articles/-/87077 (дата обращения 02.04.16).

Проблема международных связей с другими странами заключается в том, что появляются возможности для коррупции за пределами Японии. При этом зачастую речь идет о получении доступа к ресурсам, которыми обладает другая страна.

Наглядный пример — получивший скандальную известность сюжет, когда японские рыболовные фирмы платили российским официальным лицам взятки, чтобы те не пресекали вылов минтая сверх установленной квоты в российских территориальных водах. Японские правоохранительные органы, выявившие эти случаи, предложили сотрудничество российской стороне в проведении расследования и на какое-то время запретили промысел фирмам, уличенным в даче взяток[16].

Заключение

Как полагают российские исследователи, особенность правительственной системы Японии заключается в более сильном, чем в других странах, элементе межведомственной разобщенности и внутриведомственном эгоизме. Широко распространено представление о том, что ведомства преследуют собственные цели, которые не обязательно коррелируют с общенациональными интересами (см.: [*Внешнеполитический процесс в странах…* 2011, с. 248]).

Действительно, государственный аппарат, пытаясь укрепить свою власть и при этом сохранить выгодные позиции, благодаря тесному сотрудничеству с частным сектором во многом способствовал распространению и укреплению коррупции в Японии.

Официально считалось, что система *амакудари*, обеспечивавшая высокий уровень дохода чиновнику после отхода от государственных дел, являла собой неплохую систему сдерживания коррупции, поскольку обеспечивала высокую заработную плату. Однако по факту оказывается, что коррупционные действия заключаются в том, что с переходом на новое место работы чиновник в интересах компании активно задействует наработанные годами связи. Кроме того, в большинстве случаев оказывается, что чиновник выстраивал тесные отношения с деловыми кругами еще по мере продвижения в государственной службе.

Таким образом, формировались коррупционные отношения следующего типа:

• По мере восхождения чиновника по карьерной лестнице

Бизнес обеспечивал финансирование, продвижение избирательной кампании политика, имеющего связи в бюрократическом аппарате. Соответственно, *кандидат*, победивший в избирательной кампании, через чиновника обеспечивал государственные заказы, получение необходимой информации.

• После отхода чиновника от политических дел

Бизнес обеспечивал высокую должность и стабильный хороший заработок — *чиновник* обеспечивал определенную защиту и помощь благодаря наработанным на государственной службе связям.

Демократическая партия Японии, подвергая критике установившуюся «дуальную систему решений», которая, собственно, и приводит к формированию своеобразных «коррупционных смычек в железном треугольнике», активно пытается бороться с данной проблемой. С другой стороны, существуют опасения, что ограничение или устранение *амакудари* впоследствии может привести лишь к усилению коррупции.

В послевоенное время японское государство поставило цель достичь высоких результатов в развитии всей страны. Как результат, на сегодняшний день Япония считается одной из самых высокотехнологичных, экономически развитых держав со сравнительно низким уровнем коррупции.

Список литературы / References

Астафьева Т. А. *Международно-правовой опыт борьбы с коррупцией. Молодые юристы — науке и практике.* Владивосток: ПИППКРО, 2005.

16 Коррупция в японском исполнении. *Свободная пресса.* URL: svpressa.ru/society/article/53869/ (дата обращения 10.04.16).

С. 30–45 [Astafyeva T. A. International Legal Experience in the Fight against Corruption. *Young Lawyers to the Science and Practice.* Vladivostok: PIPPKRO, 2005. Pp. 30–45 (in Russian)].

Басова Т. Б. Регламентация уголовной ответственности за должностные преступления: законодательный опыт России и Японии. Вестник ДВО РАН. № 4. 2005. С. 48–56 [Basova T. B. Regulation with Regards to Criminal Liability for the Official Misconduct: Legislative Experience of Russia and Japan. *Journal of the Far-Eastern Branch, RAS*. No. 4. 2005. Pp. 48–56 (in Russian)].

Внешнеполитический процесс в странах Востока. Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2011. — 336 с. [The Foreign Policy Process in the Eastern countries. Ed. D. V. Streltsova. Moscow: Aspect Press, 2011. — 336 p. (in Russian)].

Молодякова Э. В. Устойчивые и подвижные элементы в бюрократической системе Японии. Япония–*2000:* Консерватизм и традиционализм. М.: Восточная литература, 2000. С. 60–78. [Molodyakova E. V. Stable and Moving Elements in the Bureaucratic System of Japan. *Japan–2000: Conservatism and Traditionalism*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. Pp. 60–78 (in Russian)].

Полхов С. А. Культурное восприятие коррупции в Японии. Мировой опыт борьбы с коррупцией. М.: Трансперенси Интернешнл, 2014. С. 138–141. [Polkhov S. A. Cultural Perception of Corruption in Japan. *World Experience in the Fight against Corruption*. Moscow: Transparency International, 2014. Pp. 138–141 (in Russian)].

Сравнительное правоведение в России, Монголии, Китае и Японии–II. Материалы международной научной конференции студентов и аспирантов Улан-Удэ. Отв. ред. А. Ф. Онуфриенко. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. Университета, 2010. — 220 с. [*Comparative Law in Russia, Mongolia, China and Japan – II*. Materials of the International Scientific Conference of Ulan-Ude Students and Postgraduates. A. F. Onufrienko (Ed.). Ulan-Ude: Buryat State. University Publishing House, 2010. — 220 p. (in Russian)].

Швец Е. В. Некоторые аспекты международно-правового сотрудничества государств-членов Совета Европы в области борьбы с коррупцией. Журнал российского права. 2000. № 7. С. 65 –73 [Shvets E. V. Some Sspects of the International Legal Cooperation of the Council of Europe Member States in the Fight against Corruption. *Journal of Russian Law*. 2000. No. 7. Pp. 65–73 (in Russian)].

Шкапа Н. В. Стыд и вина в японской культуре. Вестник Челябинского университета. Востоковедение. Евразийство. *Геополитика*. Сер. 10. № 1. 2004. С. 169–173. [Shkapa N. V. Shame and Guilt in Japanese Culture. *Journal of the Chelyabinsk University. Oriental Studies. Eurasianism. Geopolitics*. Ser. 10. No. 1. 2004. Pp. 169–173 (in Russian)].

Реформирование системы государственного управления: зарубежный опыт и Казахстан. Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2005. — 276 с. [Reforming the Public Administration System: Foreign Experience and Kazakhstan. Almaty: Kazakhstan Institute for Strategic Studies, 2005. — 276 p. (in Russian)].

Davies R. J., Osamu Ikeno. *The Japanese Mind: Understanding Contemporary Japanese culture*. Clarendon: Tuttle Publishing. 1st edition. 2002. — 280 p.

Pickworth J., Williams D. *Bribery and Corruption*. 1st ed. London: Global Legal Group Ltd, 2012. — 232 p.

Электронные ресурсы /
Electronic Sources

Кансэйданго ва надзэ хэранай? Нюсацу футё кайхига мокутэкино «сингата» мо тодзё (Почему не сокращается число случаев кансэйданго? Новые формы сговора в целях недопущения аннулирования тендеров). Еженедельное издание Сюкан даямондо. URL: diamond.jp/articles/-/87077 (дата обращения 02.04.16).

Коррупция — излечимая болезнь? *High School of Economy.* URL: https://www.hse.ru/news/1163621/88978114.html (дата обращения 08.04.16).

Коррупция в японском исполнении. Свободная пресса. URL: svpressa.ru/society/article/53869/ (дата обращения 10.04.16).

Минсюто но сейкенсейсаку манифесто 2009 (Государственная политика Демократической партии Японии). Официальный сайт Демократической партии Японии. https://www.dpj.or.jp/article/manifesto2009 (дата обращения 11.04.16).

На «восходе» взяток не берут: Александр Панов о коррупции в Японии. *PASMI.RU* Первое Антикоррупционное СМИ. URL: http://pasmi.ru/archive/89726 (дата обращения 10.04.16).

Нюсацу данго надо канъёкои босихо ни цуитэ (О законе о противодействии сговору при проведении государственных тендеров). Комитет по обеспечению справедливых торговых сделок Японии. URL: www.jftc.go.jp/dk/kansei/kanyoboushi.files/kanseileaflet02.pdf (дата обращения 13.03.16).

Опыт законодательного обеспечения общественного и парламентского антикоррупционного контроля в некоторых государствах мира. *Сервер юридической информации.* URL: http://www.jk.ru/analiticheskaja-informatsija/antikorruptsionnyjj-kontrol-v-nekotorykh-gosudarstvakh-mira/ (дата обращения 08.04.16).

От лидерства чиновников к лидерству политиков. *Ассоциация японоведов. Межрегиональная общественная организация.* URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=305&Itemid=59 (дата обращения 08.04.16).

Хэйсэй 27 нэн кэйсацу хакусё токэйсирё (Белая книга Главного полицейского управления Японии за 2015 г. Данные статистики). Главное полицейское управление Японии. URL: www.npa.go.jp/hakusyo/h27/toukei/02/05.xls (дата обращения 10.04.16).

Corruption Perceptions Index 2015. *Transparency International*. URL: http://www.transparency.org/cpi2015 (дата обращения 26.04.16).

The Government of Modern Japan: The Japanese Bureaucracy. Retirement: Amakudari. *Asian Topics.* URL: http://afe.easia.columbia.edu/at/jp_bureau/govtjb09.html (дата обращения 10.04.16).

DOI: 10.18254/S268684310010363-7

Особенности внедрения исламского банкинга в экономическую модель страны на примере Судана

Introducing Islamic Banking to the State's Economic Model (The Case of Sudan)

Вадим Владимирович Шалупкин

студент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия; vvshalupkin@edu.hse.ru
ORCID ID: 0000-0001-7698-2897

Vadim V. Shalupkin

student of the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia; vvshalupkin@edu.hse.ru
ORCID ID: 0000-0001-7698-2897

Исламский банкинг, равно как и исламская экономика, — понятия достаточно молодые, зародившиеся лишь в XX в. Несмотря на это, за последние годы во всех уголках мира возрос предметный интерес к финансовым инструментам, сформированным на основе шариата, что во многом объясняется непосредственной вовлеченностью монархий Персидского залива в развитие рассматриваемых механизмов. На государственном уровне данные инструменты были инкорпорированы лишь в трех странах — Судане, Иране и Пакистане. На сегодняшний день известно, что правительство в Пакистане отказалось от полной исламизации экономики, в открытом доступе отсутствуют полные и достоверные сведения о процессах в иранской финансовой системе; следовательно, Судан представляется единственным рабочим примером внедрения исламской экономической модели на государственном уровне, который можно и нужно изучать. В статье рассматривается создание и развитие в Судане исламского банкинга — не только наиболее важного, но и непосредственно реализуемого на практике направления исламской экономической системы. Важными для исследования представляются как социально-экономический, так и политический, и международный контекст: изменения 1980–1990-х гг. не только привели к полной

исламизации страны, но также стали катализатором процессов, в результате которых страна была включена в список государств-спонсоров терроризма и, как следствие, отключена от международной финансовой системы. Сам этот факт уже демонстрирует неоднозначность результатов внедрения исламского банкинга, и, несмотря на то что полностью выстроенная на принципах шариата экономическая модель африканской республики в настоящее время остается единственным в мире доступным для изучения практическим образцом, необходимо детально изучить связанные с её опытом внутренние и внешние проблемы, прежде чем выносить оценку этому кейсу.

Ключевые слова: исламский банкинг, экономика, финансовая система, Судан, шариат.

Для цитирования: Шалупкин В. В. Особенности внедрения исламского банкинга в экономическую модель страны на примере Судана. *Восточный курьер / Oriental Courier.* № 1–2. 2020. С. 38–47. DOI: 10.18254/S268684310010363-7

Both of the terms “Islamic banking” and “Islamic economics” were introduced for academic use only in the 20th century. However, in recent years all over the world it has been increased a substantive interest to the financial instruments based on sharia law that is largely due to the direct involvement of the Gulf monarchies in the development of this mechanisms. It is important to know that only three countries — Sudan, Iran and Pakistan — have used Islamic economic model on the state level. Nowadays, the government of the latter officially abandoned this system, there is no proved and accessed data about the current Iranian financial framework. Therefore, Sudan seems to be the only working example of introducing the Islamic economic model on the state level and moreover the only country opened for the researches of this standard. This article aims to study the roots and development of Islamic banking in Sudan as the most popular activity of the Islamic economics realized in practice. It is necessary to research the social economic as well as political and international circumstances due to the fact that changes in Sudan in 1980–1990 decades caused not only the Islamization of the country but also the series of events that led the followings. The US Government listed Sudan among “State Sponsors of Terrorism” so the international community including states and international financial institutions imposed strict sanctions on the country. All this demonstrates the uncertainty of the results of the introduction of Islamic banking at first glance. So, despite the fact that Sudan is the unique example available for the study, the Sudanese reaction to all the internal and external problems should be identified before borrowing this experience.

Key words: Islamic banking, economics, financial system, Sudan, sharia law.

For citation: Vadim V. Shalupkin. Introducing Islamic Banking to the State’s Economic Model (The Case of Sudan). *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* No. 1–2. 2020. Pp. 38–47. DOI: 10.18254/S268684310010363-7

Общемировой интерес к исламским экономическим институтам в последние несколько лет значительно вырос. Развитие информационных технологий позволило широкому кругу лиц узнать об исламской финансовой системе, в теории исключающей спекулятивные операции, становившиеся причинами многих региональных финансовых кризисов. Немаловажную роль играют и геополитические соображения: так, исламские методы финансирования применяются в странах Персидского залива, в последнее время активно привлекаемых западными государствами в качестве источников инвестиций. Наконец, наблюдается значительный рост спроса мусульман на финансовые продукты и услуги [Беккин, 2009, с. 8].

Концепция исламской экономической модели была сформирована только во второй половине XX в., а термин «исламская экономика» закрепился в научном сообществе лишь в 1970-х гг. На сегодняшний день известно всего три успешных кейса внедрения исламского банкинга на

государственном уровне: в Судане, Пакистане и Иране, при этом Судан остается единственной страной в мире, в которой исламская экономическая модель продолжает функционировать. Таким образом, суданский опыт представляет интерес с точки зрения изучения особенностей установления и использования исламской модели в экономической системе целой страны. Стоит отметить, что при общем количестве работ, посвященных специфическим банковским инструментам и особенностям их функционирования, а также экономическим моделям, используемым непосредственно в Саудовской Аравии, Бахрейне, ОАЭ, Малайзии — странах, которые в силу экономической мощи остаются центрами исламского банкинга, — сами Иран с его концепцией таухидной экономики, Пакистан и Судан остаются практически вне поля исследований, что лишний раз подчеркивает важность разработки данного направления.

Логичный вопрос, возникающий при кратком знакомстве с суданской экономической моделью, состоит в том, насколько она эффективна, насколько жизнеспособна? Каковы дальнейшие перспективы существования исламской банковской системы в стране, которая даже в пределах региона выделяется количеством накопившихся за последние десятилетия проблем, и можно ли прогнозировать, что упор на нормы шариата при ведении хозяйства на уровне целого государства позволит ему выйти из кризиса и встать на путь стабильного развития и процветания?

Первая попытка внедрения исламской финансовой системы на государственном уровне произошла еще в конце XIX в., когда в Судане, входившем в то время в состав Египта, в результате восстания Махди (1881–1885 гг.) против египетской администрации и поддерживавших ее британских войск на большей части современной территории страны было установлено теократическое государство (1885–1898 гг.), в котором все сферы жизни общества, в том числе и экономическая, регулировались на основе установлений шариата. Однако государство просуществовало недолго и пало под ударами объединенных англо-египетских войск. Более чем на полвека идеи по созданию исламского государства оказались в Судане под запретом.

Когда в 1956 г. страна получила независимость, исламская идентичность оказалась одной из важнейших моделей выстраивания нации и развития идеи противопоставления нового Судана колониальному прошлому. Этому способствовало и то, что за спиной формальных партий, созданных еще в годы англо-египетского кондоминиума, оставались суфийские тарикаты, и уже в 1965–1966 гг. произошла первая попытка исламизации Судана и введения конституции, основанной на шариате. В этот период произошло и первое знакомство с идеями исламского банкинга: в 1966 г. сотрудники экономического отделения университета в Омдурмане представили статью, определившую изучение исламской экономики в качестве предмета специализации отделения[1]. Также предполагалось, что в ближайшее время в стране должен появиться исламский банк. Впрочем, в силу ряда причин, связанных с внутриполитической борьбой за власть между сторонниками и противниками исламизации Судана, едва сформулированная идея основания банка на религиозных началах была искоренена в зародыше и вновь стала актуальна лишь десятилетием позднее.

В феврале 1976 г. старший сын короля Саудовской Аравии Фейсала Мухаммад, бизнесмен, экономист и один из идеологов исламского банкинга, встретился с президентом Судана Джа'фаром Нимейри (1969–1985 гг.) и попросил разрешения на создание исламского банка в Хартуме. Спустя лишь год в стране был официально зарегистрирован *Faisal Islamic Bank of Sudan* (FIBS). Восемьдесят шесть основателей из числа состоятельных жителей Судана (40 % акций), Саудовской Аравии (40 % акций) и других исламских стран

1 Ebrahim M. Sh. Islamic Banking in Sudan. *Social Science Research Network.* URL: https://ssrn.com/abstract=1926895 (дата обращения: 02.05.2020).

(20 % акций)[2] поддержали идею и совместными усилиями обеспечили банк необходимым уставным капиталом в размере 6 млн. суданских фунтов (в ряде источников суммы приводятся в суданских динарах (SDD) — валюте в 1992–2007 гг.; в данном исследовании все суммы приведены в фунтах (SDG), 1 SDD=10 SDG).

Создание *Faisal Islamic Bank* в Хартуме ознаменовало собой первый шаг к дальнейшей исламизации всех суданских банков. Исламский банк нашел большую поддержку не только у правительства, но и у народа, поскольку большинство суданцев боялись иметь дело с коммерческими банками, действовавшими на процентной основе. Помимо общего для ряда постколониальных обществ недоверия к западным практикам, ключевым значением в формировании общественного мнения по-прежнему обладали суфийские тарикаты, а правительство в тот период также симпатизировало «родным исламским ценностям». В силу этих причин, реальный оплаченный капитал FIBS менее чем за четыре года увеличился с 6 до 20 млн суданских фунтов. Успех *Faisal Islamic Bank* в указанный период побудил правительство открыть еще пять исламских банков, которым удалось привлечь большое число вкладчиков; во всех суданских вилайятах появились филиалы, и сеть исламского банкинга начала функционировать в масштабах целой страны [Abdel Mohsin, 2005, p. 30].

В 1979 г. из-за нехватки страховых услуг, соответствующих предписаниям шариата, *Faisal Islamic Bank* основал первую в Судане страховую компанию, работавшую на базе принятого в исламской экономике принципа распределения прибылей и потерь — *такāфул*. Однако на то, чтобы утвердить на официальном уровне законодательство в области исламского страхования, потребовалось еще четыре года, поэтому к моменту свержения Нимейри в 1985 г. в Судане появились лишь еще три *такāфул*-компании.

Конец периода правления Нимейри был ознаменован очередным витком полной исламизации страны, что нашло отражение и в финансовой системе. В 1983 г. всем коммерческим банкам было строго предписано остановить выполнение внутренних процентных операций до приведения их к нормам шариата. Запрет не касался внешних операций, вопрос о необходимости соблюдения исламского запрета на ростовщичество был отложен на неопределенный срок. Это решение привело к тому, что 90 % операций начали осуществляться банками по принципу *мурāбаха* (предварительное заключение договора по согласованной цене, включающей прибыль от реализации товара). Однако в Центральном Банке Судана данную ситуацию восприняли крайне негативно, определяя исламизацию политическим, а не экономическим решением [Беккин, 2010, с. 249].

Окончательный курс на исламизацию экономики страны был взят после прихода к власти ‘Умара аль-Башира в 1989 г. Однако реформы проводились постепенно, без резких изменений, которыми характеризовалась политика Нимейри. После внесения поправок в законодательство Судана, в 1992 г. был основан специальный орган, контролировавший соответствие экономических реформ нормам шариата — Высший шариатский совет, который состоит из 11 экспертов: экономистов, специалистов в области исламского права, банкиров.

Благодаря проведенным в финансовой сфере преобразованиям, принятая на Западе система стандартов, установленная Базельским комитетом, была не только задействована на практике, но и адаптирована под правовые нормы шариата. Интересно, что Международный валютный фонд (МВФ) поддержал страну в осуществлении исламизации экономики, приняв участие в разработке государственных ценных бумаг согласно принципу *мушāрака* (договор, чаще всего между банком и клиентом, который заранее определяет доли от полученной прибыли). В операциях Банка Судана стали применяться только контракты, удовлетворяющие нормам

2 Ebrahim M. Sh. Islamic Banking in Sudan. *Social Science Research Network.* URL: https://ssrn.com/abstract=1926895 (дата обращения: 02.05.2020).

шариата, при этом традиционные банки также должны использовать в своей деятельности лишь исламские методы финансирования, принятые Банком [Беккин, 2010, с. 252].

Впрочем, поддержка со стороны международных организаций и государств Запада вскоре была существенно ограничена. По инициативе политического деятеля, идеолога и лидера суданских «Братьев-мусульман» Хасана ат-Тураби, на территории страны были организованы тренировочные лагеря, в которых проходили подготовку исламисты, в том числе и непосредственно связанные с Аль-Каидой (запрещена в РФ); также в Судане несколько лет провел лидер террористической организации Усама бен Ладен. В результате, в 1993 г. Судан был внесен в список государств – спонсоров терроризма, и многие страны во главе с США стали вводить санкции против африканской республики, которая была отключена от международной финансовой системы, что сказалось как на участии внешних организаций в развитии суданского банкинга, так и на способности Хартума проводить активную внешнеэкономическую политику в целом.

Несмотря на скептическое отношение ряда исследователей к проводимым преобразованиям, основанное во многом на опыте изучения подобных практик в странах Залива, где большинство реформ носит достаточно формальный характер, рост значимости исламского банкинга в Судане в описанный выше период подтверждают и цифры, и полнота набора задействованных банковских инструментов. Прежде чем перейти к разбору краткосрочных и долгосрочных перспектив исламизации финансовой сферы, стоит подробнее остановиться на этих двух аспектах.

Что касается статистики, наиболее показательными представляются цифры, демонстрирующие процентный прирост частных вкладов в исламские банки в 1979–1986 гг., а также сравнительная характеристика потоков денежных средств в 2007–2017 гг. в соответствии с методами финансирования.

В Таблице 1 приведен сравнительный анализ частных вкладов в *Faisal Islamic Bank of Sudan* и коммерческих банках Судана (в том числе и иностранных), из которого следует, что уже на раннем этапе, когда традиционная банковская система еще функционировала, а исламские банки только создавались, интерес к FIBS возрастал ежегодно, а процентный прирост частных вкладов в данном исламском банке превысил общий процентный прирост частных вкладов в коммерческих банках на 5 %. Кроме того, стоит отметить и еще одну особенность: резкий всплеск суммы вкладов в коммерческих банках в 1983–1985 гг., когда в соответствии с политикой Джа'фара Нимейри коммерческие банки также стали функционировать в соответствии с исламскими нормами.

Год	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	Прирост %
FIBS (1)	23	49	102	202	257	290	336	332	15,6
Коммерческие банки (2)	529	695	904	1305	1781	1964	3280	4243	10,6
(1)/(2)	4%	7%	11%	15%	14%	15%	10%	8%	

Таблица 1. **Сравнительный анализ[3] частных вкладов (в млн суданских фунтов) в *Faisal Islamic Bank of Sudan* и коммерческих банках в 1979–1986 гг.** [Islamic Financial Markets, 2014, p. 84]

3 Процентный прирост рассчитан по статистической формуле, приведенной в: [*Islamic Financial Markets*, 2014, p. 83].

Год	*мурāбаха*	*мушāрака*	*мудāраба*	*салам*	*мукāуаля*	*иджāра*	*истисна'*	*кард хасан*	другие	Общая сумма
2007	7 315 101	1 631 380	497 619	81 715	-	-	-	-	3 061 470	12 587 285
2008	6 899 680	1 769 329	876 420	290 650	-	-	-	-	4 845 215	14 681 294
2009	8 186 340	1 641 402	956 036	349 618	1 005 582	24 779	-	-	3 496 029	15 659 786
2010	11 474 102	1 981 884	1 480 020	257 586	2 295 556	5 219	-	-	4 566 100	22 060 467
2011	14 312 933	1 548 468	1 424 744	174 806	1 952 167	35 795	-	-	3 880 274	23 329 187
2012	12 021 906	2 636 883	1 296 315	459 838	2 160 054	89 595	20 115	125 475	5 292 662	24 102 843
2013	18 012 731	3 740 711	1 772 902	665 257	3 929 456	33 123	32 387	99 619	5 238 195	33 524 381
2014	20 180 433	3 625 294	2 086 517	1 464 259	5 178 257	144 597	43 193	208 716	5 747 359	38 678 625
2015	26 968 511	3 822 837	3 582 143	1 622 869	8 402 243	200 215	47 226	120 915	9 426 317	54 193 276
2016	38 518 716	5 593 984	4 165 534	2 499 694	17 271 520	290 365	52 265	240 811	14 722 414	83 355 303
2017	60 723 766	8 099 318	9 740 088	728 467	32 375 192	545 895	442 742	294 132	12 141 659	125 091 259
Average %	50,22%	8,07%	6,23%	1,92%	16,67%	0,31%	0,14%	0,24%	16,19%	100,00%

Таблица 2. **Поток банковских финансовых средств в соответствии с методами финансирования, 2007–2017 гг.** [Central Bank of Sudan 57th Annual Report, 2017, p. 222]

В Таблице 2 приведены основные формы финансирования, активно используемые в Судане. Помимо фактически десятикратного увеличения общей суммы за 2007–2017 гг., можно отметить, что доминирующим финансовым инструментом в исламских банках Судана остается *мурāбаха* — ежегодно 45–60 % от общей суммы. Также основными формами, применяемыми в исламском банковском деле и финансах, являются *мукāуаля* (договор, согласно которому заказчик предоставляет требуемые инструменты и материал, а производитель изготавливает собственный товар), *мушāрака* и *мудāраба* (принцип тот же, что и в случае с *мушāракой*, только агент (обычно банк), наиболее сведущий в экономике, получает право на управление средствами для их эффективного использования).

Необходимо упомянуть еще два финансовых инструмента, применение которых критично важно для построения настоящей исламской финансовой системы, тем более что характер их вовлеченности в суданский банкинг, как будет показано ниже, абсолютно противоположен.

Одним из них являются *сукӯк* — ценные бумаги, формат и процедура выпуска которых регулируются в соответствии с нормами шариата. В 1994 г. в Хартуме была создана фондовая биржа, торги на которой проходят с полной прозрачностью и соблюдением строгих требований к раскрытию информации, а шариатский совет, созданный при бирже, должен одобрять все новые продукты перед их допуском к торгам. Большую часть торгов при этом составляют операции с правительственными *сукӯк* [Беккин, 2010, с. 253].

Один из крупнейших специалистов в сфере исламской экономики Ренат Ирикович Беккин отмечает, что в связи с отсутствием на Хартумской бирже спекуляций, акции в большинстве случаев продаются по номинальной цене, в связи с чем проблемы мировых фондовых бирж незначительно влияют на суданский рынок ценных бумаг [Беккин, 2010, с. 253].

Второй инструмент — это *закāт*, религиозный налог, один из пяти столпов ислама. Судану потребовалось пять лет, чтобы окончательно утвердить организационную структуру системы *закāта*, введенной в два этапа: на добровольной основе в 1980 г. путем учреждения Фонда *закāта* и в качестве обязательной операции в 1984 г., когда был принят закон о *закāте* и налогообложении [El-Ashker, Wilson, 2006, p. 363]. Уклонение от уплаты *закāта* считается уголовным преступлением и предполагает взноса требуемой суммы в двойном размере в качестве наказания [Беккин, 2007, с. 447].

Всеми вопросами, связанными со сбором и распределением *закāта* в Судане, занимается Палата по *закāту*, при этом система контроля осуществляется на трех различных уровнях: шариатский контроль, финансовый контроль и административный контроль [El-Ashker, Wilson, 2006, p. 363]. Однако положения закона не могли (и частично не могут до сих пор) полноценно применяться по причине внутренней нестабильности в стране: фактически с момента получения Суданом независимости в 1956 г. и вплоть до 2011 г. шла гражданская война между жителями северных провинций (с преобладающим мусульманским населением) и «южанами»-христианами, для которых насильственная арабизация и введение шариатского законодательства были вопросами принципа. Кроме того, в 2003 г. начался затяжной конфликт в западной провинции Дарфур, и хотя война с югом страны закончилась (Южный Судан стал независимым государством), дарфурский кризис до сих пор существенно влияет и на общую стабильность в Судане, и на возможности применения законодательства в западной части страны.

Согласно единодушному мнению мусульманских правоведов, *закāт* должен выступать в качестве основного налога в любой исламской стране. Другие налоги, вне зависимости от того, прямые они или косвенные, могут вводиться лишь в качестве дополнительных платежей для обеспечения тех сфер, для которых финансирование из суммы выплаченного *закāта* является недостаточным. Тем не менее в Судане ситуация сложилась обратным образом, и *закāт* скорее является дополнительным платежом, а не центральным звеном в налоговой системе государства [Беккин, 2010, с. 257]. Кроме того, исследователи отмечают непрозрачность системы по сбору и распределению *закāта*, что создает почву для злоупотреблений [Abdullah, 1995, p. 129].

Согласно отчету МВФ за 2015 г., суданская экономика после отделения Южного Судана в 2011 году достигла очень хороших результатов в направлении стабильности и экономического роста [*Sudan Islamic Finance*, 2016, p. 21]. В частности, в нем приводятся данные о фискальной дисциплине и жесткой денежно-кредитной политике, которые помогли снизить инфляцию до уровня менее 20 % к маю 2015 года. Тем не менее МВФ уже тогда предупреждал о проблемах, вставших перед руководством страны — они, кстати, остаются актуальными по сей день, — в частности, о негативном воздействии низких цен на нефть на доходы правительства, а также о непрекращающемся пограничном конфликте между Суданом и Южным Суданом за спорные нефтеносные территории. Все это может увеличить как внутренний, так и внешний дефицит [*Sudan Islamic Finance*, 2016, p. 21].

Приведенные выше сведения свидетельствуют о том, что в течение определенного периода инструментарий исламского банкинга предоставлял государству возможности для более-менее ровного экономического развития и в какой-то степени даже преодоления кризисов (самым серьезным из которых по-прежнему следует считать разделение страны в 2011 г.). Тем не менее постепенное ухудшение обстановки как в сфере политики, так и в сфере экономики показывает, что этого инструментария оказалось недостаточно для обеспечения роста в долгосрочной перспективе. К числу проблем, накопившихся к 2015 г. или ставших очевидными позднее, следует отнести трудности с международными денежными переводами и экспансионистскую политику в поддержку сельского хозяйства, приведшую к увеличению ликвидности в экономике

и способную стать причиной инфляционного роста и снижения давления на обменный курс или стоимость суданского фунта.

Стране требуется значительное улучшение базовой торговой инфраструктуры: электричества, дешевого транспорта, асфальтированных дорог и складов. Все это находится в упадке и дефиците. Более того, гражданская война привела к потере многих ресурсов, включая 75 % нефтяных месторождений после отделения Южного Судана в 2011 г. [*Sudan Islamic Finance*, 2016, p. 21]. Помимо этого страна находится под экономическими санкциями из-за обвинений в поддержке международного терроризма. Несмотря на существование многих возможностей ведения бизнеса в Судане (например, в области земледелия, животноводства, природных ресурсов и золотодобычи) посредством связей со странами-членами Организации исламского сотрудничества, текущие проблемы делают взаимодействие с Хартумом весьма дорогостоящим и трудноосуществимым.

Ключевым препятствием при вступлении Судана в партнерские отношения или заключении сделок с другими странами оказывается сама экономическая система страны. Запрет на проценты со стороны исламской банковской системы Судана вызвал многочисленные сложности при подписании ряда двусторонних соглашений с Китаем, Россией, Беларусью, Швейцарией, Вьетнамом, Азербайджаном, Кореей, Ираком и Нигерией [*Sudan Islamic Finance*, 2016, p. 23]. Все эти соглашения обсуждались с Высшим шариатским советом для пересмотра и переработки в соответствии с нормами исламского законодательства. Часто требуется не одно заседание совета, прежде чем сделка проходит одобрение, что не может не вызывать трудности в расширении партнерских отношений Судана.

Несмотря на предупреждения со стороны МВФ, правительством во главе с ‘Умаром аль-Баширом не было предпринято каких-либо эффективных действий по стабилизации экономики страны. Ситуация резко ухудшилась к декабрю 2018 г., когда глубокий экономический кризис стал причиной роста цен на топливо и хлеб. В Судане начались массовые протесты населения, которые привели в апреле 2019 г. к военному перевороту и аресту президента.

На сегодняшний день страну возглавляет Суверенный Совет Судана, исполняющий обязанности главы государства до президентских выборов, которые пройдут не раньше 2022 г. Уже предприняты первые попытки стабилизации экономики страны, в том числе посредством исключения из списка странпособников террористических организаций и, как следствие, полного снятия санкций, наложенных на Судан в 1993 г.[4]. В ближайшее время следует ожидать, что в стране будет проведен ряд реформ, в первую очередь — в сфере экономики. Исходя из сложившейся тяжелой ситуации, есть все основания полагать, что Судан может отказаться от исламской финансовой модели в пользу полностью или частично капиталистической для стабилизации внутреннего положения и интеграции в общемировую экономическую систему.

Самый первый исламский банк в Судане появился лишь в 1976 г., через 20 лет после обретения независимости, и по инициативе внешней стороны — саудовского принца. Тем не менее этот эксперимент получил широкую поддержку и в силу исторических причин (со времен восстания Махди исламское государство и общество рассматривалось некоторыми лидерами политических сил страны как самоцель), и в силу влияния религиозно-общественного влияния суфийских тарикатов на социум, и в силу ряда причин внутриполитического характера. Поддержка оказалась так высока, что уже к началу 1990-х гг., в рамках курса на общую шариатизацию Судана, исламские банки потеснили коммерческие, а дальнейшая политика руководства страны закрепила их влияние, хотя кое-какие аспекты исламизации — например, установ-

4 Куделев В. В. Ситуация в Судане и Южном Судане: март 2020. *Институт Ближнего Востока.* URL: http://www.iimes.ru/?p=68986 (дата обращения: 03.05.2020).

ление прочных контактов с некоторыми радикальными движениями, наподобие Аль-Каиды (запрещена в РФ), и стоили Судану возможной протекции со стороны МВФ, США и мирового сообщества в целом.

Краткосрочные перспективы внедрения такой системы оказались крайне эффективны, причем как на уровне развития социальных отношений, где новая практика вызвала широкий общественный интереса, стимулировала рост доверия к банковским институтам и предоставила доступ к ним многим суданцам, так и на уровне эволюции и поддержания экономики всей страны. Показательно, что именно благодаря исламскому банкингу, государство, в котором полным ходом шли два крупных гражданских конфликта, состояние хозяйства в силу политических пертурбаций оставалось довольно плачевным, а санкции западных стран перекрывали путь притока значительных денежных капиталов, без серьезных последствий пережило мировой финансовый кризис, ставший для многих других государств и режимов крупным социально-экономическим потрясением.

Тем не менее полная исламизация экономики в рамках глобализации и всемирной опоры на капиталистические принципы требует основательной базы. Отсутствие возможности проводить внешние операции, быстро и эффективно заключать соглашения с иностранными партнерами как на государственном, так и на частном уровне неизбежно сокращает потенциал страны, за исключением двух случаев. Во-первых, исламизирующееся государство может перейти в режим самообеспечения, который позволит его руководству и населению пережить изоляцию безболезненно, но потребует крепкой ресурсной базы — своеобразной «подушки безопасности» для минимизации возможных рисков. Во-вторых, такое государство могло бы развиваться в составе межправительственного экономического объединения на основе принципов шариата, где интеграция позволяла бы стимулировать одновременно и развитие хозяйства страны, и в какой-то степени поддержание должного идейно-религиозного уровня в среде самого населения.

У Судана ни той, ни другой опции не оказалось. «Подушка безопасности» представляла собой монокультурное сельское хозяйство (единственная культура — экспортный хлопок, не слишком актуальный, когда его некуда экспортировать), добывающую промышленность — притом что почти все запасы углеводородов и прочих минералов расположены в спорных и конфликтных пограничных районах страны (а 75 % нефтяных месторождений и вовсе отошли Южному Судану), развитый сектор услуг, также малопригодный для выстраивания экономики самообеспечения. А интеграционное объединение шариатских экономик в мире, где исламизация всей системы проводилась лишь в трех странах, одна из которых свернула эту практику много лет назад, а вторая — самодостаточна, закрыта и также находится под всевозможными санкциями, не представлялось возможным.

Пример Судана наглядно показывает, что выжить в одиночку, опираясь на принципы исламской экономики и при этом не обладая достаточным уровнем развития, невозможно: как говорится, один в поле не воин.

И тем не менее краткосрочный успех благополучного самоустранения из кризисной ситуации, охватившей весь мир, во многом был обязан исламской банковской системе и может служить не просто интересной моделью с точки зрения теории, но и кейсом, который можно в дальнейшем применять на практике в слаборазвитых странах. В этом отношении опыт Судана крайне показателен и требует более углубленного и тщательного изучения как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Список литературы / References

Беккин Р. И. Исламская экономика в Судане. Проблемы современной экономики. 2007. № 3 (23). С. 446–447 [Bekkin R. I. Islamic Economy in

Sudan. *Problems of Modern Economics*. 2007. No. 3 (23). Pp. 446–447 (in Russian)].

Беккин Р. И. Исламская экономическая модель и современность. М.: Изд. дом Марджани, 2010. — 367 с. [Bekkin R. I. *Islamic Economic Model Nowadays*. Moscow: Mardjani Publishing House, 2010. — 367 p. (in Russian)].

Беккин Р. И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития. М.: Ин-т Африки РАН, 2009. — 50 с. [Bekkin R. I. *Islamic Financial Institutes and Instruments in Muslim and Non-Muslim States: Features and Perspectives of Development*. Moscow: Institute for African Studies (RAS), 2009. — 50 p. (in Russian)].

Abdel Mohsin M. I. The Practice of Islamic Banking System in Sudan. *Journal of Economic Cooperation*. 2005. No. 26 (4). Pp. 27–50.

Abdullah A. A. Zakatable Funds of the State and Modes of their Collection. *Institutional Framework of Zakàh: Dimension and Implications*. Eds. A. A. F. El-Ashker, M. S. Haq. Jeddah: Islamic Research and Training Institute, Islamic Development Bank, 1995. Pp. 119–148.

Central Bank of Sudan 57th Annual Report. Khartoum, 2017. — 249 p.

El-Ashker A. A. F., Wilson R. *Islamic Economics: A Short History*. Leiden: Brill, 2006. — 454 p.

Islamic Financial Markets. Ed. R. Wilson. London: Routledge, 2014. — 242 p.

Sudan Islamic Finance 2016. Next Phase of Development. Jeddah: Islamic Research and Training Institute, 2016. — 196 p.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Куделев В. В. Ситуация в Судане и Южном Судане: март 2020. *Институт Ближнего Востока.* URL: http://www.iimes.ru/?p=68986 (дата обращения: 03.05.2020).

Ebrahim M. Sh. Islamic Banking in Sudan. *Social Science Research Network*. URL: https://ssrn.com/abstract=1926895 (дата обращения: 02.05.2020).

DOI: 10.18254/S268684310010364-8

Задушевная беседа с доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой стран Восточной Азии Алексеем Леонидовичем Рябининым, приуроченная к его юбилею

Sincere Conversation with the Chair of the Department of East Asian Countries Professor Alexei L. Ryabinin, Dedicated to His Anniversary

От редакции:

«Восточный курьер» продолжает успевшую завоевать интерес читателя рубрику «Восточное чаепитие», в рамках которой берет интервью у востоковедов и организаторов науки и образования. На этот раз «ВК» пригласил на чай Алексея Леонидовича Рябинина — доктора исторических наук, профессора и специалиста в области истории и общих проблем стран Азии и Африки в целом и Вьетнама в частности. В 2020 году Алексей Леонидович отметил юбилей и по этому случаю поделился с «Восточным курьером» своими размышлениями, рассказал о планах на будущее и по просьбе редакции даже раскрыл некоторые секреты из своего прошлого ☺.

Ключевые слова: А. Л. Рябинин, Л. Б. Алаев, Л. С. Васильев, Д. В. Деопик, М. С. Мейер, востоковедение, российские востоковеды, устная история, история науки, интервью

Для цитирования: Петерикова Е. И. Задушевная беседа с доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой стран Восточной Азии Алексеем Леонидовичем Рябининым, приуроченная к его юбилею. *Восточный курьер / Oriental Courier*. № 1–2. 2020. С. 48–56. DOI: 10.18254/S268684310010364-8

Editorial:

The *Oriental Courier* continues its popular *Asian Tea Party* column, in which we interview

prominent orientalists and organizers of science and education. This time, *OC* invited for tea Aleksei Leonidovich Ryabinin, Doctor of History, Professor and a specialist in the field of history and general problems of the countries of Asia and Africa as a whole (and Vietnam in particular). In 2020, Alexei Leonidovich celebrated his anniversary and on this occasion shared his thoughts with *Oriental Courier*, talking about his plans for the future, and at the request of the interviewer even revealed some juicy secrets from his past ☺.

Key words: Alexey L. Ryabinin, Leonid B. Alaev, Leonid S. Vasiliev, Dega V. Deopik, Mikhail S. Meyer, Oriental studies, Russian orientalists, Oral history, history of Oriental studies, interview

For citation: Elizaveta I. Peterikova. Sincere Conversation with the Chair of the Department of East Asian Countries Professor Alexei L. Ryabinin, Dedicated to His Anniversary. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. No. 1–2. 2020. Pp. 48–56. DOI: 10.18254/S268684310010364-8

«Мне представляется, что в будущем востоковедения в таком виде, в каком оно существует сейчас, не будет вообще»

— Алексей Леонидович, в этом году вы отметили свой личный юбилей. Ваш научно-педагогический стаж насчитывает не один десяток лет. Как, по вашему мнению, за это время изменилась школа востоковедения?

А. Р. Действительно, за время, прошедшее как с начала моей научной деятельности (я поступил на работу в Институт востоковедения в 1973 г.), так и с момента прихода на преподавательскую работу в высшую школу (это было в конце 80-х годов XX в. в Институте стран Азии и Африки), в советском, а затем и российском востоковедении произошли очень существенные изменения. Однако, если учитывать, что в конце 80-х — начале 90-х годов в Советском Союзе, в России и на всем постсоветском пространстве имели место крупнейшие общественные трансформации, во всех новых странах изменился социально-экономический и общественно-политический строй, то полагаю, что эти изменения могли бы стать и более существенными. К сожалению, демократический настрой российских востоковедов, как и большей части интеллигенции, «разбился» о суровый быт «лихих девяностых». Радикальные либералы, столкнувшись с материальными трудностями, резким снижением престижа интеллектуальных профессий, необходимостью «вертеться» в поисках обеспечения прежнего жизненного уровня, перешли к ностальгии по тем временам, когда им было обеспечено — пусть и достаточно скромное по западным стандартам, — но стабильное существование. При этом российские ученые получили главное для свободного исследования: возможность безбоязненно высказывать свое мнение, ликвидацию двоемыслия, отсутствие цензуры, возможность привлекать любые западные концепции без обязательной критики «буржуазного объективизма». О подобном положении вещей свидетельствуют многие работы начала XXI в., например, «История Востока в шести томах с древнейших времени до XXI в. Том 6» (см. [*История Востока в 6 т...* 2008]), в которой описываются истории Китая, Вьетнама, Северной Кореи, Лаоса, Камбоджи, Монголии, арабских стран, Ирана, Афганистана и т. д. во второй половине XX века. Казалось бы, твори в свободном полете! Но нет: сначала ненависть к гайдаровскому правительству, «обнулившему» сбережения, а затем и дефолт 1998 года сделали многих ученых-востоковедов приверженцами твердой руки. На мой взгляд, это не вина интеллигенции, а беда: человек слаб.

Основным изменением в востоковедении, как и во всех гуманитарных науках, я считаю предоставленную каждому исследователю возможность совершенно свободно излагать свои взгляды, сообразуясь с теми теориями, которые кажутся ему адекватными, и опираясь на такую полноту фактов, которая дает возможность нарисовать неискаженную и более или менее объ-

ективную картину событий. Сегодня каждый российский востоковед может в полной мере проявить свои способности и профессиональную честность, отстаивая ту позицию, которую считает правильной. В советское время это было невозможно. Отмечу еще одни печальный факт. Не только солидные ученые, но и очень талантливая молодежь склоняется к конформизму. Недавно один студент первого курса, очень одаренный и работоспособный, выбирал тему будущей научной работы. Я предложил ему богатый набор объектов исследования, в том числе и такой: «Американская помощь Южному Вьетнаму в 1964–1973 годах: военно-политический аспект». Тема ему понравилась, но, подумав несколько дней, он от нее отказался, откровенно сказав: «Алексей Леонидович, ведь если я напишу правду, то во Вьетнам я уже не поеду, а мне очень хочется». По-видимому, конформизм и приспособленчество еще долго будут фактором развития российского востоковедения.

— Что бы вы могли назвать вашим самым важным достижением и почему?

А. Р. На сегодняшний день самым важным своим достижением я считаю, во-первых, написание монографии «Рождение империи Нгуенов (социально-политическая история Вьетнама в начале XIX века)» см. [Рябинин, 1988]), во-вторых, сбор в процессе почти четвертьвекового чтения лекций по истории Востока огромного массива эмпирических данных. Хотелось бы думать, что именно эти данные пригодятся мне для самого важного дела в моей жизни, на завершение которого я очень рассчитываю: написания Истории Востока с древнейших времен до XXI века.

— Какая книга обязательно должна стоять на полке каждого востоковеда и почему?

А. Р. Знаете, я полагаю, что на полке каждого востоковеда должно быть много самых разнообразных книг по истории, культуре, литературе, археологии, этнографии, экономике, политике и т. д. стран Востока, но обязательной я считаю классическую работу Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» (см. [Токвиль, 2000]). Только проштудировав эту книгу, востоковед может осознать, какой сложный и долгий путь должны пройти восточные общества, как должно усложниться их социальное устройство, какой уровень осознания собственных интересов должно обрести восточное сообщество на каждой ступени территориального, федерального и общегосударственного устройства (не говоря уже о том, как должна измениться государственная политическая система), чтобы население восточных стран превратилось в полноценных граждан современного мира, способных самостоятельно и осознанно, без диктата авторитаризма, решать собственную судьбу.

— С какими трудностями, по вашему мнению, сейчас сталкивается современная наука?

А. Р. О всей современной науке я высказываться по понятны причинам не буду: нельзя быть специалистом во всем. Что же касается востоковедения, то в этой сфере происходит колоссальное накопление различных баз данных и резкая дифференциация предметных полей. С течением времени специализация и дифференциация знаний увеличивается по экспоненте. Поэтому узкий специалист в определенной области знаний по Востоку испытывает большие трудности с обобщениями. Конкретно в изучении истории стран Востока глубокое исследование частных проблем не должно замыкаться на «страновом» и даже региональном уровне. Необходимы более масштабные обобщения. Но это очень трудно. Если рассматривать историческое развитие с точки зрения цивилизационной теории, то здесь сравнения вообще невозможны: как можно сравнивать духовные достижения в религиозной сфере? С точки зрения макросоциологических или макроэкономических теорий, сравнения, конечно, возможны, но они также плохо применимы к «ранжированию» стран Востока и Запада, так как очень много качеств тех и других ускользают из поля исследования. В общем, основной проблемой в анализе исторического развития стран Востока является проблема обобщений на базе общих со странами Запада критериев. По моему мнению, разделяемому

далеко не всеми исследователями, ни у Востока, ни у России нет какого-то особого специфического пути развития. Все страны мира проходят приблизительно одни и те же этапы развития общества и государства, но только они «осложнены» теми или иными факторами. Факторный анализ — ключевой метод исторического исследования Востока. И таким ключевым фактором исторического развития Азии является наличие на этом континенте мощнейшей «варварской» или кочевнической периферии, которая после X в. полностью отсутствовала в Западной Европе. После битвы на реке Лех в 955 г., когда Оттон I разгромил венгров, никакие кочевнические орды более не беспокоили этот регион. Именно по причине отсутствия в Западной Европе «кочевой периферии» там на рубеже X–XI вв. произошла «феодальная революция», затем появились автономные университеты и свободные от власти духовных и светских феодалов города (отсутствовавшие на Востоке, за исключением XIV–XVI вв. в Японии), образовались торговые гильдии и ремесленные цеха с собственным самоуправлением, не подвластным ни феодалам, ни государству, возобновилась рецепция римского права, наконец, образовались парламенты, представляющие не только светских и духовных феодалов, но и горожан. Общество заявило претензии на участие в сборе и распределении налогов. Лозунг «Нет налогам без представительства» могли бы сформулировать не колонисты в Северной Америке середины XVIII в., а европейские горожане XIII–XV вв. Осмыслить все это в плане поиска у восточных стран подобных (или хотя бы приближающихся к подобным) феноменов отступления от магистральной линии развития (община-государственный аппарат-правитель-деспот с обязательным огосударствлением всех городских, торговых и ремесленных организаций) и представляется мне наиболее трудным, но чрезвычайно важным аспектом современных исторических исследований в востоковедении.

— ***А каким вы видите востоковедение будущего?***

А. Р. Мне представляется, что в будущем востоковедения, в таком виде, в каком оно существует сейчас, не будет вообще. Ведь кто такой востоковед? Это человек, который помимо своего основного предмета, например, истории Вьетнама, сведущ и в этнологии чинов и качинов, в археологии Донгшонской культуры,

А. Л. Рябинин с супругой отмечают юбилей в тематическом китайском ресторане

в архитектуре стиля Дайла, а если потребуется, то он вам и сиамский танец «сбацает». Подобного у специалистов по западным странам в подавляющем большинстве нет. Специалист по археологии Германии не обязан знать этнографию средневековой Франции, а знаток эпохи викингов не должен быть сведущ в драматургии Мольера. Очевидно, в будущем нечто подобное ожидает и востоковедение. При этом все-таки необходимо иметь и специалистов по разному уровню обобщений. Причем принадлежность к специалистам по тому или иному уровню обобщение не должна носить уничижающий или дискриминационный характер. Например, от археолога-практика не надо требовать анализа палеолита или неолита в Китае или в Японии. А текстолога Корана не следует просить написать полноценную историю арабских стан. Должны быть специалисты и по каждой восточной стране, и по региону, и по всей Азии. При этом это будут разные люди. Своими знаниями и трудами они могут обогащать друг друга, но не вмешиваться с сферу личных компетенций. Таким мне представляется работа будущих историков-востоковедов.

— Продолжая разговор о вашей личной работе — к чему вы стремитесь в настоящий момент? Какие проблемы востоковедения видятся вам ныне наиболее актуальными — в мировом и в российском масштабе.

А. Р. Я уже частично отвечал на этот вопрос, но дополню свой ответ тем, что хочу написать Историю Востока, в которой будет учитываться не только та история современных стран, которая сводится к описанию политий долинных и равнинных районов, как это большей частью происходит сегодня. Согласитесь, что исследование обитателей гор, степей и пустынь остаются на долю этнографов, и изучение этих регионов (за исключением тех случаев, когда их обитатели решительно повлияли на жизнь, социальную структуру и политическое устройство «долинников» и «равнинников», например, сюнну / гунны, сяньбийцы, авары, тюрки, чжурчжени, монголы, маньчжуры), ускользает от внимания обычных историков. И тогда непонятно, почему «покоритель Индии» Надиршах, в 1739 г. захвативший Дели, вдруг через несколько лет потерпел поражение от «вольных обществ» горцев южного Дагестана, почему победитель Наполеона Александр I «завяз» на Северном Кавказе и русские войска около полувека его покоряли, почему горный Афганистан не могли подчинить при намного превосходящей военной и гражданской технике ни английские, ни советские, ни (вот теперь) американские войска.

Еще одной очень важной проблемой, которая меня сейчас занимает, является взаимоотношение «цивилизованности» и «варварства». При всей относительности этих двух понятий («варвары» также представляют собой определенные типы «цивилизаций» и подводить те или иные народы под эти два определения можно, лишь учитывая перепады в уровнях социального, экономического и политического развития) мне представляется очень существенным проследить эти столкновения, начиная с вторжения гутиев (кутиев) в Месопотамию в XXII в. до н. э. и вплоть до сегодняшнего нашествия на Европу «новых варваров», грозящих размыть идентичность основного ядра современно западной цивилизации. И самое главное. Поскольку за свою довольно долгую жизнь мне пришлось заниматься не только проблемами Востока средневекового и нового периодов, но и историей Запада, России, причем, самого новейшего времени, то мне хотелось бы продолжить линию анализа макроистории, которую в России вел чрезвычайно уважаемый мной, недавно умерший **Леонид Сергеевич Васильев** и которую продолжает здравствующий **Леонид Борисович Алаев** (дай бог ему здоровья в это непростое коронавирусное время) и внести свою лепту в титаническую битву «двух Леонидов», по своему осмысляющих историю Востока и историю Запада (См. о Л. Б. Алаеве [*Институт востоковедения РАН…* 2018, с. 70–71, 183]).

— Давайте закончим интервью какой-нибудь историей из вашей профессиональной жизни.

Доктор исторических наук, профессор Леонид Сергеевич Васильев (1930–2016)
Востоковед-синолог, обществовед, религиовед и социолог

Есть ли у вас какое-нибудь особенное воспоминание, которым вы хотели бы поделиться?

А. Р. Да, хотел бы поделиться одним, казалось бы, случайным событием, происшедшим в моей жизни, которое, однако, резко перевернуло мою научную деятельность, а потом, как оказалось, и всю жизнь. Как-то одним весенним днем 1996 года я шел по коридору Института стран Азии и Африки. Навстречу мне задумчиво двигался директор Института М. С. Мейер, который, поравнявшись со мной, с обычной для него дружелюбной фамильярностью бросил: «Привет!». Я остановился и с почти раболепной вежливостью поздоровался. Михаил Серафимович пристально и оценивающе посмотрел на меня.

— Слушай… — протянул он. Я чувствовал, как в его голове зрел какой-то план. Было видно, что идея его — спонтанная и он взвешивает: «Стоит — не стоит».

К моменту моей неожиданной встречи с М. С. Мейером в коридоре ИСАА я уже шесть лет был доктором исторических наук и профессором ИСАА, но читал лишь курс по истории Вьетнама, да и то — очень ограниченного периода: нового времени до XX века. Более того, вплоть до начала Перестройки я сознательно ограничивал себя средневековой и ранней историей нового времени Вьетнама, не высказывая никаких мыслей по поводу общих закономерностей развития Востока и Запада. Врать не хотелось, а той филигранной техникой, при которой правда камуфлировалась марксистской риторикой и допускалась в советскую печать (такой риторикой в полной мере владел, например, тот же

Л. С. Васильев и Д. В. Дубровская во время стажировки в Китае
Чанчунь, 1989 г.

Доктор исторических наук, профессор Леонид Борисович Алаев (род. в 1932 г.)
Востоковед, специалист по истории Индии и теоретическим проблемам истории Востока

Леонид Сергеевич Васильев, обыгрывая знаменитые высказывания Карла Маркса об азиатском способе производства), я не владел. Однажды я принял участие в одной из дискуссий по поводу формационного развития стран Востока, выступил неудачно, и мой дорогой учитель, **Дега Витальевич Деопик**, сказал мне: «Алеша, не лезьте вы в эти дрязги, занимайтесь делом». И я занимался делом. Почти двадцать лет я переводил и изучал вьетнамскую хронику «Правдивые записки о Дайнаме», описывающей события конца XVIII–XIX веков. В 1988 году я опубликовал монографию «Рождение империи Нгуенов (социально-политическая история Вьетнама в начале XIX века)», которую защитил в качестве кандидатской диссертации в 1989 году и за которую в 1990 году мне присвоили степень доктора исторических наук. Однако с началом Перестройки, когда советским людям наконец-то была дарована «свобода свыше» и появилась возможность открыто говорить правду без всякой маскировки, я впервые почувствовал себя (не побоюсь высокопарных выражений) гражданином своей страны, который любит свою Родину, уважает своего политического лидера (Бориса Николаевича Ельцина) и поддерживает политику своего правительства (полностью — Егора Тимуровича Гайдара, частично — Виктора Степановича Черномырдина).

Доктор исторических наук, профессор Дега Витальевич Деопик (род. в 1932 г.)
Востоковед, специалист по истории Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и всеобщей истории Востока

Я осознал, что не могу больше прикрываться традиционной вьетнамской историей как щитом от «мерзостей» отечественной действительности и должен (вновь прошу извинить за высокопарный тон) внести свою лепту в построение новой российской либеральной демократии, какой мне виделось в 1996 году будущее моей страны. В итоге я стал большую часть времени тратить на анализ как современных событий, так и фактов недавней истории. Причем это относилось и к постсоветской истории России и СНГ, и к истории Запада, и, конечно же (это — прежде всего), к истории стран Востока. Вот в этом-то состоянии духа и интеллектуальном настрое на служение новой демократической Родине и переосмысление советских догм исторического развития (и в третий раз прошу простить мне витание в эмпиреях), я и встретил в коридоре ИСАА **Михаила Серафимовича Мейера,** который продолжал смотреть на меня изучающим взглядом.

— Видишь ли, Алексей, — начал он после некоторой паузы, — хочу предложить тебе поучаствовать в чтении лекций по истории XX века стран Востока для общего потока историков. Ну, например, прочитать лекцию по истории Юго-Восточной Азии или, если сможешь, по истории Китая, может быть, даже Японии. В общем, насколько потянешь.

Внутри у меня все похолодело. Я осознал, что в каком-то смысле решается моя судьба, на долгие годы программируется моя дальнейшая жизнь. Представил, что вот я читаю лекцию по Второй Индокитайской войне 1960–1973 гг. с совершенно новых позиций, представляя ее не как «американо-вьетнамскую» войну, а как войну двух Вьетнамов (Северного и Южного), двух Камбодж и двух Лаосов, в которой США лишь поддерживают одну сторону, в то время как СССР и Китай оказывают помощь другой. Затем живо вообразил, что после меня приходит старый «советский» профессор и продолжает «старую песню» про американский империализм и неоколониализм. В головах у студентов возникнет когнитивный диссонанс.

— Х-хорошо, — растягивая слова, но твердо сказал я, — Но у меня будет одно условие.

— Какое? — заинтересованно спросил Мейер.

— Я буду читать весь курс: ЮВА, весь Дальний Восток, Южную Азию, весь Средний и Ближний Восток.

— И Африку тоже? — ехидно спросил Мейер.

— И Африку тоже, — уверенно, но с внутренним ужасом заявил я.

Михаил Серафимович удивленно посмотрел на меня, и стало ясно, что он собирается мне отказать. Вдруг что-то в нем переменилось и он неожиданно для меня стал рассуждать вслух:

— Вообще-то, может быть, действительно попробуем. Тем более что наша старая профессура все время жалуется, что ей трудно читать курс по истории XX века с новых позиций. Кстати, основные «зубры» как-то все быстро умерли. Из тех, что остались, многие писали о «некапиталистическом пути развития стран Востока», о «социалистическом выборе» и так далее. После этого кардинально перестраиваться довольно сложно. Так что — давай проведем эксперимент. В общем с 1 сентября начинаешь читать у третьего курса. Пойдем со мной, программу я тебе дам. На подготовку у тебя остаток весны и все лето.

Президент Института стран Азии и Африки (ИСАА МГУ), доктор исторических наук, профессор Михаил Серафимович Мейер (род. в 1936 г.)
Советский и российский историк-тюрколог, специалист по османской истории

Так я стал читать общий курс лекций по истории стран Азии и Африки в XX веке. Несмотря на то что я очень много готовился, проводя бессонные ночи за чтением десятков монографий и сотен статей, читал я поначалу очень плохо: я не умел обобщать. Это действительно очень трудно делать на малознакомом материале. А ведь весь материал, за исключением истории Вьетнама, действительно был мне знаком мало. Поэтому поначалу я пытался излагать события на том уровне, на котором писал монографию «Рождение империи Нгуенов», то есть очень подробно. Студенты путались в огромном количестве фактов, не могли запомнить множества дат, теряли нить повествования и не находили нужных выводов, которые я им не давал, так как и сам был в них не уверен.

Параллельно я преподавал тот же самый курс в Институте практического востоковедения. Там дела шли несколько лучше, но ненамного. В ИПВ аудитория была меньше и можно было несколько расслабиться. В ИСАА же Мейер счел эксперимент не удавшимся и вновь поручил читать курс по истории XX века так называемому «колхозу», то есть коллективу преподавателей, специализирующихся на истории одной или нескольких стран Востока. Мне же, после проявленной наглой настойчивости и в утешение за заслуженный афронт, Михаил Серафимович дал мне повести тот же курс на истфаке, который я с удивлением для самого себя прочитал очень удачно. Кстати — и это отмечается не только мною — самый успешный курс лекций — обычно второй после начала преподавания.

Постепенно я выработал свой собственный курс, обкатал его, преподавая не только на истфаке МГУ и в ИПВ, но и в РГГУ и на факультете мировой политики том же МГУ. Затем в ИПВ и РГГУ я прочитал курсы по средневековой и новой истории Востока. В ИПВ я прочитал курс по истории Древнего Востока и даже курс лекций по истории античности — по Древней Греции и Древнему Риму. В результате я стал в полном смысле слова востоковедом широкого профиля и всему этому я обязан той весенней встрече в 1996 году с Михаилом Серафимовичем Мейером в коридоре ИСАА.

— Алексей Леонидович, спасибо за интереснейший разговор, поучительные истории и за уделенное «ВК» время!

Интервью взяла Е. Петерикова[1], ответственный секретарь «ВК»

Список литературы / References

Алексис де Токвиль. *Демократия в Америке.* М.: Весь Мир, 2000. — 560 с. [Alexis de Tocqueville. *Democracy in America*. Moscow: Ves' Mir, 2000. — 560 p.].

Институт востоковедения РАН — прошлое и настоящее. К 200-летию основания. В. В. Наумкин (отв. ред.), Д. В. Дубровская (авт.-сост.). — 336 с. М.: ИВ РАН, «Наука», 2018 [*Portrait of the Institute of Oriental Studies against the Background of Russian History*. V. V. Naumkin (Ed.), D. V. Dubrovskaya (Comp.). Moscow: IOS RAS, Nauka, 2018. — 336 p.].

История Востока. В 6 т. Т. 6 : Восток в новейший период (1945–2000 гг.). Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, В. В. Наумкин. М.: Восточная литература, 2008. — 1095 с. [*History of the East. In 6 vol. Vol. 6: The East in the Newest Period of History (1945–2000)*. V. Ya. Belokrenitsky, V. V. Naumkin (Eds.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. — 1095 p.]

Рябинин А. Л. *Рождение империи Нгуенов: Социально-политическая история Вьетнама в начале XIX в*. М.: Наука, 1988. — 455 с. [Ryabinin A. L. *The Birth of the Nguyen Empire: The Socio-Political History of Vietnam at the Beginning of the 19th Century*. Moscow: Nauka, 1988. — 455 p.].

1 Елизавета Игоревна Петерикова, магистр востоковедения (Восточный факультет Государственного академического университета гуманитарных наук, ГАУГН), Москва, Россия; peterikova@gmail.com. ORCID ID: 0000-0001-8882-2524
Elizaveta I. Peterikova, Master of Oriental Studies, Oriental Studies Department, State Academic Universite for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia; peterikova@gmail.com. ORCID ID: 0000-0001-8882-2524

DOI: 10.18254/S268684310010365-9

Сельская община в Китае: pro et contra. Часть 1*

Rural Community in China: Pro et Contra. Part 1*

Алексей Леонидович Рябинин

профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой Истории стран Восточной Азии, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия;
rjabinin50@rambler.ru;
ORCID ID: 0000-0003-1053-4631

Alexey L. Ryabinin

DSc (History), Professor, Chair of the History of East Asian Countries Department, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow;
rjabinin50@rambler.ru;
ORCID ID: 0000-0003-1053-4631

Статья посвящена анализу проблематики аграрной общины в древнем Китае. Автор подробно разбирает вопрос, вызывающий оживленные споры в научном сообществе начиная с К. Маркса и подвергает скрупулезному анализу работы и представления советских и российских историков-востоковедов, содержащих информацию и выводы об общинных структурах в Китае начиная с древности. Автор вводит в статью широкий библиографический материал отечественного китаеведения, приходя к выводу о необычайной живучести общины в Китае.

Ключевые слова: традиционный Китай, община, сельская община, китайская община

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

* The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

Для цитирования: Рябинин А. Л. Сельская община в Китае: pro et contra. Часть 1. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 57–79. DOI 10.18254/S268684310010365-9

In his first installation on the problem of rural communes in the East, the author meticulously dissect works and views of historians and orientalists, information and conclusions on commune frameworks in China, starting from the ancient times. The author introduces extensive bibliographical material of the Russian Oriental studies, and reaches a conclusion about the unparalleled vitality of the rural community in China.

Keywords: traditional China, book review, review, commune, rural community, Chinese rural commune

For citation: Alexey L. Ryabinin. Rural Community in China: Pro et Contra. Part 1. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 57–79. DOI 10.18254/S268684310010365-9

Автор выражает огромную благодарность Л. Б. Алаеву за многочисленные консультации в ходе написания этой статьи.

Данная статья написана под влиянием и в развитие, во-первых, опубликованной в 2017 г. мной совместно с членом-корреспондентом РАН П. Ю. Уваровым книги [Уваров, Рябинин, 2017] «Китай в средневековом мире. Взгляд из всемирной истории», во-вторых, вышедшей годом раньше монографии Л. Б. Алаева [Алаев, 2016]. Признаем: насколько глубоко исследована Алаевым сельская община в большинстве стран и регионов мира, настолько поверхностно освещалась китайская община в нашей работе.

Выскажемся о пафосе монографии Л. Б. Алаева, уже в который раз (это далеко не первая работа мэтра, посвященная теме общины; см: [Алаев, 1976; Алаев 1981; Алаев, 1998; Алаев, 2000a; Алаев, 2000b]) убедительно показывающей, что «родовой», «кровнородственной» общины в седой древности не было, что община в социально стратифицированном обществе, особенно после возникновения государства, представляла собой фундаментальный общественный институт, выполнявший функции, чрезвычайно важные не только для общества, но и для государства. В ходе исторического развития община отнюдь не «разлагалась», как на том настаивали немецкая историческая школа XIX в., К. Маркс, советская историография и российская постсоветская наука, некритически воспринявшая марксистское наследство, а нормально функционировала, приспосабливаясь к существующим условиям. Государственный аппарат стремился контролировать общину, подстраивать ее под себя, а если она не поддавалась, создавал квазиобщинные образования, вменяя им в обязанность исполнение части общинных функций. Эти структуры брали на себя функции устройства общей жизнедеятельности сельского населения, частично выполняя общинные функции. Тщетность попыток Л. Г. фон Маурера показать отсутствие частной собственности на землю у древних германских племен (свевов) и наличия у них переделов земли, несостоятельность марксистской концепции развития общины (Кровнородственная община — земледельческая / сельская община — новая община / марка — в качестве универсального процесса, характерного для всего человечества) также убедительно показал Л. Б. Алаев [Алаев, 2016, с. 21–35; Рябинин, 2018, с. 220; Рябинин, Рябинина, 2018].

Община в представлении классиков марксизма-ленинизма

Для основоположников марксизма К. Маркса и Ф. Энгельса полноценная община могла существовать лишь в первобытном обществе. В социально стратифицированных социумах полноценной общины быть уже не могло: там община были в той или иной степени «разложившейся»: «начавшая разлагаться», «далеко зашедшая в своем разложении», «почти совсем разложившаяся». Типологию «разложения» общины Маркс дал в «Формах, предшествовавших капиталистическому производству» — части «Экономических рукописей 1857–1861 гг.». На основании

двух основных характеристик общины — отношений кровного родства и общинной собственности на землю, Маркс привел общую типологию общинных форм:

1) азиатская форма общины — полное господство общинной собственности [Маркс, Энгельс, 1968, с. 464, 465]

2) античная форма общины — «общинная собственность — в качестве государственной собственности, *ager publicus* — отделена от частной собственности, собственность отдельного человека непосредственно не является общинной собственностью [Маркс, Энгельс, 1968, с. 465]

3) германская форма общины — «у германцев *ager publicus* является лишь дополнением индивидуальной собственности и фигурирует как собственность лишь постольку, поскольку ее как общее достояние одного племени надо защитить от враждебных племен» [Маркс, Энгельс, 1968, с. 471]. Основным объединяющим фактором германской общины является взаимопомощь, проявляемая на периодических сходках.

Однако вскоре марксистская типология общины была упразднена самим автором, типологически объединившим все формы в набросках ответа на письмо В. И. Засулич при сравнении германской общины-марки и русской общины. Маркс считал свидетельством собственности русской общины на пахотную землю ее регулярные переделы, в ходе которых семьям выделялись отдельные участки; в русской общине произошло лишь выделение собственности отдельной семьи на дом и огород [Маркс, Энгельс, 1961, с. 403], а в германской марке произошло не только выделение собственности на усадьбу и прилегающие к ней земли, но и на участок пахотной земли [Маркс, Энгельс, 1961, с. 417]. Как же можно ставить эти две общины на один таксономический уровень?

Вскоре факты, заложенные в марксистскую типологию общины, показались самому автору «идиотскими». Как подметил Л. Б. Алаев, «в 1858 г. он считал, что “у германцев отдельные главы семей … селились в лесах и были разобщены один от другого большими расстояниями”, а в 1868 г. он пишет Энгельсу: “идиотские воззрения вестфальских юнкеров (Мёзер и др.), что немцы поселились каждый в отдельности и лишь впоследствии образовали села, области и т. д., опровергнуты совершенно”» ([Маркс, Энгельс, 1968]; цит. по: [Алаев, 2016, с. 34]). Таким образом, сегодня марксистская теория разложения «кровнородственной общины» и с теоретической, и с фактической точки зрения признается несостоятельной, а Марксова типология «разложения» общины не выдерживает критики. По-видимому, процесс эволюции общины в мировой истории был более сложным.

Историки ломают копья

Как же эволюционировала сельская община в китайской истории?

В нашей монографии отмечено наличие аристократических кланов и деревенских общин в китайской древности и констатируется упразднение аристократических владений и семейно-клановых групп, в результате реформаторской деятельности Шан Яна насильственно разделенных на пятерки и десятки, члены которых несли ответственность друг за друга по принципу круговой поруки [Уваров, Рябинин, 2017, с. 20]. В последующей истории китайская община в нашем описании периодически исчезала из социальной жизни — и когда власти вводили «новое издание» надельной системы, которой сельская община должна была оказать противодействие, и когда надельная система отменялась, что было призвано «возрождать» сельскую общину [Уваров, Рябинин, 2017, с. 33–34, 44, 88–89, 97–98].

Отсутствие внимания к «китайской общине» в нашем повествовании связано не только с тем, что эта тема не представляла специальный объект нашего исследования, но и с тем, что с представлениями о «китайской общине» в российской синологии не все обстоит благополучно. Некоторые крупнейшие российские китаисты полностью отрицают наличие сельской общины в период средневековой и новой китайской

истории. Приведем точку зрения ведущего российского исследователя правления династии Цин О. Е. Непомнина: «Поземельной общины в Цинской империи не существовало, она погибла за много столетий до рассматриваемого периода (имеется в виду период правления династии Цин), а соседская община, **разложившись**[1] (сохранились лишь отдельные ее элементы), сменилась системой патронимий-кланов (*цзу*, *цзунцзу*). В фискальном, полицейском и ином плане «класс-государство» строил свои отношения с крестьянством не по общинному, и даже не по клановому, а по подворному принципу учета и связи. **Казна имела дело с каждым двором в отдельности**, минуя патронимическую организацию в деле как учета населения (система *баоцзя*), так и обложения налогами и повинностями**. Как коллективных крестьянских обязательств перед "классом-государством", так и автономной внутридеревенской раскладки налогов и повинностей Цинская империя не знала.** Существовавшая система не была государственно-клановой, ибо патронимию в налоговом и контрольном отношении «класс-государство» не признавал ни экономическим субъектом, ни субадминистративной единицей, ни объектом фиска, хотя казна признавала клан юридическим лицом в качестве владельца «общих земель» данной патронимии, **"классу-государству" противостояли не крестьянские организации**, а море "атомизированных" "тяглых душ", землевладельцев и иных лиц в системе кланов. Это была государственно-крестьянская система с принципом подчинения "верховный класс — податной крестьянин"» [Непомнин, 2015, с. 403].

Может быть в период правления династии Цин в Китае действительно не было общины? Отнюдь нет! Другой специалист по истории той же династии, Н. И. Тяпкина, находит в цинском Китае активно функционирующую сельскую общину [Тяпкина, 1984, с. 126–127]. Возможно, тот факт, что Непомнин не находит при династии Цин сельскую общину, а Тяпкина ее видит (во всяком случае, во второй половине XIX в. и в начале XX в.), связан с тем, что она пользовалась материалами полевых исследований, а Непомнин был лишен такой возможности. Проверим этот тезис на работах других синологов.

Я попытаюсь решить в статье две задачи: во-первых, на основании работ российских историков ответить на вопрос, была ли китайская община изначально «кровнородственной» / «родовой», как полагалось по теории Маурера-Маркса (постепенно «разлагаясь», такая община сначала должна была превратиться в «земледельческую» или «сельскую» общину, а затем в «соседскую») или же такой «первичной» кровнородственной общины в древнем Китае не было, и во-вторых, обнаружить общину в работах российских синологов на различных этапах развития китайского общества и если им таковой найти не удавалось, выяснить, с чем связана фиксация наличия или отсутствия общины советскими и российскими синологами: с характером источников, которыми они пользовались, или же с изначальной установкой прежде всего советских китаистов на отсутствие общины в развитом «классовом» обществе[2].

Решив эти задачи, я надеюсь достигнуть поставленной цели: доказать, что китайская община на всем протяжении своего исторического развития была жизнеспособным организмом, дополнявшим политическую систему на всех (или большей части) этапах эволюции китайского общества и государства.

Систематизируя представления об общине ведущих российских синологов, когда-либо писавших о сельском населении Китая, я выделил две группы: 1) признающих наличие в Китае общи-

1 Здесь и далее выделено автором.

2 Традиционные династические хроники по большей части просто «не ловят» такую низовую социальную ячейку, как сельская община, тогда как более подробные описания сельской местности, такие, как нетрадиционные хроники, географические описания, эпиграфика, полевые исследования более позднего времени (XIX–XX вв.) демонстрируют вполне жизнеспособную китайскую общину.

ны (в изучаемый ими период); 2) отказывающих китайской деревне в наличии общинной организации в то время, которое они исследовали.

К первой группе можно отнести Л. С. Васильева [Васильев, 1968], Л. С. Переломова [Переломов, 1962; 1964; 1965; 1966; 2013], В. В. Малявина [Малявин, 1983], А. Ю. Тюрина [Тюрин, 1970; 1980], Н. И. Тяпкину [Тяпкина, 1977; 1984], А. А. Писарева [Писарев, 1981], А. С. Мугрузина [Мугрузин, 1970]. Во вторую группу входят М. В. Крюков [Крюков, 1967], Е. М. Кравцова [Кравцова. Попова, 2014], Л. А. Боровкова [Боровкова, 1971, 1974, 1977], А. А. Бокщанин [Бокщанин, 1976], Н. П. Свистунова [Свистунова, 1961, 1966], О. Е. Непомнин [Непомнин, 2015].

Чтобы разобраться в существе дела, рассмотрим взгляды перечисленных выше синологов.

Л. С. Васильев, М. В. Крюков и миф о «колодезных полях»

Л. С. Васильев, исследуя общество и государство в эпохи Шан-Инь и раннее Чжоу, использовал археологические артефакты, эпиграфические памятники (ритуальные, гадательные, дарственные надписи, отчеты о важных событиях), а также хроники, летописи, сборники стихов и исторических преданий, сочинения древних историков и философов.

Взгляд Л. С. Васильева на древнекитайскую общину изложен в монографии 1961 г. [Васильев, 1961, с. 105–129]. Ссылаясь на Б. Карлгрена, Васильев утверждал, что знак и появился в Китае в эпоху Инь и обозначал поселение-город, обнесенный стеной, которую символизировал круг (квадрат), начертанный сверху [Васильев, 1961, с. 105]. С VIII–VII вв. до н. э. «этот знак служил также для обозначения деревни-общины». «Знак *ли,* — писал Васильев, — появился в начале Чжоу и употреблялся в то время лишь для обозначения …отпочковавшихся от первоначального рода мелких самостоятельных общинно-родовых групп, большесемейных общин» [Васильев, 1961, с. 116]. Однако тот же термин *ли* «со временем стал использоваться для обозначения сельской территориальной общины, общины-деревни. Эта эволюция термина *ли*, как и эволюция термина *и*, позволяет с уверенностью утверждать, что начало Чжоу (XI–IX вв. до н. э.) было периодом разрушения родовых и формирования территориальных связей среди древнекитайского населения, периодом формирования сельской территориальной общины в древнем Китае» [Васильев, 1961, с. 123].

Все изложенное выше дало возможность Л. С. Васильеву обрисовать эволюцию древнекитайской общины так: кровнородственная община с ее общей собственностью на землю, коллективным землепользованием и совместным потреблением (XII–IX вв. до н. э.) — территориальная сельская община с надельным землепользованием экономически самостоятельных семей (IX–VII вв. до н. э.) — территориальная сельская община с частным землевладением входящих в нее семей (с VII в. до н. э.) [Васильев, 1961, с. 196–216]. Это традиционный марксистский взгляд, не отступающий от изложенного в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» [Маркс, Энгельс, 1968, с. 464–471].

Позиция Васильева подверглась серьезной критике. Старейший советский китаист Л. И. Думан отметил, что «некоторые выводы Л. С. Васильева должны быть подкреплены дополнительными доказательствами. Так, характеристика иньского общества аргументирована недостаточно, она базируется на крайне ограниченном материале источников. Спорной и нуждающейся в дополнительном исследовании остается …проблема эволюции терминов *и* и *ли*, а, следовательно, вопрос о конкретных путях развития древнекитайской общины» [Васильев, 1961, с. 232].

Взгляд Васильева на общину раскритиковал также М. В. Крюков [Крюков, 1967, с. 14], в исследованиях древней патронимии (*цзунцу*) опиравшийся в первую очередь на иньские и чжоуские надписи на бронзовых сосудах, иньские гадательные надписи на черепашьих щитах и только во вторую — на письменные памятники [Крюков, 1967, с. 20–48]. Детальное знакомство

М. В. Крюкова с эпиграфикой дало ему возможность основательно разобраться в устройстве *цзунцзу*: он показал, что «кровнородственная община в схеме Л. С. Васильева в одном случае выступает как родовая, в другом — как семейная. Автор не проводит четкой грани между этими типами общины; большесемейную общину он также называет “семейно-родовой группой” …явно допуская смешение понятий “род” и “большая семья”» [Крюков, 1967, с. 14]. Крюков отметил, что Васильев (причем, в хорошей компании с И. М. Дьяконовым) использовал «термин “род” (а также “родовая община”) применительно к различным по своему характеру родственным группам в широком смысле слова, в том числе и к тем, которые **отличаются от собственно рода как в структурном, так и в функциональном отношении**» [Крюков, 1967, с. 15]. Критикуя Васильева, Крюков тем самым критиковал и Маркса, ибо термин «кровнородственная» община также применяется Марксом «к различным по своему характеру родственным группам в широком смысле слова, в том числе и к тем, которые **отличаются от собственно рода как в структурном, так и в функциональном отношении**».

Васильев не учел замечание Крюкова и в работе 1968 г. еще более усилил указанную несовместимость понятий, в которых, по его мнению, развивалась древнекитайская община: «**родовая община** — большесемейная община — сельская территориальная община — соседская община» [Васильев, 1968, с. 471–478]. В последнем случае Л. С. Васильев заменил термин «кровнородственная» на еще более неподходящее выражение «родовая», окончательно смешав родовую структуру и общинную.

Следует отметить, что Крюков не занимался собственно изучением общины. Он писал: «данная работа не ставит своей целью дать полное изложение истории социальной организации в древнекитайском обществе. Ее главная задача – на основании изучения древнекитайских источников XIV–IV вв. до н. э. попытаться решить вопрос о сущности организации *цзунцзу* и выяснить ее соотношение с другими социальными институтами» [Крюков, 1967, с. 19]. Но поскольку, выяснив функции и структуру *цзунцзу*, Крюков исследовал взаимоотношение рода и тотема, рода и реального предка, брачные запреты внутри рода, основные черты древнекитайской системы родства, но ничего не написал об общине, то, очевидно, что он ее просто не обнаружил. Крюков лишь отметил плодотворную попытку «Л. С. Переломова показать на конкретном историческом материале ханьской эпохи (III в до н. э. – III в. н. э.), что родственные группы *цзун*, *цзу*, *цзунцзу*, сосуществовавшие в этот период **наряду с сельской общиной**, представляли собой организацию патронимического типа» [Крюков, 1967, с. 15]. То есть, китайскую общину сам Крюков, ссылаясь на Переломова, прослеживал только с III в. до н. э.

Л. Б. Алаев, используя материалы того же Л. С. Васильева [Васильев, 1961, с. 56–70], не согласился с наличием в Инь «кровнородственной» общины и отметил в период Шан-Инь (XVI–XI вв. до н. э.) «существование крупных земледельческих хозяйств, принадлежащих, по-видимому, *вану* или другим магнатам… [но] крестьянской общине здесь места не находится» [Алаев, 2016, с. 392].[3] Таким образом, существование в древнем Китае «кровнородственной» общины — это дань Васильева марксизму. Наличие той общины, которую обнаружил Васильев, опровергается Думаном, Крюковым и Алаевым.

Община появляется в китайских источниках в период Западного Чжоу (1027–771 гг. до н. э.),

3 Л. Б. Алаев отмечает точку зрения В. В. Малявина, якобы приводящего «мнение японского историка М. Танигавы, говорящего о существовании общины (*ли*) мелких крестьян во главе со старостой (*фулао*) в Инь-Чжоу» [Алаев, 2016, с. 395]. Правда, я не нашел в указанном месте [Малявин, 1983, с. 22, 29] упоминание М. Танигавой «общины (*ли*) мелких крестьян во главе со старостой (*фулао*) в Инь». Не нашел я и приводимую Алаевым фразу на страницах книги, где, по указателю имен, упоминается фамилия Танигавы [Малявин, 1983, с. 5, 141, 159, 185, 188, 190, 191, 192, 193, 208].

правда часть сообщений о ней в той мере, в которой они касаются явно сконструированной политическими философами «системы колодезных полей», носит нормативный характер. Приводимый некоторыми китаистами аргумент в пользу якобы некогда существовавшей в Китае «общины равных», сводящийся к упоминанию Мэн-цзы о наличии в древности (в эпоху Чжоу) системы «колодезных полей» (*цзин тянь* — восемь равновеликих полей, владельцы которых совместно обрабатывают девятое поле) [Алаев, 2016, с. 393], страдает искусственностью интеллектуальных построений и ориентацией некоторых древнекитайских общественных деятелей на эгалитаризм.

Л. С. Переломов о силе *фулао* и проблеме переделов

В последнем издании исследований древнекитайской деревенской организации Л. С. Переломов сообщает о наличии переделов в Западном Чжоу: «Многочисленные данные о существовании переделов в IX–VII вв. до н. э. приводятся также в статьях китайских историков, посвященных изучению общинных форм землепользования в периоды Западного Чжоу (1027–771), Чуньцю (771–453) и первой половины Чжаньго (45–221)» [Переломов, 2016, с. 166]. Особенно мощно проявила себя древнекитайская община в период Чуньцю. Как известно из трактата «Чуньцю Гулянчжуань», составленного в IV в. до н. э. и, в частности, описывающего события времен правления чуского Чжао-вана (515–489 гг. до н. э.), происшедшие в 505 г. до н. э., главы общин (*фулао*) могли изгнать потерпевшего поражение вана, затем простить его, установить связь с иностранным государством, собрать войска, за одну ночь трижды разгромить вторгшегося противника и вернуть изгнанного вана на родину [Переломов, 2016, с. 155–156].

Несмотря на некоторую фольклорность излагаемых событий, представляется, что они в определенной степени отражают реальность и относятся также и к главам сельских общин (*фулао*). Подтверждением тому является то, что столь сильная община существовала **в южном царстве Чу, населенном кхмонгами**, родственными юэ (вьетам), часть которых, **вьетнамцы, имела чрезвычайно сильную общинную организацию с XI в. и вплоть до середины XX в.**

До середины VI в. до н. э., по мнению восточноханьского ученого Хэ Сю, жившего во II в. н. э., «в Китае существовал обычай регулярного передела пахотных земель, когда каждый земледелец получал во временное пользование равновеликий пахотный надел … раньше жители каждой общины (*ли*) выбирали из своей среды “старейшин” [обладавших] высокими моральными качествами, называя [их отныне] *фулао* (отцы-старейшины), а они (т. е. сами *фулао*) избирали из своего состава [в качестве] *личжэна* [самого справедливого в общине] человека, обладавшего красноречием и силой» [Переломов, 2016, с. 154]. Возможно, 800 лет, отделявших Хэ Сю от описываемых событий, серьезно исказили картину реальности VI в. до н. э. – конца эпохи Чуньцю. Скорее всего, сентенции Хэ Сю носили морализаторский характер и апеллировали к концепции «золотого века». Очевидно, передел VI в. до н. э. в Китае отнюдь не являлся «наследием первобытности», а основывался на частном долевом владении, где доля определялась численностью тягловых в семье, то есть, не была «равновеликой».

То же относится и к «Книге ритуалов» («Ли цзи») [глава «Месячные приказы» (Юэлин)], включенной в конфуцианский канон и впервые изданной в конце периода Чуньцю (VI–V вв. до н. э.), где также говорится «об обычае ежегодного передела пахотных полей» [Переломов, 1962, с. 69–70]. «Передел» здесь также не носил уравнительный характер, а определялся долей семьи, исчисляемой количеством тягловых, величина которых в каждой китайской фамилии была далеко не равной. Как считает Л. С. Переломов, «судя по сообщениям ханьских источников, передел полей производили не царские чиновники, а земледельцы» [Переломов, 2016, с. 166]. По-видимому, этими «земледельцами» были об-

щинные власти, осуществлявшие не уравнительный, а долевой передел общинной земли, исходя из численности тягловых в семье.

Сообщение Хэ Сю о сильной общине в рамках всего Китая периода Чуньцю свидетельствует о том, что процесс усиления общинных структур шел параллельно с укреплением государственности древнекитайских «царств» (владений *ванов*). Социальное положение *фулао* и *личжэна*, возглавлявших общины, отличалось от остальных общинников, по мнению Хэ Сю, только функцией управления: «*Личжэн* — это тот же *шужэнь* (свободный общинник), но занимающийся управлением» [Переломов, 2016, с. 155]. Значит, взаимоотношения государственных властей и властей общинных были основаны на принципе сотрудничества в том смысле, что они не могли обойтись друг без друга. В то же время это сотрудничество не исключало ни противостояния, ни соперничества, правда, не антагонистического. Община была частью китайского социума и существовала в той форме, которая требовалась в то время обществу.

Таким образом, община в период Чуньцю (во всяком случае в царстве Чу) настолько окрепла, что государство сочло возможным оказать на нее давление, но это давление не было чрезмерным и давало возможность общине нормально функционировать.

В период правления циского вана Хуань-гуна (685–643 гг. до н. э.) «Гуань-цзы был первым советником циского царя и провел целый ряд реформ, направленных на усиление царской власти. Он, в частности, отменил обычай передела полей». Переломов считает, что в отмене переделов были заинтересованы «главы общин, имевшие двойные пахотные наделы, и наиболее зажиточная часть общинников», которые «стремились к отчуждению лучших пахотных наделов; их уже не устраивал обычай регулярного передела полей. Наблюдаются случаи нарушения принципа справедливого распределения наделов в общине». Тоска о «справедливом распределении наделов в общине» явно прослеживается в «Го юй» («Речах царств» — речах правителей и чиновников древнего Китая) — источнике, написанном на рубеже V–IV вв. до н. э., т. е. уже в период Чжаньго. В «Го юй» излагается тривиальная сентенция: «[если] в «холмистой местности пахотные поля в *цзине* будут распределены (досл. — размежеваны) равномерно, то [среди] народа не будет [возникать] ненависть (злоба)» [Переломов, 2016, с. 167].

Таким образом, древнекитайская община в конце Чуньцю – начале Чжаньго имела устойчивый социально дифференцированный характер, а идея о том, что общинные переделы тогда происходили с большими трудностями, возбуждавшими «[среди] народа… ненависть (злобу)», выглядит достаточно натянутой. Впрочем, отмена переделов действительно была выгодна главам общин и зажиточной части населения.

Почти одновременно с Ци, в 645 г. до н. э., были отменены переделы в царстве Цзинь, где «ввели [новую систему обработки полей, когда сам земледелец] менял [свои] пахотные участки». Переломов считает, что «возникновение новых методов обработки земли связано с отмиранием переделов внутри общины» [Переломов, 2016, с. 168], то есть, это «отмирание» общинных переделов привело к «возникновению новых методов обработки земли», так как укрепление индивидуальной собственности на «общинную» землю способствовало интенсификации зернового производства.

Последовательными актами подчинения общины были установление посемейного и поземельного налогообложения, перепись населения и превращение самостоятельных деревенских организаций в послушные административные пятидворки, связанные круговой порукой. Дальнейшим подчинением государству общины были: введение чжоуским Сюань-ваном (827–782 гг. до н. э.) всеобщего налога-десятины *чэ*, взимание в царстве Ци в 685–643 гг. до н. э. налога не с общины, а с каждой семьи, учреждение в царстве Лу в 594 г. до н. э. земельного налога *шуй*, исчисляемого с площади земли (*му*), перепись в 589 г. до н. э. в том же царстве Лу населения и закрепление за налогоплательщиками наследственного владе-

ния землей, проведение подобных же реформ в 548 г. в царстве Чу, разграничение в царстве Чжэн в 543 г. до н. э. «индивидуальных полей, отделив их друг от друга канавками. Хозяйства, имевшие колодцы, объединяли в пятидворки, связанные круговой порукой» [Алаев, 2016, с. 393]. Все это были этапы на пути превращения общины в послушный административный организм.

Таким образом, использование таких оригинальных источников, как «Го юй» и «Чуньцю Гулянчжуань», дало Л. С. Переломову возможность обнаружить древнекитайскую общину в период Чуньцю.

Пятидворки и круговая порука Шан Ян против общины

В отличие от большинства китаистов, Л. Б. Алаев рассматривает пятидворки и десятидворки как своеобразные общины, связанные не только круговой порукой, обязанностью солидарно платить налоги и нести ответственность за преступления, совершенные одним из их членов, но, что самое главное, соединенные тесным социальным общением: «Государство стремилось уничтожить или ослабить естественно возникавшую общину, заменив ее другой … бравшей на себя часть общинных функций» [Алаев, 2016, с. 393]. Неизвестно, насколько десятидворки и пятидворки являлись административными образованиями типа уездов и волостей и насколько внутри них складывались какие-то внутренние социальные связи — хотя бы взаимные обязательства по уплате налогов и исполнения повинностей, а также гарантии и «клятвы» не совершать преступления, сопровождаемые санкциями по отношению к нарушителям. Факт учреждения связанных круговой порукой пятидворок Алаев трактует так: «Возможно, этот эпизод вскрывает один из важнейших процессов, который начался в это время, но затем шел до XIX в., а именно, процесс сотрудничества / соперничества естественно возникавшей общины мелких землевладельцев, с одной стороны, и навязываемой сверху группировкой хозяйств, тоже бравших на себя часть общинных функций. **Налоговые системы, какого бы вида они ни были, предполагают группировку сельского населения в податные единицы, в том числе образование общин. Государство стремилось уничтожить или ослабить естественно возникавшую общину, заменив ее другой**» [Алаев, 2016, с. 393].

Полагаю, история Китая вплоть до начала XX в. была процессом скорее соперничества, чем сотрудничества естественно возникавшей общины мелких землевладельцев, с одной стороны, и «вводимой» сверху группировкой хозяйств, выполняющей прежде всего административные функции. То есть государство навязывало китайскому обществу административную общину, а общество сопротивлялось и регенерировало общинные отношения даже в рамках навязываемых ему форм. Административная община — это идеал государства, проявление его силы, и, в то же время, — проявление слабости землевладельческих слоев, которых власти стремились подчинить, что, по-видимому, им частично удавалось.

Уже после разграничения в царстве Чжэн в 543 г. до н. э. индивидуальных полей и объединения их в пятидворки, связанные круговой порукой, В. В. Малявин отмечает, что «к эпохе Чжаньго (454–221 гг. до н. э. — *А. Р.*) имущественное неравенство, частная собственность на пахотную землю, присутствие чужаков являлись нормой жизни древней китайской деревни» [Переломов, 2016, с. 268]. Община изменилась, но не исчезла. Анализируя древнекитайский памятник Шоюань (окончательная редакция I в. до н. э.) и рассматривая ситуацию времен правления цискогo Сюань-вана (454–403 гг. до н. э.), то есть начала периода Чжаньго, Переломов пришел к выводу, что и тогда «*фулао* не были царскими чиновниками … *фулао* приходилось уплачивать поземельный налог и отбывать трудовые повинности … юридически они … ничем не отличались от остальных общинников», но в то же время «*фулао* занимали определенное общественное положение и царь был вынужден считаться с мнением представителей … общины.

В конце V в. до н. э. *фулао* царства Ци не только выражали интересы рядовых общинников … но и начинают выступать в качестве рьяных защитников зажиточной верхушки общины. В связи с усилением имущественной дифференциации внутри общины *фулао* превращаются в типичных представителей богатых общинников» [Переломов, 2016, с. 157–158]. Следует отметить, что Переломов демонстрирует в данном случае типично марксистский подход к трактовке т. н. «расслоения» общины, однако факт ее существования в период Чжаньго для него несомненен.

Китайские семьи были очень многочисленными и представляли собой несколько поколений, живущих в одном месте. Такие семьи обладали значительной силой и поэтому были весьма опасны для древнекитайского государства. Собственно, именно для того чтобы избавиться от угрозы, исходящей от таких семейных коллективов «в царстве Цинь в 356–348 гг. до н. э. по инициативе министра Шан Яна “для устройства полей страны открыли продольные и поперечные межевые [канавы], установили границы [семейных участков]”. Приказано было разделить большие семьи и наделить участками малые семьи, но последние объединялись в пятерки и десятки. Участки закреплялись за малыми семьями “навечно”, разрешалась скупка и заклад земли. Позже, в III в. до н. э. были сняты ограничения на размеры частного землевладения» [Переломов, 2016, с. 393–394].

Анализируя данные, представленные Переломовым и Малявиным, Л. Б. Алаев заключает: «можно считать, что Шан Ян и его последователи стремились разрушить общинное землевладение, ввести частную собственность, но поставить ее под контроль государства через новые фискальные общины» [Алаев, 2016, с. 394]. В действительности Шан Ян попытался поставить под контроль не только территориальную общину, но и индивидуальные семьи, объединив их в искусственные образования: пятерки и десятки. Усиление административного давления на сельские коллективы компенсировалось экономической свободой — отсутствием лимитов частного землевладения.

После реформ Шан Яна функции регулирования аграрных отношений в китайской общине стали уступать место административно-фискальным функциям. Процесс этот развивался неравномерно, не всегда последовательно, со значительными отступлениями. Можно согласиться с утверждением В. В. Малявина о том, что китайская община «с середины I тыс. до н. э. стала фундаментом деспотической государственности» [Переломов, 2016, с. 268].

Очень резко критиковал идеи Шан Яна древнекитайский философ Мэн-цзы, занимавший в отношении общины «восстановительную» позицию. Одно из его предложений состояло в необходимости «наделить крестьян землей путем восстановления системы *цзинь тянь*, согласно которой все земледельцы получали равные доли размером в 100 *му*» [Переломов, 2016, с. 93]. Подходя к решению проблемы практически, Мэн-цзы рекомендовал проводить межи таким образом, чтобы каждый земледелец получал со своего участка равное количество зерна. Анализируя эти данные, Алаев задается вопросом: «Остается не ясным только, вводили ли эти порядки сами владельцы полей, или же их навязывали власти» [Алаев, 2016, с. 396]. Скорее всего, эти «архаичные» новшества должны были вводить правители, советы которым и давал Мэн-цзы, призывая царей действовать столь же решительно, как и Шан Ян. Предложения Мэн-цзы, к счастью, не было реализовано.

Между тем, в период Чжаньго шли активные процессы купли-продажи земли во многих царствах. В царстве Чжао мать военачальника Чжао Ко говорила чжаоскому царю: «Все то золото и шелка, которое вы, *ван*, ему пожалуете, он будет складывать и прятать в своих кладовых, а ради постоянного дохода будет скупать поля и дома» [Сыма Цянь, 1996, с. 256].

Л. С. Переломов отмечает: «Сведения о широком распространении купли-продажи земли привели китайских исследователей к мнению о

том, что **сельская община в Китае исчезла уже к концу Чжаньго»** [Переломов, 2016, с. 168][4]. Так действительно стали думать многие российские синологи.

Цинь Шихуан издает строгий указ, а Лю Бан договаривается с *фулао*

Что же происходило на самом деле? В действительности «для периода Чжаньго характерно наступление царской власти на органы общинного самоуправления. Особое недовольство и опасение вызывала у государства деятельность совета старейшин. Наличие разнообразных местных культов в пределах одного царства в условиях, когда этими же культовыми отправлениями руководили эти же советы, препятствовало укреплению царской власти на местах. Поэтому в ряде царств административные органы пытались всячески принизить значение, а там, где это было возможно, и вовсе уничтожить местные культы» [Переломов, 2016, с. 168]. Переломов приводит эпизод из «Исторических записок» Сыма Цяня, где говорится о репрессиях, производимых начальником уезда в отношении местных общинных жрецов и *саньлао* — лица, возглавлявшего межобщинные культовые объединения в рамках волости. Стремясь снизить роль культовой общинной верхушки, начальник уезда приказал утопить ее наиболее активных представителей и провести масштабные ирригационные мероприятия (прорыть 12 каналов, орошавших пахотные земли и ликвидировавших зависимость крестьян от речного бога Хэ Бо, которому уже более не нужно было совершать богатые жертвоприношения в лице общинных жрецов) [Переломов, 2016, с. 159–160].

Однако несмотря на реформы Шан Яна, нацеленные на ликвидацию самостоятельности территориальной и семейно-домовой общины, китайская община оказалась жизнеспособной и продолжала активно функционировать. Как пишет Переломов, «в середине III в. до н. э., накануне образования империи Цинь на западе Китая, в Циньском царстве, существовали общинные органы самоуправления. *Личжэны* и *фулао* руководили культовыми отправлениями общины и отвечали за ее деятельность перед административными органами. Наказание же циньских общин было вызвано тем, что они провели жертвенные обряды по местным обычаям, не сходным с обрядами царствующего дома». Переломов продолжает: «В период империи Цинь, несмотря на сильную централизацию государственной власти, община по-прежнему оставалась основной общественной единицей Циньского государства, **сохранявшей свои органы самоуправления»** [Переломов, 2016, с. 161]. При этом самые низшие должностные лица циньского государственного аппарата, глава *тина* (*тинчжана*) и *цюдао* («задерживающего бандитов») во вновь созданных искусственных административных единицах, *тинах*, осуществляли функции, которые «сводились фактически к контролированию действий советов старейшин, продолжавших оставаться **полновластными хозяевами в рамках своих общин**. … Члены совета старейшин по-прежнему ведали культовыми отправлениями общины и были вправе назначать по своему усмотрению любого общинника на какую-либо должность в пределах своих общин». Переломов специально отмечает, что во время подготовки к проведению аграрной реформы в 216 г. до н. э. «размеры пахотных участков земледельцев и землевладельцев устанавливались не государственными чиновниками, а самими “черноголовыми”. Общинники сами должны были сообщать представителям императорской администрации данные о количестве обрабатываемой земли для установления нового налога. **Составлением данных на местах занимались, по-видимому, члены советов старейшин.** В 216 г. до н. э. Цинь Шихуан подарил каждой общине по шесть *даней* риса (180 кг.). Вероятно, это было **вознаграждение за труд, проделанный советом старейшин** при состав-

4 По-видимому, эта точка зрения повлияла на некоторых советских ученых, с конца периода Чжаньго отказывавших китайской общине в существовании.

лении списков о количестве пахотных земель общинников» [Переломов, 2016, с. 161–162].

Таким образом, даже в период существования самого «деспотичного» китайского государства, каковым являлась империя Цинь, члены совета старейшин выполняли культовые функции, назначали на общинные должности, составляли данные о размерах пахотных участков земледельцев и землевладельцев для установления налогообложения.

Как пишет Переломов, «признавая за общиной ее административные права (имеются в виду распорядительские функции совета старейшин), Цинь Шихуан так же, как и его предшественники, пытался изъять жреческие функции из сферы советов старейшин». Активную деятельность Цинь Шихуана в сфере идеологии подтверждает указ первого китайского императора вскоре после объединения Китая, гласивший, что отныне все *саньлао*, возглавлявшие межобщинные культовые объединения, должны «возглавлять и перевоспитывать» подведомственное население в духе преданности императору. Указ был столь категоричен, что составители «Цянь Ханьшу», жившие через 300 лет после объединения страны, сочли *саньлао* государственными чиновниками [Переломов, 2016, с. 162].

Однако Переломову удалось доказать: *саньлао* не получали жалования, полагавшегося чиновникам, отбывали трудовые повинности (от которых их освободил лишь указ первого ханьского императора Лю Бана) и несли службу по охране границ: «сам факт отбывания государственных повинностей несовместим с чиновничьим званием и сразу же ставит *саньлао* вне сферы государственных должностных лиц, юридически приближая их к обычным членам общины». Таким образом, Цинь Шихуан практически ничего не изменил в социальном положении *саньлао*, но столь серьезно воздействовал на их религиозные, идеологические и воспитательные функции, что последующие историки приняли их за чиновников. Однако несмотря на стремление Цинь Шихуана ограничить «сферу деятельности общинных органов самоуправления» [Переломов, 2016, с. 162–163], в полной мере ему это не удалось.

Живучесть общинных органов реализовалась во время войны 209–202 гг. до н.э., когда государственные органы перестали функционировать: как только императорские войска уходили из района, расположенного на территории какого-либо из бывших шести царств, власть переходила сельским общинным органам управления (*саньлао*). Именно с *саньлао* обсуждал Чэнь Шэн планы военных действий, те же *саньлао* провозгласили Чэнь Шэна царем Чу.

Летом 206 г. до н. э. основатель династии Хань Лю Бан после повторного захвата территории бывшего царства Цинь был вынужден пойти на уступки общинной верхушке[5] и **ввел *саньлао*, правда, с совещательным голосом, в состав уездной,** то есть, **государственной администрации** [Переломов, 2016, с. 163–164].

По мнению Переломова, в период Западной (Ранней) Хань сохранились и *фулао* — члены совета старейшин, «они занимали такое же положение, как во время династии Цинь». Переломов считает, что «при Восточной (Поздней) Хань (25–220 гг. н. э.) община играла значительно большую роль, чем при империи Цинь: выступая в качестве юридического лица, она

5 Именно возглавлявшие горожан *фулао* дали Лю Бану разрешение на вход. Члены совета старейшин мобилизовали 2 000 общинников и провозгласили его правителем (*гун*) царства Пэй. После захвата столицы империи Цинь Сяньяна (206 г. до н. э.) Лю Бан заключил с циньскими *фулао* знаменитый договор («Я стал царем Гуань-чжуна (бывшее царство Цинь) и заключаю с отцами-старейшинами договор о [введении] закона из трех пунктов: за убийство человека — смерть; за ранение или ограбление — возмещать [согласно] тяжести преступления; все законы Цинь отменяются полностью» [Переломов, 2016, с. 163]), свидетельствующий о реальной власти циньских старейшин, представлявших интересы общин. Значение его трудно переоценить — победитель гарантировал *фулао* не только защиту жизни, но и охрану их владений ценой наказания своих воинов. Установление подобных отношений с общинными органами самоуправления обеспечило Лю Бану поддержку масс, что сыграло не последнюю роль в его победе над Сян Юем.

могла приобрести у купцов пахотную землю [Переломов, 2016, с. 164; 170]. Переломов даже полагает, что присутствовавшие при продаже земли гражданские лица общины были не обычными свидетелями-общинниками, а «какой-то группой лиц, скорее … руководителями общины». Попытка Переломова сделать из простых свидетелей частной сделки руководителей общины представляется некоторой натяжкой. Но обычай привлечения при заключении частной сделки свидетелей со стороны общины был в древности не только в Китае. Переломов отмечает, что «и в других странах древнего мира, несмотря на возникновение частной земельной собственности, землевладелец не мог свободно распоряжаться своим наделом без согласия старых членов общины» [Переломов, 2016, с. 171–172].

В. В. Малявин об общине эпохи Хань и возвышении «сильных домов»

Исследователь ханьской эпохи В. В. Малявин сообщает о значительном социальном расслоении общины того времени: «от раннеханьского периода дошли упоминания о разделении жителей на богатых, живших “по правую сторону от деревенских ворот”, и бедных, живших на левой стороне. В источниках различаются предводители общин — “отцы-старейшины” (*фулао*) и подчиненные им “сыновья и младшие братья” (*цзыди*)» [*История Китая…* 2016, с. 268].

Малявин демонстрирует традиционное марксистское отношение к ханьской общине. Он пишет: «Несмотря на значительное имущественное расслоение внутри раннеханьской деревни, **общинные традиции еще не были подорваны**. Можно предположить, что постоянно углубляющееся имущественное и социальное расслоение в ханьской **деревне вело к распаду крестьянской общины.** Процесс этот … почти не запечатлелся в сознании современников вследствие его большой продолжительности, **исторической связи “сильных домов” с общинной организацией**, а также в силу того, что **возвышение “сильных домов” не изменило производственной структуры деревенского общества**» [*История Китая…* 2016, с. 268; 275].

В этом дискурсе можно видеть нормативное марксистское отношение к общине (в том числе и китайской), традиции которой все подрываются и разлагаются и никак, вплоть до самого недавнего времени, подорваться не могут, с чем довольно трудно согласиться; критике данного положения посвятил многочисленные работы Л. Б. Алаев, из которых можно вновь сослаться на последнюю по этой теме [Алаев, 2016, с. 21–68].

Имущественное неравенство существовало в общине во все времена, причем в Китае выражаясь прежде всего в разнице в имущественном положении семей, где было разное количество «тягловых» мужчин. Однако эта разница в положений семей не разрушала, а сплачивала общину: богатым были нужны рабочие руки, а бедным рабочие места. Эксплуатация же существовала всегда, причем могла быть как индивидуальной (частной), так и корпоративной (в пределе — государственной). Странными в этом контексте кажутся приведенные выше высказывания Малявина о близящемся «распаде» ханьской общины, если в том же тексте он писал: «внутриобщинная организация получила официальную санкцию в виде системы рангов знатности, причем династия Хань признала прерогативы *фулао* (общинной верхушки) и оказывала им особые знаки внимания». Малявин пишет: «Часть исследователей находит в ханьской деревне азиатскую общину, где мелкие хозяйства, по существу, не имеют самостоятельности. Большинство — и с большим основанием — говорят о соседской общине, базировавшейся на мелком крестьянском землевладении» [*История Китая…* 2016, с. 268–269].

Мы имеем дело с анализом ханьской общины с точки зрения типологии, введенной Марксом в «Формах, предшествующих капиталистическо-

му производству». Опираясь на марксистскую типологию и ссылаясь на мнения коллег-китаистов, Малявин включает древнекитайскую общину в широкий социально-экономический диапазон от господства общинной земельной собственности (азиатский тип общины) до почти полного ее отсутствия (соседская община). Напомним еще раз, что «азиатская», или «восточная» община — выдумка Маркса: такой общины никогда не было даже в Индии, откуда пошла эта мифологема (миф об «азиатской» общине пошел от системы *джаджмани* [обмен ритуальными услугами], не имеющей никакого отношения к землевладению и землепользованию) [Алаев, 2016, с. 9, 132–163]. В действительности же социальная и имущественная дифференциация ханьской общины находилась на очень высоком уровне.[6]

Малявин отмечает: «в источниках встречается широкий спектр терминов, обозначающих могущественную верхушку местного общества. Большинство из них выражает идею общности по родственному признаку — … “могущественный клан” (*хао цзу*), “старый клан” (*цзю цзу*), “большая фамилия” (*да син*), “именитая фамилия” (*чжу син*) и т. п. Иногда речь идет о богатых и просто “могущественных и выдающихся” (*хао цзэ*) домах». Именно представители «сильных домов», старавшиеся «владеть имуществом совместно тремя поколениями», имевшие рабов, ежегодно умножавшие доходы, распахивавшие новь и расширявшие земельные владения до трехсот с лишних *цинов* (более 2 тыс. га), строившие дома с двойными залами и высокими покоями, обладавшие озерами, оросительными каналами, рыбными прудами и выгонами для скота, выдвигались уездными властями на должности общинных старост (*саньлао*) [*История Китая…* 2016, с. 269–270].

Зададимся вопросом, в чем же заключается распад ханьской общины, если представители «сильных домов» выдвигались на должности общинных старост (*саньлао*)? Правда, новые *саньлао*, представлявшие «сильные дома», по социальному положению и манере поведения явно отличались от прежних начальников общин[7]. У «сильных домов» времен династии Хань «в качестве ядра … фигурирует патронимическая организация *цзун цзу*, которая формально включала в себя всех имевших общего мужского предка родственников до пятого колена». Численность кланов могла быть очень большой: «от несколь-

6 Как пишет Малявин, «в ханьском Китае приобретение земли было не только надежной и респектабельной, но и выгодной формой помещения капитала благодаря низким ставкам поземельного налога. Формально осуждаемая императорской идеологией жажда умножения земельного богатства была настолько свойственна верхушке ханьского общества, что хронисты писали, как о редком образце бескорыстия и скромности о конфуцианском ученом, который “все раздавал родственникам, поля его не расширялись”» [*История Китая…* 2016, с. 269]. Ханьский ученый и государственный деятель II в. н. э. Цуй Ши в «Помесячных указаниях для четырех сословий народа» обрисовал новое положение в ханьской деревне: «Высшие семьи накапливают миллионные богатства, приобретают земельные владения, не уступающие владениям удельной знати. Они дают взятки, чтобы заставить власти поступить несправедливо, держат у себя телохранителей, чтобы запугивать простой народ. Они убивают невинных и хвастаются, что никто из их людей не был казнен как преступник на рыночной площади. Так они живут, а после смерти пользуются почестями, как государи. Посему люди низших дворов в страхе топчутся, не зная куда ступить. Отцы и дети, склонив головы, рабски прислуживают богатеям и приводят к ним в услужение жен и детей. Оттого богатеи, всего имея в избытке, день ото дня становятся все богаче. Бедняки, не имея необходимого, с каждым днем беднеют. Из поколения в поколение они живут словно пленники и все же не имеют достаточно пищи и одежды. При жизни они изнемогают от непосильного труда, после смерти их постигает несчастье остаться непогребенными. Если случится небольшой недород, им приходится идти по миру, хоронясь в придорожных канавах, продавая жен и детей» [*История Китая…* 2016, с. 274].

7 Малявин рисует портрет предводителей «сильных домов» так: они «могут представать одновременно рачительными хозяевами и бессребренниками, добрыми семьянинами и любителями удалых забав вроде лошадиных скачек и петушиных боев, своевольными воинами и учеными-начетчиками. Экономическое господство и бескорыстие, авторитаризм и забота о подчиненных являются типичными компонентами образа местного магната» [*История Китая…* 2016, с. 270].

ких десятков до ста и более человек»[8].Члены клана (патронимии) могли занимать различные имущественные и социальные позиции. Вполне естественной была ситуация, «когда “отец знатен, а сын презренен; дед презренен, а внук знатен … отец богат, а сын беден, старший брат беден, а младший богат”. Столь же естественным считалось неравенство между отдельными семьями клана, засвидетельствованное помимо прочего данными эпиграфики» [*История Китая…* 2016, с. 270–271].

Соотношение клана, общины и «сильных домов». Гости или рабы?

Малявин считает, что, «касаясь организации “сильных домов”, мы должны говорить не о клане, но скорее о номинально существующей клановой структуре. Но поскольку клан и клановая структура всегда номинальны, т. е. охватывают тех, кого люди считают своими, то, видимо, Малявин в данном случае под кланом имеет в виду «родовую» общину, т. е. членов рода (клана), живущих вместе, а под «клановой структурой» — дисперсный «род», в котором «родственники по крови» живут рядом с «не родственниками по крови», свойственниками и посторонними людьми, то есть общину. Однако, как уже отмечали М. В. Крюков и Л. Б. Алаев: «род, как его ни понимать, не может быть хозяйственной ячейкой» [Алаев, 2016а, с. 154], т. е. род и община — разные институты.

Аналогичным образом обстоит дело с представлением о «сильном доме» как одной семье, базирующейся на псевдородственных отношениях. На деле такая семья охватывала всех, кто подчинялся власти ее главы и считался лично ему обязанным[9]. «Сильные дома» в позднеханьский период были настолько могущественны, что могли успешно противостоять государственным властям. Так, «в конце II в. чиновник Сунь Сун, укрывая друга от преследований властей, говорил ему: “Мой дом насчитывает сто человек, и мы достаточно сильны, чтобы помочь тебе”» [*История Китая…* 2016, с. 272].

Малявин описывает структуру «сильных домов» так: «Считалось, что господин оказывает “милость” (*энь*) своим людям, а те служат ему, “воздавая за милость” (*бао энь*), выполняя свой личный долг. С позднеханьского времени зависимый люд “сильных домов” нередко так и называли – “преданные из чувства долга”» [*История Китая…* 2016, с. 273][10]. Рассматривая динамику социальных представлений ханьского общества,

8 «Основной ячейкой клана являлась малая семья. Когда сыновья достигали совершеннолетия и женились, происходил раздел семейного имущества, а родители оставались жить с одним из них, обычно старшим сыном. Отсюда, вероятно, существовавшая при Хань практика пожалования рангов знатности старшим сыновьям — единственный случай признания права примогенитуры за пределами царствующего дома. В позднеханьское время на севере Китая распространился тип семьи, основанный на “вертикальных” отношениях отца и взрослых сыновей, ведших совместное хозяйство». Этот тип большой «вертикальной» семьи полностью противоречил идеям Шан Яна, но соответствовал нормам конфуцианской идеологии: «жить вместе несколькими поколениями», «тремя поколениями совместно владеть имуществом». Впрочем, кланы, где «несколько поколений жили вместе» были редким явлением: «помимо родовых кладбищ, мы не встречаем в ханьскую эпоху таких осязаемых форм кланового единства, как общий храм предков или особый клин клановых земель» [*История Китая…* 2016, с. 270–271].

9 «Уклад “сильных домов” базировался на личностных отношениях патрона и клиента (в Китае говорили “хозяина” и “гостя”) с их принципом взаимообразности (*бао*) реципрокности в рамках ассиметричных отношений “старших” и “младших». “Сильные дома” нередко описываются в литературе как объединение “родственников и гостей”. Принцип личных связей “хозяина” и “гостя” воплощен в этике так называемых людей долга (*ся*), обычно снабжавшихся эпитетами “своенравный”, “лихой” и т. п. Поведение “людей долга” определялось особым кодексом чести, предписывающим им даже ценой жизни мстить за обиды и заботиться о тех, кто им предан; свой союз *ся* скрепляли клятвой личной верности» [*История Китая…* 2016, с. 271–272].

10 Рассматривая формы эксплуатации и статус зависимого населения в «сильных домах», Малявин пишет: «За исключением рабства, какие бы то ни было формы зависимости между частными лицами официальным законодательством не фиксировались. Зачастую лица, подчиненные домашнему патриарху, именуются просто “толпой” (*чжун*). Работники в хозяйствах “сильных домов” звались обычно “арендаторы – гости” (*дянькэ*), “нанявшиеся го-

Малявин усматривает появление в общественном мнении противопоставление «высших семей» «низшим дворам», которые уже более «не имели … всей полноты власти, подобающей семейному патриарху. Если в начале правления Хань “гости” были призваны украшать дом патрона и имели личную свободу, то во II в. они уже могли обрабатывать землю своего патрона. Тогда же появляются устойчивые словосочетания “слуги и гости”, “рабы и гости”, “подлые гости”. Таким образом, “гости” составили новую категорию лично зависимого люда, получившую официальное признание в раннесредневековую эпоху. То же относится и к такой категории подневольного люда, как *буцюй*, зафиксированной в источниках с конца II в. Вместе с тем крестьяне-издольщики в правовом и социальном отношении явственно отличались от рабов. В позднеханьских реестрах они числились в государственных реестрах» [*История Китая…* 2016, с. 270, 275].

Социальная структура древнекитайской общины в конце Хань значительно усложнилась, существование «сильных домов» и их «зависимых» не сопрягалось с эгалитарностью китайской общины, какой она сложилась в умах традиционных китайских политических философов и представителей советско-российской марксистской исторической школы. Но **эгалитарной** общины в Китае вообще никогда не существовало, что уж говорить о той общине, что сложилась в позднеханьский период. Эволюция позднеханьской общины поставила в тупик такого квалифицированного синолога, как Малявин, решившего, что «имущественное и социальное расслоение в ханьской деревне вело к распаду крестьянской общины». О распаде Малявин судит по косвенным данным, к которым относятся чрезмерное обогащение и расточительство «сильных домов» и чрезвычайно приниженное положение большого числа крестьян-общинников[11]. Кроме того, **«свидетельством**

сти” (*инкэ*), “работающие взаймы” (*цзяцзо*), т. е. работники, получившие землю и орудия труда от хозяина. Иногда они фигурируют под общим названием “зависимые люди” (*туфу*). По мнению большинства исследователей, основную массу держателей земли “сильных домов” составляли арендаторы–издольщики, связанные с землевладельцем отношениями кабального должничества и выплачивающие ему от половины до двух третей урожая. Несомненно, крупные землевладельцы пользовались неустойчивостью экономического положения простых крестьян, значительная часть которых… не могли свести концы с концами». Исследуя источники, Малявин пишет «о существовании в то время (эпоха Хань) многочисленной категории крестьян, прочно привязанных к земле узами кабальной аренды. Они стояли ниже свободных крестьян, что, по-видимому, было вообще характерно для отношений так называемой аренды и найма в ту эпоху. Правда, для позднеханьского периода известно более десятка случае, когда ученые мужи и даже отпрыски служилых семей арендовали землю или нанимались на работу. Однако, работали они вдали от родных мест, причем нередко жили под чужим именем и даже изменяли внешность. Надо полагать, наниматься было неприлично для тех, кто претендовал на высокое положение в обществе» [*История Китая…* 2016, с. 273–275].

11 К этим «косвенным данным» Малявин относит писавшего в II в. древнекитайского философа Дун Чжуншу: «Богачи ведут распутный образ жизни, выходящий за рамки дозволенного. Они расточительны сверх всякой меры и тем возвеличивают себя… В городах они почитаемы как правители, в общинах (*ли*) они обладают богатством *гунов* и *хоу*». Малявин обращает внимание на то, что «“распутные богачи” соотнесены у Дун Чжуншу с традиционными формами деревенской организации. … речь идет о богатых крестьянах, представляющих верхушку общины. (Подобная трактовка местной элиты в целом характерна для раннеханьского периода)». Малявин приводит свидетельство чиновника I в. Ду Линя: «В начале царствования Хань могущественные кланы шести царств были ослаблены. В городах и общинах не было семей, получавших большие доходы. В сельской местности не было людей, прибирающих к рукам землю». Из этого автор делает следующий вывод: «Быстрый рост крупного землевладения в конце I в. до н. э. и последовавшие за ним внутренние войны вызвали глубокие перемены в структуре деревенского общества. Изменился сам облик деревни: усадьбы и крепости местных властителей не только зримо отличались от общинных поселений, но и стали организующими центрами сельской жизни. Сохранилась любопытная запись позднеханьского времени: “Люди строят высокие башни и устанавливают на них барабаны. В случае нужды поднимаются на крышу и бьют в барабаны, чтобы жители окрестных общин (*ли*) были оповещены об опасности и пришли на помощь”». Он также приводит сходное свидетельство Чжунчан Туна: «Дома могущественных семей

разложения общины служит и отмирание традиционной деревенской администрации … О том же говорит упадок общинного культа *шэ* и распространение индивидуалистической религии в позднеханьский период» [*История Китая…* 2016, с. 276].

В тексте Малявина мне не удалось найти доказательств отмирания *традиционной* деревенской администрации как признака разложения общины в позднеханьском Китае [*История Китая…* 2016, с. 277–287]. Напротив, представители «сильных домов» выдвигались властями на должности общинных старост (*саньлао*), а значит, традиционная деревенская администрация отнюдь не отмирала. Что же касается «упадка общинного культа *шэ*», то до конца он не исчез, хотя значительная часть религиозных обрядов «перекочевала» в родовые поминальные храмы предков «сильных домов». Кроме того, как пишет Малявин, «подкрепляя свои амбиции религиозными мотивами, местная элита покровительствовала локальным культам, шаманам и разного рода “святым людям”, формально отвергавшимся имперскими властями» [*История Китая…* 2016, с. 280]. Возможно, часть этих локальных культов носила общинный характер. Распространение индивидуалистической религии, то есть буддизма, в познеханьский период было связано не с упадком общинной организации, а со складыванием в начале нашей эры великого межконтинентального морского пути, связывающего Европу и Ближний Восток с Дальним Востоком, в результате чего были установлены тесные связи между Индией, Юго-Восточной Азией и Китаем. По этому морскому пути из Индии в Юго-Восточную Азию и империю Хань в I–II вв. и начал распространяться буддизм [Алаев, Ашрафян, 1995, с. 93].

Предлагая взглянуть на политическую жизнь Ханьской империи со стороны провинциальной элиты, Малявин отмечает, что эта провинциальная элита **«чувствовала себя полновластной хозяйкой округи»**. Выявляя чиновничьи амбиции представителей «сильных домов», Малявин отмечает, что «местная верхушка, явно не желая ограничивать себя рамками деревни, стремилась упрочить свое положение службой в уездной и особенно областной управах, дававшей реальные шансы на карьеру штатного чиновника» [*История Китая…* 2016, с. 280].

Каково же было соотношение «сильных домов» и общины в ханьский период? Малявин отвечает так: «Различие в экологической ситуации на севере и на юге обусловили и различное отношение общинной организации и уклада “сильных домов” в разных частях империи. **На севере “сильные дома” вырастали из крестьянской общины** наследуя многие ее традиции, …особенности сельскохозяйственного производства на севере, где требовалась кооперация крестьянских дворов, сочетание ручного труда и использования для пахоты буйволов, препятствовали установлению полного контроля землевладельцев над деревней. На юге, где развивалась культура заливного риса, положение крестьян было более неустойчивым. К тому же пестрый, этнически неоднородный контингент подневольного люда южных магнатов не имел ни традиций, ни единства. **Поместье на юге явно противостояло общинному укладу** населения горных районов» [*История Китая…* 2016, с. 277]. Как видим, Малявин придерживается той же концепции «разложения»

сотнями тянутся друг за другом их плодородные поля простираются всюду, их рабы исчисляются тысячами, их зависимые люди — десятками тысяч. Лодки и повозки их торговых агентов проникают во все пределы, огромные залы не могут вместить их сокровищ, в горных долинах не хватает места для буйволов, баранов и свиней». Автор комментирует эти явления так: «Здесь речь идет, очевидно, об усадьбах магнатов и подчиненных им жителях деревень … традиционные формы поселений не упоминаются Чжунчан Туном. Община и ее уклад практически не нашли отражения и в “помесячных указаниях” Цуй Ши». Малявин говорит «применительно к древней империи (Хань) о ячеистой структуре экономики, базировавшейся на довольно замкнутых поместьях. Внутри “сильных домов” существовало социальное неравенство и отношения эксплуатации. … Патриархальная оболочка “сильных домов” обусловила слабость “горизонтальных клановых” связей» [*История Китая…* 2016, с. 275–278].

патриархальной общины, которая «разлагалась» к началу правления династии Хань в течение 800–1000 лет и так и не «разложилась». Что же касается Юга Китая, то сколько бы «поместье» там ни «противостояло общинному укладу», оно так и не вышло из общины, хотя и занимало там доминирующие позиции. Все дальнейшее историческое развитие южно-китайской общины (из которой наиболее ярким примером является община вьетнамская; напомню: во времена Восточной Хань современный северный и часть центрального Вьетнама входили в состав китайской империи) показывает ее полную состоятельность. Впрочем, в главном Малявин прав: «сильные дома» на севере были слабее, чем на юге, а северное крестьянство было более сплоченным, чем южное. Оценивая возможности, значение и мощь «сильных домов» Малявин отмечает, что они **«не сумели превзойти … замкнутость деревенской общины»** [*История Китая…* 2016, с. 277]. То есть «сильные дома» не вышли за пределы деревенской общины, оставшись ее экономической, социальной, политической и военной базой.

Малявин также пишет: «На ограниченность исторических потенций “сильных домов” указывает и внутренняя слабость их организационной структуры, характеризовавшаяся сочетанием принципов иерархизма и абсолютной власти предводителя. Как следствие, ни один из них не стал созидательной силой общественного развития». По-видимому, это свидетельствует о том, что ни один «сильный дом» не смог подорвать общинную структуру ханьского общества и полностью перестроить деревенское общество. Представляется, что констатация Малявиным неспособности «сильных домов» «превзойти … замкнутость деревенских общин» [*История Китая…* 2016, с. 277] является признанием того, что «сильные дома» на самом деле органично вписывались в эту общину, были ее составной частью и не «взрывали» эту общину изнутри. Выход «сильных домов» из общины наряду с прочими неудобствами фискально-налогового характера неминуемо ставил их в противостояние с государственной властью, что было опасно (см. случай с чиновником Сунь Суном, скрывавшим своего клиента от властей). Что же до слабости организационной структуры общины, то при Хань эта слабость в понимании традиционалистов и марксистов, выразилась в доминировании «сильных домом». Община не исчезла, она просто перестроилась и продолжила существование в непростых условиях развития китайского общества.

Полагаю, что, реконструируя ханьское общество, Малявин неправомерно противопоставляет «сильные дома» и общину. «Сильные дома», семейно-клановая иерархия, с точки зрения Малявина, были «элитаристским началом в ханьском обществе … источником поступательного развития древнекитайской империи, но оно (элитаристское начало) не имело исторической перспективы. Ему противостояло “общинное начало”, исторически консервативное, но представлявшее социум и порядок. Сочетание этих двух начал обусловило неоднозначный характер движущих сил исторической эволюции ханьского общества» [*История Китая…* 2016, с. 287]. С нашей точки зрения, никакого противопоставления «сильных домов» и общины не было, ибо «сильные дома» органически входили в общину. Крестьянство, подчиненное «сильным домам», служило источником их экономической и политической мощи. В ханьский период китайская община не была «общиной равных» (да и никогда такой не была), а представляла собой органическое соединение «сильных домов» с свободным и зависимым крестьянством в общинную организацию. Более того, в ханьский период государственная власть фактически санкционировала ведущее положение «сильных домов» в общине, официально признавала представительство общины «сильными домами». То, что государственная власть в период правления Хань периодически начинала борьбу с «сильными домами» никак на это не влияло: эта борьба в конечном итоге всегда заканчивалась в пользу «сильных домов», которые и конституировали государственную власть.

В этот период бурной перестройки ханьского общества В. В. Малявин не мог не заметить сельскую общину, так как на политическую арену вышли «сильные дома», ставшие объектом внимания династических хроник, «вытянувших» общину на страницы официальных летописей.

Государство и община в Китае: некоторые выводы

Л. Б. Алаев, опирающийся на материалы российских синологов, следующим образом сформулировал процесс эволюции доимперской общины в имперскую: «Если для общины *ли* (то есть доимперской общины) власть династии являлась внешней силой, то в новой общине (имперского и прежде всего ханьского периода) союз сильных домов, господствовавших в ней, уже воплощал государственную власть. Государственный строй превратился “в политическое выражение общины “сильных домов”» [Алаев, 2016, с. 395]. Сам Малявин подчеркивает роль государства в создании нового, перестроенного типа общины, которой было еще очень далеко до распада: «именно империя формировала общину такой, какой она была в имперскую эпоху. … Община приобрела законченность в общегосударственной иерархии» [Малявин, 1981, с. 192–201].

В связи с вышеизложенным можно согласиться с формулировкой Л. Б. Алаева относительно взаимоотношений государственной власти и китайской общины: «Можно сделать вывод, что община в Китае… возникла самопроизвольно, но автономной от аппарата она… **никогда** не была» [Алаев, 2016, с. 396]. Самопроизвольность возникновения китайской общины следует понимать как независимость этого процесса от воли государственных властей, но как только такая община организовалась, она стала объектом воздействия государства, оказывавшего на нее то сильное, то слабое давление в зависимости от направления государственной политики.

В связи с проблемой частной собственности на землю, которой обладали в общине «сильные дома» в виде своих «поместий», не совсем корректным представляется мне следующее положение Алаева: «Такой “фирменный” для общины процесс, отмечаемый **практически во всех странах**, как созревание частной собственности на землю внутри общины, проходил тут [в Китае] как соответствующий изменениям в налоговой сфере» [Алаев, 2016, с. 396]. Представляется, что говорить о «созревании частной собственности на землю внутри общины» как о «фирменном» процессе невозможно. Частная «собственность», возникающая в общинах некоторых стран, в других странах могла в общине вообще не возникнуть, а общинная «собственность» могла поглотить частную «собственность», возникшую неподалеку, но не сумевшую утвердиться внутри общины[12].

Таким образом, возникновение частной собственности «сильных домов» в китайской общине было явлением вовсе не тривиальным. У китайских «сильных домов» могло быть боль-

12 В Корее, например, не то что «частная собственность на землю внутри общины» не вызрела, но с того момента, как мы можем проследить историю корейской общины (с 722 г.), государство сразу же ввело надельную систему (*чонъджон*), прямо вмешавшись в аграрную структуру общины и распределяя землю между тягловыми, совершенно не учитывая какие-либо представления о частной собственности [Алаев, 2016, с. 403]. В Северном Вьетнаме в XI–XII вв. Д. В. Деопик доказывает наличие «в то время вблизи обработанных общинных земель в большинстве долинных областей Дайвьета свободных ничьих земель, на которые общины не претендовали. … Частные участки, возникающие на таких землях, могли продаваться навечно, и государство это признавало, если имелась купчая» [Деопик, 1994, с. 144]. Впоследствии такие участки в случае их заброса и отказа платить налоги могли инкорпорироваться в общину. Собственно, то же самое отмечает и Л. Б. Алаев, ссылаясь на докторскую диссертацию Нгуен Хай Ке: «новые территории в дельте Красной реки первоначально осваивались индивидуальными хозяйствами, и лишь затем под давлением налогового аппарата частные земли превращались в общинные, т.е. тягловые наделы. Происходило как бы создание или возрождение общинного землевладения и общего землепользования» [Алаев, 2016, с. 412].

шое будущее, сравнимое с феодальными владениями в Западной Европе. Не случилось это «будущее», потому что Китай (особенно северный) был подвержен набегам кочевников, а против кочевников отдельные феодальные владения устоять не могли [Рябинин, 2020]. Пришлось китайцам создавать мощное централизованное государство, способное отразить набеги кочевников. В этом государстве и общины, и включенные в их состав (в разные периоды на разных основаниях) «сильные дома» заняли свое место, варьировавшееся в зависимости от внешне- и внутриполитических условий.

Список литературы / References

Алаев Л. Б., Ашрафян К. З. *История Востока. В 6 т. Т. 2. Восток в середние века.* М.: Восточная литература, 1995. — 716 с. [Alaev L. B., Ashrafyan K. Z. *History of the East.* In 6 Vols. Vol. 2. *The East in the Mediaeval Times*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995.—716 p. (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Социальная структура индийской деревни (территория Уттар-Прадеша, XIX век)*. М.: Наука, 1976. — 264 с. [Alaev L. B. *Social Structure of the Indian Village (Uttar Pradesh, 19th Century)*. Moscow: Nauka, 1976. — 264 p. (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции.* М.: Наука, 1981. — 240 с. [Alaev L. B. *The Rural Community in North India. The Main Stages of Evolution.* Moscow: Nauka, 1981. — 240 p. (in Russian)].

Алаев Л. Б. Частная собственность на землю в древней и средневековой Индии. *Частная собственность на Востоке*. М.: ИВ РАН, 1998. С. 94–119 [Alaev L. B. Private Land Property in Ancient and Medieval India. *Private Property in the East*. Moscow: IOS RAS, 1998. Pp. 94–119 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Л. Б. Алаев: Община в его жизни. История научных идей. История нескольких научных идей в документах и материалах.* М.: Восточная литература, 2000a. — 584 с. [Alaev L. B. *L. B. Alaev: Community in His Life. History of Academic Ideas. The History of Several Scientific Ideas in Documents and Materials.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000a. — 584 p. (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Сельская община. "Роман, вставленный в историю". Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе*. М.: Ленанд, 2016. — 480 с. [Alaev L. B. *The Rural Community. "A Novel Inserted in History." A Critical Analysis of Community Theories, Historical Evidence of Its Development and Role in a Stratified Society*. Moscow: Lenand, 2016. — 480 p. (in Russian)].

Алаев Л. Б. Индийская сельская община в российских исторических исследованиях. *Страницы истории и историографии Индии и Афганистана. К столетию со дня рождения И. М. Рейснера.* М.: Восточная литература, 2000b. С. 107–117 [Alaev L. B. Indian rural community in Russian historical studies. Pages of the history and historiography of India and Afghanistan. On the centenary of the birth of I. M. Reisner. Moscow: Eastern literature, 2000b. Pp. 107–117 (in Russian)].

Бокщанин А. А. *Императорский Китай в начале XV в.: внутренняя политика*. М.: Наука, 1976. — 323 с. [Bokshchanin A. A. *Imperial China at the Beginning of the 15th Century: Domestic Politics*. Moscow: Nauka, 1976. — 323 p. (in Russian)].

Боровкова Л. А. *Восстание «красных войск» в Китае.* М.: Наука, 1971. — 198 с. [Borovkova L. A. *The Uprising of the "Red Troops" in China*. Moscow: Nauka, 1971. — 198 p. (in Russian)].

Боровкова Л. А. О борьбе китайского народа против монгольских завоевателей в середине XIV в. *Татаро-монголы в Азии и Европе*, М.: Наука, 1977. С. 447–462 [Borovkova L. A. On the Struggle of the Chinese People against the Mongol Invaders in the Middle of the 14th Century. *Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 447–462 (in Russian)].

Боровкова Л. А. О некоторых аспектах аграрной политики Чжу Юань-чжана. *Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае*, М.:

Наука, 1974. С. 116–133 [Borovkova L. A. On Some Aspects of the Agrarian Policy of Zhu Yuanchang. *Agrarian Relations and the Peasant Movement in China*. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 116–133. (in Russian)].

Васильев Л. С. *Аграрные отношения и община в древнем Китае (XI–VII вв. до н. э.)*. М.: ГРВЛ, 1961. — 267 с. [Vasiliev L. S. Agrarian Relations and the Community in Ancient China (11th–17th Centuries BC). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1961. — 267 p. (in Russian)].

Васильев Л. С. Социальная структура и динамика древнекитайского общества. *Проблемы истории докапиталистических обществ.* М.: Наука, 1968 [Vasiliev L. S. Social Structure and Dynamics of Ancient Chinese Society. *Problems of the History of Pre-Capitalist Societies*. Moscow: Nauka, 1968. (in Russian)].

Деопик Д. В. *История Вьетнама*. Ч. 1. М.: Издательство МГУ, 1994. — 320 с. [Deopik D. V. *History of Vietnam.* Part. 1. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1994. — 320 p.]

Кравцова М. Е., Попова И. Ф. *История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907).* М.: Восточная литература, 2014. — 992 с. [Kravtsova M. E., Popova I. F. *History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century.* Vol. III. *Three Kingdoms, Jin, Southern and Northern Dynasties, Sui, Tang (220–907).* Moscow: Vostochnaya Literatura, 2014. — 992 p. (in Russian)].

История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (*V* в. до н. э. – *III* в. н.э.). М.: Восточная литература, 2016. — 688 с. [*The History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century.* Vol. II The Era of Zhangguo, Qin and Han (5th Century BC – 3rd Century AD). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2016. — 688 p. (in Russian)].

Крюков М. В. *Формы социальной организации древних китайцев*. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1967. — 204 с. [Kryukov M. V. *Forms of the Social Organization of the Ancient Chinese.* Moscow: Nauka, 1967. — 204 p. (in Russian)].

Малявин В. В. Аристократия раннесредневекового Китая и ее историческое значение. *Социальные организации в Китае.* М: Наука, 1981 [Malyavin V. V. Aristocracy of Early Medieval China and Its Historical Significance. *Social Organizations in China*. M: Nauka, 1981 (in Russian)].

Малявин В. В. *Гибель древней империи.* М.: Наука, 1983. — 226 с. [Malyavin V. V. *The Death of an Ancient Empire*. Moscow: Nauka, 1983. — 226 p. (in Russian)].

Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения. Т.* 46. *Ч.* 1. М.: Политиздат, 1968. — 972 с. [Marx K., Engels F. *Works*. Vol. 46. P. 1. Moscow: Politizdat, 1968. — 972 p. (in Russian)].

Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения. Т.* 19. М.: Политиздат, 1961. — 703 с. [Marx K., Engels F. *Works*. Vol. 19. Moscow: Politizdat, 1961. — 703 p. (in Russian)].

Мугрузин А. С. *Аграрные отношения в Китае в 20–40-х годах XX века.* М.: Наука, 1970. — 236 с. [Mugruzin A. S. *Agrarian Relations in China in the 20–40s of the 20th Century.* Moscow: Nauka, 1970. — 236 p. (in Russian)].

Непомнин О. Е. *История Китая с древнейших времен до начала XXI века.* Том *VI.* Династия Цин *(1644–1911)*. М.: Восточная литература, 2015.— 888 с. [Nepomnin O. E. *The History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century.* Vol. VI. Qing Dynasty (1644–1911). Moscow: Vostochnaya literatura, 2015. — 888 p. (in Russian)].

Переломов Л. С. *Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае.* М.: Восточная литература, 1962. — 243 с. [Perelomov L. S. *The Qin Empire is the First Centralized State in China.* Moscow: Vostochnaya Literatura, 1962. — 243 p. (in Russian)].

Переломов Л. С. *История Китая с древнейших времен до начала XXI века*. *Том* II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (*V* в. до н. э. – *III* в. н. э.). М.: Восточная литература, 2016. — 688 с. [Perelomov L. S. *The History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century.* Vol. II The Era of Zhangguo, Qin and Han (5th Century BC – 3rd Century AD). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2016. — 688 p. (in Russian)].

Переломов Л. С. Община и семья в древнем Китае (III в. до н. э. – III в. н. э.). *Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук.* М.: Наука, 1964. С. 425–431 [Perelomov L. S. The Community and Family in Ancient China (3rd Century BC – 3rd century AD). *Proceedings of the VII International Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences*. Moscow: Nauka, 1964. Pp. 425–431 (in Russian)].

Переломов Л. С. О характере сельской общины в период Хань (III в. до н. э. – III в. н. э.). *Народы Азии и Африки.* 1965. № 1. С. 93–99 [Perelomov L. S. On the Nature of the Rural Community during the Han period (3rd Century BC – 3rd Century AD). *Narody Azii i Afriki*. 1965. No. 1. Pp. 93–99 (in Russian)].

Переломов Л. С. Эволюция общины и рост частной земельной собственности в Китае в IV в. до н. э. – III в. н. э. *Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке.* М.: Наука, 1966. С. 150–159. [Perelomov L. S. The Evolution of the Community and the Growth of Private Land Ownership in China in the 4th Century BC – 3rd century AD. *General and Specific in the Historical Development of the Eastern Countries. Discussion Materials on Social Formations in the East.* Moscow: Nauka, 1966. Pp. 150–159. (in Russian)].

Писарев А. А. *Проблемы типологии китайской общины (первая половина XX в.). Вопросы истории Китая.* М.: Издательство МГУ, 1981. С. 70–91. [Pisarev A. A. Problems of Typology of the Chinese Community (First Half of the 20th Century). *Problems of the History of China*. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1981 (in Russian)].

Рябинин А. Л. Рецензия на книгу Л. Б. Алаева Сельская община. “Роман, вставленный в историю”. Критический анализ теории общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе». *Вестник института востоковедения*. 2018. № 3. С. 218–225 [Ryabinin A. L. Review of Leonid B. Alaev’s Book “A Novel Inserted in History” A Critical Analysis of Community Theories, Historical Evidence of Its Development and Role in a Stratified Society. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAS.* 2018. No. 3. Pp. 218–225 (in Russian)].

Рябинин А. Л. О «сакральном», структуре власти на Востоке и Западе, а также об особенностях восточного и западного пути развития (ответ «группе четырех»). *Восток / Oriens.* 2020. № 2. С. 187–200 [Ryabinin A. L. Of All Things ‘Sacred’, the Structure of Power in the East and West, and of the Eastern and Western Ways of Development (The Answer to the Group of Four). *Vostok / Oriens.* 2020. No. 2. Pp. 187–200 (in Russian)].

Рябинин А. Л., Рябинина И. А. Была ли в Китае сельская община? *Вестник института востоковедения*. 2018. № 5. С. 95–109 [Ryabinin A. L., Ryabinina I. A. Was There a Rural Community in China? *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAS.* 2018. No. 5. Pp. 218–225 (in Russian)].

Свистунова Н. П. О свободной крестьянской собственности в начале правления минской династии. Народы Азии и Африки, 1961, № 3. С. 118–124. [Svistunova N. P. On the Free Peasant’s Property at the Beginning of the Ming Dynasty. *Narody Azii and Afriki.* 1961. No. 3. Pp. 118–124. (in Russian)].

Свистунова Н. П. *Аграрная политика Минского правительства во второй половине XIV в.* М.: Наука, 1966. — 168 с. [Svistunova N. P. Agrarian Policy of the Ming Government in the Second Half of the 14th Century. Moscow: Nauka, 1966. — 168 p. (in Russian)].

Тюрин А. Ю. К вопросу о социальной организации сельского населения в Китае в V–VIII вв. *Общество и государство в Китае. Доклады и тезисы. Вып*. II. М.: Наука, 1970. С. 258–268 [Tyurin A. Yu. On the Social Organization of the Rural Population in China in the 5th – 8th Centuries. *Society and State in China*. Iss. II. Moscow: Nauka, 1970. Pp. 258–268 (in Russian)].

Тюрин А. Ю. *Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III–VIII вв.* М.: Наука, 1980. — 194 с. [Tyurin A.Yu. *The Formation of Feudal-Dependent Peasantry in China in the 3rd –*

8th Centuries. Moscow: Nauka, 1980. — 194 p. (in Russian)].

Тяпкина Н. И. *Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая (вторая половина XIX – начало XX в.)*. М.: Наука, 1984. — 194 с. [Tyapkina N. I. *Village and Peasantry in the Socio-Political System of China (Second Half of the 19th – early 20th Centuries)*. Moscow: Nauka, 1984. — 194 p. (in Russian)].

Тяпкина Н. И. Местное управление в Китае и социальная организация сельской общины в начале XX в. *Китай: Государство и общество*. М.: Наука, 1977. С. 232–248 [Tyapkina N. I. Local Government in China and the Social Organization of the Rural Community at the Beginning of the 20th Century. *China: State and Society*. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 232–248 (in Russian)].

Уваров П. Ю., Рябинин А. Л. *Китай в средневековом мире. Взгляд из всемирной истории.* СПБ: Наука, 2017. — 288 с. [Uvarov P. Yu., Ryabinin A. L. *China in the Medieval World. A World History Perspective.* St. Petersburg: Nauka, 2017. — 288 p. (in Russian)].

DOI: 10.18254/S268684310010366-0

Некоторые аспекты модернизации на Востоке в XX веке

Modernization in the East in the 20th Century: Problems and Solutions

Александр Иванович Яковлев

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; профессор: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный институт, факультет Мировой политики МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия; aliv_yak@mail.ru; ORCID ID: 000-0001-7164-1321

Alexander I. Yakovlev

DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Professor: St. Tikhon's Orthodox University, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aliv_yak@mail.ru; ORCID ID: 000-0001-7164-1321

В статье разбирается понятие кризиса как движущей силы и своего рода порождения колониальной деятельности стран Запада, во многом определившей процесс модернизации в странах Востока. Автор рассматривает особенности формационного и цивилизационного развития некоторых стран Востока к концу XX в., отдельно останавливаясь на примерах Турции, КНР и Тайваня, Саудовской Аравии, Сингапура, Вьетнама и Камбоджи. Проанализирована роль, играемая странами Востока в системах международного капиталистического хозяйства (МКХ) и международных отношения (МО) в конце XX – начале XXI в.

Ключевые слова: модернизация, модернизация на Востоке, цивилизационное развитие, кризисы XX века

Для цитирования: Яковлев А. И. Модернизация на Востоке в XX веке *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 80–98. DOI 10.18254/S268684310010366-0

The article examines the concept of crisis as a driving force and a kind of product of the colonial activity of the countries of the West, which largely determined the process of modernization in the countries of the East. The author considers the features of the formation and civilization development of some

countries of the East by the end of the 20th century, dwelling separately on the examples of Turkey, China and Taiwan, Saudi Arabia, Singapore, Vietnam and Cambodia. The role played by the countries of the East in the systems of international capitalist economy (MKH) and international relations (MO) in the late 20th – early 21st century is analyzed.

Key words: modernization, modernization in the East, civilizational development, 20th century crises

For citation: Alexander I. Yakovlev. Modernization in the East in the 20th Century: Problems and Solutions. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 80–98. DOI 10.18254/S268684310010366-0

Кризис как порождение деятельности Запада

В начале XX в. большая часть стран Востока по многим показателям оставалась на низком уровне развития. Тем не менее восточные общества продолжали неспешное эволюционное развитие, в большинстве своем будучи объектами воздействия западного *империализма*. Немалая часть Востока находилась в колониальном или полуколониальном состоянии как часть системы «метрополия-колония». И все же, сознавая свою слабость, страны Востока не были готовы к решительным переменам.

К началу XX в. на Востоке насчитывалось немало *колониальных стран:* Филиппины (под контролем Испании), Шри Ланка (Португалия), Индонезия (Голландия), Индия, Бирма, Малайя, Египет, Судан (Великобритания), Алжир, Тунис, Марокко, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мадагаскар (Франция), Корея (Япония). Все властные функции в экономике и политике находились в руках колониальной администрации.

Роль Запада в развитии Персии (Ирана), Османской империи или Китая, сохранявших статус независимых государств, также была настолько велика, что, по сути, эти страны превратились в *полуколонии*. Местные правители, при сохранении номинально властных полномочий, в реальности следовали курсом, навязанным Западом: в отношениях с Западом они были не просто слабой, но неравноправной стороной. В то же время, сам по себе процесс деятельности западного капитала в восточном обществе неизбежно привносил в него новые элементы: принципы деятельности, социальные отношения, новые материальные силы, новые начала культуры.

Помимо формационного воздействия, восточное общество испытывало и менее заметное влияние — цивилизационное, ведь действовавшие на Востоке западные миссионеры, торговцы, чиновники, солдаты были носителями инородной, западной христианской культуры.

Западные компании действовали с целью получения прибыли, однако для ее максимизации и для оптимизации своей деятельности им приходилось приспосабливать отсталое восточное общество к потребностям современного капиталистического хозяйствования. Тем самым, невольно и фрагментарно, они ускоряли социально-экономическое развитие зависимых стран. Правомерно вспомнить характеристику К. Марксом результатов «цивилизующей миссии» Великобритании в Британской Индии в XIX в. Разрушив там традиционные основы жизни местного населения, Англия невольно вызвала и ускорила ход глубокого общественного переворота. «Вызывая социальную революцию в Индостане, Англия, правда, руководствовалась самыми низменными целями и проявила тупость в тех способах, при помощи которых она их добивалась. Но не в этом дело. Вопрос заключается в том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальных условиях Азии. Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории, вызывая эту революцию» [Маркс, Энгельс, 1957, с. 135–136]. А Непал или Афганистан, в которых за-

падный капитал не смог развернуть свою активную деятельность, продолжали застойное эволюционное развитие.

В то же время, «даже став колониями и полуколониями, общества Востока сохранили очень большую сопротивляемость по отношению к европейским готовым товарам в силу “естественного протекционизма”, зависящего от потребительских стереотипов, которые связаны как с социокультурными, так и с природно-климатическими факторами. Европейская промышленная продукция долгое время не вызывала интереса у восточного потребителя любого сословия, потому что она была столь же чужда ему, как материальная и духовная культура, породившая ввозимые издалека товары. Потребовалось немалое время, прежде чем европейский производитель научился хорошо имитировать местные изделия, а афро-азиатский покупатель принял отдельные элементы европейского потребительского набора и стиля, причем высшие слои общества и горожане перестроились намного быстрее низов и деревенского населения» [*Эволюция восточных обществ…* 1984, с. 136–137]. В стремлении к реализации западной модели восточное общество с необходимостью заимствовало ее формационные начала и производства и потребления.

Но и сами эти страны не всегда оставались пассивной стороной во взаимоотношениях с Западом. Их ответом на западный «вызов» стала модернизация. Освободившись от колониальной зависимости или ослабив полуколониальную зависимость, власть приступает к проведению коренных социальных реформ.

Таким образом, значение Запада состояло в том, что он невольно содействовал ускорению и выбору направления социально-экономического развития стран Востока (см.: [*Эволюция восточных обществ…* 1984, гл. 4]). Запад ослабил традиционную модель развития, предложил в качестве образца свою собственную модель, однако на деле развитие в восточных обществах пошло иным путем.

Процесс модернизации в странах Востока

Различные аспекты совершения странами Востока исторического рывка в своем развитии по капиталистическому пути широко освещены в литературе, в том числе в работах автора статьи (см.: [Яковлев, 2006]). Обратим еще раз внимание на то, что Запад являлся активным субъектом процесса модернизации, зачастую действуя жестко и агрессивно (см. подробнее [Яковлев, 2015]. Образное понимание «цивилизаторской миссии Запада» выразил **Р. Киплинг** в «Бремени белого человека» (1899, перевод А. Сергеева):

Неси это гордое Бремя.
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли —
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.
Неси это гордое Бремя —
Будь ровен и деловит,
Не поддавайся страхам
И не считай обид;
Простое ясное слово
В сотый раз повторяй —
Сей, чтобы твой подопечный
Щедрый снял урожай...
Неси это гордое Бремя —
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен:
«Чего ты хочешь, проклятый,
Зачем смущаешь умы?
Не выводи нас к свету
Из милой Египетской тьмы!»

Исходя из предложенной ранее схемы реформы системы, суммируем процессы модернизации, протекавшие в нескольких странах Востока в XX в.

Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938)
По: https://uwidata.com/6182-turks-commemorate-their-leader-81-years-ago-ataturk-passed-away/

Реформы в Турецкой Республике в 1920–1990-е гг.

Причина: кризис национального масштаба (распад Османской империи, политическая революция, глубокий экономический кризис, внешние угрозы).

Инициатор: власть в лице Мустафы Кемаля Ататюрка и его соратников.

Влияние внешнего фактора: поддержка со стороны западных государств, активность западного капитала.

Этапы реформ:

1 этап фактически прошел в период Османской империи.

2 этап — 1920-е гг.: создание современного светского государства (принятие Конституции 1924 г., Гражданского кодекса, Уголовного кодекса; запрет пропаганды против принципов светского государства); запрет полигамии; введение обязательного и бесплатного начального образования для всех турок; первая перепись населения.

3 этап — 1930–1940-е гг.: разработка политики этатизма в экономике; отказ от традиционных социальных основ (упразднение исламской судебной системы — шариата и духовных училищ — медресе, предоставление женщинам избирательного права, светская регистрация браков и рождений, закрытие дервишских орденов); создание университета; вестернизация в сфере культуры (переход с арабского алфавита на латинский, введение европейского календаря и летоисчисления, норм европейской бытовой культуры — одежде).

1950–1990-е гг.: индустриализация на основе сотрудничества государства и частного капитала; аграрная реформа; реформа образования; формирование современных социальных слоев; вестернизация в сфере культуры.

Результат реформ: успех, обретение ОПО (общественно-политических организмов) нового качества, возрастание значения страны в системах МКХ (мирового капиталистического хозяйства) и МО (международных отношений).

Конечно, представленная схема может дать лишь самое общее представление о развитии Турции в XX в. Поясним, что результатом процесса модернизации в Турецкой республике стало формирование качественно нового общества, но некоторые его системообразующие элементы оказались заимствованными не из западной модели, а взятыми из исторического прошлого. В частности, поэтому в 2012 г. премьер-министр Р. Эрдоган, стремящийся развивать современное капиталистическое общество на традиционной исламской основе, столкнулся с трудностями при проведении своего политического курса.

Истоки трудностей — в этапах реформы системы, начатой Ататюрком. На первом и втором этапах модернизации главными задачами стали преобразования в сфере политики и культуры, на которые было потрачено много усилий государства и образованной части турецкого общества. Велика и роль самого Кемаля-паши, в начале своего правления признавшегося

французскому дипломату: «Примером служит Великая французская революция, правда, мы отстаем на полтора века». Но «турецкий народ, создавший республику, — цивилизованный народ», — разъяснял **Ататюрк** в многочисленных выступлениях. «Наши идеи и наш образ мышления должны быть цивилизованы с головы до ног... Хотите того или нет, но мы должны двигаться к прогрессу. Это неизбежно» (цит. по: [Жевахов, 2008, с. 218, 258]). 27 августа 1924 г. Отец тюрок произносит «речь о шляпе», призывая мужчин отказаться от ношения фески, а женщин — от закрытия лица чадрой. «Я хочу, чтобы турецкая женщина походила на американскую», — признался он. 10 апреля 1928 г. Национальное собрание внесло поправки в конституцию: ислам перестал считаться государственной религией, утвержден принцип свободы вероисповедания, в официальных присягах больше не упоминается Аллах. 20 мая 1928 г. Национальное собрание принимает решение о латинизации турецкого алфавита. В июле 1934 г. Национальное собрание принимает решение о введении в Турции фамилий, а в новой столице — Анкаре создан симфонический оркестр.

Преобразования были объективно необходимы для разрыва с устаревшей частью Традиции, но недостаточны для создания основ буржуазного общества западного типа, они очевидно не совпадали с принципами современного западного буржуазного общества. Национализм, лаицизм (движение за освобождение общества от влияния релегии), этатизм, республиканизм (гражданский кодекс) и демократизм (не демократия) — таковы основные принципы Ататюрка.

«Цель реформ, которые мы реализуем, — это превращение народа Турецкой Республики в современное общество, как по форме, так и по содержанию. Такова основная задача наших реформ. Те, кто не воспринимает эту реальность, будут уничтожены» (цит. по: [Жевахов, 2008, с. 259]). Великий реформатор осуществил «революцию сверху» на двойной идеологической основе национализма и социализма, придав новое качество турецкому обществу. Специфика его преобразований состояла в том, что в конкретно-исторических условиях Турции 1920–1930-х гг., а также с учетом роли личности реформатора, первоочередными оказались задачи политики, а не экономики, проводились перемены в культурной жизни, а не в социальной.

Фактически Ататюрк создал новый тип модернизации: ускоренная и насильственная модернизация исламского общества. Его опыт с готовностью перенимали в Иране шах Реза Пехлеви, в Ираке — король Фейсал, ранее — король Афганистана Аманулла, позднее — Бургиба в Тунисе, Насер в Египте, Сукарно в Индонезии. Всех их привлекало по видимости успешное превращение традиционного исламского государства в светское. Ведь Ататюрк боролся не с исламом как религией, а с политизированным исламом, отстаивал не атеизм, а светскость, свободное отношение к религии как личному делу человека.

В результате решительных действий власти в стране прошла глубокая вестернизация, необходимая для осуществления «реформы системы», но не могущая заменить саму эту реформу. Ататюрк говорил об индустриализации («Пусть в Бурсе будет так много заводов, чтобы их число сравнялось с количеством религиозных заведений»), однако качественного рывка в развитии промышленности не произошло. «На потом» были отложены аграрная реформа и либерализация экономической жизни, а такого рода мероприятия как раз и создали бы массовую социальную основу нового современного строя: буржуазию (мелкую и среднюю) и наемных работников.

Затянувшийся на десятилетия третий этап реформ — социально-экономические преобразования, привел к формированию в Турции однородного буржуазного общества лишь к концу XX в. Но революционная попытка Ататюрка сменить «цивилизационный код» турецкого общества оказалась не столь успешной.

Чан Кайши (1887–1975)
По: Fu Runhua. Zhongguo Dangdai Mingren Zhuan. Shijie Wenhua Fuwu She, 1948. P. 1

Реформы в Китайской Республике в 1950–1980-е гг.

Причина: кризис национального масштаба (необходимость выживания режима Чан Кайши и миллионов китайцев, бежавших из материкового Китая после Китайской революции 1949 г.).

Инициатор: власть в лице Чан Кайши и его окружения.

Влияние внешнего фактора: полная поддержка Запада (США) (финансовая, военная, политическая и иная помощь).

Этапы реформ:

1 и 2 этапы отсутствовали, фактически они прошли на материке до 1949 г. в ходе реализации программы Сунь Ятсена; «Программа перестройки» Чан Кайши была оглашена в марте 1950 г.

3 этап — 1950-е гг.: аграрная реформа и развитие сельского хозяйства; 1960–1970-е гг.: индустриализация (развитие легкой и тяжелой промышленности) на основе взаимодействия государственного и частного капитала; 1980-е гг.: создание отраслей наукоемкой промышленности; реформа государственного управления; военная и образовательная реформы; формирование современных социальных слоев; вестернизация в сфере культуры.

4 этап — 1986–1991 гг.: разработка программы политических реформ, либерализация политической системы и политической жизни (отмена в 1987 г. закона о чрезвычайном положении (1950 г.), принятие в 1988 г. закона о свободе собраний, демонстраций и ассоциаций); переход от авторитарного к демократическому строю.

Результат реформ: полный успех модернизации, обретение ОПО нового качества, возрастание значения страны в системах МКХ и МО.

На первый взгляд, результат процесса важнее характера его протекания, однако в общественной жизни не стоит пренебрегать частностями, деталями. Процесс модернизации, как правило, начинает и проводит законная власть. Так было и в Китайской республике на Тайване, однако там власть была государственно-партийной. В 1949 г. **Чан Кайши** формально находился в отставке, до марта 1950 г. президентом считался Ли Цзунжэнь, но Чан оставался лидером Гоминьдана, что в условиях однопартийной диктатуры сохраняло в его руках основные рычаги власти.

Партия стала не только важным орудием преобразований после своей реорганизации, но также превратилась в социальную опору реформаторов. Уже в 1952 г. рабочие и крестьяне составляли 49,3 % членов партии, лица с обра-

зованием выше среднего — 29,8 %; чтобы снизить уровень враждебности между местными жителями и беженцами с материка, в партию целенаправленно принимали коренных жителей острова. Власть активно использовала идеологию. Основной принцип концепции Сунь Ятсена («модернизация работает на людей, люди работают на модернизацию») был дополнен «Тремя народными принципами» Гоминьдана: «национализм, народовластие, народное благоденствие» и принципом антикоммунизма [*Современный Тайвань*, 1994, с. 49, 47].

Стремительность и эффективность модернизации на Тайване в немалой степени обеспечивались высоким качеством государственно-административного управления и тотальным контролем партийно-государственной власти над общественной жизнью.

Не менее важным фактором, обеспечившим успех реформ, стала продуманная и жесткая, целенаправленная и долгосрочная, прагматичная и реалистичная экономическая политика государства. На Тайване не просто проводилась индустриализация и реструктуризация экономики, в развитии промышленности ставка была сделана на «гибкое сочетание экспортной ориентации с импортозамещением» [*Современный Тайвань*, 1994, с. 197]. Либеральные принципы сначала применялись в экономической политике власти, позволив создать открытую экономику, а позднее и в социально-политической жизни страны.

«Авторитарная модернизация» на Тайване стала моделью для подражания в Южной Корее, отчасти в других странах ЮВА. Своеобразный пример реформ на определенной идеологической платформе можно увидеть во Вьетнаме, где Хо Ши Мин дал «формулу модернизации»: «Социализм — это путь к тому, чтобы сделать народ богатым, а страну сильной». Спустя сорок лет, в 2001 г. IX съезд КПВ уточнил, что строительство социализма призвано сделать «народ богатым, страну сильной, строй демократическим, общество равноправным и цивилизованным» [*Сравнительный анализ общих черт…* 2012, с. 373]. Как констатируют западные эксперты, Вьетнам ныне имеет одну из самых быстрорастущих экономик в мире и притягивает «умные капиталовложения»: «Он подобен Китаю в миниатюре: в наличии имеются коммунизм, сельское хозяйство и промышленность. С присущей им дисциплиной вьетнамцы оставят позади и Таиланд, и Индонезию» [Ханна, 2010, с. 387].

Реформы в Саудовской Аравии в 1960–1990-е гг.

Причина: кризис национального масштаба (широкое недовольство крайне низким уровнем социально-экономического внутри власти, влияние внешнего фактора — национально-демократических революций в арабском мире).

Король Фейсал ибн Абдул-Азиз Аль Сауд (1906–1975)
По: https://www.inform.kz/ru/lichnye-veschi-korolya-saudovskoy-aravii-feysala-eksponiruyut-v-astane_a3027220

Инициатор: власть в лице короля Фейсала и консервативных реформаторов внутри правящей семьи Аль Сауд.

Влияние внешнего фактора: полная поддержка Запада (США) (экономическая, военная, политическая и иная), активность западного капитала.

Этапы реформ:

1 и 2 этапы — 1960-е гг.: опираясь на достижения предыдущего правления (создание единого государства, централизация институтов управления, обретение стабильного финансового источника — американской нефтяной компании АРАМКО) принимается программа реформ («10 пунктов Фейсала»), подавляется сопротивление противников модернизации.

3 этап — 1970–1980-е гг.: создание основ современной промышленности, инфраструктуры и сферы обслуживания (торговля, страхование, финансы) путем взаимодействия государства и частного капитала; создание современной системы социального обеспечения, здравоохранения и образования; формирование современных социальных слоев (буржуазия, служащие, наемные работники).

4 этап — 1990-е гг.: начало реформ в политической жизни (создание Консультативного совета, расширение гласности в СМИ, проведение диалога власти с обществом, выборы в местные органы власти).

Результат реформ: успех социально-экономических преобразований, обретение ОПО нового качества, возрастание значения королевства в системах МКХ и МО.

Подчас объяснение успеха коренных социально-экономических реформ в Саудовской Аравии сводится к одному слову «нефть» (или «нефтедоллары»), но это, конечно, упрощение. Любые ресурсы лишь создают возможность развития, вовсе его не гарантируя.

Так, король Абдель Азиз Ибн Сауд, создатель нового государства, в 1930-е гг. проводил «реформы внутри системы», исходя из логики самосохранения: реорганизовал систему управления, создал подразделения регулярной армии и обеспечил стратегическое сотрудничество с США. В 1950-е гг. доходы королевства от нефти значительно выросли, но бедность и отсталость общества, примитивность хозяйства сохранялись. Наследовавший ему старший сын, король Сауд, напротив, действовал как типичный феодальный правитель, наслаждаясь комфортом и подавляя сильные раздражители (рабочее движение на нефтепромыслах АРАМКО). Лишь смещение Сауда в 1964 г. в условиях нараставшей революционной ситуации позволило начать коренные преобразования.

Принципиальное отличие модернизации, начатой королем Абдель Азизом Ибн Саудом в 1930-е гг. и продолженной его сыном королем **Фейсалом ибн Абдель Азизом** в 1960–1970-е гг., от преобразований Ататюрка и Чан Кайши состояло в различии целей: первые, консервативные реформаторы, проводили «реформу системы» ради сохранения основ традиционного аравийского общества, а вторые, вестернизированные революционеры, меняли традиционное общество ради проведения «реформы системы». Результаты кажутся похожими, но лишь с формационной точки зрения.

Модернизация королевства стала ярким примером первостепенной важности внешнего фактора для «реформы системы». Главной целью АРАМКО было, конечно, процветание своей страны, а не Аравии, но, следуя закономерности, описанной столетием раньше К. Марксом, американский капитал вынужден был приспосабливать отсталые структуры Аравии к потребностям своей промышленности. Появлялись саудовские рабочие и техники, предприниматели и торговцы, а позднее побуждало к сотрудничеству уже саудовское государство. Американский капитал, американские технологии, американские советники, американская военная помощь, американские программы школьного обучения и еще многое другое, пришедшее из США, — позволили королям Фейсалу, Халеду и Фахду в сжатые сроки создать современную индустриальную экономику (нефтяного типа), заложить экономические и социальные основы современного буржуазного общества.

В то же время, сохранение принципов ислама и бедуинской традиции, дополненное притоком нефтедолларов, придали новому аравийскому социуму черты не только своеобразия, но и устойчивости.

Попыткой такого рода системных преобразований можно считать реформы в Афганистане короля Мухаммада Захир-шаха, проводимые правительством его дяди Мухаммеда Дауда (пятилетние планы социально-экономического развития 1956–1961 и 1962–1967 гг., технико-экономическое сотрудничество с СССР, развитие промышленности и инфраструктуры, быстрый рост учебных заведений всех уровней). В 1964 г. была принята конституция, гарантировавшая гражданские свободы в рамках конституционно-демократической монархии с признанием ислама государственной религией, возникли политические партии. В то же время власть поддерживала ортодоксальное духовенство, кочевые и полукочевые племена. Но «демократический эксперимент» закончился неудачей, саудовский вариант реформирования был отвергнут.

В 1973 г. М. Дауд возглавил государственный переворот, монархия была свергнута, возникла жесткая авторитарная власть, которая, однако, расширила и углубила процесс социально-экономических реформ при понижении уровня политической жизни; новые параметры государства были закреплены в конституции 1977 г. В апреле 1978 г. режим М. Дауда был свергнут, и в Афганистане началась эпоха смуты. Процесс реформирования был остановлен и отчасти повернут вспять. В центре общественного развития оказались политика и процессы формирования общества на основе исламских ценностей.

Реформы в Сингапуре в 1960–1980-е гг.

Причина: кризис национального масштаба (этнические и межобщинные столкновения, низкий уровень развития, бедность и отсталость).

Инициатор: власть в лице Ли Куан Ю и его соратников.

Влияние внешнего фактора: поддержка со стороны западного капитала и государств региона.

Этапы реформ:

1 этап — 1959–1965 гг.: попытки развития в составе Малайзии.

2 этап — 1965–1971 гг.: упрочение государственности и выработка программы модернизации; создание правовых основ рыночной экономики; административная реформа.

Ли Куан Ю (1923–2015)

По: https://www.ntv.ru/novosti/1376916/

3 этап — 1970–1980-е гг.: индустриализация на основе высоких технологий, развитие сферы обслуживания (финансы, страхование, туризм); ликвидация безработицы; борьба с коррупцией; реформа образования; формирование современных социальных слоев; вестернизация в сфере культуры. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП увеличилась с 11,9 % в 1960 г. до 25 % в 1984 г. преимущественно за счет новых научно-технологических производств. Из общего числа экономически активного населения доля лиц наемного труда составляла 84,7 %, предприниматели — 4,1 %, самостоятельные хозяева — 9 %, семейные работники — 2,2 % [Галич, 2011, с. 308, 309].

4 этап — 1980–1990-е гг.: постепенная либерализация политической жизни.

Результат реформ: очевидный успех, обретение ОПО нового качества, возрастание значения страны в системах МКХ и МО.

Маленькое государство, возникшее в 1965 г. и едва различимое на географической карте, вдруг и в сжатые сроки смогло превратиться в один из мировых финансовых центров, в активного и самостоятельного субъекта мировой экономики. Всякий пример успеха уникален, пример Сингапура не исключение.

Обыкновенно большое внимание уделяют личности **Ли Куан Ю**, занимавшего пост премьер-министра Сингапура с 1959 г. до 1990 г. Это справедливо, потому что в процессе модернизации его роль действительно велика: он принял решение о начале перемен, составил программу реформ и контролировал процесс преобразований, обеспечивая поддержку реформ со стороны западных и азиатских стран. Однако не менее важный фактор, обыкновенно остающийся в тени, — внешний: западный капитал в виде ТНК оценил потенциальные возможности Сингапура и решился на создание там современных промышленных производств. Примем также во внимание малые размеры страны, ее выгодное географическое положение, высокую квалификацию и дешевизну рабочей силы.

К чести Ли Куан Ю, авторитарные методы управления сочетались при нем с либеральными экономическими принципами и не привели к возникновению авторитарного режима и консервации восточной отсталости. В 1993–2003 гг. население Сингапура выросло с 3,2 до 4,2 млн. чел. (на 28,4 %), причем в структуре самодеятельного населения сократилась доля занятых в обрабатывающей промышленности за счет возрастания доли занятых в сфере услуг [Галич, 2011, с. 310, 311], что позволяет констатировать устойчивый характер развития и вступление экономики на путь постиндустриального развития.

По данным на 2008 г. из 171 страны в рейтинге коррупции Сингапур занимает высокое четвертое место (для сравнения, Турция — 54–56, Саудовская Аравия — 76–80), пятое место по средней продолжительности жизни населения (82,1), шестое по размерам ВВП на душу населения (50,3 тыс. долл.), седьмое по размерам золото-валютных резервов (187,8 млрд. долл.) и 23 место по Индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) [*Государства в таблицах*, 2010, с. 102, 143, 166, 174, 189].

В то же время, высокие темпы экономического роста и отличные экономические показатели не гарантируют правильности избранного курса в долгосрочном измерении. Назревают демографические проблемы из-за крайне низкого прироста населения и его старения, что делает неизбежным в будущем приток иностранной рабочей силы. Незавершенность консолидации отдельных национально-этнических общин в единую нацию, наряду с сохранением заметных различий между общинами на основе традиционных институтов и систем ценностей препятствует решению возникающих проблем [Галич, 2011, с. 314], одной из которых является укоренение у новых поколений крайне прагматического космополитического мировоззрения, что может вызвать проблемы в дальнейшем.

Пример реформ в Сингапуре остается уникальным в силу редкого совпадения различных факторов и обстоятельств.

Мао Цзэдун (1893–1976) и Дэн Сяопин (1904–1997)
По: http://manosfueradechina.blogspot.com/2013/08/deng-xiaoping-ese-no-era-un-verdadero.html

Реформы в КНР в 1950–1990-е гг.

Причина: кризис национального масштаба (бедность населения, слабость экономики, военная слабость).

Инициатор: власть в лице Мао Цзедуна, Дэн Сяопина и их соратников.

Влияние внешнего фактора: поддержка со стороны СССР, позднее — западного капитала.

Этапы реформ:

1 этап — 1950–1960-е гг.: создание основ современной промышленности госсектора, аграрная реформа.

2 этап — 1970-е гг.: борьба внутри власти, выработка программы модернизации.

3 этап — 1980–1990-е гг.: развитие сельского хозяйства и промышленности на основе новых технологий при поддержке государства и содействии западного капитала; либерализация и вестернизация социальной и культурной жизни; формирование современных социальных слоев; вступление в ВТО в 2001 г.

Результат реформ: успех социально-экономических реформ, обретение ОПО нового качества, возрастание значения страны в системах МКХ и МО.

По времени это последний пример успешной и масштабной модернизации на Востоке. Впрочем, процесс перемен в Китае еще не завершен. Продвижение Китая к современности в XIX в. осложнялось внешним фактором — активностью западных держав, а в XX в. — внутренней слабостью, расколом в обществе, ожесточенной борьбой различных политических сил.

Объективной целью революции 1949 г. была модернизация страны. Лидеры КПК, захватившие власть в Китае, сознавали неотвратимость и необходимость качественного преобразования всего китайского общества, приближения его к более высоким мировым образцам по социально-экономическим и военным показателям. В конечном счете, к концу XX в. эти цели были достигнуты, вопрос лишь — какой ценой.

Партия Мао была партией революционеров, и, несмотря на китайскую специфику, развитие там пошло по логике Революции. Всякая социальная революция означает, прежде всего, политический переворот и разрыв с Традицией. Так было во Франции в конце XVIII в., в России в начале XX в., так случилось и в Китае.

Главными целями революционеров становятся не развитие общества, а сохранение власти, борьба с противниками и укрепление в общественном сознании своей идеологии. Борьба с несогласными порождает гражданскую войну, и реки крови заливали в годы революционной смуты Францию, Россию, Китай. Лишь после утверждения своего

господства и создания новой государственности, революционеры принимаются за переустройство общества на новых началах. Таким образом, хотя революция решает задачи Модернизации, общество вынуждено платить за это более высокую плату, чем в случае проведения бескровной «революции сверху». Так, «платой» только за эксперимент «большого скачка» в 1959–1962 гг. стала гибель от голода около 20 млн. чел [Киссинджер, 2014, с. 204].

Идеология играла немалую роль в процессе модернизации, но идеологический фактор не был однозначным, как в Турции или в Саудовской Аравии. В Китае произносимые лозунги подчас имеют прямо противоположное содержание: так, **при Мао Цзэдуне** идеи коммунизма прикрывали идеи ханьского национализма, а «диктатура пролетариата» оборачивалась неоимператорской властью Председателя.

Лозунг социализма до настоящего времени присутствует в общественно-политической жизни Китая, но что он подразумевает? В 1979 г. в решениях IV пленума ЦК КПК было записано, что «не следует закреплять производственные задания за дворами, за исключением некоторых хуторов, занимающихся производством особо важной продукции подсобных промыслов или находящихся в отдаленных горных районах с плохими путями сообщения». Снятие прямого запрета открыло возможность для широкого распространения семейного подряда, фактически — для развития мелкособственнических хозяйств. А в 1982 г. крестьянам было разрешено привлекать к работе «помощников и учеников», что дало возможность законно нанимать рабочую силу в деревне (и в мелком бизнесе в городе); в 1983 г. — разрешена «постепенная концентрация земли в руках умелых землевладельцев», приобретение ими станков, сельскохозяйственных машин и оборудования. При этом оговаривалось, что такие хозяйства «нельзя рассматривать как капиталистические». По словам **Дэн Сяопина**, «Ну и чего бояться? Что это нанесет вред социализму?» (цит. по: [Панцов, 2013, с. 402, 430, 431]).

С 2005 г. в Китае взят курс на упрочение позиций частного сектора при сохранении значительной роли госсектора, что сохраняет проблему мощной государственной бюрократии, имеющей огромную власть [Буяров, 2013, с. 38–39]. Вступление КНР в ВТО положило начало новому характеру отношений с США, которые пошли на признание Китая как реальной конкурентной силы в мировом хозяйстве, последствием чего стало создание «Стратегического и экономического диалога между Китаем и США» [*Традиционный Китай на пути к модернизации*, 2013, с. 46].

В строительстве «социализма с китайской спецификой» можно увидеть некоторые явления, общие для модернизирующихся стран (первоочередность аграрной реформы, ставка на развитие экспортоориентированных отраслей в промышленности и т. д., а также сохранение государственной идеологи и авторитарного характер режима). Но, конечно, масштабы Китая ни с чем не сравнимы.

Огромные размеры страны, силы инерции в обществе, демографические проблемы, обострений диспропорций между отдельными районами и провинциями и текущие экономические трудности не обещают легкого завершения третьего этапа реформ.

Особенности формационного и цивилизационного развития стран Востока к концу XX в.

Казалось бы, в рассмотренных выше странах успех модернизации очевиден. За несколько десятилетий жизнь там неузнаваемо преобразилась, общества стали действительно современными в формационном значении. К началу XXI в. в странах Востока стали заметны результаты диверсификации производства и экспорта, уменьшилось значение аграрного и сырьевого секторов за счет роста современных промышленных производств и сферы услуг. На их долю приходилось 55 % мировой продукции, больше половины прироста мирового ВВП и мирового экспорта, 2/3 золотовалютных резервов, 1/2 мирового потребления нефти, 1/2 общего экс-

порта США, Евросоюза и Японии; на них приходилось вдвое больше европейского экспорта, чем в США и Японию вместе взятые [Уляхин, 2011, с. 247].

Доход на душу населения (в долларах США 2000 г.) вырос в КНР в 1961–2005 гг. с 105 до 1400, в Японии за 1950–2005 гг. с 3500 до 39 600, в Сингапуре за 1967–2005 гг. с 2200 до 25 400, на Тайване за 1965–2005 гг. с 1500 до 16 400, в Омане за 1967–2005 гг. с 950 до 9000 [Фергюсон, 2014, с. 77]. В 2009 г., в период мирового финансового и экономического кризиса и стагнации или падения экономического роста для всех стран мира, темпы роста ВВП составили в КНР 8,3 %, в Индии — 6,5 %[1], во Вьетнаме — 5,3 %, в Индонезии — 4,6 % [Цветкова, 2011, с. 325].

Стало очевидным, что модернизация оправдала себя, став разумной альтернативой нарастанию кризисных процессов и сползанию общества к краху и распаду. Предложенный тип *догоняющей модернизации* оказался единственно возможным в реальных условиях традиционного восточного общества. Страны Востока сумели сократить гигантский разрыв с Западом по многим экономическим и социальным показателям. Важно отметить при этом, что «развитие капитализма происходило здесь в основном под воздействием извне» [Ланда, 2008, с. 143]. Механизм догоняющей модернизации находится одновременно и вне, и внутри многоукладного хозяйства: «Глобализация и технологический прогресс, идущие извне, но проникающие в систему многоукладных производительных сил, становятся ее факторами, но факторами зачастую генетически и сущностно инородными. Воздействуя на местный, уже сформировавшийся рынок, внешние импульсы сталкиваются с наличием укладной самоорганизации, и потому их воздействие не может не иметь характера вмешательства, корректирующего уже наличествующий социохозяйственный процесс» [Уляхин, 2011, с. 244–245].

Очевидно, что восточные общества не стали копией Запада, западная модель не реализована там целиком и полностью ни в экономике, ни в социальной жизни, ни тем более — в политике или культуре. Напротив, модернизация там не только подавляет и упраздняет, но и возрождает некоторые элементы традиционного ОПО, которые приобретают системообразующий характер, самый очевидный пример — ислам.

В то же время отметим очевидную противоречивость отношения модернизированных мусульман к США как образцу западной модели развития. Фатали Мохаддам, анализируя перемены в менталитете мусульман, отмечал «наличие одновременно притяжения и отвержения, любви и ненависти, которые переживают исламские общества по отношению к Соединенным Штатам. С одной стороны, люди в исламских обществах, даже исламисты-фундаменталисты, испытывают сильное притяжение к Соединенным Штатам, и многие из них при малейшей возможности эмигрировали бы в Америку. С другой стороны, некоторые люди испытывают очень негативные чувства и даже ненависть в отношении США» [Мохаддам, 2011, с. 35].

В социально-экономической сфере закрепляется многоукладность при конкурентном взаимодействии иностранного и национального капиталов, сосуществовании современных промышленных производств и полукустарных мастерских, европейской современной культуры и патриархальных (племенных) начал. Многоукладность имела свой характер в каждой сфере общественной жизни: в экономике соотношение современных и традиционных начал было скорее в пользу первых, в социальной сфере — в пользу вторых. Эта неравномерность порождала противоречия и конфликты. Неустойчивость общества делала возможным его откат назад в социально-экономическом и политическом отношении, как показал опыт Афганистана.

В результате асинхронного процесса ускоренного развития с проявлениями начал синтеза, симбиоза и отторжения, на Востоке к концу XX в. возникла, а точнее, — начинает возникать

1 Подробнее о проблемах модернизации в Индии см. [Куценков, 2020].

иная модель современного общества, с иными системообразующими началами.

Развитие капитализма происходило на Востоке в основном под воздействием внешнего фактора — Запада (см.: [*Капитализм на Востоке…* 1995; *Развитие капитализма в арабском мире…* 1988]). Капиталистический строй возникал не столько естественным образом (сталагмитовый тип развития), сколько насаждался сверху государством и западным капиталом (сталактитовый тип). Причем развитие шло по нескольким руслам: мелкотоварный капитал, национальный капитал, иностранный капитал, монополистический капитал, государственный капитал — и все они одновременно с сохранявшимся натуральным укладом действовали в торговом, финансовом, сельскохозяйственном и промышленном секторах национальной экономики. О многоукладности на Востоке много писал А. И. Левковский, определяя уклад как «особый тип производственных отношений» и связанный с ним образ жизни слоев и групп населения (см.: [Левковский, 1978, с. 12–32]).

К концу XXв. следствием этого стали два явления: устойчивая многоукладность, «дробность капитализма» и господство государства в общественной жизни, т. е, вопреки западной модели — не универсализация норм жизни и возрастание внутренней однородности общества во всех сферах его жизни, а закрепление многослойности общества при сохранении государства в роли социального арбитра.

Несколько десятилетий назад Л. И. Рейснер писал об этом сложном и противоречивом процессе: «...обе противоположные тенденции — разрушение старого базиса и формирование элементов нового базиса — составляли определенное единство, поскольку они вместе весьма активно участвовали в формировании колониальной социально-экономической структуры, заметно отличавшейся от законченной модели и докапиталистического, и буржуазного общества именно по той причине, что такая общественная структура являлась своеобразным синтезом их обеих» [*Эволюция восточных обществ…* 1984, с.137].

Но в 1970-е гг. Запад был на подъеме, западная модель развивалась в результате НТР и заметно усилилась, преодолев «нефтяной кризис» в экономике и революцию 1968 г. в политике и культуре. Спустя тридцать лет начали проявляться пределы существующей западной модели развития, и финансовый кризис 2008г. показал это всем. Западная модель исчерпала свой потенциал и перестала быть нормативным образцом для незападных обществ. Вот почему проблема модернизации становится вновь актуальной для Востока, и не только для Востока.

В свою очередь, это порождает вопрос о перспективах западной модели: в какой мере она может сочетаться с цивилизационными основами восточного общества? Возможно ли современному восточному обществу выйти за рамки собственно капиталистической модели, имея в виду опыт социалистического развития СССР, Китая и некоторых других стран (социалистических, социалистической ориентации или некапиталистических)? К концу XX в. стало понятным, что позитивное начало, содержавшееся в модели «социалистической модернизации»— мобилизационная модель ускоренного развития экономики — исчерпала себя, а политические противоречия и социальные конфликты усугубляли экономические трудности. Социализм и капитализм, различающиеся методами, но не целями развития, оказались «двумя дорогами к одному обрыву»[2] [Шафаревич, 1994, т. 1, с.363]. Поиски «третьего пути развития», например М. Каддафи в Ливии, с его идеями «Третьей всемирной теории» («общество без денег и прибыли», «общество безвластия и свободы», «время

2 И. Р. Шафаревич выразил сомнение в модели развития, основами которой считал прогресс, сциентизм, технологизм, универсальность и беспочвенность, назвав ее «утопией», несущей в себе залог собственной гибели. «Основным и наиболее загадочным свойством всего живого... является знание им своей формы, способность к самоограничению... Отказ от органичности оборачивается для технологической цивилизации потерей этого свойства. Современная техника... может развиваться лишь неограниченно увеличиваясь и убыстряясь» [Шафаревич, 1994, с. 359].

Пол Пот (1925–1998) во время встречи с Генеральным секретарем Компартии Румынии Николае Чаушеску (28.05.1978)
По: URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Nicolae_Ceaușescu_with_Pol_Pot.jpg

Джамахирии, эпоха, когда каждый и управляет и правит») (см.: [Каддафи, 2012, с. 5–97]), оказались столь же ограниченными.

Известен пример модернизации, использовавшей синтез восточных и западных начал, но приведшей к ужасающим результатам. Самая радикальная попытка выхода за рамки индустриального общества, следуя при этом логике развития западной модели, была предпринята в Кампучии (Камбодже) в **период правления Пол Пота** в 1975–1979 гг., где произошло то, что можно назвать анти-синтезом: чудовищный гибрид ультрасовременных, модернистских преобразовательных замыслов выпускников Сорбонны и традиций старого восточного общества. «Красные кхмеры» решили построить новое коммунистическое общество на пустом месте: люди, испорченные западной цивилизацией в процессе модернизации, подлежали перевоспитанию в сельскохозяйственных коммунах, зачастую — физическому уничтожению. Были разрушены социально-экономическая и общественно-политическая структуры общества, а страна закрыта от остального мира за «бамбуковым занавесом».

Придя к власти, революционеры провозгласили идеи построения социалистического общества, но вскоре осознали, что и его основу составляет структуры индустриализма, порождающие немалые противоречия и недостатки. Им показалось возможным преодолеть их путем буквального отрицания принципов и структур западной индустриальной модели. В реальности оказалось, что режим Пол Пота в своей политике модернизации сочетал идеалы социализма и некоторые идеалы традиционного общества (недостаток представлений о ценности личности, об уникальности каждого отдельного индивида, о свободе личности и ее правах) с гипертрофированными коллективистскими и эгалитаристскими началами.

Феномен полпотовщины не имеет прецедентов в истории (не по степени жестокости режима, а по его движущим идеалам). Это пример формального синтеза при фактическом извращении здравого смысла. Ультралевацкие идеи, вызревшие в парижских кварталах под влиянием идеологии революционаризма и событий революции 1968 г. в западных странах, были наложены на бедное и крайне отсталое восточное общество. Осуществлялась попытка решить реально существующие проблемы не одной Кампучии, а многих стран Востока — но в обход современного прогресса.

Неконтролируемую урбанизацию заменяли ликвидацией городов, социальное неравенство — насильственным уравнением, рационализацию структуры экономики путем ее диверсификации — возвратом к примитивному хозяйствованию в натуральных формах, перестройку не всегда выгодных внешнеэкономических связей с Западом — выходом из мирового хозяйства, негативное влияние демонстрационного эффекта — пресечением всех внешних связей страны, неравенство внутри общества в культурном развитии — физи-

ческим уничтожением всех, стоящих выше по своему развитию. Все это привело к катастрофическим последствиям и отбросило Кампучию едва ли не на столетия назад по всем показателям развития (см.: [Самородний, 2013]).

Демонстративным знаком отторжения западной модели развития модернизированным Востоком стали события 11 сентября 2001 г., которые были с энтузиазмом восприняты во многих восточных странах.

Яркие примеры верности модернизированного Востока традиционной системе ценностей дали события *Арабского пробуждения* в 2011–2012 гг. В захваченных ими арабских странах за политической борьбой отдельных партий и социальных группировок находится конфликт социальных, религиозных и культурных ценностей современного западного общества, в той или иной мере в процессе вестернизации вошедших в плоть восточного социума, и ценностей, присущих арабо-мусульманской цивилизации. Это конфликт не авторитаризма и демократии или нищеты и богатства, а Традиции и Современности (см.: [*Ближний Восток…* 2012, с. 3–20]).

Положение стран Востока в системах МКХ и МО

Положение стран Востока в системах мирового капиталистического хозяйства (МКХ) и международных отношений (МО) к концу XX в. существенно изменилось.

В 1955 г. Дж. Неру в своей знаменитой речи в Бандунге развил идею французского социолога А. Сови о разделении мира (см.: [Ханна, 2010, с. VI]). на «первый» — Запад, «второй» — СССР и социалистические страны и «третий» — все остальные страны, т.е. Азия, Африка и Латинская Америка. Идея стала идеологической конструкцией для формирования *Движения неприсоединения*. Осознание общности интересов (преодоление экономической и социальной отсталости) вызывало к жизни попытки стран «третьего мира» выдвигать собственные экономические цели (борьба за Новый экономический порядок в конце 1970-х гг.). Однако установить более равноправные отношения в сфере экономики со странами Запада получилось лишь у нефтедобывающих стран Азии, Африки и Латинской Америки, объединившихся в ОПЕК. Способность к самостоятельному развитию и расширению своего влияния показали Китай, Индия и еще немногие страны Востока.

В результате модернизации произошла заметная дифференциация еще недавно сплоченного своей слабостью, отсталостью и враждебностью к Западу Востока по нескольким важным критериям. Образно говоря, некогда единый «третий мир» разделился на «второй-третий», приблизившийся к Западу, и «третий-четвертый», остановившийся в своем развитии. Например, модернизированная Саудовская Аравия имеет хорошие экономические и социальные показатели качественно нового состояния. Афганистан, напротив, откатился назад по таким показателям.

П. Ханна предлагает классификацию стран мира в начале XXI в. по критериям величины страны, уровня ее стабильности и благосостояния, а также главенствующего мировоззрения, причем, заявляет она, «наиболее убедительной идеологией надо признать успех, а отнюдь не демократию, капитализм или какую-либо иную доктрину» [Ханна, 2010, с. 4, 23]. Отнеся США, ЕС и КНР к странам «Первого мира», к «Третьему миру»— 48 наименее развитых стран («четвертый мир», «глобальный Юг»), автор выделяет как страны «Второго мира» «регионы гигантского потенциала, как фактического, так и нереализованного», эти страны «относятся и к Первому и к Третьему мирам одновременно...» — Россия, Индия, Бразилия, Турция, ОАЭ, Вьетнам, Сингапур... «Страны Второго мира выглядят ключевыми точками опоры в многополярном мире, поскольку их решения могут изменить глобальный баланс сил» [Ханна, 2010, с. 23, 24], — справедливо замечает автор.

Перенос странами Запада промышленного производства в страны Востока в конце XX – начале XXI в. дает примеры новых форм организа-

ции мировой экономики, в которой восточные страны оказались хотя и неравноправными, но все же реальными участниками экономического развития. Едва ли это стоит рассматривать как видоизмененную форму былой миссии передового Запада среди отсталых народов. «Бремя белых приятно нести, когда разрешено бить туземцев по пяткам, но если требуется уступать туземцам место в трамвае, то на кой ляд такое бремя белых сдалось?», — иронично передает отношение европейцев М. К. Кантор [Кантор, 2014, с. 226].

До недавнего времени большое значение придавалось возрастанию зависимости Запада от поставок сырья из стран Востока как фактору потенциального возрастания роли Востока в системе МКХ. Однако новые технологии и структурные изменения в процессах производства и потребления в западном обществе существенно уменьшили опасность дефицита[3] ресурсов, хотя и не ликвидировали ее .

Важной тенденцией в системах МО и МКХ стало формирование региональных общностей во главе с региональными державами. Наиболее очевидный пример этому — политика КНР в Тихоокеанском регионе. Китайский феномен по сути ставит под вопрос или даже снимает привычное деление мира по критериям «слабый Восток — сильный Запад». В Тихоокеанском регионе сформировался «китайский треугольник», вершинами которого стали Китай, Япония и Австралия. Ни одна из стран Востока, и не только Востока, уже «не в состоянии противостоять экономическому, демографическому, политическому и культурному наступлению Пекина» [Ханна, 2010, с. 336].

В то же время, одни лишь социально-экономические характеристики, конечно, не могут выразить состояние всего общества, всего ОПО. И по критериям экономическим, социальным, политическим, религиозным и культурным следует отметить сохраняющуюся на рубеже веков и тысячелетий общность модернизированного Востока, которую можно назвать *устойчивой переходностью* с формационной точки зрения или *устойчивой традиционностью* с цивилизационной точки зрения.

Названная двойственность, дуалистичность Востока проявляется и в его рецепции в системах МКХ и МО со стороны Запада. Это тем более существенно, что в 1990-е гг. весь мир вступил в период повышенной турбулентности, когда его основы — государства всеобщего благоденствия на Западе и государства национального развития на Востоке — отвергли существующее status quo. Перед ними встали новые проблемы, понадобилось решать новые задачи, и прежние отношения в рамках МКХ и МО уже стесняли возможности действовать по-новому.

П. Ханна в качестве нового параметра развития отмечает для стран Востока возможность выбора между американской и европейской моделями. Вторая кажется привлекательнее, поэтому страны Востока «предпочитают воспроизводить в большей степени “европейскую мечту”, а не американскую», тем более что европейцы стремятся к стабилизации на Востоке, а Америка «дестабилизирует страны на европейской периферии, особенно в арабском мире» [Ханна, 2010, с. 36, 37].

Кроме того, в наступившую эпоху привычный набор критериев силы — военная мощь, финансовые ресурсы и новейшие технологии — дополняется и теснится новым критерием — культурой, включающей традиционные ценности (язык, религию, обычаи) и элементы современной европейской культуры. Если вторая половина XX в. очевидно была периодом бурной экспансии американской культуры, но ныне ее позиции слабеют. Нормативные показатели политического раз-

3 Примером уверенного оптимизма служит книга американского автора Дж. Саймона «Неисчерпаемый ресурс» (1996). Он утверждает: «Существует ли сейчас проблема природных ресурсов?.. Показатели редкости ресурсов — измеренные количеством труда, затрачиваемого на их добычу, или ценами на сырье, соотнесенными со средней заработной платой и ценой других благ, — неизменно свидетельствуют, что природные ресурсы делаются со временем менее редкими» [Саймон, 2005, с. 34].

вития («Вестминстерская демократия») теряют на Востоке свою привлекательность, в то время как традиционные нормы социально-политической жизни сохраняют свое значение.

Тем не менее цели развития в любом обществе остаются прежними: повышение экономической эффективности для обеспечения материальных потребностей людей, создание условий для приемлемой большинством социальной справедливости, предоставление индивидуальной свободы в духовной, политической и культурной жизни людей.

До последнего времени решению этих задач отвечала западная модель потребительского общества, однако во многих странах Востока жители ощущают себя не только потребителями, но и гражданами или приверженцами определенной религии. Пути и способы достижения привлекательных целей виделись на Востоке более ясными до кризиса западной модели развития.

«Успех или демократия?», «успех или верность религии?», «успех или процветание страны, общества, общины?» — вот вопросы, порожденные успешной модернизацией на Востоке и свидетельствующие о возрастании самостоятельности восточных обществ по отношению к исходной модели капиталистической модернизации. Это позволяет предположить в долгосрочной перспективе возможность неожиданных парадигмальных поворотов или аберраций, резких смещений в привычной мировой системе.

Пока же нынешние тенденции развития МКХ и МО показывают неуклонное возрастание роли и значения стран Востока при любой их классификации.

Список литературы / References

Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? Отв. ред. В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012. —595 с. [*Middle East, Arab Awakening and Russia: What's Next?* Eds. V. V. Naumkin, V. V. Popov, V. A. Kuznetsov. Moscow: IOS RAS, 2012. — 595 p. (in Russian)].

Буяров Д. В. *Современный Китай. Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология*. М.: Красанд, 2013. — 296 с. [Buyarov D. V. *Modern China. Socio-Economic Development, National Policy, Ethnopsychology.* Moscow: Krasand, 2013. — 296 p.(in Russian)].

Галич З. Н. Феномен Сингапура и Гонконга. *Что догоняет догоняющее развитие.* М.: ИВ РАН, 2011. С. 302–320 [Galich Z. N. The Phenomenon of Singapore and Hong Kong. *What Is the Catching-up Development Catching up with.* Moscow: IOS RAS. Pp. 302–320 (in Russian)].

Государства в таблицах. Краткий статистический справочник. Сост. Г. Б. Ерусалимский. СПб.: Комильфо, 2010. — 226 с. [States in Charts. Brief Statistical Reference. Comp. by G. B. Yerusalimsky. Saint Petersburg: Comme if faut (Komilfo), 2010. — 226 p. (in Russian)].

Жевахов А. *Кемаль Ататюрк*. М.: Молодая гвардия, 2008. — 344 с. [Zhevakhov A. *Kemal Ataturk*. Moscow: Molodaya Gvargiya, 2008. — 344 p. (in Russian)].

Каддафи М. *Завещание*. М.: Алгоритм, 2012. — 320 с. [Gaddafi M. *The Testament*. Moscow: Algorithm, 2012. —320 p. (in Russian)].

Кантор М. *Стратегия Левиафана*. М.: АСТ, 2014. — 448 с. [Cantor M. *The Leviathan Strategy*. Moscow: AST, 2014. — 448 p. (in Russian)].

Капитализм на Востоке во второй половине XX в. Под ред. В. Г. Растянникова, Г. К. Широкова. М.: Восточная литература, 1995. — 435 с. [*Capitalism in the East in the Second Half of the 20th Century*. Eds. V. G. Rastyannikov, G. K. Shirokov. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. — 435 p. (in Russian)].

Киссинджер Г. *О Китае*. М.: АСТ, 2014. — 635 с. [Kissinger G. *On China*. Moscow: AST, 2014. — 635 p. (in Russian)].

Куценков А. А. Индия: проблемы модернизации. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 135–160 [Kutsenkov A. A. India: Problems of Modernization. *Journal of the Institute of Oriental Studies, RAS*. 2020. No. 1. Pp. 135–160 (in Russian)].

Ланда Р. Г. *Социология современного Востока*. М.: Новости, 2008. — 416 с. [Landa R. G. *Sociology of the Modern East.* Moscow: Novosti, 2008. — 416 p. (in Russian)].

Левковский А. И. *Социальная структура развивающихся стран*. М.: Мысль, 1978. — 416 с. [Levkovsky A. I. *Social Structure of Developing Countries*. Moscow: Mysl, 1978. — 416 p. (in Russian)].

Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*, 2 изд. Т. 9. М.: Издательство политической литературы, 1957. — 500 с. [Marx K., Engels F. *Writings*. 2nd ed. V. 9. Moscow: Political Literature Publishers, 1957. — 500 p. (in Russian)].

Мохаддам Ф. *Терроризм с точки зрения террористов*. М.: Форум, 2011. — 288 с. [Mohaddam F. *Terrorism from the Point of View of the Terrorists*. Moscow: Forum, 2011. — 288 p. (in Russian)].

Панцов А. *Дэн Сяопин*. М.: Молодая гвардия, 2013. — 558 с. [Pantsov A. *Deng Xiaoping*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2013. — 558 p. (in Russian)].

Развитие капитализма в арабском мире. Под ред. В. В. Наумкина, Л. А. Фридмана. М.: Наука, 1988. — 386 с. [The Development of Capitalism in the Arab World. Ed. V. V. Naumkin, L. A. Fridman. Moscow: Nauka, 1988. — 386 p. (in Russian)].

Саймон Дж. *Неисчерпаемый ресурс.* Челябинск: Социум, 2005. — 797 с. [Simon J. *Inexhaustible Resource*. Chelyabinsk: Socium, 2005. — 797 p. (in Russian)].

Самородний О. *Пол Пот. Камбоджа — империя на костях?* М.: Алгоритм, 2013. — 320 с. [Samorodny O. Pol Pot. Cambodia — an Empire Standing on Bones? Moscow: Algorithm, 2013. — 320 p. (in Russian)].

Современный Тайвань. Под ред. П. М. Иванова. Иркутск: Улисс, 1994. — 352 с. [*Modern Taiwan*. Ed. P. M. Ivanov. Irkutsk: Ulises, 1994. — 352 p. (in Russian)].

Сравнительный анализ общих черт и особенностей переходного периода в России, Китае и Вьетнаме. М.: Форум, 2012. — 416 с. [A Comparative Analysis of the Common Features and Characteristics of the Transition Period in Russia, China and Vietnam. Moscow: Forum, 2012. — 416 p. (in Russian)].

Традиционный Китай на пути к модернизации. М.: Красанд, 2013. — 320 с. [Traditional China on the Road to Modernization. Moscow: Krasand, 2013. — 320 p. (in Russian)].

Уляхин В. Н. Дорожная карта «догоняющего» развития. *Что догоняет догоняющее развитие.* М.: ИВ РАН, 2011. С. 244–284 [Ulyakhin V. N. The Road Map of the "Catching-up-Development". *What Is the Catching-up Development Catching up with.* Moscow: IOS RAS, 2011. Pp. 244–284 (in Russian)].

Фергюсон Н. *Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира.* М.: Corpus, 2014. — 568 с. [Ferguson N. *Civilization. How is the West Different from the Rest of the World?* Moscow: Corpus, 2014. — 568 p. (in Russian)].

Ханна П. *Второй мир*. М.: Свободная мысль, 2010. — 571 с. [Hannah P. The Second World. Moscow: Free Thought, 2010. — 571 p. (in Russian)].

Цветкова Н. Н. Страны Востока и догоняющее развитие. *Что догоняет догоняющее развитие*. М.: ИВ РАН, 2011. С. 321–348 [Tsvetkova N. N. Countries of the East and Catching up Development. *What Is the Catching-up Development Catching up with.* Moscow: IOS RAS, 2011. Pp. 321–348 (in Russian)].

Шафаревич И. Р. *Сочинения*. Т. 1. М.: Феникс, 1994. — 448 с. [Shafarevich I. R. *Writings*. V. 1. Moscow: Phoenix, 1994. — 448 p. (in Russian)].

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: Наука, 1984. — 580 с. [*Evolution of Eastern Societies: The Synthesis of Traditional and Modern*. Moscow: Nauka, 1984. — 580 p. (in Russian)].

Яковлев А. И. *Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного.* М.: Институт стран Востока, 2015. — 392 с. [Yakovlev A. I. *Countries of the East in the Era of Globalisation: Synthesis of Tradition and Modernity.* Moscow: Institute of Eastern Countries, 2015. — 392 p. (in Russian)].

Яковлев А. И. *Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX вв.* М.: Ленанд, 2006. — 504 с. [Yakovlev A. I. Moscow: Lenand, 2006. —504 p. (in Russian)].

DOI: 10.18254/S268684310010367-1

Источник загадок:
необычная история одной древнеегипетской погребальной шахты в Гизе

The Source of Mysteries:
The Unusual History of an Ancient Egyptian Burial Shaft in Giza

Максим Александрович Лебедев

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; Москва, Россия; maximlebedev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1524-2083

Maxim A. Lebedev

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia; maximlebedev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1524-2083

Светлана Евгеньевна Малых

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; Москва, Россия; malyh2002@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2077-7285

Svetlana E. Malykh

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia; malyh2002@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2077-7285

Статья посвящена археологическому изучению древнеегипетского шахтного погребения в скальной гробнице чиновника Перинеджу, предпринятому Российской археологической экспедицией ИВ РАН в 2019 г. В ходе работ был обнаружен как поздний материал, свидетельствующий об этапах неоднократного человеческого проникновения в шахту, так и остатки оригинального погребения эпохи Древнего царства. Однако интерпретация некоторых находок предоставляет значительные сложности, оставляя множество вопросов по их первоначальному назначению.

Ключевые слова: Древний Египет, археология Древнего Египта, экспедиции ИВ РАН, некрополь в Гизе

Для цитирования: М. А. Лебедев, С. Е. Малых. Источник загадок: необычная история одной древнеегипетской погребальной шахты в Гизе. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 99–108. DOI 10.18254/S268684310010367-1.

The article presents archaeological study of the ancient Egyptian burial shaft in the rock-cut tomb of official Perinedju, undertaken by the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies RAS in 2019. Late material discovered during the work indicates the stages of repeated human penetration into the shaft, as well as the remains of the original burial of the Old Kingdom were found. However, the interpretation of some finds presents significant difficulties and leaving many questions about their original purpose.

Key words: Ancient Egypt, Archaeology of Ancient Egypt, IOS RAS field research, Giza necropolis

For citation: Maxim A. Lebedev, Svetlana E. Malykh. The Source of Mysteries: The Unusual History of an Ancient Egyptian Burial Shaft in Giza. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier).* 2020. No. 1–2. Pp. 99–108. DOI 10.18254/S268684310010367-1.

В 2019 году Российская археологическая экспедиция Института востоковедения РАН в Гизе (руководитель — д. и. н. Э. Е. Кормышева) проводила доследование древнеегипетской скальной гробницы начальника царских ювелиров Перинеджу (*Илл. 1*), расположенной на восточной оконечности древнеегипетского некрополя и сооруженной в XXIV–XXIII вв. до н. э. Вырубленная в обрыве известнякового плато гробница имеет три помещения. В полу были устроены девять шахт: две остались незавершенными, а остальные семь вели в десять погребальных камер. Кроме того, в стенах гробницы были устроены три ниши, из которых две точно предназначались для захоронения.

Гробница была известна путешественникам и исследователям XIX – первой половины XX в., но затем была засыпана в результате строительства окружной дороги в Гизе и забыта. В 2006 г. ее заново открыла российская экспедиция, а основная часть археологических работ по изучению культовых помещений и погребальных шахт пришлась на 2010 и 2011 гг. Однако к 2019 г. шахта, имевшая порядковый номер 11, оставалась неизученной.

Сперва шахта 11 не обрадовала исследователей своим заполнением: в верхней части находился относительно современный мусорный сброс с предметами XIX– первой половины XX в. — осколки крупных глиняных кувшинов-*балласов*, использовавшихся для транспортировки и хранения воды, стеклянных бутылок, фарфоровых кофейных чашек и тарелок, в том числе изготовленных в Лондоне компанией “Royal Doulton”. Были здесь и запечатанный пробкой аптечный пузырек (*Илл. 2*), и небольшой деревянный гребень для усов и бороды с надписью “Paris”, и медная османская монета с отверстием, видимо, от мониста. Кроме того, в верхнем слое были обнаружены кости мелкого рогатого скота со следами разделки. Очевидно, что эта часть заполнения шахты сформировалась в то время, когда в гробнице Перинеджу или в соседних часовнях жили люди, что часто случалось с древнеегипетскими скальными гробницами и в раннем Средневековье, и в XIX веке. Затем цвет грунта несколько

Илл. 1. **Проведение археологических работ в гробнице Перинеджу** (фото © С. В. Ветохова)

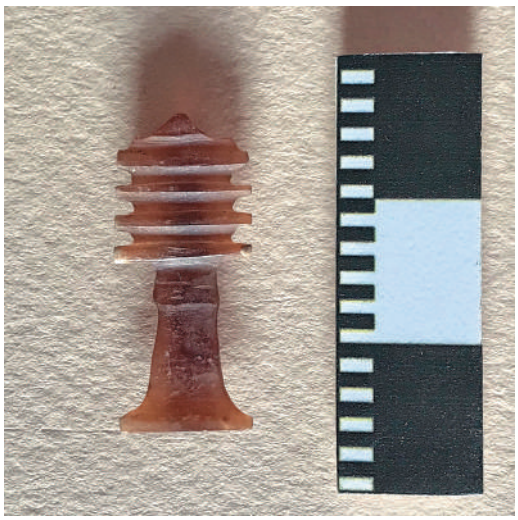
изменился, начался новый слой, и в нем в большом количестве стали попадаться разрозненные и часто поломанные человеческие кости, черепа, обрывки бинтов, фрагменты фаянсовых сосудов. Кости имели темный цвет, на многих из них сохранились следы черных смол или битума: это явно были остатки от мумий. Среди завала костей был найден аккуратный резной амулет-*джед*[1] высотой чуть более 2 см из желто-коричневого камня, похожего на одну из разновидностей халцедона — сардер (*Илл. 3*). В амулете отсутствовало отверстие для нити, а значит, его вряд ли носили при жизни. Скорее всего, его просто прибинтовали к одному из тел. При этом в новом слое продолжали встречаться и поздние предметы, в частности, мы нашли небольшую золотую монету, отчеканенную на 24-м году правления египетского султана Махмуда (т. е. в 1832 г.)[2] (*Илл. 4*). Ее обнаружил наш самый опытный египетский рабочий — Арабия (*Илл. 5*), сразу же подозвавший археолога, чтобы тот зафиксировал контекст находки. И когда археолог подошел к шахте, заглянул вниз и увидел блеск золота, Арабия выпрямился и гордо сказал: «Я работаю на раскопках 30 лет, я находил статуи и мумии. Не переживай: все останется на месте».

1 Древнеегипетский амулет-джед в виде столба или колонны олицетворял позвоночник бога Осириса и символизировал прочность и стабильность, играя функцию защитного талисмана, призванного охранять покойного в его путешествии по Дуату (загробному миру).

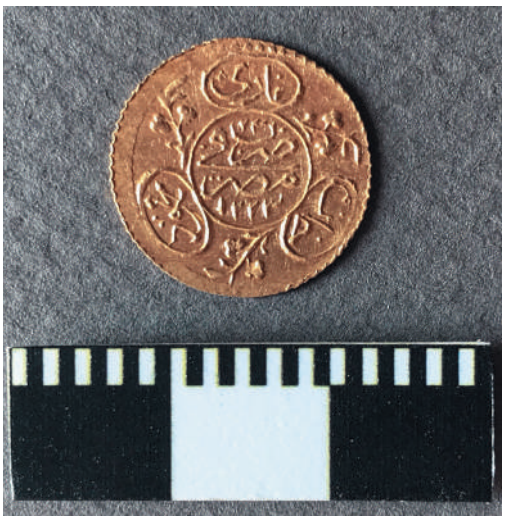
2 Авторы статьи приносят благодарность научному сотруднику Института востоковедения РАН Е. Ю. Гончарову за атрибуцию данной монеты.

Илл. 2. **Раскопки верхних слоев шахты 11 и обнаружение аптечного флакона конца XIX – первой половины XX в.** (фото © С. В. Ветохова)

Илл. 3. **Древнеегипетский амулет-*джед*, найденный в шахте 11** (фото © С. Е. Малых)



Илл. 4. **Аверс золотой монеты 1832 г. султана Махмуда, найденной в шахте 11** (фото © С. Е. Малых)



Илл. 5. **Египетский землекоп Арабия за расчисткой шахты 11** (фото © С. В. Ветохова)

Итак, новый слой состоял преимущественно из костей от мумий и сформировался не раньше 30-х гг. XIX в. По всему выходило, что мы имели дело со следами дельцов, которые на заре египтологии выискивали мумии I тыс. до н.э. (а они в избытке встречались на Восточном плато), потрошили их где-то вблизи гробницы Перинеджу в поисках амулетов и других находок, подходящих для коллекционирования и продажи, а ненужные кости сбрасывали в шахту 11. Очень может быть, что в ходе своей деятельности незадачливые потрошители потеряли и золотую монету, заработанную на такой вот добыче древностей.

Путешественники первой половины XIX в. сохранили немало описаний такой «переработки» мумий. В поисках древностей тела ломали и крошили не только грабители, но и обычные туристы [Baber, 2016, p. 66–73]. «Их дело — расчищать гробницы и ямы с нетронутыми предшественниками мумиями от наносов и обломков, чтобы затем вытащить на свет божий забальзамированных мертвецов, снять с них древние, странно пахнущие вещи, обшарить уши, шею, пальцы, запястья и лодыжки в поисках украшений, браслетов, амулетов и изображений священных животных или богов, или отыскать другие более ценные предметы, которые могли положить с этими телами в могилу» [Olin, 1843, p. 267]. В Гизе такого рода промысел стал популярен еще в первой четверти XIX в. Вот как в 1825 г. пространство перед нашими гробницами описывал Эдвард Уильям Лейн: «На склоне перед этими пристанищами мертвых были разбросаны многочисленные кости и тряпки от мумий; перед входами в некоторые из гротов сваленные в кучи лежали отдельные части тел и целые тела, лишенные покровов; кожа их была довольно темной. Я отметил, что некоторые черепа были необычно толстыми» [Lane, 2000, p. 162].

К какому времени относился насыщенный костями слой, найденный в шахте 11? Золотая монета была отчеканена в 1832 г., но потерять ее могли и значительно позже. Поверх сброшенных костей, как вы помните, лежал характерный для поселений мусорный слой. Мы знаем, что в 1835–1837 гг. напротив гробницы Перинеджу находился археологический лагерь британского исследователя Вайса, где жили его сотрудники [Perring, 1839, p. 7, pl. XV, fig. 1]. В конце 30-х гг. XIX в. лагерь был преобразован в отель, постояльцы которого тоже располагались в скальных гробницах. Туристы, исследователи и египтяне жили в районе гробницы Перинеджу, а может,

и в ней самой, вплоть до начала XX в. [Baedeker, 1914, p. 139]. Но даже в 1950-х гг., пока часовни окончательно не засыпали при строительстве окружной дороги, жители деревни Назлет эль-Самман продолжали использовать некоторые гробницы на территории российской концессии в качестве летних жилищ, в которые перебирались на время жары.

Можно осторожно предположить, что слой с костями мумий сформировался в период между 1832 г., когда была отчеканена монета, и 1835 г., когда вблизи часовни Перинеджу, а, может, и в ней самой, стали регулярно жить люди. Нельзя исключать, впрочем, что мумии потрошили сотрудники Вайса или постояльцы отеля, возникшего на месте его лагеря. Мы знаем, например, что нанятый Вайсом капитан Кавилья активно исследовал в 1835–1837 гг. так называемые «ямы с мумиями» (поздние шахты и подзахоронения), что очень не нравилось самому Вайсу, которого больше интересовали пирамиды [Vyse, 1840, p. 138, 141–142].

Так что же можно сказать об оригинальном заполнением шахты 11 и ее погребальной камеры? Понятно, что до того как она стала складом растерзанных мумий, ее раскопали воры, но, как оказалось, не полностью. Грабители поленились копать до дна, и это отчасти сохранило для нас уникальный керамический комплекс (*Илл. 6*), а под ним — остатки погребения поздней части Древнего царства (XXIII – начало XXII в. до н. э.).

С керамическим комплексом тоже пока еще понятно далеко не все. Среди груды черепков в погребальной камере находилось три практически целых полусферических чаши, а из оставшихся фрагментов удалось частично собрать еще 22. Здесь же обнаружены фрагменты двух больших мешкообразных кувшинов и двух поменьше (*Илл. 7–10*), а также свиные ребра, нижние челюсти, часть позвоночника и лопатка.

Илл. 6. **Керамический комплекс Первого Переходного периода в погребальной камере шахты 11** (фото © М. А. Лебедева)

Илл. 7. **Выемка керамики Первого Переходного периода из шахты 11** (фото © С. В. Ветохова)

Илл. 8. **Выемка керамики Первого Переходного периода из шахты 11** (фото © С. В. Ветохова)

Илл. 9. **Мешкообразный кувшин и полусферические чаши из шахты 11** (фото © С. Е. Малых)

И кувшины, и полусферические чаши характерны для Первого Переходного периода, т. е. для XXII–XXI вв. до н. э. Значит ли это, что в гробнице Древнего царства находился несколько более поздний «подселенец», помещенный сюда в период развала египетского государства, а глиняные сосуды — это его погребальный инвентарь? Нет, не значит: человеческих костей в этом слое не обнаружено. В нижнем слое — да, имелись остатки скелета поздней части Древнего царства, а вместе с ними и синхронная керамика, которая и позволила отнести первоначальное погребение ко времени правления VI династии. Среди керамических сосудов обнаружилась и по-настоящему уникальная находка, хотя и не целая: на нижней части пивного кувшина кто-то уверенной рукой прочертил по еще влажной глине фигуру быка, а над его головой виден фрагмент иероглифа *ка* — «бык». Кто мог это сделать на еще необожженном сосуде? Грамотный гончар? Идея заманчивая, но подобное маловероятно, хотя автор изображения явно имел большой навык рисования, чтобы так ловко, всего в несколько штрихов на неровной поверхности грубого кувшина показать легко узнаваемую фигуру быка... Загадка.

Вторая загадка — откуда в погребальной камере шахты 11 оказалась керамика Первого

Илл. 10. **Команда по изучению шахты 11 у входа в гробницу Перинеджу в 2019 г.** (фото © С. В. Ветохова)

Переходного периода? У нас нет оснований рассматривать этот керамический комплекс как остатки совершения древнеегипетского ритуала *седж дешерут* — «разбивания красных сосудов» (о нем см. [Малых, 2019, с. 5–22]), хотя бы потому что не все сосуды разбиты и не все они красного цвета. Но, возможно, в наличии этого керамического боя можно видеть следы совершения других действ, также связанных с похоронами, ведь по представлениям древних египтян то, что использовалось в храмовых или гробничных службах, должно было сохраняться здесь же. Вероятно, ответ кроется в кусках свиной туши. Похоже, мы столкнулись с остатками погребальной тризны, по завершении которой использованная посуда и недоеденная пища были спрятаны недалеко от могилы. А это означает, что где-то поблизости все же должно было быть погребение эпохи Первого Переходного периода, которое мы пока не нашли.

Шахта 11 в часовне Перинеджу еще раз продемонстрировала важность послойных раскопок в Гизе с тщательной фиксацией сделанных находок. В заполнении этого небольшого комплекса отразилась вся долгая история древнеегипетской гробницы: от изначального погребения эпохи строительства пирамид до грабителей и туристов XIX века. Шахта задала нам много вопросов. Но ведь чем больше вопросов появляется, тем больше ответов мы, в конце концов, получим.

Список литературы / References

Малых С. Е. Древнеегипетский ритуал «разбивания красных сосудов» (*sd dsr.wt*) и красноангобированная керамика эпохи Древнего царства. *Вестник древней истории*. 2019. № 1. С. 5–22 [Malykh S. E. Ancient Egyptian Ritual of “Smashing the Red Pottery” (*sd dsr.wt*) and Red Ceramics of the Old Kingdom. *Vestnik Drevnei Istorii (Journal of Ancient History)*. 2019. No 1. Pp. 5–22 (in Russian)].

Baber T. Ancient Corpses as Curiosities: Mummymania in the Age of Early Travel. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2016. No 8. Pp. 66–73.

Baedeker K. *Egypt and the Sûdân. Handbook for Travelers.* Leipzig, London, New York: C. Scribner’s sons; [etc., etc.], 1914. — 495 p.

Olin S. *Travels in Egypt, Arabia Petraea, and the Holy Land*. Vol. I. New York: Harper & Brothers, 1843. — 520 p.

Lane E. W. *Description of Egypt*. Cairo: The American University in Cairo Press, 2000. — 588 p.

Perring J. E. *The Pyramids of Gizeh, from Actual Survey and Admeasurment.* Part I. *The Great Pyramid*. London: James Fraser, 1839 – 7 p.

Vyse H. *Operations Carried on at the Pyramids of Gizeh in 1837: With an Account of a Voyage into Upper Egypt and an Appendix*. Vol. I. London: Cambridge University Press, 1840. — XX. — 292 p.

DOI: 10.18254/S268684310010368-2

Мифический *наснāс* в арабских трактатах: демон или человек?*

The Mythical *Nasnās* in the Arabic Treatises: A Demon or a Human?*

Валерий Анатольевич Матросов

преподаватель Восточного факультета ГАУГН, Москва, Россия; vam_179@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3316-0444

Valeriy A. Matrosov

lecturer of the Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities; vam_179@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3316-0444

Мария Васильевна Кривошеева

студентка Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва, Россия; krivvosh@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-7505-0470

Mariia V. Krivosheeva

student of the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia; krivvosh@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-7505-0470

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

* The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

Арабская космология развивалась на протяжении нескольких веков, последовательно (а иногда и не очень) вбирая в себя элементы видения ойкумены из античной, иранской, индийской (и других) культур и наслаивая эти элементы на рамки, задаваемые Кораном. Многие средневековые мусульманские ученые на протяжении всей жизни собирали, интерпретировали и систематизировали знания об окружавшем их мире — в том числе, и о демонических существах, которые заняли прочное место в преданиях арабских племен задолго до становления ислама и сохранились в народной культуре благодаря устной традиции. И несмотря на то, что религиозная доктрина не предполагала (и даже частично отрицала) возможность наличия сверхъестественных существ помимо «канонических» ангелов, джиннов и шайтанов, многие создания демонического или полудемонического характера не просто продолжали жить в памяти бедуинов, но даже превратились в объект научных изысканий в городской среде.

Синкретический характер исламской космологии сказался на характере исследования подобных существ. Попытки совместить доисламские предания, коранические знания о мире, элементы мировоззрений различных культур, наконец, сведения о дальних краях, передаваемые купцами и путешественниками, привели к высокой степени разнообразия в описании невиданных тварей. Не только облик или привычки, но и природа подобных созданий зачастую становилась предметом разногласий и не получила унифицированного подхода. В работе исследуются различные взгляды на природу одного такого существа под названием «*наснāс*», приводятся сведения об этимологии термина, различные данные о внешности, повадках и происхождении этого удивительного создания, представлена попытка систематизировать и упорядочить эту отрывочную информацию.

Ключевые слова: наснāс, арабская мифология, арабская демонология, исламская космография, мифические народы

Для цитирования: В. А. Матросов, М. В. Кривошеева. Мифический *наснāс* в арабских трактатах: демон или человек? *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 109-118. DOI 10.18254/S268684310010368-2.

The Arabic science of cosmology has evolved for several centuries, consequently (but not *too* consequently) absorbing elements of the Oikumene vision from the Antiquity and the Iranian, Indian etc. cultures and layering them on the framework, set by the Holy Qur'an. Many medieval scholars of the Muslim world collected, interpreted and organized throughout their lives knowledge about the natural environment, and, particularly, described the demonic creatures, which had taken their place in the legends of Arab tribes before the advent of Islam, and then remained in the folk culture of the Islamic era due to the tradition of the oral transmission. While the religious doctrine presents only some demonic or semi-demonic creatures like the "canonic" angels, djinn and shaitans, others continued to exist in Bedouins' memories and furthermore appeared to become objects of study in the educated urban environment.

The syncretism of the Islamic cosmology has contributed in the nature of research of such creatures. Attempts to combine the pre-Islamic tradition and Qur'anic descriptions of the world along with the cosmographic elements of various cultures and those evidences about faraway lands that were reported by some merchants and travelers led to the highest degree of diversity in the description of the wondrous beings. The appearance and habits were not the only bone of contention between the scholars, the nature of such creatures also never enjoyed the unified approach. This paper seeks to explore different views about the nature of one of such wights called "*nasnās*" and to provide some information about the term's etymology, the creature's appearance, habits and origins as well as to give an attempt to organize the fragmentary data and to regulate it into some system.

Key words: nasnās, Arabic mythology, Arabic demonology, Islamic cosmography, mythical peoples

For Citation: Valeriy A. Matrosov, Maria V. Krivosheeva. The Mythical *Nasnās* in the Arabic Treatises: A Demon or a Human? *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 109-118. DOI 10.18254/S268684310010368-2

Арабская средневековая демонология — научно-литературная область, в рамках которой собирались, описывались, систематизировались и анализировались мифологические сюжеты и существа. Представления о них сформировались у арабских племен задолго до появления ислама, и на протяжении всего периода развития культуры Халифата эти создания не только бытовали на уровне устных рассказов и фольклора, но и фигурировали в поэзии, географической и исторической литературе и даже в богословских трактатах.

Ислам, священное писание которого «канонизировало» джиннов и *шайтāнов*, способствовал развитию арабской демонологии, и несмотря на то что в ряде хадисов отрицалось существование таких созданий, как *гӯль*, которых невозможно было причислить к *джиннам* или *шайтāнам* однозначно, следом за этими двумя категориями, весь богатый набор демонических тварей перекочевал из доисламской мифологии в культуру мусульманского мира.

Впрочем, во всём, что касалось не-джиннов и не-*шайтāнов*, арабская демонология как научная отрасль так и осталась на уровне накопления сведений и общего компилятивного описания существ, без того чтобы посвятить им ряд маломальски обособленных трактатов. Анализ их природы осуществлялся в рамках таких отраслей знаний, как *тафсӣр*, география, биология, а самые подробные сведения сохранились благодаря произведениям в жанре «*ʻаджāʼиб*» («диковинки», специфический литературно-научный жанр описания различных чудес среди творений Аллаха).

Наиболее придирчиво демонических существ, не вписывавшихся в биологическую классификацию, рассматривали авторы крупных поздних космографий и энциклопедий. В силу характера их трудов, такие исследователи в своих трудах излагали общие сведения о многообразии земных творений и предлагали некоторую типологизацию. В целом, их подход к последней брал начало в античной греческой традиции, однако ряд важных особенностей был продиктован исламом: они делили творения Аллаха на несколько ступеней (ангелы и *шайтāны*, ниже — джинны и люди, далее животные, растения), и многие сверхъестественные существа оказывались как бы на перепутье этих категорий, их несоответствие четким критериям отнесения прочих созданий к тому или иному вносило некоторую путаницу, и вкупе с недостаточной развитостью арабской демонологии, точное определение их природы оказывалось невозможным.

В результате, у разных исследователей демоны оказывались отнесены к разным классам: кто-то помещал их, при неполном соответствии критериям, среди джиннов, другие — среди животных, третьи выносили их в рамки «чудесных народов», «составных животных» (гибридов), а, например, известный арабо-персидский ученый Закария аль-Казвини (1203–1283 гг.) в своей космографии «Чудеса творений» даже выработал отдельную категорию *муташайтина* — то есть, категорию существ, ведущих себя подобно *шайтāнам*, но *шайтāнами* не являющихся.

Одним из таких существ, не имевших четкой привязки к той или иной категории в мусульманском мироздании, был *наснāс* (имя собирательное), которого по отдельным критериям можно было причислить одновременно к джиннам или *шайтāнам* (по родству с однозначно сверхъестественным демоном-*шикком*, о котором чуть подробнее будет сказано далее, а также по некоторым свойствам и повадкам), по другим — к людям (на правах отдельного народа или даже расы с собственным физиологическим строением, отличным от любых других людей), по третьим — к животным. Базовой характеристикой *наснāс* выступал их внешний облик, близкий к половине человека: одна нога, одна рука, половина туловища.

Это было весьма популярное существо: *наснāс* рассматривались в трудах таких знаменитых арабских ученых, как Абу ʻУсман аль-Джахиз (780–869 гг.), Абу-ль-Хасан аль-Масʻуди (896–956 гг.), Закария аль-Казвини (1203-1283), Камаль ад-Дин ад-Дамири (1342–1405 гг.), и т. д.

Поскольку вера в существование удивительных, порой будто бы противоестественных, творений

Илл. 1. Наснāс «клюют пищу так же, как птицы, и пасутся так же, как звери» (Манускрипт Уолтерса, XVIII в.). Здесь и далее иллюстрации взяты из трех разных экземпляров «Чудес существующего» Закарии аль-Казвини

Аллаха была и остается характерной для носителей исламской культуры, попытка систематизировать сведения, дошедшие до нас о созданиях *наснāс*, позволяет приоткрыть новую страницу в менталитете арабов, мироздание которых было населено диковинными существами.

В настоящей статье будут рассмотрены мнения средневековых арабских ученых относительно лингвистических характеристик и этимологии термина «*наснāс*», происхождения, половой принадлежности, внешнего вида, повадок, способностей и мест обитания этих существ.

Кого называли *«наснāс»*?

При наличии определенных вариаций в описании внешнего вида фантастических существ, основные характеристики остаются общими у всех авторов. Филолог Ибрахим аль-Майдани[1] в разделе хамзы в своей «Книге Пословиц» сообщает: «Абу-д-Диккис сообщил: …у каждого [из представителей *наснāс*] было по одной руке и ноге, половина головы и половина туловища…». Ему вторил признанный мастер жанра «диковинок»-*‘аджā’иб* Закария аль-Казвини, согласно которому каждый из *наснāс* представлял собой «половину туловища и половину головы, одну руку и одну ногу, и он — как будто наполовину человек, наполовину *шикк*». Термином «*шикк*», к слову, арабы называли пустынного демона (обычно относили к *джиннам*; у аль-Казвини — один из *муташайтина*), который также представлял собой продольно отделенную половинку человека и скакал по пустыням, рубя встречных путников мечом в единственной руке; однозначно злобный персонаж ряда арабских сказаний о богатырях древности.

Характер передвижений *наснāс* определялся их физиологическим строением. Поздний мамлюкский энциклопедист Камаль ад-Дин ад-Дамири передавал слова сподвижника пророка Мухаммада Абу Хурейры о том, что «они клюют пищу так же, как птицы, и пасутся так же, как пасутся звери» (*Илл. 1*). Можно также смело предположить, что ввиду своих физических осо-

1 Ибрахим аль-Майдани ан-Нисабури (ум. 1124) — широко известный филолог и литературовед, автор одной из первых книг по истории арабских поговорок.

бенностей *наснāс* были способны передвигаться только прыжками на единственной ноге.

Что касается общего характера, *наснāс* в средневековых трактатах и справочных материалах предстает как «очень агрессивное существо»[2]; также, если верить одному из крупнейших лексикографов исламского мира Мухаммаду Фирузабади, мужские особи сильнее женских [Al-Firuzabadi, 2005, p. 577], что сближает *наснāс* с «обычными» потомками Адама.

Ареал обитания *«наснāс»*

Место обитания *наснāс* в различных трактатах указывается по-разному. Так, аль-Казвини утверждает, что *наснāс* «обитают на островах Китайского моря», в свою очередь аль-Майдани в «Книге Пословиц» говорит, что «Абу-д-Диккис сказал: … обитают в чащах на берегах Индийского и Аравийского морей»; поздний исследователь Муртада аз-Забиди в XVIII в. и вовсе указывал, что эти твари родом из Йемена [Al-Zabidi, 1987, p. 552]. Так или иначе, *наснāс* обитали далеко от политического и культурного сердца исламского мира, пребывали в некой экзотической (для арабов) земле и не были связаны с аравийскими пустынями центральной части Аравийского полуострова, как большинство других демонов — таких, как *гӯль*. Тем самым *наснāс* как бы выводились за пределы круга аравийской бедуинской культуры, обособлялись от нее.

Повадки и способности

Повадки и способности *наснāс* определяются его физическими возможностями и высоким уровнем социализации. Все авторы отмечали тягу *наснāс* к совместному обитанию (в отличие от многих «более демонических» демонов — например, того же *шикка*, живущего в одиночку).

Социальная жизнь данных существ характеризуется несколькими интересными чертами. Так, если верить ад-Дамири, *наснāс* «не обладают разумом, но… умеют разговаривать на арабском языке, ведут свои родословные и дают имена на арабский манер, и [даже] сочиняют стихи»[3].

Интересно, что *наснāс* не ладят ни с людьми, ни с собаками. Аль-Майдани пишет, что «Абу-д-Диккис сказал: поистине люди раньше ели *наснāс* …Из “Истории Сан‘ā’” известно, что один торговец направился в их страны и видел, что они все носят одинаковое платье, поднимаются на деревья и так боятся собак, что в страхе убегают от них». Ад-Дамири также подтверждает скрытный образ жизни этих существ: «… со слов Хасана аль-Басри, когда люди уходили прочь, *наснāс* показывались; и если их обнаруживали, то те вновь прятались».

Впрочем, не все были согласны приписать *наснāс* пугливый характер и скрытный образ жизни. Ад-Дамири привел слова одного из известнейших ученых Аббасидского халифата Абу-ль-Хасана аль-Мас‘уди, писавшего: «когда же [одному из *наснāс*] случается встретиться с человеком, то он [*наснāс*] убивает его»[4].

Еще одна особенность *наснāс* — они любят поджигать дома людей, как и *шикк*[5] (*Илл. 2*). Тем не менее несмотря на их гнусные повадки, в отличие от *шикка*, они имеют возможность отказаться от злых деяний, встать на праведный путь и уверовать в Аллаха [Bane, 2016, p. 236].

Вариации происхождения *«наснāс»*

Существовало несколько версий происхождения *наснāс*. Согласно одной из них, человек из

2 Al-Damiri Kamal ad-Din. *Hayat al-Hayawan al-Kubra* [The Great Life of the Animals (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения: 30.03.2019).

3 Al-Damiri Kamal ad-Din. *Hayat al-Hayawan al-Kubra* [The Great Life of the Animals (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения: 30.03.2019).

4 Al-Damiri Kamal ad-Din. *Hayat al-Hayawan al-Kubra* [The Great Life of the Animals (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения: 30.03.2019).

5 Omidsalar M. Encyclopædia Iranica. *Genie.* 15.12.2000. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/genie- (дата обращения: 02.03.2019).

народа *ʻād*[6] ударил посланного к ним пророка, и тогда Аллах изуродовал его, превратив в особь *наснāс* — с одной рукой, одной ногой и с чертами *шикка*. Существует и другая версия: *наснāс* имеют человеческое происхождение и могут быть отождествлены с мифическими народами *йа'джӯдж* и *ма'джӯдж* (коранический аналог библейских народов гог и магог)[7], или же просто быть из числа прямых потомков Адама без внятного объяснения их экстравагантной внешности [Al-Firuzabadi, 2005, p. 577].

Ад-Дамири в «Большой книге о жизни животных» сослался на Абу Хурейру, который, если верить хадисам (хадисы, к которым апеллирует ад-Дамири, не входят в шесть канонических сборников) упоминал указанные выше варианты происхождения *наснāс*, а также добавлял от себя, что эти существа «подобны человеку — в чем-то имеют с ним (т. е., с человеком) явное сходство, а в чем-то — отличие, но они не из сынов Адама»[8].

В словаре «Аль-Мухкам»[9] сказано, что это создание, напоминающее обличьем человека, и произошло оно от тех, «чья природа была слаба»[10], а в «Ас-Сихахе»[11] говорилось: «это категория созданий, схожих с людьми, разделенными напополам». В то же время аль-Казвини указывает, что «[*наснāс*] — это один из народов», а аль-Майдани в «Книге Пословиц» сообщает: «Абу-д-Диккис сказал: … говорят, что [*наснāс*] — из рода Арама, сына Сама, брата ʻАда и Самуда»[12] (необходимо отметить некоторую метафоричность: Арам, ʻАд и Самуд принадлежали к одному роду, но к разным поколениям).

Примечательно, что Закария аль-Казвини выносит в конец своей космографии «Чудеса творений» несколько особо экзотических категорий существ, в том числе говорит и про *наснāс*. Ученый воздержался от того чтобы указать *наснāс* среди «удивительных народов» и поместил их среди «гибридов», однако не упоминает, после скрещивания кого с кем получились *наснāс* [El-Cazwini, 1848, p. 449].

Частично понимание *наснāс* как человекообразных существ может быть заложено в самой этимологии слова. Относительно происхождения и точного корневого значения термина «*наснāс*» (نسناس) однозначного мнения не существует: средневековые исследователи отмечают, что он происходит от того же корня, что и «*нāс*» («люди», ناس) — то есть, от корня س \ ن \ ء, однако, например, поздний лексикограф Муртада аз-Забиди (1732–1790 гг.) в толковом словаре «Тадж ал-ʻАрӯс» («Венец невесты») помещает термин «*наснāс*» в словарную статью корня س \ س \ ن [Al-Zabidi, 1987, p. 551–554]. Впрочем, позиция аз-Забиди представляется несостоятельной, хотя бы в силу того, что дальнейшее пояснение семантической связи между понятием «*наснāс*» и глаголом «*насса*» («торговать») отсутствует, и теория аз-Забиди, вероятно, зиждется исключительно на графико-фонетическом сходстве. Ввиду этого, более распространенные взгляды на термин «*наснāс*» как прочно связанный с словом «*нāс*» видятся более обоснованными.

6 ʻАд — древний народ, упоминающийся в ряде сур Корана как пример возгордившегося общества, понесшего наказание от Аллаха.

7 Два упомянутых в Коране народа, обитающие на краю земли за высокой стеной, отгораживающей их от остального мира; им предстоит устрашать мир своими набегами накануне Страшного суда.

8 Al-Damiri Kamal ad-Din. *Hayat al-Hayawan al-Kubra* [The Great Life of the Animals (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения: 30.03.2019).

9 Большой словарь Ибн Сиды (1007–1066), андалусского лексикографа, названный «Аль-Мухкам ва-ль-Мухит аль-ʻАзим» (Великий и всеобъемлющий добротный [словарь]».

10 Al-Damiri Kamal ad-Din. *Hayat al-Hayawan al-Kubra* [The Great Life of the Animals (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения: 30.03.2019).

11 Большой словарь Исмаʻила аль-Джаухари (940–1002), арабоязычного перса-лексикографа, названный «Сихах Тадж ал-Лугха» («Достоверный венец языка»).

12 Al-Damiri Kamal ad-Din. *Hayat al-Hayawan al-Kubra* [The Great Life of the Animals (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения: 30.03.2019).

Илл. 2. **Вредоносный *шикк* также любил убивать людей в пустынях, причем сначала читал им стихи На миниатюре — поединок между *шикком* и витязем ‘Алькамой, закончившийся гибелью обоих противников** (Национальная библиотека Катара, XIII–XIV вв.)

Илл. 3. *Наснāс* **всегда изображались по несколько особей сразу** (Национальная библиотека Франции, XVIII в.).

Примечательно, что в связке с понятием «*наснāс*» в классических арабских словарях рассматривается глагол «*наснаса*» (نسنس) в значении «усиленно проявить свои базовые характеристики»: так, фраза نسنس الطير означает «птица ускорила свой полет» (полет — базовая характеристика для любой птицы), نسنست الريح — «подул порыв холодного ветра» (для ветра базовая характеристика — дуновение) [Al-Firuzabadi, 2005, p. 577]. Впрочем, очевидной связи между этой семантической категорией и природой *наснāс* обнаружено также не было.

Что касается формальных показателей, «*наснāс*», как и само понятие «*нāс*», обладает природой собирательного или множественного имен (*Илл. 3*). Единственного числа не существует: чтобы выразить понятие «один из *наснāс*», употребляется расширенная конструкция (أحد من نسناس или إنسان م نسناس). Для особей женского пола есть отдельный (такой же собирательно-множественный) термин — *насāнис* (نسانس).

Важно оговорить, что с точки зрения грамматических форм собирательно-множественное понятие «*наснāс*» в текстах всегда согласуется с глаголами и определениями, стоящими в форме правильного множественного числа мужского рода. В арабском языке подобные согласования возможны только в применении к разумным существам: то есть, высшим ступеням творений Аллаха — ангелам, джиннам и людям (но не к *шайтāнам*, которые, занимая одну ступень с ангелами, являют собой их антиподов).

Альтернативные версии

Неопределенность природы существ под названием *наснāс* породила целую традицию трактовки их образа в арабском фольклоре и литературе. Некоторые авторы рассматривали этих существ как представителей рода человеческого, другие видели в них животных, третьи вовсе утверждали, что *наснāс* — собирательное наименование сразу для двух видов живых созданий.

Так, известный аббасидский ученый Абу ʻУсман аль-Джахиз сообщал, что «*наснāс* составляют отдельную расу. … Сведущие люди также утверждали, что под словом *наснāс* имеются в виду все те, кто пребывает на дне общества, отребья, простонародье, голытьба… те, кому присущи непоседливость, невежество и крайняя поспешность»[13].

Он же пытался пояснить, что как среди невидимых разумных земных существ есть две категории — джинн и *хинн*, среди которых *хинн* выступают как бы «низшими» существами, и джинны используют их в качестве некоторого подобия домашних животных, так и среди видимых разумных земных существ есть две аналогичные категории — *нāс* и *наснāс*. Тем самым, *наснāс* должны были иметь общее с человеком происхождение, но в силу ряда причин, которые аль-Джахиз не поясняет, оказались ступенью ниже в иерархии существ.

Впрочем, сам же аль-Джахиз выразил и некоторый скепсис в отношении выделения *наснāс* в отдельную категорию, отметив: «Некоторые невежественные люди слышали, что …*наснāс* составляют отдельную расу. Другие, еще глупее первых, … полагали, что следует выделять три расы: *нāс*, *наснāс* и *насāнис*. И то же самое можно сказать про *шикка*, *вāк-вāка*, *зивāл-бāя*, *ʻуддāра*, детей *сиʻлā* от человека и прочих»[14].

Еще интереснее, что на раннем этапе развития арабской культуры образ *наснāс*, то ли в силу их возможного обитания на далеких островах, то ли по другим причинам, начинает прочно ассоциироваться с водной средой. Еще Абу-л-Хасан

13 Al-Djahiz Abu ʻUthman. *Kitab al-hayawan* [The Book of the Animals (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/alhiwan-.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

14 Al-Djahiz Abu ʻUthman. *Kitab al-hayawan* [The Book of the Animals (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/alhiwan-.pdf (дата обращения: 20.11.2019). Различные демонические существа так или иначе — по образу или по происхождению — имеющие отношение к человеку. В силу непривычной физиологии (например, *вāк-вāк* растут на деревьях и похожи на плоды с человеческим лицом), не вписывались в традиционную классификацию и находились на промежуточных стадиях между отдельными ее категориями.

аль-Мас'уди в «Золотых копях» упоминал, что «это животное, подобное человеку; у него один глаз, он выходит [на сушу] из воды и обладает речью»[15].

Позднее традиция отождествлять *наснāс* с водными существами, которая несколько ослабляла их привязку к человеческой природе, привела к логичному прагматичному вопросу: можно ли употреблять *наснāс* в пищу?

Наиболее полным в этом ключе источником, отсылку к которому дает ад-Дамири, представляются комментарии к хадисам авторства авторитетного муфассира Мухибб ад-Дина ат-Табари. Он, в свою очередь, ссылался на неких кади Абу-т-Таййиба и шейха Абу Хамида, которые выделили в *наснāс* исключение среди водных существ и постановили, что его поедание недопустимо, поскольку по природе он схож с человеком[16].

Сам ат-Табари, проанализировав все доступные сведения, пришел к выводу о том, что существует два вида *наснāс*. Второй вид — уже упомянутое водное существо, запрет на поедание которого наложили кади и шейх (ат-Табари, правда, оговаривается, что таких *наснāс* вполне можно употреблять в пищу как рыбу). А первый вид — это существа, являющиеся подвидом обезьян; такие *наснāс* обладают интеллектом и способностью рационального мышления, они не обитают в воде и, имея характеристики, близкие к человеческим, запрещены в пищу.

Словом, в эпоху расцвета арабской научной и литературной традиции, при постепенном накоплении сведений о далеких диковинных краях, в которых, по арабским представлениям, обитают *наснāс*, возникла тенденция отхода от экзотизма дальних краев к прагматическому объяснению всех встреченных там диковинок, и *наснāс*, будучи полудемоническим существом, по характеристикам довольно близким к пустынному демону-*шикку*, стал трактоваться в близких понятию человеком категориях и скорее воспринимался как диковинный род животных.

Есть ли общий знаменатель?

В противовес догматам ислама, арабская демонология продолжала развиваться на протяжении веков, хотя ей не был присущ системный подход и четкая методология в описании существ. На страницах трудов космографов, географов, лексикографов и других ученых фигурировали многочисленные удивительные существа — в том числе и *наснāс*.

О природе описываемых созданий сложно судить однозначно, поскольку любая попытка причислить их к одной из канонических для арабской традиции категорий в классификации творений Аллаха неизменно ведет к появлению новых вопросов.

Авторы большинства изученных трудов сходятся во мнении в вопросе внешнего вида этих существ — получеловек или полудемон. Альтернативные теории, помещавшие *наснāс* в ранг водных существ, не сопровождались описанием внешности этих творений.

В отношении повадок и способностей стоит отметить, что эти существа достаточно агрессивны, перемещаются на одной ноге и живут в коллективе. Они не обладают способностью рационально мыслить, однако говорят на арабском, ведут свои родословные и складывают стихи. Не существует единого мнения и в вопросе местообитания этих удивительных существ. Различные ученые считали, что их можно встретить в ареалах Китайского, Индийского, Аравийского морей, а также в землях Йемена.

Происхождение *наснāс* вызывало больше всего вопросов. С одной стороны, априори предполагалось, что эти существа как-то связаны с родом человеческим. С другой стороны, арабские ученые всегда стремились как бы абстрагировать

15 Al-Damiri Kamal ad-Din. *Hayat al-Hayawan al-Kubra* [The Great Life of the Animals (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения: 30.03.2019).

16 Al-Damiri Kamal ad-Din. *Hayat al-Hayawan al-Kubra* [The Great Life of the Animals (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения: 30.03.2019).

наснāс от, по крайней мере, арабов: указывали в качестве места их обитания далекие экзотические земли, старались провести параллели между ними и зверями или птицами. Аль-Казвини, в свою очередь, не относит *наснāс* к «удивительным народам», а помещает их в раздел «животных-гибридов». Некоторые черты характера — крайняя агрессивность, тяга к убийству людей и совместному с *шикком* поджиганию их домов — вовсе отсылают к демонической сущности.

Словом, попытка отойти от исходного представления о наличии у людей близких сородичей с изначально увечной природой встречала сопротивление в рамках арабской научной традиции и вела к формированию сложных, противоречивых представлений о том, чем же может быть, в конце концов, удивительное существо, известное как *наснāс*.

Список литературы / References

Bane T. *Encyclopedia of Beasts and Monsters in Myth, Legend and Folklore.* Jefferson: McFarland & Company, 2016. — 428 p.

Al-Firuzabadi Muhammad. *Al-Qamus al-Muhit* [The Comprehensive Dictionary (in Arabic)]. Beirut Dar alKitab al-'Arabi, 2005.

Al-Zabidi Murtada. *Tadj al-ʿarus* [The Crown of the Bride (in Arabic)]. Part 16. Al-Kuwait, 1987.

Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini`s Kosmographie. Her. F. Wüstenfeld. In 2 Th. Th. 1. Die Wünder der Schöpfung. Göttingen: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1848–1849.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Al-Damiri Kamal ad-Din. *Hayat al-Hayawan al-Kubra* [The Great Life of the Animals (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения: 30.03.2019).

Al-Djahiz Abu 'Uthman. *Kitab al-hayawan* [The Book of the Animals (in Arabic)]. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/alhiwan-.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

Omidsalar M. Encyclopædia Iranica. *Genie.* 15.12.2000. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/genie-_(дата обращения: 02.03.2019).

DOI: 10.18254/S268684310010369-3

Арабы и византийцы
в арабо-мусульманских династийных хрониках: принципы восприятия «чужого»

Arabs and Byzantines
in the Arab-Muslim Dynasty Chronicles: Principles of The *Alien's* Perception

Дмитрий Валентинович Микульский

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; декан факультета Практического востоковедения Московской международной академии, Москва, Россия; dmitrimikulsli@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3239-1670

Dimitry V. Mikulsky

DSc (History). Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS; Dean of the Practical Oriental Studies Department, Moscow International Academy, Moscow, Russia; dmitrimikulsli@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3239-1670

В статье проанализированы сообщения, содержащиеся в трудах двух арабских историков X в. — мусульманина ал-Мутаххара ал-Макдиси и христианина Евтихия Александрийского (Са'ида б. Батрика), в которых ярко рассказано о взаимоотношениях между арабами-мусульманами и византийцами, воевавших между собой в VII–VIII вв. Интересно, что с точки зрения христианина Евтихия великими хитрецами оказались арабы-мусульмане, а с точки зрения мусульманина ал-Мутаххара ал-Макдиси первенство в хитроумии и коварстве принадлежит византийцам: получается, что каждая из сторон полагала другую хитрой и коварной. Таким образом в сочинениях мусульманских и христианских арабоязычных историков формировались этнокультурные стереотипы.

Ключевые слова: арабо-мусульманская династийная историография, арабо-христианские историки, византийцы, арабо-византийские войны, образ «чужого», фольклорные мотивы в арабской историографии, мусульмано-христианские отношения.

Для цитирования: Микульский Д. В. Арабы и византийцы в арабо-мусульманских династийных хрониках: принципы восприятия «чужого». *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 1–2. С. 119–125. DOI 10.18254/S268684310010369-3

The article analyses the stories, dedicated to the relations between the Arab Muslims and the Byzantines in the 7th–8th centuries, when numerous wars and clashes were taking place between the two sides. The stories under analysis are derived from the chronicles of the two 10th century historians Eutyhious of Alexandria (Sa'id b. al-Batrik, a Christian) and al-Mutahhar al-Makdisi, a Muslim. It is peculiar, that the Christian Arab historian considers the Arabs to be more shrewd and cunning, while the Muslim historian has the very opinion of the Byzantinians. Thus ethnic stereotypes were formed in the Medieval Arabic historiography.

Key words: Arab-Muslim Dynasty Historiography, Arab Christian historians, the Byzantinians, Arab-Byzantinian wars, Muslim-Christian relations, the image of the "alian", folklore motives in the Arabic historiography

For citation: Dimitry V. Mikulsky Arabs and Byzantines in the Arab-Muslim Dynasty Chronicles: Principles of *The Alien's* Perception. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 1–2. Pp. 119–125. DOI 10.18254/S268684310010369-3

Десятое столетие — время, когда в арабской культуре уже сформировались основные жанры и композиционные формы исторических сочинений. Самой продуктивной оказалась композиционная форма так называемых династийных хроник, в которых история Халифата, стержень арабских исторических повествований, излагалась в соответствии с правлениями мусульманских государей, халифов. Между прочим, в наибольшей степени на становление арабской династийной историографии повлияли традиции историографии византийской.

В то время отношения с Византией, хотя и побежденной арабами в VII в., оставались чрезвычайно актуальными как для мусульманского, так и для христианского населения Халифата. И мусульманские историки, и их христианские коллеги, писавшие по-арабски, уделяют немало внимания как современным им событиям, связанным с отношениями между Халифатом и Империей, так и тому, что для них было уже относительно далеким прошлым — эпохе арабо-мусульманских завоеваний. Как это характерно для средневековых исторических трудов, рассказы о временах прошедших часто оказываются много ярче и живее повествований о современности. Автору этих строк наиболее интересным представился ряд рассказов из сочинений христианского историка Евтихия Александрийского (877–933; арабская версия его имени — Са'ид б. ал-Батрик)[1], писавшего по-арабски [ТМ], и мусульманского историка ал-Мутаххара ал-Макдиси (или же ал-Мукаддаси; ум. после 966 г.)[2], где и византийцы, и арабы представлены великими хитрецами. Этот интерес был в определенной мере вызван знаменитым высказыванием Нестора-летописца: в отличающихся наивной, но яркой изобразительной силой повествовательных отрывках, посвященных византийцам, первый русский историк и прозаик характеризует «греков» как льстивых и лицемерных. Рассматриваемые повествования почерпнуты из «Базы данных тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник IX–X вв.», составленной и постоянно пополняемой автором статьи (см. сайт Института востоковедения РАН, раздел «Публикации»[3]). Текст Евтихия, посвященный битве при Йармуке, и рассказ, повествующий об уловке арабского военачальника при осаде Газзы (см. ниже), были включены в русском переводе Н. А. Медникова в

1 См. о нем: [Micheau, 1986, p. 853–856].

2 [КБТ]. О самом ал-Мутаххаре ал-Макдиси см.: [Al-Mutahhar b. al-Tahir al-Makdisi, 1993, p. 762].

3 Микульский Д. В. База данных тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник IX–X вв. *ИВ РАН.ru.* URL: https://book.ivran.ru/f/mikulskij-dv-baza-dannyh-tem-i-syuzhetov-arabo-musulmanskih-dinastijnyh-hronik--ixx-vv-fevral-2016co.pdf. Дата обращения 03.04.2020.

его капитальный труд по истории Палестины под арабо-мусульманским владычеством [Медников, 1897, с. 256–258; 261–263], однако мы использовали для нашей статьи собственные переводы.

Первый из рассмотренных рассказов содержится в сочинении Евтихия Александрийского и относится ко временам, предшествующим арабо-мусульманскому нашествию на византийские и иранские земли. Как известно, в 626 г. Константинополь пребывал в осаде объединенных сил персов и их союзников — славян и аваров. Эти события относятся ко времени деяний и правления пророка Мухаммада (ок. 570–632), и поэтому рассказ о них включен арабо-христианским историком в главу, посвященную основоположнику ислама [ТМ, с. 1–4].

Евтихий Александрийский повествует, что испугавшись, будто истомленные бедствиями осады константинопольцы сдадут город персидскому царю, император Ираклий, именуемый в арабских источниках Хираклом (610–641)[4], заключил с шахом перемирие на условиях выплаты чрезвычайно тяжелой контрибуции, помолился Иисусу Христу о даровании победы и отправился на кораблях с пятью тысячами отборных воинов в Трапезунд. Там император собрал войско из своих подданных, а также заключил союзы с хазарами и царем кавказского народа *ас-саннариййа* (аварцами). После Ираклий совершил разрушительный рейд по иранским землям, захватив богатую добычу и взяв в полон в том числе и сына персидского царя, которого отослал, облаченного в рубище, к отцу с издевательским посланием, где известил супостата о своем торжестве. По совету приближенных персидский государь снял с Константинополя осаду и двинулся навстречу Ираклию, надеясь разгромить его в открытом бою. Однако Ираклий, применив военную хитрость, сумел ускользнуть от неприятеля. И вот, как повествует Евтихий, «Двинулся [царь персидский] в город свой (то есть, столицу. — *Д. М.*) и нашел его в развалинах — ни спрашивающего там, ни отвечающего. И ослабело тогда Царство Персидское, и это на седьмом году правления Ираклия и на седьмом году хиджры (628–629 г. по христианскому летоисчислению. — *Д. М.*)»[5]. В этом рассказе император Ираклий предстает перед нами истинным византийцем, умеющим побеждать не столько силой, сколько хитроумием.

Как сообщает Евтихий Александрийский в главе, посвященной правлению халифа ʻОмара б. ал-Хаттаба (634–644)[6], незадолго до печального для арабоязычных христиан события, падения в 635 г. Дамаска, византийский военачальник Махан выступил из Дамаска, стремясь помешать арабо-мусульманскому войску, двигавшемуся из Тивериады, приблизиться к сирийской столице. Махан занял позицию в местности ал-Джулан (современные Голанские высоты) на берегу некоего *вади* (ущелья); напротив же располагалось арабо-мусульманское войско. (Возможно, Евтихий имел в виду решающее для судеб Сирии и Палестины сражение при Йармуке, произошедшее в феврале 636 г., однако это не вяжется с принятой современными историками хронологией событий, так как Дамаск пал до этой битвы.) Воинства противостояли друг другу несколько дней.

Тем временем логофет[7] Мансур (будучи арабом, он был неприязненно настроен к византийцам) выступил из Дамаска в сопровождении вооруженного отряда с некой денежной суммой, которую ему надлежало раздать в качестве жалования воинам Махана. Приблизившись к ромейскому лагерю ночью, Мансур велел своим людям ударить в барабаны и затрубить в трубы. Вот как пишет об этом Евтихий: «Так явил Мансур хитрость [свою] и проклятие. Увидев это, решили ромеи, будто обошли их арабы с тыла. Тогда охватило их смятение, повалились они все в вади и погибли». Так Мансур нанес великий ущерб своим согражданам. Немногие

4 См. об императоре Ираклии: [Ираклий, 1972, с.403].

5 О событиях, послуживших основой для рассказа Евтихия, см.: [*История Византии*, 1967(a), с. 363–367].

6 [ТМ, с. 14–15]. См. [*История Византии,* 1967(b), с. 52–59].

7 *Логофет* — чиновник финансового ведомства в Византийской империи [Логофет, 1973, с. 609].

же уцелевшие из войска Махана ромеи бежали в Дамаск, где засели в осаду, но, как мы знаем, весьма ненадолго. Показательно и поведение самого византийского воеводы. Вот как пишет об этом Евтихий: «Махан же устрашился возвращаться к царю Хираклу (Ираклию. — *Д. М.*), а то убьет его [государь]. Бежал он на Синайскую гору, принял монашество и назвался Анастасий-усом (Анастасием. — *Д. М.*). Он — сочинитель комментария к Псалтири Давидовой» [ТМ, с. 15]. Византийцы предстают в рассказе арабо-христианского историка в неслишком выгодном свете — одни из них беспечны и пугливы, а другие клятвопреступны и коварны. Наверное, эти качества и были одной из причин поражения ромеев в той войне с арабами-мусульманами.

Не лучше выглядят византийцы и в двух других обладающих сходной фабулой рассказах Евтихия, (на сходство этих фабул также обратил внимание еще Н. А. Медников) [Медников, 1897, с. 145]. Один из этих рассказов отнесен к правлению халифа Абу Бакра (632–634) и касается осады арабами-мусульманами знаменитого палестинского города Газза (Газа) в 634 г.[8], а второй включен в главу о правлении халифа ʻОмара б. ал-Хаттаба (634–644) и является одним из эпизодов осады арабами-мусульманами Александрии в 641 г.[9] Действующим лицом обоих рассказов выступает видный арабо-мусульманский военачальник ʻАмр б. ал-ʻАс (ум. 663), основатель города ал-Фустат на Ниле и впоследствии наместник Египта [Wensinck, 1986, p. 451]. Его же сотоварищем и спасителем оказывается *маула* военачальника (то есть, вольноотпущенник), армянин, бывший подданный Империи, Вардан (это реальное историческое лицо, сделавшееся одним из персонажей «Книги сказок тысячи и одной ночи») [Ibn Coteiba's Handbuch… 1850, S. 147; Elisséeff, 1949, p. 93, 133, 162, 194]. В обоих случаях ʻАмр и его слуга попадают в руки некоего неназванного византийского воеводы (по-арабски таких военачальников, равно как и вообще высокопоставленных византийцев называли *батарика* (в единственном числе — *битрик*, то есть, патрикий, обладатель высокого византийского придворного чина, восходящего к наименованию высшего римского сословия — «патриции» [Kawar, 1986]).

Византийский воевода, полагая ʻАмра рядовым воином или незначительным военачальником, предлагает ему свободу, если тот приведет к нему самых главных арабо-мусульманских воевод под предлогом ведения с ними переговоров (сам же *битрик* делится с приближенными намерением их всех перебить). Однако Вардан, «знавший поромейски, ибо сам был ромеем», предупреждает господина о готовящейся измене, и оба они, дав противнику ложные обещания, счастливо ускользают из рук неприятеля [ТМ, с. 9–11; 24–26]. Можно видеть, что пока хитрость арабов перевешивает византийское коварство. Вардан же, человек двух культур, выступает в роли сказочного волшебного помощника, выручающего своего господина в безвыходном, казалось бы, положении.

Однако среди рассматриваемых нами рассказов имеется один, где византиец все же оправдывает репутацию хитроумного и коварного мужа, не исполняющего данные обеты. Такое повествование приводится на этот раз арабо-мусульманским историком ал-Мутаххаром ал-Макдиси (между прочим, уроженцем Иерусалима — может быть, в силу этого обстоятельства он глубоко проник в души подданных ромейских государей, ибо общался с потомками византийцев, составлявших значительную часть Священного Града). Ал-Мутаххар ал-Макдиси пишет: снарядил, мол, омейядский халиф Сулайман б. ʻАбд ал-Малик (715–717; рассказ помещен в главе о правлении этого государя) поход на Константинополь, а во главе его поставил одного из своих братьев, видного военачальника Масламу б. ʻАбд ал-Малика (ум. 740)[10]. Описываемые события, по всей ви-

8 См. о взятии Газзы арабами-мусульманами: [Sourdel, 1991, с. 1056].

9 См. об этом историческом событии: [Большаков, 1993, с. 116–123].

10 *Маслама б. ʻАбд ал-Малик б. Марван* (ум. после 733) — омейядский эмир; крупный военачальник; успешно воевал против византийцев и хазар [Rotter, 1991, p. 740.].

димости, относятся к 716–717 гг. Маслама же, как повествует ал-Мутаххар ал-Макдиси, «взял с собою Алйуна ал-Мар'аши, приведя его к присяге, чтобы показывал он дорогу и незащищенные места» [КБТ, т. 6, с. 43–44]. Под именем Алйуна ал-Мар'аши фигурирует у ал-Мутаххара ал-Макдиси византийский полководец Лев Исавр, происходивший из города Германикия (находившегося в северной части территории Исторической Сирии, попадавшего под власть арабов, и отбиваемого византийцами; арабы именовали его Мар'аш; ныне — в составе Турции)[11].

Отметим, что в описываемое время в Империи сложилась ситуация безвластия — после отречения бывшего учителя грамматики, ставленника столичных вельмож Анастасия II (713–715) провинциальная военная знать объявила государем бывшего сборщика налогов, принявшего имя Феодосия III (715–717). Тогда Лев Исавр, заручившись поддержкой арабов-мусульман, провозгласил себя императором, захватил Город и стал царствовать под именем Льва III (717–741), положив начало так называемой Исаврийской династии. Государи, принадлежавшие к ней, правили Византией до 802 г. [*История Византии*, с. 47–54].

В изложении арабо-мусульманского историка эти события выглядят следующим образом. Осажденные Масламой, ромеи попросили направить к ним для ведения переговоров Алйуна. Тот же пообещал им избавить Константинополь от арабского нашествия — только «поставьте меня царем». Выйдя же из Города, Алйун сказал Масламе: «Откроют [ромеи] ворота, если ты немного отступишь [от стен Константинополя]». Сказал Маслама: «Опасаюсь я, что это с твоей стороны уловка». Поклялся Алйун, что отдаст все, что находится в Константинополе из золота, серебра и драгоценных тканей». Поверив клятве, Маслама отводит войска, а Алйун входит в Город, надевает царский венец и велит внести в Константинополь припасы, оставшиеся в арабском лагере. Маслама, поняв, в чем дело, все же отбил часть продовольствия, но вынужден был остановиться перед запертыми воротами. «Тогда послал [Маслама] Алйуну: "Призываю тебя хранить верность договору". [В ответ] послал ему Алйун: "Не дают ромеи присяги на верность"». После же, как завершает ал-Мутаххар ал-Макдиси рассказ, простоял Маслама под Городом тридцать месяцев, претерпели его воины немалые лишения, и многие погибли. В конце же концов знаменитому арабскому полководцу пришлось отступить.

Ну и, наконец, последний из рассматриваемых нами рассказов свидетельствует о возможности мирного, хоть и кратковременного сосуществования арабов и византийцев. Рассказ принадлежит Евтихию Александрийскому и отнесен им к правлению 'Омара б. ал-Хаттаба (634–644) [ТМ, с. 19–20]. В те времена заключил *битрик* области Киннасрин[12], что в северной части Сирии, перемирие с арабо-мусульманским военачальником Абу 'Убайдой б. ал-Джаррахом (ум. 639)[13] сроком на год. Границей между обоими воинствами служил столп, на котором стояла статуя императора Ираклия (*Хиракла-царя*), «сидящего в царском облачении своем». Однажды арабские воины, упражнявшиеся в наездничестве рядом с тем столпом, угодили изображению императора прямо

11 См. об этом городе: [Honigmann, 1986, pp. 505–510].

12 *Область Киннасрин* — историческая область в северной части Сирии, на границе с Византийской империей, центром которой являлся одноименный древний город. Здесь в сороковые годы VII в. был образован военный округ Джунд Киннасрин [Elisséeff, 1986, pp. 124–125].

13 *Абу 'Убайда б. ал-Джаррах* (*'Амир б. 'Абдаллах б. ал-Джаррах*) — видный сподвижник пророка Мухаммада; происходил из клана фихр племени курайш. Славился как отважный воин. Сыграл заметную роль в завоевании Северной Сирии. Умер от чумы, отказавшись покинуть зону распространения эпидемии [Gibb, 1986, pp. 159–160]. Эпидемия чумы, от которой погибли многие воеводы и простые арабо-мусульманские воины, произошла в 18 г. х. (639 г. н. э.), охватила Ирак и Сирию и особенно свирепствовала в Палестине. В арабо-мусульманском историческом предании этот год получил наименование Чумного [Большаков, 1993, с. 78–79].

в глаз. Рассерженный *битрик* потребовал у Абу ʻУбайды удовлетворения по принципу талиона — выколоть глаз у изображения арабского царя. Абу ʻУбайда предложил сделать свою собственную статую — и пусть ромеи выбьют глаз у нее. Но искусный в дипломатии *битрик* настоял, чтобы объектом членовредительства стала статуя «верховного царя» арабов. Делать нечего: «И согласился Абу ʻУбайда на это. Поставили ромеи статую ʻОмара б. ал-Хаттаба на столп, пришел от них муж и выколол глаз статуи копьем. Тогда сказал *битрик*: «Поступили вы с нами справедливо». И пребывали [ромеи] год под покровительством [мусульман]».

Кто же оказался искуснее в науке коварства и хитроумия? Наверное, вполне логично, что в глазах арабо-христианского историка — арабы-мусульмане, а в глазах арабо-мусульманского историка — византийцы. Вероятно, чужаки представали перед обоими историкам в более выгодном свете. Правда, в корпусе рассмотренных нами сообщений пять принадлежат Евтихию (христианину) и лишь одно — ал-Мутаххару ал-Макдиси (мусульманину), что свидетельствует о том, что для арабо-христианского «летописца» византийская тема была гораздо актуальнее, нежели для арабо-мусульманского. Это и понятно — ведь Евтихий Александрийский и его читатели — православные, ставшие «покровительствуемыми» подданными халифов (*ахл аз-зимма*), вчерашние греки, волей-неволей усвоившие арабский язык.

Список литературы / References

Большаков О. Г. *История халифата.* Т. II. Эпоха великих завоеваний (633–656). М.: Восточная литература, 1993. — 294 с. [Bolshakov O. G. *History of the Caliphate.* Vol. 2. The Epoch of Great Conquests. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1993. — 294 p. (In Russian)].

Ираклий. *БСЭ* (Большая Советская Энциклопедия). Т. 10. М., 1972. С. 403 [Irakli. *Big Soviet Encyclopedia*. Vol. 10. Moscow, 1972. P. 403 (In Russian)].

История Византии. Т. 1. М.: Наука, 1967(a). — 524 с. [History of Byzantium. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1967. — 524 p. (In Russian)].

История Византии. Т. 2. М.: Наука, 1967(b). — 472 с. [*History of Byzantium*. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1967. — 472 p. (In Russian)].

КБТ — *The Book of Creation and History*. By Motahhar b. Tahir al-Maqdisi (Abu Zaid Ahmad B. Sahl al-Balkhi). Ed. by Cl. Huart. Paris, 1899. Vol. 4–6. M. H. Asadi's Publications Series. No. 3 (*Китаб ал-бад' ва-т-та'рих*).

Логофет. *БСЭ*. Т. 14. М., 1973. С. 609 [Logothete. *Big Soviet Encyclopedia*. Moscow, 1973. P. 609 (In Russian)].

Медников Н. А. *Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам*. СПб., 1897. Православный Палестинский сборник. Т. XVII. Вып. 2. — 734 с. [Mednikov N. A. *Palestine from Its Conquest by Arabs to the Crusades according to the Arab Sources*. Saint Petersburg, 1897. Orthodox Palestene Collection. Vol. XVII. Iss. 2. — 734 p. (In Russian)].

TM — Saïd Ibn al Batriq Eutychius, patriarche d'Alexandrie; Luwīs Sayhū. *Eutychii Patriarchae Alexandrini Annales*. Pars posterior… Conjucta opera ediderunt L. Cheicko s.j., B. Carra de Vaux, H. Zayyat. Beryti – Parisiis — Lipsiae: E Typographeo Catholico, 1906–1908. — 362 p. (*Китаб ат-та'рих ал-маджму' ʻала-т-тахкик ва-т-тасдик*).

Al-Mutahhar b. al-Tahir al-Makdisi (Ed.). *Encyclopaedia of Islam*. Vol. VII. Leiden — New York, 1993. P. 762.

Elisséeff N. Kinnasrin. *Encyclopaedia of Islam.* Vol. V. Leiden, 1986, p. 124–125.

Elisséeff N. *Thèmes et motifs des Mille et Une Nuits: essai de classification*. Beyrouth, 1949. — 243 p.

Gibb H. A. R. Abu ʻUbayda. *Encyclopaedia of Islam.* Vol. I. Leiden, 1986. Pp. 159–160.

Honigmann E. *Faroghi S. Mar'ash*. *Encyclopaedia of Islam.* Vol. VI. Leiden, 1986. Pp. 505–510.

Ibn Coteiba's handbuch der geschichte: Aus den handschriften der k.k. Hofbibliothek zu Wien, der herzoglichen Bibliothek zu Gotha und der

Universitäts-bibliothek zu Leyden, herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld. Gőttigen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1850. —366 p.

Kawar I. Bitrik. *Encyclopaedia of Islam*. Vol. I. Leiden, 1986. Pp.1249–1250.

Micheau F. Said b. al-Batrik. *Encyclopaedia of Islam.* Vol. VIII. Leiden, 1986. Pp. 853–856.

Rotter G. Maslama b. ʻAbd al-Malik b. Marwan. *Encyclopaedia of Islam*. Vol. VI. Leiden, 1991. P. 740.

Sourdel D. Ghazza. *Encyclopaedia of Islam.* Vol. III. Leiden, 1991. Pp. 1056–1057.

Wensinck A. J. ʻAmr b. al-ʻAs. *Encyclopaedia of Islam*. Vol. I. Leiden, 1986, p. 451.

Электронные источники / Electronic Sources

Микульский Д. В. База данных тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник IX–X вв. *ИВ РАН.ru.* URL: https://book.ivran.ru/f/mikulskij-dv-baza-dannyh-tem-i-syuzhetov-arabo-musulmanskih-dinastijnyh-hronik--ixx-vv-fevral-2016co.pdf. Дата обращения 03.04.2020.

DOI: : 10.18254/S268684310010370-5

Суфийская метафизика музыки Хазрата Инайят Хана

Hazrat Inayat Khan and His Sufi Music Metaphysics

Екатерина Иннокентьевна Хан

аспирант Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); ведущий редактор отдела научно-библиографической информации Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Москва, Россия; katerina.inno@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-2606-1050

Khan Kate I.

PhD student, School of Philosophy, National Research University “Higher School of Economics”; editor, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation; katerina.inno@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-2606-1050

Статья представляет собой попытку осмысления наследия Хазрата Инайят Хана. Его теоретические работы формируют последовательную монистическую метафизическую систему, целью которой является преодоление искусственной антитезы материи и духа и синтез науки и религии в духовном искусстве. Суть его онтологии составляют учение о музыке, природе звука и гармонии. Особую роль в предложенном им толковании принципа единобожия (*таухид*) играет концепция несотворенного и утраченного имени Бога (*Исм-е-Азам*), которое Инайят Хан связывает с абстрактным звуком как первопричиной всего сущего; таким образом, он считает обращение к духовной музыке в исламской и в любой другой религиозной практике не только целесообразным, но и теологически обоснованным. Воздействие слова и музыки в практике *сама’* как отзывчивого и вдохновенного слушания представляет собой

способ самопознания человека, преображения мира и движения по направлению к Богу.

Ключевые слова: Инайят Хан, суфизм, метафизика, музыка, гармония, мистицизм, сама'

Для цитирования: Хан Е. И. Суфийская метафизика музыки Хазрата Инайят Хана. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 126–136. DOI: 10.18254/S268684310010370-5

This article provides a philosophical interpretation of theoretical works of Hazrat Inayat Khan, which appear to form a consistent monistic metaphysical system, which is aimed to overcome the false opposition of the matter and the spirit, in order to articulate the common knowledge of science and religion in the language of art. The essential part of his ontology is Sufi doctrine of music, which discovers the nature of sound and harmony. A special place in Inayat Khan' interpretation of the principle of monotheism (*tawhid*) is dedicated the concept of the uncreated and "lost" name of God (*Ism-e-Azam*), which Inayat Khan associates with the abstract sound as the source and the root of all things. Thus, he considers the usage of spiritual music in Islamic and in any other religious practice to be both appropriate and theologically justified. The impact of words and music in the practice of *sama'* as a responsive and inspired listening is the way of one's self-cognition, transformation of the world and movement towards God.

Key words: Inayat Khan, sufism, metaphysics, music, harmony, mysticism, sama'

For citation: Khan Kate I. Hazrat Inayat Khan and His Sufi Music Metaphysics. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 126–136. DOI: 10.18254/S268684310010370-5

Хазрат Инайят Хан (1882–1927) — один из самых известных индийских суфиев, музыкант и основатель Международного суфийского ордена. В начале XX в. он и его небольшой оркестр отправились на Запад с духовной миссией: познакомить людей в США, Западной Европе и дореволюционной России с традицией индийской классической музыки и с мистическим учением суфизма. Его влияние в России в 1910-е гг. оказалось действительно значимым, произведя довольно сильное впечатление, в первую очередь, на московские теософские круги. Песни и мелодии Инайят Хана были переложены для фортепиано С. Л. Толстым и В. И. Полем (подробнее см. третью главу [Загородникова, 2018]), а проникновенность его духовной музыки оказала сильное впечатление на А. Н. Скрябина. Вполне вероятно, что именно музыка Инайят Хана повлияла на замысел скрябинской Мистерии, предназначенной для однократного исполнения в Индии — впрочем, так никогда и не исполненной [Конанчук, 2012, с. 152][1].

Инайят Хан родился в мусульманской семье и получил посвящение в суфийский орден Чиштийа. Дед Инайят Хана был известным музыкантом, создавшим систему нотной записи для индийской музыки, а его муршидом был Сайад Мухаммед Мадани, прямой потомок пророка Мухаммада. В отличие от сухравардийских суфиев, в ритуальной практике суфиев ордена Чиштийа были распространены элементы йогического мистицизма. В изложении Инайят Хана суфийский мистицизм предстает универсальной доктриной, где тесно переплетены метафизическое, этическое и эстетическое измерения, а все мировые религии в унисон возвещают откровение единого Бога. Читая лекции в Европе, США и России, Инайят Хан осуществлял порученную ему муршидом миссию «соединить Восток и Запад гармонией своей музыки и распро-

1 Глубинное родство мотивов творчества Скрябина и Инайят Хана подчеркивает и Л. В. Шапошникова: «Скрябин хотел построить в Индии Храм для исполнения своей Мистерии Преображения и уже вел переговоры о покупке земли для этого. Инайят Хан, в свою очередь, пытался под Парижем воздвигнуть Храм единения всех религий и народов и даже заложил камень в основание его здания. И тот и другой и в своих идеях, и в своем творчестве опередили время» [Шапошникова, 2001, с. 211].

странять мудрость суфизма» [Инайят-Хан, 1914, с. 23]. Для прояснения этого послания он рассказывал множество притч и историй, проводил параллели между Библией, Кораном и Ведами, открывал возможность диалога между религией и наукой, физикой и метафизикой. Посредником Инайяту служила музыка, которую он не только исполнял, но и разъяснял.

Как известно, отношение к музыке в исламе весьма сложное. В Коране не встречается каких-либо развернутых комментариев относительно музыки и музыкантов и их отношений с Аллахом. Часто апологеты музыки ссылаются на пример царя Давида (Давуда), вместе с которым холмы и птицы «славословили после полудня и утром» (К. 38: 18), говоря о том, что сам Аллах наделил царя Давида не только мудростью, но и особым музыкальным талантом, перед которым не могла устоять сама природа, воздававшая Богу хвалу вместе с ним. В Сунне же неоднократно встречаются упоминания музыки и музыкальных инструментов: в одних случаях музыка вполне однозначно ассоциируется с запретом и лицемерием, в других может иметь и положительный аспект (подробнее см., например, [Федорова, 2015]).

Ибн Аби'л Дунья и Ибн Таймиййя запрещали слушать и исполнять музыку; Ибн Таймийя даже считал, что практика *сама'* (слушание духовной музыки; от арабского корня *с-м-* — «слушать, внимать») не должна сопровождать *зикр*, будучи признаком неверия и политеизма [Shiloah, 1995, p. 34–35]. Подобные запреты возникли неспроста: суфийская практика *сама'* оказывала сильное психологическое воздействие, вызывая экстатическое состояние (*ваджад*), сравнивавшееся с опьянением. Как считали суфийские мистики, в *ваджад* им открывается подлинная истина *вуджуд* (бытия), и они переживают опыт единения с Богом, почитаемым и именуемым Возлюбленным. Как отмечает А. Д. Кныш, в XI в. в ответ на критику в защиту *сама'* выступили Абу-л-Касим ал-Кушайри и Абу Хамид ал-Газали, а в XIII–XIV вв. был написан целый ряд трактатов, где обосновывался социальный и религиозный смысл *сама';* также проводились попытки регламентации правил поведения во время *сама'*, допустимых инструментов и т. д. [Кныш, 2004, с. 374–378].

Могло ли опьянение, пусть и благословенное, действительно приблизить к познанию Бога, открыть истины, которые можно было бы не только прочувствовать, но и сообщить другим? Инайят Хан указывал, что это не только возможно, но и имеет метафизическое обоснование. Глубокий смысл и воздействие *сама'* обусловлены природой звучания музыки, самой сущностью слушания. Указав на несомненную близость эмоционального воздействия рецитации Корана и звучания музыкальной мелодии, Инайят Хан предложил более глубоко проанализировать сущность звука, апеллируя к теологии: всякое проявление слышимого или видимого в мире выступает как аспект Единого Бога. И действительно, если всякое движение есть звук, и если в биении сердца и мерности дыхания также воплощена естественная музыка, то категорическое воспрещение *сама'* лишается всякого смысла: во-первых, это противоречило бы замыслу Бога, во-вторых, осуществить его было бы попросту невозможно. Поэтому подлинное слушание представляет собой отнюдь не увеселение, но практику отзывчивости: так душа, воспринимая красоту, устремляется к познанию Бога и мира. Выражаясь языком западной метафизики, восприятие музыки представляет собой тот опыт возвышенного, в котором наличествует не только эстетическое, но и этическое измерение.

Деятельность Инайят Хана по распространению суфизма, его учение можно охарактеризовать как «неосуфизм», если понимать его не как синкретическое новое религиозное движение в духе New Age, но как версию реактуализации исламского мистицизма в эпоху модерна. Основываясь на трактатах «Мистицизм звука», «Суфийское послание о свободе духа», «Акибат, жизнь после смерти» и лекциях Инайят Хана 1922–1923 гг., далее предлагается рассмотреть основные положения его учения о музыке в ка-

честве *метафизической системы*, удивительно сочетающей древнейшие представления с вполне современными.

Онтология музыки: абстрактный звук и «дух всех звуков»

В основе представлений Инайят Хана о природе реальности лежит традиционное для исламской теологии различие проявленных аспектов мира как *атрибутов* Бога (*сифат*) — и самого существования мира как их источника, т. е. *сущности* Бога (*зат*). Целью познания, соответственно, является понимание сущности, которую Инайят Хан называет безмолвной, неподвижной и неизменной жизнью Абсолюта. Это неподвижная и неизменная сущность служит также источником всякого движения, если угодно, «волит бытие». Она творит мир во времени таким образом, что всякая сотворенная вещь имеет в нем свое начало, середину и конец. Особую роль в этом процессе творения как раз и играет звук, или вибрация:

«С мистической точки зрения первым аспектом, который делает интеллект сознающим проявление, является звук; следующим аспектом является свет (цвет). Доказательство этому можно найти в Библии, а также в Веданте. Библия говорит: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог"; и она также говорит, что сначала было Слово, а затем пришел Свет. Что есть цвет?

Он является аспектом света. Мы читаем в Веданте, что первым аспектом Создателя, источником, из которого было создано все творение, был звук, вибрация. В Коране сказано: "Первым повелением было: "Будь", и стало". В объяснении процесса творения все мистики, пророки и великие мыслители мира во все периоды истории первое место отдавали звуку. И ученый современности приближается к тому же. Он будет говорить о лучах, атомах, электронах; и, пройдя через знание о различных атомах вещества, он подходит к чему-то, что называет движением. Движение есть вибрация. Звуком мы называем всего лишь эффект движения» [Инайят Хан, 2013, с. 158–159].

Хотя Инайят Хан избегает сложной терминологии, его учение о вибрациях и первоэлементах вполне можно было бы изложить, опираясь на современную ему теоретическую физику и апеллируя к принципу корпускулярно-волнового дуализма. Все сущее имеет единую звуковую природу, является вибрацией (волной). Исходя из того, какие типические изменения и способы рассеивания проходят эти вибрации, можно выделить различные элементы, конституирующие явленный мир. Инайят Хан использует традиционные названия первоэлементов как пяти стихий (земля, вода, огонь, воздух и эфир), указывая на их подчиненность общему закону рассеивания; музыка же выступает для них «подлинным первоначалом», принципом гармонии (см. краткий обзор учения Инайята о вибрациях и первоэлементах в [Манько, 2009]). Каждый из элементов имеет свои характерные особенности, описываемые Инайят Ханом через конкретные специфические качества звука и цвета.

Обычный чувственный опыт человека репрезентирует результат того или иного фактического взаимодействия элементов. Звучание этих вибраций по мере уплотнения становится все менее заметным (что вполне согласуется с идеей современной физики о том, что чем массивнее объект, тем в меньшей степени проявлены его волновые свойства). И все же для Инайят Хана важно показать возможность обнаружения этого звучания не только в результате теоретических изысканий, но и в мистическом опыте. Последний обладает большей достоверностью, поскольку не только исследует *сифат*, но и восходит к самой их причине — *зат*. Отсюда становится более прозрачным смысл его афоризмов: «мистицизм для мистика — и наука, и религия»; «природа говорит громче, чем призыв с минарета» [Инайят Хан, 2003].

Изначальный звук, впрочем, не является звучанием, доступным нашим органам чувств: хотя его действие материально и проявлено, сам он неслышим и невидим. Он называется абстракт-

ным звуком — *Саут-е Сармад* (называемый в Ведах *Анахад*, т. е. «неограниченный звук»; *сармад* буквально означает «вневременной»). Воздействие этого абстрактного звука открывается только в особой практике мистического музицирования и слушания и описывается Инайят Ханом как опьянение небесным вином[2]. Особенностью суфийского подхода к пониманию этого феномена является то, что для мастеров-суфиев и пророков *саут-е сармад* абстрактный звук становится постижимым, представляет собой реальный и живой источник откровения. Так, «суфий постигает прошлое, настоящее и будущее и все вещи в жизни, будучи в состоянии узнать направление звука» [Инайят Хан, 2013, с. 257]. Это возможно в процессе упомянутого ранее *сама'и*, отзывчивого слушания, вводящего в *ваджад*, священный экстаз; причина же, по которой человек все же способен услышать абстрактный звук, связана с устройством его тела и души, с его психологией — и, как ни странно, необходимым условием для экстаза является осознанный контроль.

Сама природа звука уже содержит в себе ключ к объяснению того, почему всякий человек по природе расположен к музыке и к слушанию. «[Физический] звук производит эффект на каждый атом тела, и каждый атом звучит в ответ; на все железы, на циркуляцию крови и пульс звук имеет свое влияние» [Инайят Хан, 2013, с. 136]. Признание того, что вся реальность есть сплетение звука, означает, что музыка и есть субстанция проявленного мира. Именно вибрации формируют те или иные эмоциональные состояния, переживаемые человеком (суфизм исходит здесь из монистического понимания сознания). Поэтому и в основе музыкальной теории, и в основе всякого поэтического творчества, как считает Инайят Хан, лежит знание фундаментальной психологии жизни[3], представляющее собой понимание того, какой эффект та или иная вибрация, то или иное композиционное сочетание, то или иное звучание мысли оказывает на слушателя. Далеко не всякая музыка и слушание приводят к *ваджад*; для этого требуется определенное гармоническое воздействие звука, открытость и готовность к нему самого человека[4]. Видимо, поэтому понятие *«рага»* (санскр. «окраска»), которым называют закон построения музыкальной формы, а также саму мелодическую композицию, обозначает также и контролируемую эмоцию.

Концепция *раги* основывается на метафизической концепции «*нада*» (санскр. «звук», соответствующий как раз описанному ранее абстрактному звуку всего тварного мира) и используется

2 Описание *сармад* как экстатического опьянения встречается у самого Инайят Хана [Инайят Хан, 2013, с. 257]. Исторически же понятие «сармад», как отмечает А. В. Смирнов, использовалось в арабоязычном перипатетизме для обозначения вечности как вневременности, «вневременного первоначала в соотношении с актом творения». См. Смирнов А. В., Никулин Д. В. Вечность. *Новая философская энциклопедия.* URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0194de7044398e2c5d864994 (дата обращения: 02.06.2020).

3 Важность изучения психологии как «высочайшей алхимии ума» неоднократно подчеркивалась Инайят Ханом в лекциях; суфийское понимание психологии при этом отлично от науки психологии, сложившейся на Западе. Вторая, по его мнению, не исследует подлинные причины психических феноменов, трактуя врожденные черты как приобретенные. См. например [Hazrat Inayat Khan, 1990, p. 208–209; 385; 522; Hazrat Inayat Khan, 1988, p. 51; 176–177; 766–767].

4 Впадение в экстаз во время слушания музыки может быть обусловлено особой чувствительностью и восприимчивостью (Инайят Хан считает, что ключевую роль могут играть врожденные качества), однако в этот экстаз человек не впадает непроизвольно. Описывая традиционный ежегодный праздник поминовения в Индии, Инайят Хан приводит пример того, как музыка барабанов вводит некоторых людей в экстатическое состояние, которое он называет *халь*, ибо они настраиваются на него. Он описывает это состояние так: «…в экстазе, они могут прыгнуть в огонь и выйти из него необожженными; они могут резать себя мечом и мгновенно исцеляться, они могут глотать огонь и не сгорать. Это можно наблюдать каждый год в соответствующее время. Они называют такое состояние *Халь*. Слово "*Халь*" и означает "состояние"; это подходящий термин, потому что люди, слыша барабан, думают об этом состоянии, и тогда они входят в него» [Инайят Хан, 2013, с. 141].

помимо музыки в танце и в театре [Гороховик, 2015, с. 122]. Инайят Хан отмечает, что источниками раги могут служить и математические законы, и вдохновения мистиков, и идеализации поэтов, и традиционные народные песнопения. Внутреннее же устройство раги воспроизводит некий драматургический сюжет: например, в нем звучит основная нота «короля» (*вади*), обнаруживается конфликт ключевой ноты «вождя» (*мукхья*) и диссонансной ноты «врага» (*вивади*), есть ноты «министра», «слуги» и т. п. [Инайят Хан, 2013, с. 247–248] Любопытно, что каждая *рага* предполагает определенный контекст и обычно исполняется в одно и то же время суток и даже пору года. Как замечает Инайят Хан, «когда ее поют не вовремя, то она так не трогает» [Инайят Хан, 2013, с. 116].

Суфии ордена Чиштийа используют в медитациях музыку для выражения идеал преданности, покорности и любви к Богу; Инайят Хан сравнивает их практику совместного слушания с практикой дыхания у йогинов. Испытывая *ваджад*, как говорит Инайят Хан, суфий пребывает в «союзе с Желаемым» (т. е. С Богом) [Инайят Хан, 2013, с. 255–256]. Обретение этого союза, впрочем, не является мгновенным достижением желаемого только благодаря декларации намерения, а требует многолетней духовной практики. Это продиктовано необходимостью действительно осознать природу желаемого и научиться отвлекаться от всех тех вспомогательных, более грубых и конкретных форм, которые соответствуют лишь его *сифат*, а не *зат*.

Можно выделить три стадии, или три ступени *ваджад*, соответствующие «уровню эволюции» суфия (определяемому по мере того, как он приближается к восприятию абстрактного звука, к пониманию *зат*). На первой ступени суфий визуализирует идеал, который имеет некий земной и известный ему образ (объекта или мысли), перед этим идеалом он испытывает восхищение и любовь. На второй ступени он вступает в союз уже не с почитаемым им земным идеалом, но с самой «красотой характера идеала», не зависящей от конкретной формы; во славу этого характера он исполняет песнь. Наконец, третья ступень представляет собой союз с божественным Возлюбленным, Единым как наивысшим идеалом, не имеющим ни формы, ни имени. Этот идеал Возлюбленного широко распространен в суфизме; аналогичную метаморфозу субъекта, восходящего по ступеням любви к единению с Возлюбленным, можно, например, найти у Наджм ад-дина ал-Кубра или ал-Газали [Корбен, 2009, с. 121–122].

Таухид, троица и мистическое слово

Один из наиболее сложных метафизических тезисов Инайят Хана связан с идеей троичности Бога (или троицы) в контексте суфизма. Заявив в одном из своих пророчеств о том, что мудрость однажды победит религию, Инайят Хан явно не был сторонником исламской или какой бы то ни было иной ортодоксии («наша религия не имеет имени…») [Hazrat Inayat Khan, 1990, p. 158, 192]. Вместе с тем, он был также далек и от полемики с ортодоксальными теологами, хотя явно обладал большими познаниями в этой области. Инайят Хан подчеркивал, что единобожие и единство личности Бога принципиально не противоречит множественности его аспектов; к примеру, в «Суфийском послании о свободе духа», говоря о внутреннем единстве монизма, дуализма и тринитаризма как единстве моментов познания Бога, он даже ссылается на Гегеля: «На Бога можно смотреть с трех точек зрения: как на Личность, как на Нравственность и как на Действительность» [Инайят Хан, 1914, 31–32].

Хотя Инайят Хан не представил слушателям развернутое изложение теологической системы, тем не менее, он приводит в лекциях некоторые соображения относительно того, как следует понимать *таухид*, или доктрину единобожия. Он рассуждает о том, что в различные времена у разных народов существовали разные концепции Бога, каждая из которых имела определенный исторический и контекстуально оправданный смысл. Но в своем основании, независимо от того, имели ли эти воззрения форму моно-

теизма или политеизма, они все же отсылали к единому Богу. Эти исторические различия в толковании Бога лишь служат отражениями многоаспектности, или множества атрибутов, присущих самому единому Богу. При этом основных аспектов можно выделить три, что соответствует структуре времени и восприятия, и идее Троицы:

«Для совершенного Сущего, чтобы осознать Свое собственное совершенство, было необходимо сотворить ограниченное совершенство Его собственного Существа; и это происходит путем разделения Одного на три аспекта[5]*. Это, в действительности, и есть тайна, стоящая за идеей троицы: видящий, видимое и взгляд»* [Инайят Хан, 2013, 301; Hazrat Inayat Khan, 1988, p. 233].

Таким образом, Инайят Хан предлагает такое обоснование *таухида* (*единобожия*), которое утверждало бы истину (*хакк*), без того чтобы вступать в религиозные прения и вызывать религиозные конфликты. Используемый им для этого онтологический аргумент построен на метафизике изначального абстрактного звука и тесно связан с исламской доктриной *Исм-е-Азам*, или исмахизма. Суть доктрины *Исм-е-Азам* состоит в том, что среди всех девяноста девяти имен Аллаха есть одно имя, любимое Им больше всего. Это имя является тайным, ибо обращающийся к Аллаху этим высшим именем не может быть не услышан; этим величайшим именем Аллаха совершается чудотворная молитва. С точки зрения мусульманских теологов эта доктрина имеет довольно спорный статус. В суфизме учение об имени Аллаха имеет несколько иной смысл: речь идет не о поиске чудотворного наивеличайшего имени, а об имени изначальном, ставшем причиной всего сущего.

Таким образом, это изначальное имя — «*Ху (Ни)*»[6]— являясь животворящим словом, оказывается не тайным, а скорее потерянным и вечно искомым. Это естественное и не созданное человеком имя представляет собой «дух всех звуков и всех слов» [Инайят Хан, 2013, с. 116] и является общим для всех языков. Если абстрактный звук, о котором шла речь ранее, это как бы субстанциальная и материальная основа всего творения, то слово, произносимое всяким существом, всем сущим, можно считать духовной основой, или оглашением воли Бога. Фонетически оно представляет собой *выдыхание* и «является началом и концом любого звука и фоном каждого слова; … только это есть истинное имя Бога, на которое ни один человек, ни одна религия не может претендовать как на свою собственность» [Инайят Хан, 2013, с. 260–261]. Это же самое слово, по мнению Инайят Хана, и подразумевается в Библии в начале Книги Бытия. В религиозном контексте это потерянное слово (потерянное и искомое творениями, отделившимися от Творца) выражает волю Бога; в научном дискурсе более уместно было бы сравнение его с законами эволюции как некое бессознательное для своего носителя инстинктивное начало, источник всякой мотивации, всякого стремления и развития. Однако в толковании Инайят Хана наиболее точно смысл этого пра-имени передается словом «вдохновение», скрывающим в себе источник всякой красоты, мудрости, энергии и гармонии; *вдохновение* имеет столь значимую здесь семантику дыхания и, вместе с тем, творческой силы.

Начало сотворения мира раскрывается у Инайят Хана также посредством музыки. Прежде музыка предшествовала вербальному языку

5 Отметим, что подобная трактовка весьма созвучна обоснованию монотеизма и учению о трех принципах, или трех потенциях, посредством которых развертывается действительное бытие Бога у Ф. Шеллинга. Ср.: «Самосознание совершенно не мыслимо без того, чтобы не положить в самосознающем, по меньшей мере, три внутренних различия. Самосознающий есть: 1) тот, *кто* себя осознает, 2) тот, *кем* он себя осознает, и лишь поскольку этот последний не есть другой и *вне* его самого наличествующий, но есть одно с ним, т. е. лишь tertio loco, он может мыслиться как *самосознающий*. В пустой, лишенной различий бесконечности, которую простой теизм полагает в Боге, самосознание столь же непостижимо, сколько и личность» [Шеллинг, 2013, с. 66].

6 Т. е. «Он» — местоимение, используемое для обозначения Бога, а также как усилительная частица (*Аллах-ху* — «Только Бог!», «Истинный Бог»). Ср. др.-егип. *Hw* — «изречение», «сила слова».

людей, позволяя им выражать свои эмоции при помощи тембра, ритма, мощи и продолжительности звучания голоса. Сообразно упомянутым ранее пяти элементам, Инайят Хан выделяет также пять качеств, присущих голосу, связывая каждое из них с определенным характером. Так, земной голос соблазняет и сообщает надежду, воздушный — возвышает и уносит прочь от земного, огненный предостерегает об опасности, водный — опьяняет и успокаивает, а эфирный обладает наиболее выраженным характером экстатического зова. Поэтому, говорит он, музыкальное искусство многоголосия (объединяющее пение, музыку и танец) является древнейшим: подтверждением тому может служить присущая древним языкам сложная ритмическая, долготная и тональная структура, со временем пришедшая в большинстве языков к существенным упрощениям; и даже современные языки представляют собой упрощенную музыку.

Кстати, упомянутая выше триада «видящий — видимое — взгляд» также находит отражение в основном принципе суфизма: «Бог есть Любовь, Любящий и Возлюбленный» [Инайят Хан, 1914, с. 43]. Как раз музыка как проявление изначального, неслышимого и абстрактного звука являет невидимого Возлюбленного — т. е. Бога, в нем выражается «язык красоты Единого, в которого влюблена каждая живая душа» [Инайят Хан, 2013, с. 97–98]. Поэтому музыкальное искусство, как он считает, наиболее божественно из всех прочих, ибо является точной копией мироустройства и дарует человеку опыт возвышенного, приближая его к познанию Бога. Уместно провести параллель с пониманием музыки у А. Шопенгауэра, который называл музыку «сокровенной душой чувства без тела», «воплощенной волей» и «абстракцией действительности», показывающей вещь в себе и являющейся «в высшей степени всеобщим языком»[7]. Поэтому подлинная духовная музыка — максимально безóбразна и возвышенна.

Учение Инайят Хана о гармонии

Понятие «гармония» является одним из центральных в учении Инайят Хана, заключая в себе единый принцип связи, проявляющийся в музыкальной гармонии звука, в гармоничном устройстве человека и мироздания, что выражает замысел Бога. Возникает закономерный вопрос о происхождении этой концепции. Поскольку изложения Инайят Ханом основ суфизма носили просветительский характер и ориентировались на западную публику, трудно сказать, насколько его учение о гармонии может восходить к мусульманскому неоплатонизму в трактатах «Братьев чистоты» (Ихван ас-Сафа) или ат-Тирмизи, или же быть синтезом мотивов индуизма Веданты, пифагореизма, неоплатонизма и суфийского мистицизма. В главе «Мистицизм звука», посвященной гармонии сфер, Инайят Хан ограничивается упоминанием лишь двух авторов — Хафиза и Руми. Не подлежит сомнению лишь то, что Инайят Хан ясно различает европейское и индийское понимание гармонии в музыке[8]. При этом его учение о гармонии имеет универсальный характер и не нуждается в специальном историческом или теологическом обосновании.

Для Инайят Хана мистицизм представляет собой единое учение и единое послание, в котором он не считает нужным обособлять ту или иную мистическую традицию. Подобно тому как священный звук, единственное истинное имя Бога, не принадлежит ни одному языку, но лежит в

7 Шопенгауэр поясняет отношение между природой и музыкой следующим образом: «мы можем рассматривать мир явлений, или природу и музыку как два различных выражения одной и той же вещи, которая сама, таким образом, составляет единое посредствующее звено аналогий между ними, — звено, познание которого необходимо, чтобы усмотреть эту аналогию» [Шопенгауэр, 1999, с. 228].

8 Об этом свидетельствует, например, следующее высказывание: «То, что называется гармонией на Западе, не очень приложимо к индийской музыке: поскольку она, в отличие от западной музыки, не нуждается в аккордах» [Hazrat Inayat Khan, 1990, p. 425].

основе всех языков, так и мистицизм представляет собой единый путь постижения истины [Hazrat Inayat Khan, 2002, p. 13–14]. Инайят Хан замечает, что то же самое верно и в отношении теории музыки — так, по его мнению, теоретические работы Вагнера, в которых он говорит о законе вибраций и о ритме как о тайне жизни, служат подтверждением истины древних восточных мистиков [Инайят Хан, 2013, с. 272]. И действительно, если обратиться к рассуждениям Вагнера о музыке, они также преисполнены метафизики: например, в «Произведении искусства будущего» он говорит, что ритм есть «открывшаяся человеку душа необходимых движений», или что музыка есть сознательный «художественный язык сердца» и «одушевленный ритм» [Вагнер, 1978, с. 169, 172, 177].

Итак, гармония имеет три аспекта: вечный, вселенский и индивидуальный [Инайят Хан, 2013, с. 208–210]. Вечная гармония — это гармония сознания Бога как непрестанного бытия. Вселенская же гармония выражается в устройстве сотворенного мира, во взаимодействиях небесных тел и природных начал. Наконец, индивидуальная гармония имеет два аспекта — гармонию между телом и душой и гармонию между людьми. Гармония между телом и душой оказывается третьим элементом единства сущего, в котором по сути нет никакого разрыва между душой и телом, а их разлад порожден лишь диссонансом. Достичь гармонии значит следовать ритму и таким образом обрести равновесие между речью и действием, а также достичь соответствия между словом и тоном, намерением и формой его выражения.

Гармония складывается из следования закону ритма и правильной настроенности; и если в природе гармония поддерживается сама собой («тон — это мать природы, а ритм — ее отец» [Инайят Хан, 2013, с. 234]), то человек должен прилагать усилия, чтобы услышать музыку своего сердца и быть в ладу с собой и другими, т. е. мочь открыться музыке самой вселенной. Например, впечатления от прогулки по одному и тому же маршруту могут быть совершенно разными в зависимости от одного лишь темпа ходьбы; порой достаточно замедлить шаг, сделать его более плавным, как на знакомых улицах обнаружатся вдруг прежде незаметные детали. Инайят Хан приводит пример, как великие мудрецы и святые, способные контролировать исходящие от них вибрации (мысли, движения, действия, слова), оказывали колоссальное влияние на все окружение одним лишь своим присутствием, распространяя особенный покой на всю ту местность, в которой обитали. Это качество присутствия он называет «атмосферой человека» [Инайят Хан, 2013, с. 204–205]. Учение о гармонии тесно связано с представлением о жизни после смерти, об аде и рае. Подобно тому, как Инайят Хан говорил о разных концепциях Бога в различных исторических религиях, он объясняет и различия в представлениях о потустороннем мире:

«Кто-то может спросить, почему в разных религиях даются разные описания ада и рая. Но пророки никогда не говорили того, что не истинно, так что если обратиться к философской точке зрения, мы увидим, что само значение заключается в том, что мы получаем то, что идеализируем… Все, о чем говорится в преданиях, верующими понимается буквально, однако суфий понимает это по-другому» [Инайят Хан, 2007, с. 28].

Определение рая у Инайят Хана, опять-таки, связано с музыкой и оказывается удивительно «земным». Раем он считает достижение гармонии, в то время как всякое ее отсутствие представляет собой ад. Суфиев отличает в этом смысле желание удерживать гармонию, избегать нарушений ритма; как пишет Инайят, суфий «следит за каждым своим движением и выражением так же, как и за чужими, стараясь создать созвучный аккорд гармонии между собой и другими» [Инайят Хан, 2013, с. 218]. Тем самым суфий преодолевает *нафс* — страсть, эгоистическое начало индивидуальной души, производящее в человеке дисгармонию. Путь суфия представляет собой путь равновесия и гармонии, что отчасти объясняет смысл создания *тарикатов*,

или суфийских братств, и суть отношения наставника-муршида и его ученика-мурида.

Суфийский путь в изложении Инайята содержит два глубинных мотива, которые на первый взгляд противоречат друг другу, — самопознание и забвение «я». Музыкант может создать великое произведение лишь тогда, когда забывает о себе; подобно тому, как он преодолевает собственный *нафс*, и сам выступает в качестве инструмента Бога, именно его служение возвышает его и сохраняет о нем добрую память.

Итак, в работах Инайят Хана понятие музыки, звука и учение о гармонии раскрываются в онтологическом ключе; однако целью его толкования было не просто объяснение реальности, но и ее преображение. Музыка в общем смысле как сочетание тона и ритма может пониматься как структурная организация реальности: музыка представляет собой проявление вибраций и движения элементов или, иными словами, синтез не только количественно, но, в первую очередь, качественно данного пространства — и измеримого времени. Искусство же музыки, обладая наибольшей выразительностью, становится средством пробуждения человека и путем к Богу.

В заключение приведем цитату из работы Инайят Хана «Мистицизм звука», в которой весьма емко сказано о том, из каких компонентов складывается суфийское знание и почему венцом его является музыка:

«Тайна звука есть мистицизм; гармония жизни есть религия. Знание вибраций есть метафизика, а анализ атомов — наука; гармоничное сочетание всего этого есть искусство. Ритм формы есть поэзия, а ритм звука — музыка. Это говорит о том, что музыка есть искусство искусств и наука всех наук; она содержит внутри себя источник всего знания» [Инайят Хан, 2013, с. 254].

Список литературы / References

Вагнер Р. *Избранные работы.* М.: Искусство, 1978. — 695 с. [Wagner R. *Selected Works.* Moscow: Isskustvo, 1978. — 696 p. (In Russian)].

Гороховик Е. М. РАГА. *Большая российская энциклопедия.* Том 28. М.: 2015. С. 122 [Gorokhovik E. M. RAGA. *Great Russian Encyclopedia.* Vol. 28. Moscow: 2015. p. 122 (In Russian)].

Загородникова Т. Н. *Индия и Серебряный век русской культуры.* М.: Институт востоковедения РАН, 2018. — 235 с. [Zagorodnikova T. N. *India and the Silver Age of Russian Culture.* Moscow: IOS (RAS), 2018. — 235 p. (in Russian)].

Инайят Хан Х. Акибат, жизнь после смерти. *Метафизика. Опыт души на разных уровнях существования.* М.: Сфера, 2007. — 304 с. [Inayat Khan H. Akibat, Life after Death. *Metaphysics. The Experience of Soul on Different Levels of Existence.* Moscow: Sfera, 2007. — 304 p. (In Russian)].

Инайят Хан Х. *Мистицизм звука.* М.: Сфера, 2013. — 352 с. [Inayat Khan H. *Mysticism of Sound.* Moscow: Sfera, 2013. — 352 p. (In Russian)].

Инайят Хан Х. *Суфийское послание о свободе духа.* М.: Типография М. О. Аттая и К., 1914. — 89 с. [Inayat Khan H. *Sufi Message of Freedom of Spirit.* Moscow: Typography of M. O. Attay & Co, 1914. — 89 p. (In Russian)].

Инайят Хан Х. *«Чаша Саки». Мысли для ежедневной медитации: Ежедневник.* М.: Сфера, 2003. — 272 с. [Inayat Khan H. *"Bowl of Saki". Commentary: Daily Insights for Life.* Moscow: Sfera, 2003. — 272 p. (In Russian)].

Кныш А. Д. *Мусульманский мистицизм. Краткая история.* СПб.: «ДИЛЯ», 2004. — 464 с. [Knysh A. D. *Islamic Mysticism: A Short History*. Saint-Petersburg: "DILYA", 2004. — 464 p. (In Russian); See in English: Knysh A. *Islamic Mysticism: A Short History*. Leiden-Boston-Köln: E. J. Brill, 2000. — 358 p.].

Конанчук С. В. Теургическая эстетика А. Н. Скрябина как прообраз нового искусства. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.* Санкт-Петербург. 2012. № 2. С. 149–156. [Konanchuk S. V. Theurgical Aesthetics of A. N Scriabin as a Prototype of a New Art. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University.* Saint-Petersburg. 2012. No. 2. Pp. 149–156 (in Russian)].

Корбен А. *Световой человек в иранском суфизме.* М.: «Фонд исследований исламской культу-

ры», 2009. — 237 с. [Corbin H. The Man of Light in Iranian Sufism. Moscow: "The Foundation of Islamic Culture Research", 2009. — 237 p. (In Russian)].

Манько Л. И. Звук, цвет, слово как проявление музыкально-эстетического в суфизме. *Вестник Оренбургского государственного университета.* Оренбург. 2009. № 11 (105). С. 139–145. [Manko L. I. Sound, Color, Word as a Demonstration of Musical-Aesthetic in Sufism. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta.* 2009. No. 11 (105). Pp. 139–145 (In Russian)].

Федорова Е. С. Конфликтологический аспект проблемы «Музыка и ислам». *Конфликтология.* Санкт-Петербург. 2015. № 1. С. 194–202 [Fedorova E. S. "Music and Islam" as an Issue in Conflict Management. *Conflictology.* Saint-Petersburg. 2015. No. 1. Pp. 194–202. (In Russian)].

Шапошникова Л. В. «Мистерия нового мира» (об А. Н. Скрябине). *Тернистый путь Красоты.* М.: МЦР; Мастер-Банк, 2001. С. 205–217 [Shaposhnikova L. V. «Mystery of New World» (on A. N. Scriabin). *Thorny Path of Beauty.* Moscow: MTsR; Master-Bank, 2001. Pp. 205–217 (In Russian)].

Шеллинг Ф. В. Й. *Философия мифологии. В 2-х т. Т. 2. Монотеизм. Мифология.* СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. — 544 с. [Schelling F. W. J. *Philosophy of Mythology. In 2 vols. Vol. 2. Monotheism. Mythology.* Saint-Petersburg: Saint Petersburg University Press, 2013. — 544 p. (In Russian)].

Шопенгауэр А. *Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление.* М.: ТЕРРА Книжный клуб; Республика, 1999. — 496 с. [Schopenhauer A. *Collected works: In 6 vols. Vol. 1: The World as Will and Representation.* Moscow: TERRA, Knizhnyi klub, Respublika, 1999. — 496 p. (In Russian)].

Hazrat Inayat Khan. *Complete Works of Piro-o-murshid Hazrat Inayat Khan. Original Texts: Lectures on Sufism 1922.* I: January–August. London, The Hague: Omega Publications, 1990. — 622 p.

Hazrat Inayat Khan. *Complete Works of Piro-o-murshid Hazrat Inayat Khan. Original Texts: Lectures on Sufism 1923.* II: July–December. London, The Hague: Omega Publications, 1988. — 1003 p.

Hazrat Inayat Khan. *Complete Works of Piro-o-murshid Hazrat Inayat Khan. Original Yexts: Lectures on Sufism 1924*. I: January–June. New Lebanon: Omega Publications, 2002. — 357 p.

Shiloah A. *Music in the World of Islam: A Socio-Cultural Study.* Detroit: Wayne State University Press, 1995. — 213 p.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Смирнов А. В., Никулин Д. В. Вечность. *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* 2-е изд., испр. и допол. [Интернет-версия] М.: Мысль, 2010. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0194de7044398e2c5d864994 (дата обращения: 02.06.2020).

DOI: 10.18254/S268684310010371-6

Великие кары небесные и земные бедствия

в представлениях верноподданного служащего августейшего правителя в раннесредневековой Японии (на примере доклада Фудзивара Ацумицу 1135 г.)*

Great Punishments of Heaven and Earthly Calamities

through the Eyes of a Loyal Emperor's Servant in Early Medieval Japan (the Case of Fujiwara Atsumitsu's Report of 1135)*

Максим Васильевич Грачёв

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ); доцент кафедры стран Восточной Азии Государственного академического университета гуманитарных наук; Москва, Россия; maxgr73@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1092-9046

Maxim V. Grachyov

PhD (History), Associate Professor, Department of History and Culture of Japan, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, Department of East Asian Countries, State Academic University for the Humanities (GAUGN); Moscow, Russia
maxgr73@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1092-9046

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

* The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 "Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History").

В статье анализируется доклад Фудзивара Ацумицу (1063–1144) об изъянах государственного управления и опасности разрушения державы, представленный трону в 1135 г. Доклады подобного рода представляли собой один из главенствующих инструментов политики и были конфиденциальными документами, не предназначенными для широкой публики.

Ключевые слова: эпоха Хэйан, придворное общество, чиновничество, официальная документация, доклад трону, стихийные бедствия, голод, эпидемии.

Для цитирования: М. В. Грачёв. Великие кары небесные и земные бедствия в представлениях верноподданного служащего августейшего правителя в раннесредневековой Японии (на примере доклада Фудзивара Ацумицу 1135 г.). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 1–2. С. 137–151. DOI: 10.18254/S268684310010371-6

This article presents the Memorandum of Fujiwara Atsumitsu (1063–1144) on the situation in the state and the risks of its destruction. A report to the emperor (or ex-emperor) that contains a detailed account of an issue as well as outputs and suggestions of the reporter was considered as one of major political instruments when the courtier expostulates any possible defects in the state management system. A report, though it should have been made in a manner of high literature, was a confidential document not for public referring to the sphere of non-declaratory but real politics.

Key words: Heian Japan, court society, bureaucracy, formal documentation, report to the throne, natural disasters, hunger, epidemics.

For citation: Maxim V. Grachyov. Great Punishments of Heaven and Earthly Calamities through the Eyes of a Loyal Emperor's Servant in Early Medieval Japan (the Case of Fujiwara Atsumitsu's Report of 1135). *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 1–2. Pp. 137–151. DOI: 10.18254/S268684310010371-6

Существует множество способов проникнуть в суть важнейших исторических проблем. Один из них — прибегнуть к исторической реконструкции, став одновременно и «участником», и «наблюдателем» предмета изыскания, исполняя сколь противоположные, столь и взаимосвязанные роли. Устремления исследователя, пытающегося воссоздать (по тонкому замечанию Ю. Л. Бессмертного) «сетку координат» обитателей изучаемой эпохи [*Человек в мире чувств*… 2000, с. 16–24], соотносятся с намерением видеть мир так, как видели его непосредственные участники исторических событий. Чтобы суметь остаться «наблюдателем», отличающим действительность и вымысел [Ambrosius, 2004, p. 8–9], следует сохранять беспристрастность, позволяющую добиться чистоты исторической или историко-культурной реконструкции. Поскольку любой человек связан с другими людьми множеством невидимых нитей, необходимо обращать пристальное внимание не только на субъект исследования, но и на его окружение. Предпримем же попытку рассмотреть один из ключевых моментов политической истории эпохи Хэйан (794–1185) посредством скрупулезного изучения прецедентов, имеющих отношение к жизненному пути придворного мужа Фудзивара Ацумицу.

Фудзивара Ацумицу (1063–1144) — знаменитый литератор и знаток конфуцианского канона был сыном Фудзивара Акихира (989–1066), считавшегося одним из блистательных специалистов в области книжной учености, но в четыре года потерял отца и был взят на попечение старшим братом (Фудзивара Ацумото, 1046–1106), входившим в ближний круг доверенных лиц наследника престола (будущий император Хорикава). Ацумото, в дальнейшем зарекомендовавший себя общепризнанным авторитетом в области изящной словесности, взрастил Ацумицу, привив ему интерес к учености. В 1094 г. Ацумицу блестяще прошел испытание на чиновничью должность, предоставив в распоряжение экзаменаторов мастерски исполненное

письменное творение (*майсаку*). Впоследствии он усердно нес службу в столичных ведомствах различного уровня. Пребывая на посту главы столичной школы чиновников (*Дайгаку*), уделял особое внимание постижению премудростей китайской учености и обучению будущих государственных мужей. В 1122 г. он стал старшим помощником главы центрального кадрового ведомства (*Сикибусё*), сосредоточив свои усилия на подборе квалифицированного персонала и аттестациях придворных чиновников, дабы при дворе отправляли должности люди, обладающие деловыми императивами и профессиональными компетенциями. Заслуги Ацумицу не остались незамеченными, ибо при государях Хорикава (прав. 1086–1107), Тоба (прав. 1107–1123) и Сутоку (прав. 1123–1141) он исполнял функции наставника наследника престола и главного пестователя студентов столичной школы чиновников, обучая их такому важному делу, как верноподданническое служение императору. Император Тоба благоволил Фудзивара Ацумицу и допустил его в свой ближний круг. Именно во время правления Тоба его царственно-державный дед (по другой версии — отец, чем и объясняется напряженность отношений. — *М. Г.*) Сиракава (1053–1129, прав. 1072–1086) возымел намерение сотворить грандиозный компендиум мудрости. Поставленная цель была реализована. Недюжинными усилиями незаурядных ученых мужей в 1116 г. был составлен масштабный свод актовой документации «Обозрение двора и дальней округи», где рассматривались все стороны жизни столичного региона и периферии[1], а Фудзивара Ацумицу, принадлежащий к плеяде составителей «Тёя гунсай», увековечил свое имя. Черновики многих императорских эдиктов императоров Тоба и Сутоку также были составлены опытной рукой Ацумицу. Однако придворные интриги и происки недоброжелателей не позволили Ацумицу получить желаемый пост придворного советника (*санги*). В 1144 г. он тяжело захворал, ушел на покой и в том же году скончался. Его докладная записка 1135 г., составленная высоким стилем в духе утонченной литературы, была по достоинству оценена не только высокообразованными государем Сутоку, но и восхитила экс-государя Тоба, использовавшего ее для обоснования жесткого политического курса. Докладная записка Фудзивара Ацумицу, перевод которой представлен читателю, вошла в собрание «Продолжение “Литературных стилей нашей страны”» (*«Хонтё дзоку мондзуй»*), служившее для придворных образцом при составлении любых письменных произведений (стихотворения, прошения, экзаменационные сочинения, докладные записки, распоряжения, указы, письма, обращения к Будде с желаниями, так называемые «гаммон» и т. д.). Показательно, что выдающиеся творения Фудзивара Ацумицу, стремившегося уподобиться в мастерстве сочинительства отцу, нашли отражение в собрании *«Хонтё дзоку мондзуй»* наравне с несравненными шедеврами его отца — Фудзивара Акихира, а также Оэ Масафуса (1041–1111) — великого мастера поэтического слога и утонченной прозы[2].

Предыстория докладной записки 1135 г. требует отдельного рассмотрения. Источники свидетельствуют о многообразных бедствиях, постигших Японию в преддверии 1135 г. В 1110, 1118–1119, 1127–1128, 1133–1135 гг. невообразимые лишения по причине природных катаклизмов испытывало население островов Хонсю, Кюсю и Сикоку. Зловещие доказательства кризиса являли и земля, и небеса. С каждым новым страшным событием, посылаемым свыше, тревога в душе людей императорского двора нарастала. О страхе перед неведомыми силами, спровоцировавшими разгул стихии в Японии, и панических настроениях, воцарившихся при

1 До нашего времени текст дошел не в полном объеме (21 свиток из 30). См.: [*Тёя гунсай*, 1964].

2 Оэ Масафуса был примером для подражания в области литературных талантов, а потому удостоился высочайшей похвалы и современников, и потомков. Сиятельный вельможа Фудзивара Мунэтада восторженно именовал Масафуса «ясным зерцалом Поднебесной», «величественной стороной императорского двора», «фонарем и свечой словесности», «достойнейшим подданным державы» [*Тююки* (Тэнъэй), 2–11–5, 1111].

дворе государей Тоба (прав. 1107–1123), Сутоку (прав. 1123–1141), Коноэ (прав. 1141–1155) и Госиракава (прав. 1155–1158), повествуют различные исторические материалы. Даже накануне смуты годов Хогэн (1156), когда были попраны главенствующие устои хэйанского мироустройства, небеса обнаруживали неединичные знаки приближающейся катастрофы. Знаки эти, увы, хоть и были услышаны, но предотвратить беду не могли, ибо власть предержащие оказались неспособны внять предостережению высших сил и сохранить привычный порядок; как следствие воцарился хаос, завершившийся крушением хэйнской государственности.

Дабы лучше понять события, происходившие в первой трети XII столетия, названного незаурядным религиозным деятелем и «историком» Дзиэном (1155–1225) «эпохой смут» (*ран-но ё*) и «веком воинов» (*муся-но ё*), обратимся к свидетельствам современников этих печальных времен, ибо несчастливые лета, часто обрушивающиеся на «Стрекозий край» (одно из наименований Японии. — *М. Г.*) , изобильно запечатлены в письменном наследии тех времен. Из великого многообразия имеющихся в распоряжении исследователей текстов ниже приведены лишь наиболее показательные свидетельства разгула стихии, вселившего ужас в жителей столичного региона, ибо всеобъемлющее ненастье осталось в памяти очевидцев предзнаменованием приближающихся безрадостных перемен. Свидетелями погодных аномалий были многие вельможные сановники императорского двора, как, например, Миномото Моротоки (1077–1136), Накаяма Тадатика (1131–1195)[3], Фудзивара Тададзанэ (1078–1162) и, конечно же, Фудзивара Мунэтада (1062–1141), записи которого исключительно подробны[4].

1110 г.

4-й лунный месяц:

«Летом в Поднебесной пришли в негодность хлебные злаки. Расплодились гусеницы. Урожай пропал. Простой люд испытывает невероятные мучения» [*Тююки* (Тэннин), 3–4–14, 1110].

5-й лунный месяц:

«Ныне в предрассветной мгле в юго-восточном секторе небосклона появилась комета. Толкователи небесных знамений были вызваны на экстренное совещание во дворец (о политических совещаниях *дзин-но садамэ* подр. см.: [Грачёв, 2007, с. 10–12]). В пятом лунном месяце третьего года Тэннин (1110 г.) в восточном секторе небосклона также была видна комета, а в 6-й и 7-й луне того же года случилось обширное половодье, недород и голод» [*Санкайки* (Тисё), 2–1–17, 1178].

7-й лунный месяц:

«В нашем мире обнаружилась еще одна напасть — повсеместные хвори» [*Дэнрэки* (Тэнъэй), 1–7–12, 1110].

1118 г.

4-й лунный месяц:

«Уже десять дней дождь льет, как из ведра. Что за напасть?» [*Тююки* (Гэнъэй), 1–4–12, 1118].

3 Накаяма часто ссылается на записи отца в дневнике, не дошедшем до нашего времени, а по поводу бед 1134 г. неоднократно замечает, что хорошо запомнил тот страшный год и с тех пор сохранил чувство страха, когда на улице бушует непогода.

4 Фудзивара Мунэтада долгие годы не без оснований сохранял статус одного из самых влиятельных царедворцев. Он, как и один из его предшественников — Фудзивара Санэсукэ (957–1046), был весьма конкретен в формулировках и не демонстрировал высокомерия и самолюбия, оставаясь человеком, строгим к себе и другим. Это делает дневник Фудзивара ценнейшим источником знаний о мире императорского двора в эпоху Хэйан. Ко времени вышеозначенных событий Мунэтада занимал ключевые посты и входил в состав высшего совета, где обсуждались главенствующие вопросы политики и формировался государственный курс: с 1107 г. он политический советник среднего ранга (*тюнагон*), с 1122 г. — старший советник (*дайнагон*), а с 1131 г. — всесильный внутренний министр (*найдайдзин*), обладавший таким мощным ресурсом власти, как право предварительного просмотра документов (*найран*), еще до того как они станут известны другим членам государственного совета, что делало его весьма информированным сановником.

«Пасмурно. Ливень. Все еще продолжаются затяжные дожди. Ночью застудился, поскольку было очень морозно» [*Тююки* (Гэнъэй), 1–4–14, 1118].

«Облака рассеялись. Дожди прекратились. Показалось солнце и просветлело» [*Тююки* (Гэнъэй), 14–18, 1118].

5-й лунный месяц:

«Ранее без остановки неистовствовали ливни, что сулило Поднебесной великие бедствия. ...Но вот уже несколько дней жара и засуха. Люди испытывают невообразимые страдания. Почему же дожди закончились?» [*Тююки* (Гэнъэй), 1–5–25, 1118].

«День за днем жара и засуха. Поднебесная страдает. Вот бы после полудня полил дождь?!» [*Тююки* (Гэнъэй), 1–5–28, 1118].

8-й лунный месяц:

«В столице и окрестностях множество умерших голодной смертью людей. Высокий августейший правитель (отрекшийся государь-инок Сиракава. — *М. Г.*) повелел открыть личные зернохранилища для экстренных нужд, дабы оказать помощь бедным и находящимся в крайней нужде» [*Хякурэнсё* (Гэнъэй), 1–8–0, 1118].

1119 г.

2-й лунный месяц:

«Прошлой ночью старший чин Министерства гражданских дел Токитада был зарезан разбойниками во время вооруженного грабежа. Ныне в столице и окрестностях развелось много грабителей, которые нападают на людей и проникают в дома. Жестокие убийства людей неисчислимы. Управы, коим надлежит следить за порядком, разбойникам попустительствуют. Что происходит? Неужели ныне Поднебесная погружается во мрак? Такие вот настали времена!» [*Тююки* (Гэнъэй), 2–2–30, 1119][5].

6-й лунный месяц:

«Весь день ливень. За ночь дождь так и не прекратился, но ослаб, а посему я обрадовался утреннему дождю, обратив взор в сторону Храма Востока[6] ...Ранее в 15-й день[7], когда отправился в храм Тодзи на богомолье, в Поднебесной явил себя Демон Засухи[8]. День за днем продолжались

5 У Мунэтада были причины сокрушаться. Только вдуматься: в «граде мира и спокойствия» безмятежной лунной ночью убит высокопоставленный сановник императорского двора, обязанный по долгу службы поддерживать тот самый порядок, который был грубо попран его жестоким убийством.

6 Храм Востока — Тодзи. Утренний небольшой дождь перед поездкой в храм (а Минамото Моротоки запланировал поездку в Тодзи) считался хорошим предзнаменованием, сулящим удачный исход начинания.

7 В тот день были также проведены моления о ниспослании дождя [*Тёсюки* (Гэнъэй), 2–6–15, 1119].

8 Демон Засухи (*Канхацу*, кит. *Ханьба*). Его приход сулил жару и знойную погоду, сопровождающуюся гибелью посевов и эпидемиями. Согласно «Шань хай цзин», происхождение Демона Засухи связывается с небесной девой Ба, которая «не смогла вновь подняться [на небо]» и осталась жить на земле, а потому «где она поселилась, там не стало дождей» [*Каталог гор и морей...* 1977, с. 125]. В древней и средневековой Японии верили, что Демон Засухи сам по себе является одним из наихудших бедствий. Его буйство знаменует тяжелые времена для страны, когда простые люди обречены на голодную смерть. Царедворец Фудзивара Санэсукэ отмечал: «Сейчас Демон Засухи отступил. Шестой, седьмой и восьмой день подряд беспрерывно льют дожди, а к концу восьмого дня началось половодье. Всходы чуть-чуть поднялись» [*Сёюки* (Каннин), 1–5–28, 1018]. Мнению сановника вторят и «голоса» проверяющих с мест (отчет из владений храма Кофукудзи): «В прошлом году (1169 г. — *М. Г.*) по всей Поднебесной свирепствовал великий Демон Засухи. Высокие хлеба все еще не восстановились. Всходы нового урожая во многих местах погибли. Осуществляемое сообща возделывание земли не приносит желаемых результатов» [Такэути Ридзо, 1947–1980, Т. 7, № 3547]. Удручающая картина обнаруживается и в другом документе (речь идет о пространном донесении 1072 г. о положении дел в земельных владениях Ивасимидзу Хатимангу Гококудзи, где приводятся примеры предшествующих катаклизмов 1024, 1025 и 1034 гг.): «Работный люд массово гибнет. Многие поля в частных владениях пребывают в запустении. ...Демон Засухи принес страдания, которым нет конца» [Такэути Ридзо, 1947–1980, Т. 3, № 1083]. Управляющий частным владением (*сёэн*) Такадэн, принадлежавшим храму Тодайдзи, из провинции Ямато справедливо заключил, что с приходом масштабной засухи 1169 г. «вся страна приобрела горький опыт» [Такэути Ридзо, 1947–1980, Т. 7, № 3546].

томительные ожидания перемен к лучшему. И когда на северо-западе поднялись облака[9], и когда на юго-востоке образовалось дождевое болото (т. е. блага и милости ниспосылаются в изобилии. — *М. Г.*). Мало-помалу похолодало. Струи дождя полились обильным потоком. То было длительное ненастье, ибо хлынули ливневые дожди, а потоки воды переполнили все вокруг. Неужто настал конец света? Сбываются ли предсказания?[10] Можно ли величать людей искренними, коли они неспособны продумывать и обсуждать?» [*Тёсюки* (Гэнъэй), 2–6–19, 1119][11].

1127 г.

2-й лунный месяц:

«Заполыхали дворцовые постройки» [*Тююки* (Дайдзи), 2–2–14, 1127; Хякурэнсё (Дайдзи), 2–2–14, 1127][12].

3-й лунный месяц:

«Вспыхнула сокровищница Храма Востока» [*Тодзи тёдзя бунин* (Дайдзи), 2–3–13, 1127][13].

7-й лунный месяц:

«Весь день обильный дождь и сильнейший ветер. Река (Камогава. — *М. Г.*) вышла из берегов, и началось наводнение. Дороги стали непроходимыми» [*Тююки* (Дайдзи), 2–7–19, 1127].

«Камогава вышла из берегов. Простолюдины с большим трудом переправлялись через реку. Во второй половине дня я вернулся в столицу. День за днем дождь льет и льет. Случаются и наводнения. Поднебесная гибнет!» [*Тююки* (Дайдзи), 2–7–20, 1127].

9-й лунный месяц:

«Осень подошла к концу, а ливневые дожди все еще продолжаются. Слышал, что во всех провинциях много тех, кто доведен до отчаяния» [*Тююки* (Дайдзи), 2–9–9, 1127].

10-й лунный месяц:

«В Поднебесной свирепствуют болезни. В том последствие многочисленных предшествующих злосчастий» [Тююки (Дайдзи), 2–10–12, 1127].

1133 г.

8-й лунный месяц:

«С наступлением осени дожди заметно усилились, принеся с собой немало разрушений» [*Хякурэнсё* (Тёсё), 2–8–8, 1133].

9-й лунный месяц:

«Ливень. Провели моления о причинах напасти» [*Тёсюки* (Тёсё), 2–9–10, 1133].

«Всю ночь ветер и сильный дождь. Помощник главы государевой канцелярии Сукэнобу опубликовал отчет о гаданиях по причине постоянных ливней. Посему срочно вернулся во дворец для участия в экстренном государственном совете. ...Сукэнобу с полной уверенностью заявил: “Затяжные ливневые дожди — это гнев[14] божеств!”. Ведомство Темных и Светлых сил (Оммёрё. — *М. Г.*), между тем, настаивало на проведении дополнительных гаданий и осуществлении ритуалов очищения от скверны,

9 Ассоциация с устойчивым выражением: «когда поднимаются облака, то из них вылетают драконы», т. е. в сложной обстановке появляется надежда на спасение.

10 Речь идет о многочисленных предсказаниях, имеющих отношение к якобы наступившей в 1052 г. «эпохе Конца Закона» (*маппо дзидай*). В одном из таких предсказаний приход «эпохи Конца Закона» устойчиво увязывается с непредсказуемостью погоды, когда периодически на страну обрушивается невыносимая жара. См., напр.: [*Хонтё сэйки* (Кюан), 4–4–10, 1148].

11 Дневник Минамото Моротоки (1077–1136) — политического советника двора и главы Личной государевой канцелярии (Куродо докоро), бывшего ближним доверенным лицом императора, а потом и экс-императора Тоба.

12 Контекст сообщений: пожары происходили по причине палящей погоды.

13 В пояснениях отмечается, что несколько дней у монахов было чувство, что постройка парит и от нее исходит горячий воздух (досл. «пламенный *ки*»), а потому здание периодически обливали водой, но эти меры не уберегли от «огненного петуха». Потери храма по причине утраты сокровищницы были колоссальны (включая драгоценные сутры, привезенные Кукаем из Китая и почитавшиеся за реликвии).

14 Татари. Собственно гневающиеся божества — это *татаригами*.

ибо только так можно окончательно определиться с истинной причиной бедственного катаклизма, о чем делопроизводители и сообщили главе государственного совета. Сукэтика сказал, что надобно составить доклад о результатах гадания, и все согласились. Доклад был составлен в краткой форме» [*Тёсюки* (Тёсё), 2–9–12, 1133].

1134 г.

5-й лунный месяц:

«Каждый день ливневые дожди и наводнения. Дороги в столице и окрестностях пришли в полную негодность. Семь регионов и пять столичных провинций (т. е. вся страна. — *М. Г.*) пребывают в величайшем беспокойстве» [*Хякурэнсё* (Тёсё), 3–5–0, 1134].

9-й лунный месяц:

«С вечера прошлого дня лил беспрерывный дождь, сопровождающийся ураганным ветром. Многие дома в столице и окрестностях были разрушены. Нынешний год ознаменован наводнениями, страшными пожарами и губительными штормовыми ветрами» [*Тююки* (Тёсё), 3–9–12, 1134].

«Ураганные ветра сотворили немало разрушений, поломав деревья и ограды и порушив постройки. Из зданий государственных управ и жилых домов в столичном граде и его окрестностях не осталась ни одного неповрежденного строения. В этом году ветры, воды и огонь — суть три горе–злосчастия» [*Хякурэнсё*, Тёсё, 3–9–12, 1134].

12-й дополнительный лунный месяц:

«В нынешнем году ветра и воды были чрезвычайно губительными. К концу осеннего сезона на Поднебесную обрушились повсеместные эпидемии. Для десятков тысяч людей настала черная полоса. Что же это за проклятый год такой?» [*Тююки* (Тёсё), 3–12 доп.–30, 1134].

1135 г.

3-й лунный месяц:

«Высокий августейший правитель прибыл в храм Хосёдзи. Тысяча коку риса[15] раздали в качестве вспомоществования бедным и испытывающим лишения людям» [*Хякурэнсё* (Тёсё), 4–3–17, 1135].

4-й лунный месяц:

«Высокий августейший правитель (отрекающийся император Тоба. — *М. Г.*) пожаловал провинции Харима три тысячи коку риса. Поскольку в Поднебесной голодный мор, то в обеих столицах — восточной и западной — было вспомоществование страждущим и нуждающимся. Провели общее молитвенное собрание и служение о спасении всех душ» [*Хякурэнсё* (Тёсё), 4–4–8, 1135].

Очевидцы событий, как и составители летописных сводов и дневниковых записей последующих эпох, не скупясь на обилие мрачных красок, рисуют самую удручающую картину будничности столичного града и его обитателей[16]. Катаклизмы, вселившие ужас в жителей столичного региона, остались в их памяти как предзнаменование приближающихся безрадостных перемен. Небесные знаки знаменовали для всех большие события, а потому к толкованию таких предвестий относились глубокомысленно, с особой осторожностью.

Бедствия, согласно представлениям того времени, могли быть вызваны различными причи-

15 *Коку* — традиционная японская мера объема. Один *коку* риса приблизительно равен 150 кг.

16 Иногда непогода совпадала с томительным ожиданием долгожданного повышения по службе. И именно в этот момент случалось неведомое событие, способное омрачить думы придворного в и без того сложные времена. Приведем показательный, хотя и иллюстрирующий более ранние события, пример. В дневнике Фудзивара Санэсукэ читаем: «В этот день должно было состояться обсуждение дел в Государственном совете. В дом одного из ближних государевых слуг залетела горлица и, пробыв там недолго, выбралась на волю (досл. «вылетела прочь». — *М. Г.*). По этой причине тотчас было приказано провести гадание на счастье или несчастье (*рэйсэн киккё*)» (т. е. решали к добру или худу примета. — *М. Г.*). В конце концов было установлено, что примета хорошая, сулящая продвижение по карьерной лестнице (об этом сообщается в одной из последующих записей, когда речь идет о похвале императора в адрес чиновника, в доме которого произошло происшествие [*Сёюки* (Мандзю), 3–10–26, 1026].

нами: неправедный путь правителя (предзнаменования в таком случае понимались в качестве «кары» за «недолжные» деяния); неистовство негодующих божеств-«*матаригами*»; мстительность духов людей, сгинувших насильственной смертью (*горё*); нашествие морских разбойников; ненадлежащее поведение монахов, пренебрегавших монастырской дисциплиной; или же «активность» «тысячелетней змеи», которой сподобилось трансформироваться в «дракона»[17]. Придворные отнюдь не молчаливо взирали на происходящее, а старались в меру сил реагировать. Для каждого случая существовал свой инструментарий избавления от напасти.

Из общегосударственных летописных сводов, дневниковой литературы и актовой документации нам известны многообразные примеры защитительных мер, предпринимаемых при дворе на «отклик» высших сил, если таковой приобретал внушающую ужас и наводящую страх окраску. Постараемся суммировать, насколько позволяют имеющиеся в нашем распоряжении источники эпохи Хэйан, совокупность «ресурсов», призванных «оборонить» государство от обрушившихся бед: 1) моления в буддийских храмах и синтоистских святилищах, включая их посещение высокородными особами; 2) мольбы духам гор и рек о дожде или прекращении засухи; 3) гадания на панцире черепахи, лопатке оленя, стеблях бамбука и тростниковых палочках; 4) создание разнообразных талисманов и амулетов защитительного свойства; 5) проведение при участии служащих Палаты Земных и Небесных духов и Ведомства Темных и Светлых сил полифункциональных очистительных обрядов с целью избавления от ритуальной скверны (*кэгарэ*); 6) специальные буддийские церемонии и молебственные собрания; 7) переписывание буддийских сутр и осуществление дискуссий об истинности буддийского закона во дворце [18].

Поздние источники, между тем, свидетельствуют о том, что небеса продолжали насылать устрашающие предупреждения: засуха и эпидемии лютовали в 1150–1156, 1161, 1169, 1174–1175, 1180–1182 гг.[19] Но в этой престранной круговерти случались и события, вполне соответствующие принципам «печального очарования» (*моно-но аварэ*) и «таинственной утонченности» (*югэн*), лежащих в основе гедонизма придворной знати хэйанской поры. Очень показательна «история» Левого министра Фудзивара Ёринага (подробнее о нем см.: [Грачёв, 2014, с. 42–50]), обладавшего недюжинным интеллектуальным потенциалом,

17 Приведем знаковое свидетельство. В 828 г. после серии землетрясений и горных оползней, вину за которые император Дзюнна (прав. 823–833) взял на себя, определяя беды как «кару небес за прегрешения», правый министр Фудзивара Оцугу заявил, что «производящее свойство земли пришло в беспорядок; горы рухнули, а земля затряслась» не столько по вине государя, сколько по причине безучастности ближних слуг правителя (досл. «ног и рук») к судьбе державы, их нежелания оказывать всестороннюю поддержку своему повелителю [*Нихон коки* (Тэнтё), 5–7–29, 5–8–11, 828].

18 Молебны во избавление от горестей могли сопровождаться подношениями «в 22-х святилищах». Соблюдению порядка придавалось особенное значение (защитительные действия во дворце и на территории наиболее значимых объектов доверяли проводить только признанным мастерам своего дела), а отступление от установленных процедур (например, невыполнение служащими Палаты земных и небесных божеств обязательств по проведению гаданий по причине бездождия) вызывало недовольство и осуждение на самом высоком уровне [*Сёюки* (Тёгэн), 5–5–11, 1032; *Тююки* (Эйтё), 1–6–14, 1096]. Порой случались курьезы, которые не умоляли сути главенствующих предохранительных предприятий и не расстраивали участников. Известен пример, когда неустанные моления о дожде на протяжении пяти дней вызвали ливень с грозой и участники ритуальных стрельб из лука промокли до нитки (досл. «вода стекала с них потоками, напоминающими скрученные нити»). Однако автор этого сообщения возблагодарил небеса за ниспосланный дождь, ибо предшествующая десятидневная жара была невыносима (от палящего зноя «даже бесподобная груша с покрученным стволом в моем саду стала рыдать, истекая слезами, вызывая у меня меланхолично неутешительные воспоминания», — резюмирует сановитый царедворец). Обстоятельные умозаключения о защитительных мерах в случае катаклизмов природы см.: [Фудзимори Каору, 2000].

19 О буйствах стихии и пугающе скоротечных переменах погоды в 1050–1055 гг. детально повествует дневник Левого министра Фудзивара Ёринага (1120–1156). Публ. текста: [Дайки, 1965].

восхищавшим и современников, и потомков. В своем противостоянии хитрому, коварному и играющему судьбами людей императору Госиракава (прав. 1155–1158) Ёринага оказался в стане проигравших во время «смуты годов Хогэн» (1156 г.), был причислен к числу «первейших заговорщиков», имеющих «умысел мятежа», и скончался от ран и увечий в ожидании приговора, полный разочарования[20]. Предпочитавший весеннюю, летнюю и осеннюю пору, Ёринага не терпел зиму. Наступление преждевременных зимних холодов он переживал очень тяжело, не раз отмечая, что ко всем испытаниям непредсказуемой и несоответствующей сезону погоды приобщается еще одна: «холодная *ки*» делает его жизнь мрачно безрадостной, повергая в болезни и уныние (см., например, [Дайки (Кюан), 6–1–25, 1150])[21].

Небезынтересна и «история» хворобы Правого министра Фудзивара Тададзанэ. Тяжело заболев, он испробовал немало методов изгнать болезнь, но хворь не отступала. Не помогло общение с монахами, а также подношения в синтоистском святилище. Все это сильно беспокоило Тададзанэ, поскольку он оказался ритуально загрязнен и не мог с полной отдачей участвовать в решении государственных дел (исполнять функцию предварительного просмотра важнейших государственных бумаг). Тогда сановник обратился к астрологу, который, «проведя гадание на счастье и несчастье», определил «счастливый день» для очищения «посредством мытья головы и купания», что и привело к исцелению недужного [*Дэнрэки* (Тэнъэй), 1–9–30, 1110].

Разгул стихии мог приносить беды различного характера. В 1115 г. пожар почти полностью уничтожил резиденцию императора-инока Сиракава. Понадобились безотлагательные меры. Служащими Оммёрё был проведен «таинственный обряд» воздействия на «южный холодный пояс», вследствие чего на следующий день стало видно созвездие Цзюкань[22]. Так удалось очистить от ритуальной нечистоты новое обиталище экс-императора[23].

Возвращаясь к событиям, предшествующим 1135 г., отметим, что помимо природных аномалий в стране происходили и иные события, которые вряд ли могли ассоциироваться с «эпохой мира и процветания». Актовая документация, сводные исторические труды и дневники придворной знати содержат многообразные примеры политической нестабильности. Согласно официальной доктрине, в далекие времена стараниями божественных императоров было определено, что буддизм «оберегает страну», распространяя светоч образованности даже в дальних уголках подвластной правителю территории. С этой целью при императоре Сёму (прав. 724–749) власти инициировали создание разветвленной сети мужских и женских храмов

20 Согласно одной из версий, был смертельно ранен стрелой (стрелами); по другой — покончил жизнь самоубийством, откусив себе язык. Через несколько дней после смерти (гибель произошла в 14-й день 7-го лунного месяца 1-го года Хогэн, 1156 г.) Ёринага пост фактум был обвинен в государственной измене, его владения были конфискованы, а трое детей отправлены в ссылку. Подр. см.: [Мотоки Ясуо, 2000, с. 162–164, 166–167]. Последующие наводящие страх происшествия 1177 г. — эпидемия оспы, великий пожар в столице, когда выгорела треть города и погибли тысячи людей, буйство монахов храма Энрякудзи и политический заговор (так называемая «смута Сисигатани»), — стали предметом беспокойства придворных и ассоциировались с местью злобных духов, погибших во время смуты 1156 г. царедворцев, одним из которых был Ёринага. Поскольку «Поднебесная неспокойна по причине духов-*горё*» Ёринага, дабы успокоить его мятежный дух, был посмертно повышен в ранге и должности [*Хякурэнсё* (Тисё), 1–2–20, 1–4–13, 1–4–28, 1–5–21, 1–5–23, 1–6–1, 1–7–29, 1177].

21 В тот злополучный день, несмотря на наступление весны, «дождь со снегом хлестал без остановки» и Ёринага страдал от «переизбытка холодной *ки*».

22 Согласно китайским поверьям, находилось к югу от созвездия Козерога. Появление Цзюкань — благое предвестие.

23 Накануне пожара всю ночь бушевал ураганный ветер. Утро, тем не менее, выдалось ясное. Внезапно южные врата резиденции заполыхали, и огонь быстро охватил все соседние постройки. Огорчению Сиракава не было предела [*Дэнрэки* (Эйкю), 2–8–2, 2–8–3, 1115].

в центре и отдаленных провинциях[24]. Всемерно поощрялось возведение храмов и молелен вне сети государственных монастырей (они обычно строились на средства местной элиты и «обеспечивали благоденствие» конкретной территории). В центре этой грандиозной конструкции должен был пребывать Тодайдзи («Великий храм Востока»).

Находящимся под патронажем государства буддийским монастырям вменялось в обязанность выполнение функции «защитников державы». Их обитателям надлежало денно и нощно усердствовать на поприще служения стране. Чтение сутр и проведение различных церемониальных действ должно было гарантировать безопасность и процветание императорской династии, и страны в целом. Покровительство буддийской церкви было необходимо, чтобы продемонстрировать щедрость и величие трона, а приверженность буддизму усиливала образ государя как добродетельного правителя. В бытность Фудзивара Ацумицу можно было наблюдать совершенно иную картину, знаменующую полный упадок монашеской дисциплины в государственных храмах.

Именитый царедворец Фудзивара Мунэтада (1062–1141), старательно служивший пяти императорам, сокрушался по поводу вырождения монастырской дисциплины и неподобающего поведения монашеской братии: среди монахов регулярно происходили вооруженные потасовки; постоянная вражда и насилие среди «слуг Будды» указывали на гибельность избранного «служителями закона» пути; даже божества, возмущенные злодействами монахов, «каждый раз» откликались на них «небесным сумраком» и «проливным дождем»; «непроглядная тьма поразила буддийский закон» и все это «подтверждало наступление эпохи окончания веры в Дхарму» (*mappo*). Обсуждение сановниками двора инцидента 1104 г., когда «толпа в рясах» устроила побоище в святом месте, позволяет проникнуться атмосферой, царящей среди государственных мужей. Фудзивара Мунэтада подводит закономерный итог: «Ныне дело идет к тому, что братия и служащие святилищ Поднебесной вне зависимости от принадлежности к большому или малому учреждению поднимаются роем. Как подавать пример благочестия в эпоху конца света?! ...Братия, столица и внешние провинции повсеместно объяты хаосом. В том верительный знак небес, недоступный пониманию человека». На заседании высшего политического совета, где обсуждались преступления «монашествующей клики с горы Хиэй», один из сановников, взывая к здравому смыслу (*дори*), с горечью резюмировал: «Скопление более двадцати вооруженных людей запрещено действующими ныне законами, но в наши дни на горе Хиэй великая толпа в тысячу воинов участвует в вооруженных столкновениях с утра до вечера. Погибших не перечесть. ...Хотя в срочном порядке следует ввести запрет, такого распоряжения нет, а потому мы пребываем под принуждением братии (досл. «великой толпы». — *М. Г.*) и вынуждены впервые провести это заседание. Разве можем мы сейчас противостоять насилию? Не должно ли прислушаться к высочайшей воле императора?» [*Тююки* (Тёдзи), 1–6–15, 1–6–19, 1–6–21, 1–6–24, 1104]. Будучи хорошо осведомленным служащим государева двора, Фудзивара Ацумицу не мог не знать о лиходействах тех, кто должен был по долгу службы способствовать стабильности государства, радея на ниве процветания императора и державы. Он тешил себя надеждой уведомить повелителя о бедах, способных разрушить страну.

Позволим себе привести образцовое свидетельство очевидца того, как в суровую годину в

24 Государственные мужские (*кокубунсодзи*) и женские (*кокубуннидзи*) храмы были не столько центрами культуры в провинции, сколько инструментами реализации государственной идеологии. На первых порах эти храмы были поистине «цветками» провинций, используемыми для внедрения в общественное сознание эффективной для государства идеологии. Но к середине X в. по мере значительного сокращения государственного кормления провинциальных храмов положение дел кардинальным образом изменилось, что неизбежно привело к распаду всей системы. Подр. см.: [Игнатович, 1988, с. 113–116; Накаи Синко, 1982, с.182–185] (нет с списке литературы).

столичном регионе свирепствовали устрашающие природные явления.

Прославленный сочинитель и государственный деятель Фудзивара Тэйка (1162–1241)[25], наставлявший в поэтическом искусстве сёгуна Минамото Санэтомо (прав. 1203–1219), погрузился в тяжкие думы. Уже в 1203 г. таинственные обстоятельства гибели Минамото Ёрииэ[26], с которым он был знаком лично, пробуждали в Тэйка скорбные воспоминания. И вот снова леденящие душу вести о мятеже Вада Ёсимори, в 1213 г. якобы восставшего против сёгуна Санэтомо (Тэйка и Ёсимори были давно знакомы и зачастую полагались на мнения друг друга. — *М. Г.*). И все это происходило в год, когда погода не раз преподносила неприятные сюрпризы (1203 г. также оказался богат на погодные аномалии и политические неурядицы). Удрученный страшными известиями Фудзивара Тэйка в один из дней наблюдал придворного, одиноко играющего в мяч в ненастную погоду, и эта картина вызвала у него печаль. Увеселения во время ненастья при дворе не приветствовались, а если досуг неожиданно прерывался непогодой, его следовало тотчас же прекратить. И вдруг: «Небо затянули облака. После полудня полил дождь, [а] младший командир управы охраны государя Тамэиэ последние несколько дней с утра до вечера играет в *кэмари*»[27].

Далее Тэйка записал: «За последние годы Тамэиэ не единой книги не прочел, а то, что штудировал семь-восемь лет назад, — “Хао цю” и “Бай юн”[28], уже выветрилось из его головы. Все это не что иное, как злой рок нашего дома, проделки злых духов, вводящих людей в заблуждение. В том расплата за прошлые злые деяния. Сколько бы я ни рыдал горькими слезами, грусть моя не изойдет ими. ...Предчувствую конец нашего славного рода, а посему пишу эти строки в безграничной печали, дабы когда-нибудь сие послужило хорошим уроком. Если молвить о самом знаке “мяч”, то нет ли таких слов: “Дворец пришел в запустение, а буйные травы обильно разрослись повсеместно”[29]? Среди тех вещей, которыми так легко пренебрегают в наш Век конца Закона, “мяч”, должно быть, дольше всего будет пользоваться популярностью» [Мэйгэцуки (Кампо), 1–5–16, 1213].

Но вернемся к Фудзивара Ацумицу. В условиях «коррелятивного мышления», когда оформляется специфическая форма восприятия мироздания на основе интуитивно-ассоциативной системы и мир рассматривается в качестве охваченной сетью разнообразных связей суммы предметов и явлений, вышеозначенная совокупность необычных явлений привела Фудзивара Ацумицу к убеждению, что государству угрожает опасность, и привычная реальность может

25 За длительную придворную карьеру (1166 – 1233 гг.) Тэйка занимал должности как в столице, так в дальних провинциях, дослужив в 1214 г. до поста политического советника императорского двора (*санги*). В 1232 г. его произвели в советники двора 2-го ранга (*тюнагон*), но менее чем через год он оставил придворную службу, всецело посвятив себя буддизму.

26 2-й сёгун из дома Минамото (прав. 1199–1203), сын Минамото Ёритомо, основателя Камакурского сёгуната.

27 [Мэйгэцуки (Кампо), 1–5–16, 1213]. Учебные пособия, изучаемые в детстве и отрочестве будущими государственными мужами, отчетливо давали понять, что «светлое начало» занимается «вскармливанием и взращиванием», а темное «ведает смертью». Игра в мяч (*кэмари*) — действие, проходящее под воздействием «светлого начала» и не должно подвергаться влиянию «вредной *ки*», управляемой «темным началом», ибо это губительно для игрока и окружающей территории, поскольку несет смерть и разрушения. Непогода — вестник «темного начала», в эту пору влияние «вредной *ки*» многократно усиливается. Однако Тамэиэ, пренебрегая существующими установлениями, играет в мяч в непогожие дни.

28 Два китайских учебных произведения дидактической направленности, составленные в эпоху Тан. В Японии использовались в качестве учебников для детей из именитых домов.

29 «Мяч» и «обезлюдение», «одичалость», «заброшенность», запустение» являются омонимами. Тэйка, таким образом, предчувствует упадок императорского двора. Слова Тэйка оказались пророческими, и «гром грянул» в 1221 г., принеся так называемую «смуту годов Дзёкю» (*Дзёкю-о ран*).

погрузиться в хаос, ибо природные катаклизмы воспринимались как знаки грядущих бедствий[30].

Поскольку главенствующая цель истолкования знамений состояла в предостережении властей о вероятности приближения кризисной ситуации, уверенный в своей правоте достославный муж проявил инициативу, мотивированную долгом, и подал доклад, представляющий собой «исследование» зловещих прецедентов, обрушившихся на Японию, в надежде предупредить правителя о вероятности воцарения эпохи «мирорасстроения»[31]. Чтобы уяснить мотивацию Фудзивара Ацумицу, необходимо понимать, что наличие собственной логики (как и собственной обусловленности) в системе коррелятивного мышления выработало небезынтересный системообразующий конструкт, свойственный придворному чиновничеству[32], ибо не все природные бедствия признавались дурными предзнаменованиями, а порой осознавались как простые несчастья, предначертанные судьбой[33].

30 В китайской политической философии была выработана следующая схема рассуждений: 1) Небо — это сущность, наделенная разумом, и она прозорливо следит за положением дел на земле; 2) дабы поддерживать надлежащий порядок в мире людей, Небеса задействуют знамения с целью зрительной демонстрации своих волеизъявлений; 3) появление зловещих предзнаменований корреспондирует с желанием Неба предостеречь правителя, вернуть на истинный путь, обозначив ошибки, а также удержать его на этом верном пути; 4) добрые знаки свыше — верный признак поощрения Небес, ублаготворенных деяниями государя; 5) знамения — не только свидетельства грядущих событий, но и отзвук уже совершенных дел, ибо «добрые знамения предстают обильной чередой, воцаряясь в ответ на явленные [правителем] добродетели» [*Байхутун шучжэн*, 2018, т. 1, с. 283]. Эта схема не отвергается и в хэйанской Японии, хотя и была адаптирована под японские реалии. Верификация вышеуказанных построений на основе камбунной литературы дает положительные результат, а «Бай ху тун» можно по праву отнести к трактатам, отсылки к которым зачастую встречаются на страницах хэйанских мужских дневников. Новаторское исследование о роли небесных знамений в жизни хэйнской знати, где на основе широкого круга разножанровых материалов преодолены существовавшие ранее в историографии штампы и заблуждения, было сделано в: [Сигэта Синъити, 2004].

31 Необходимо с осмотрительностью относиться к заявлениям ряда специалистов о возможности применения на японском материале гипотетических построений авторитетного китаеведа Ганса Биленштейна, хотя бы по той причине, что сам исследователь не соотносил свои штудии с японской древней и средневековой культурой. Речь идет о вероятности интерпретации зловещих предзнаменований в качестве результативного способа завуалированной критики правителя [Bielenstein, 1950, pp. 127–143]. Вряд ли Ацумицу пытался подвергнуть скрытому обсуждению деяния императора Сутоку, поскольку являлся его наставником с младых ногтей, да и своей карьерой был обязан отцу Сутоку — императору-иноку Тоба. Разве что это было очень тонкое политического предприятие, реализованное с позволения Тоба, и имевшее нравственные и дидактические цели.

32 Ацумицу был не одинок в своих суждениях. Болезни, как известно, свойственны человеку, и в японских письменных источниках можно часто встретить сообщения о разнообразных недугах (например, простуде — *кадзэ*), а также эпидемиях. Обилие таких свидетельств в обстоятельном собрании актовой документации «Руйдзю фусэн сё» позволяет предполагать, что эпидемия оспы (*хосо*) охватывала Японию приблизительно раз в тридцать лет [*Руйдзю фусэн сё*, 1995, с. 89–92]. Случались и экстренные ситуации. В конце 1093 г. тяжко занедужил и без того не наделенный от природы отменным здоровьем император Хорикава. Это была катастрофа, ибо «высочайший [больной] оспой» (так величали Хорикава при дворе), будучи августейшим правителем и «божеством в теле человека», служил гарантом стабильности и процветания государства, а его хворь грозила вызвать неминуемый беспорядок. На протяжении всего 1094 г. при дворе царило полнейшее замешательство. В финальной записи за тот год Фудзивара Мунэтада подвел итог: «В прошлом году в Поднебесную нагрянула оспа и лютовала до весны года нынешнего, а в этом году оспа зверствовала осенью и зимой. Что же за несчастливый год такой? По этой причине изменили даже девиз правления» [*Тююки* (Кахо), 1–12–29, 1094]. Час испытаний на этом, однако, не завершился. В 1095 г., едва исцелившись от оспы, Хорикава заболел холерой (*какуран*), ввергнув двор в состояние паники, а в императорской резиденции было объявлено *моноими* (система строгих запретов с целью очищения) [*Тююки* (Кахо), 2–7–19, 1095].

33 Между тем, концепция «коррелятивного мышления», при представляющейся практичности в качестве исследовательского инструмента, требует осмотрительного подхода. Наблюдаемые в природе отклонения от естественного порядка вещей позволительно интерпретировать и как причину (природа способна определять события человеческого мира), и как следствие негативных явлений в обществе (человек своими «деяниями» оказывает воздействие на природу), а само знамение первоначально могло быть направлено и в прошлое, и в будущее. Об этом см., напр. [Зинин, 1997, с. 32].

Неблагоприятными знамениями становились только те явления, о которых сообщалось в донесениях трону. Зловещим знакам уделялось повышенное внимание, поскольку они рассматривались в качестве ключевых показателей успешности проводимой государями политики[34]. Правитель, уразумевший причины недобрых знамений и доискавшийся сути происходящего через определение поступков, которыми они были обусловлены, обретал возможность не допустить подобное в будущем. В то же самое время вселяющие страх знаки свыше не воспринимались как нечто противоестественное: в них усматривали само собой разумеющееся выражение дисгармонии, охватывающей все уровни мироздания, а потому полное отсутствие пугающих предвестий трактовалось как признак безучастности небес к судьбе правителя и государства, нежелательное для императора и державы свидетельство безразличия высших сил[35].

Итак, подводя итоги, отметим: считалось, что «правитель обретает совершенную мудрость, только следуя советам» верных подданных, а уклонение от подачи советов было мерилом неблагонадежности. Подача доклада, адресованного государю (или же экс-государю) и содержащего обстоятельное изложение какого-либо вопроса с выводами и предложениями составителя, рассматривалась в качестве одного из важнейших инструментов политики, когда происходило увещевание правителя о возможных недостатках в системе государственного управления. В обычной жизни было принято подавать доклады в соответствии с установленным порядком, соблюдая многочисленные формальные процедуры. Однако в экстраординарных обсто-

34 Приведем небезынтересный пример целостного восприятия явлений мира человека и мира природы. В 860 г. из провинции Нагато пришла беда — эпидемия морового поветрия, «умерших было не счесть». Следующий год явил немало устрашающих «сюрпризов». Зловещее громыхание над дворцовым комплексом, пугающие грозовые дожди, необычное (не по сезону) цветение груши и сливы, и в довершение ко всему — эпидемия дизентерии, принесшая лютую смерть многим детям младше десяти лет от роду, как мальчикам, так и девочкам. 862 г. прошел под знаком неестественной сейсмической активности, а 863 г. начался с появления в столичном регионе смертоносной хвори, когда у недужных наблюдались приступы астматического кашля. На этом невзгоды не завершились. Из-за распространившихся напастей и ритуального загрязнения на неопределенное время были отложены значимые священнодействия (*Касуга мацури, Тосигои мацури*), а сам дворец закрыт для входа и выхода с целью соблюдения строгого запрета и проведения очистительных мероприятий. Со страниц летописи взору предстает ужасающая картина разгула стихий. Очевидец тех страшных событий с болью отмечал: «Пять злаков не поднялись. Простой народ прозябает в крайней нужде. Лютуют губительные хворобы. Не пересчитать погибших». Служащие дворцовых ведомств усмотрели корень зла в свирепствовании «проникших» в столичный град «духов-*горё*». В 5-й луне 863 г. в саду Божественного источника, располагавшегося на территории дворцового комплекса, было проведено грандиозное очистительное действие с целью умиротворения и избавления от мести злобствующих духов, поскольку страх перед духами людей, умерших неестественной смертью, питал веру, что их неприкаянные души способны стать источником несчастий. Обряд был направлен на защиту от шести духов (для них подготовили специальные места, а также цветы и фрукты, источавшие чудодейственные ароматы). То были духи ранее оклеветанных и сгинувших при подозрительных обстоятельствах высокопоставленных придворных, с именами которых связывались катаклизмы последних лет. В летописи констатировалось: «Распространившиеся повсеместно эпидемии сгубили много народу, ...несчастья были порождены злонравными духами-*горё*» [*Нихон сандай дзицуроку* (Дзёган), 3–8–17, 3–8–27, 3–8–29, 861; Дзёган, 4–7–21, 4–7–23, 4–7–27, 4–9–15, 4–9–21, 4–9–24, 4–9–29, 862; Дзёган, 5–1–21, 5–1–27, 5–2–2, 5–2–3, 5–2–4, 5–4–3, 5–5–20, 863].

35 Дун Чжун-шу (190/179–120/104 гг. до н.э.) — один из величайших философов, царедворцев и ученых мужей в истории Китая, придавший конфуцианству характер государственной идеологии. В «Чунь цю фань лу», которая не только была обязательным учебным пособием для чиновников в древней и раннесредневековой Японии, но и многократно цитируется в трудах Фудзивара Ацумицу, находим такую знаковую характеристику: Чжуан-ван из царства Чу, когда «Небеса перестали являть беды, а Земля “даровать” наказания, взмолился о ниспослании бедствий и кар горам и водам, вопрошая: “Не замыслило ли Небо погубить меня, коли не предуведомляет о моих проступках? Воистину прегрешения мои простираются до [умопостигаемого] предела!”» [*Чуньцю фань лу и чжэн*, 2016, с. 260–261].

ятельствах, требовавших незамедлительных действий, первостепенное значение приобретала информация, содержащаяся в докладе. В этом и заключалась еще одна сторона такого качества, ценившегося у слуги правителя, как своевременность, ибо чиновнику предоставлялось право самому решать, какую информацию посчитать безотлагательной. Такой доклад, хотя и должен был соответствовать духу высокой словесности, представлял собой документ конфиденциального содержания, не предназначенный для широкой публики, обращенный в сферу не декларируемой, а реальной политики. Существовали две различные формы участия чиновника в государственном управлении. С одной стороны, формальное исполнение служебных функций, характерное для обычных ситуаций, чрезвычайно стандартизированное и включающее многочисленные условности процедурного порядка, с другой, в случаях, требующих незамедлительного принятия решений, существовала вероятность самостоятельной оценки информации, когда чиновник полагался на профессиональные способности, демонстрируя вышестоящим свою перспективность на государственной службе.

Список литературы / References

Байхутун шу чжэн*; (Подробный отчет [о дискуссии в Зале] белого тигра с пространными комментариями)*. в 2 т. Пекин, 2018 [*Baihutong shuzheng. (The Comprehensive Discussion in the White Tiger Hall with Lengthy Comments*). Vol. 1–2, Beijing, 2018. (In Chinese)].

Грачёв М. В. Образ Фудзивара Ёринага (1120–1156) в средневековой истории Японии. *Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм.* Ч. 2. М.: МГИМО–Университет Москва, 2014. С. 42–50 [Grachyov M. V. The Image of Fujiwara Yorinaga (1120–1156) in the Medieval History of Japan. *Actual Problems of Internationally Sought Specialists' Training*. Vol. 2, Moscow: MGIMO University. Moscow, 2014. Pp. 42–50 (In Russian)].

Грачёв М. В. Политическая практика в Японии IX–XI вв. *Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение.* Т. 13. № 2. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2007. С. 3–24 [Grachyov M. V. Political Practice in Japan in the 9th–11th Centuries. *Vestnik MSU. Ser. 13. Oriental Studies*. Vol. 13. No. 2. Moscow: Moscow State University Press, 2007. Pp. 3–24 (In Russian)].

Дайки (Записи Великого министра). Токио, 1965 [*Daiki (Records of the Head Minister)*. Tokyo, 1965. (In Japanese)].

Дэнрэки (Записи царедворца). Токио, 1960–1970 [*Denreki (Records of the Courtier)*. Tokyo, 1960–1970. (In Japanese)].

Зинин С. В. *Протест и пророчество в традиционном Китае: жанр яо с древности до XVII века н.э.* М.: ИВ РАН, 1997. — 227 с. [Zinin S. V. *Protest and Prophecy in Traditional China: The Yao Genre from Antiquity to the 17th century AD*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 1997. — 227 p. (In Russian)].

Игнатович А. Н. *Буддизм в Японии. Очерк ранней истории.* М.: «Наука», 1988. — 318 с. [Ignatovich A. N. *Buddhism in Japan. Essay on Early History*. Moscow: Nauka, 1988. — 318 p. (In Russian)].

Каталог гор и морей (Шань хай цзин). Предисл., перевод и комм. Э. М. Яншиной. М.: «Наука», 1977. — 236 с. [*The Catalogue of Mountains and Seas (Shan Hai Jing)*. E. M. Yanshina (Intr., tr, & comm.). Moscow: Nauka, 1977. — 236 p. (In Russian)].

Мотоки Ясуо. *Фудзивара Тададзанэ.* Токио: Yoshikawa KoÌ"bunkan, 2000. — 234 с. [Motoki Yasuo. *Fujiwara Tadazane*, Tokyo: Yoshikawa KoÌ"bunkan, 2000. — 234 p. (In Japanese)].

Мэйгэцуки (Записи ясной луны). Токио, 1987 [*Meigetsuki. (Records of the Clear Moon)*. Tokyo, (In Japanese)].

Нихон коки (Поздние анналы Японии). Токио, 1980 [*Nihon Koki (Later Chronicles of Japan).* Tokyo, 1980. (In Japanese)].

Нихон сандай дзицуроку (Правдивые записи о правлении трех императоров). Токио, 2009 [*Nihon sandai jitsuroku (Veritable Records of Three Reigns of Japan)*. Tokyo, 2009. (In Japanese)].

Руйдзю фусэн сё (*Классифицированное собрание указов и распоряжений*). Токио, 1995 [Ruiju fusen sho (*Systematically classified collection of imperial orders and ministerial decrees*). Tokyo. 1995. (In Japanese).

Санкайки (Записи горной софоры). Токио, 1932. — с. [*Sankaiki (Records of the Sophora Japonica)*. Tokyo: 1932 (In Japanese)].

Сёюки (Записи правого министра). Токио, 1959–1986 [*Shoyuki (Records of the Right Minister)*. Tokyo, 1959–1986 (In Japanese).

Сигэта Синъити. *Оммёси то кидзоку сякай (Знатоки Тёмных и Светлых [сил] и аристократическое общество)*. Токио: Yoshikawa kōbunkan, 2004. [Shigeta Shinichi. *Ommyoshi to kizoku shakai (Ommyoshi and Aristocratic Society)*. Tokyo, 2004. (In Japanese)].

Такэути Ридзо (сост.). *Хэйан ибун (Свод сохранившихся документов эпохи Хэйан)*. Токио, 1947–1980 [Takeuti Ridzo (Comp.) *Heian ibun (Collection of the Archival Documents of Heian Japan*]. Tokyo, 1947–1980 (In Japanese)].

Тёсюки (Записи долгой осени). Токио, 1965. [*Choshuki (Records of the long fall)*. Tokyo, 1965 (In Japanese)].

Тёя гунсай (Обозрение двора и дальней округи). Токио: 1964 [*Choya gunsai (Writings of the Court and Provinces)*. Tokyo: 1964 (In Japanese)].

Тодзи тёдзя бунин (Свод назначений настоятелей Храма Востока). Токио, 1928 [*Toji choja bunin (Appointments of priors of the temple of the east)*. Tokyo, 1928 (In Japanese).

Тююки (Записи правого министра). Токио: 1934–1935 [*Choyuki (Records of the Right Minister)*. Tokyo, 1934–1935 (In Japanese).

Фудзимори Каору. Хэйан дзидай-но кютэй сайси то Дзингикандзин (Придворные священнодействия в эпоху Хэйан и служащие Дзингикана). Токио: Taimeidō, 2000. — 289 с. [Fujimori Kaoru. *Heian jidai no kyutei saishi to Jingikanjin (Heian Court Rituals and Officials of the Jingikan)*, Tokyo: Taimeidō, 2000. — 289 p. (In Japanese)].

Хонтё сэйки (Записи о существовании нашей династии). Токио, 1938 [*Honcho seiki (Records of the existence of our dynasty)*. Tokyo, 1938 (In Japanese)].

Хякурэнсё (Стократно закаленные записи). Токио, 1942 [*Hyakurensho (One Hundred Times Hardened Records*). Tokyo, 1942 (In Japanese)].

Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М.: РГГУ, 2000. — 595 с. [*A Man in the World of Feelings: Essays on the History of Private Life in Europe and Some Asian Countries Before the Beginning of the New Time.* Bessmertny Yu. L. (Ed.). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2000. — 595 p. (In Russian)].

Чуньцю фань лу и чжэн (Обильная роса на «Чуньцю» с нормативными комментариями). Пекин, 2016 [*Chūnqiū fánlù yizheng (Luxuriant Dew of the Spring and Autumn Annals)*. Beijing, 2016 (In Chinese).

Ambrosius L. E. (ed.) *Writing Biography: Historians and Their Craft*. Lincoln & London: Univ. of Nebraska press, 2004. — 166 p.

Bielenstein H. An Interpretation of the Portents in the Ts'ien-Hanshu. *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*. Vol. 22, 1950. Pp. 127–143.

DOI: 10.18254/S268684310010393-0

Китайские переводы трудов Русской Духовной Миссии

Chinese Translations of Russian Orthodox Ecclesiastical Mission's Writings

Дионисий Андреевич Поздняев

священнослужитель Русской православной церкви, протоиерей; настоятель храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Гонконге (с 2003 г.); миссионер, специалист по истории православия в Китае; Гонконг, Китайская Народная Республика
dpozdnyaev@gmail.com

Dionisiy A. Pozdnyaev

priest of the Russian Orthodox Church, Protopope; Rector of the St. Peter and Paul Orthodox Church in Hong Kong (since 2003); missionary, specialist in the history of Orthodoxy in China; Hong Kong, People's Republic of China; dpozdnyaev@gmail.com

В статье дан обзор основных периодов переводческой деятельности Русской духовной миссии в Китае, начиная с середины XIX в. по настоящее время, когда автор исследования и его коллеги вносят свой посильный вклад в решение сложнейшей задачи переводов богослужебной православной литературы на китайский язык. Автор придерживается точки зрения, в соответствии с которой при составлении современных переводов не только необходимо учитывать наследие и наработки классиков перевода, но и исправлять их недостатки, равно как и устойчивый христианский вокабуляр, сформировавшийся под влиянием западных христианских миссий в Китае.

Ключевые слова: Российская духовная миссия в Китае, переводы на китайский язык, история православия в Китае

Для цитирования: Д. А. Поздняев. Китайские переводы трудов Русской Духовной Миссии. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 152–157. DOI: 10.18254/S268684310010393-0

The article gives an overview of the main periods of the translation activity of the Russian Ecclesiastical Mission in China, starting from the

middle of the 19th century to the present day, when the author of the study and his colleagues make their feasible contribution to solving the difficult task of translating liturgical Orthodox literature into Chinese. The author adheres to the point of view according to which when compiling modern translations it is not only necessary to take into account the legacy and achievements of the classics of translation, but also to improve their shortcomings, as well as a stable Christian vocabulary, formed under the influence of Western Christian missions in China.

Key words: Orthodox Mission in China, translation into Chinese, history of Orthodoxy in China

For citation: Dionisiy A. Pozdnyaev. Chinese Translations of Russian Orthodox Ecclesiastical Mission's Writings. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 152–157. DOI: 10.18254/S268684310010393-0

Стремление к возрождению православной миссии в Китае с необходимостью приводят нас к вопросу о том, как должны составляться современные переводы православной литературы на китайский язык, а также насколько актуальны для достижения нашей цели результаты трудов Русской Духовной Миссии в Китае.

Пионером переводческой работы можно назвать иеромонаха Исаию (Поликина), который прожил в Китае с 1858-го по 1871 г. Неутомимый проповедник и талантливый администратор, он оставил после себя многочисленные тексты на китайском языке: Часослов (почти полностью), краткий «Обиход воскресного богослужения», основные песнопения двунадесятых праздников, первой седмицы Великого поста и Страстной седмицы, Святой Пасхи, Псалтирь (перевод с греческого на разговорный язык), Параклисис, Акафист Божией Матери, начало Служебника, панихиду, канон святителя Андрея Критского (на литературном и на разговорном языках), русско-китайский словарь богословских и церковных речений (см. [Адоратский, 1884, с. 378]). Значительный объем выполненной работы сказался на качестве некоторых переводов, отличавшихся, как выяснилось позднее, многочисленными неточностями[1].

Систематическую работу по переводу богослужебных книг и Священного Писания Нового Завета начал иеромонах Гурий (Карпов, впоследствии епископ Симферопольский; ум. 1882 г.). Будучи членом 12-й Миссии, он в 1830-е гг. занимался составлением переводов Соборного послания святого апостола Иакова, Последования ко Святому Причащению, Последования всенощного бдения, Литургии святителя Иоанна Златоуста и др. Архимандрит Гурий возглавил 14-ю Миссию в Пекине (1858–1864 г.) и с 1859 г. приступил к самостоятельному переводу Нового Завета. Работа продолжалась шесть лет.

Разрешение Синода на издание было получено, когда автор перевода уже вернулся на родину — в 1866 г. Однако в соответствии с указаниями ветерана Пекинской Миссии архимандрита Аввакума (Честного), весьма приближенного к правительственным кругам в Петербурге, было приказано внести некоторые поправки (Письмо архимандрита Гурия... с. 97–98).

Если отец Исаия с течением времени все более и более упрощал язык своих переводов, то архимандрит Гурий предпочитал классический язык, передавая текст не слишком близко к подлиннику. После 1864 г. текст этот длительное время не переиздавался, и о нем постепенно забыли.

Следующий этап в составлении православных переводов Нового Завета связан с деятельностью архимандрита Флавиана (Городецкого, впоследствии митрополита Киевского и Галицкого; ум. 1915 г.). Он впервые прибыл в Китай

1 См. об этом также: Иванов П. Православные переводы Нового Завета на китайский язык. *Журнал Московской патриархии.* 1998. № 3 URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/199803pivanov_ru.htm (дата обращения: 24.04.2020).

в 1874 г. и тогда же приступил под руководством выдающегося китаеведа архимандрита Палладия (Кафарова) к переводу кратких разъяснений к Евангелию. Возглавив 16–ю Миссию (1879–1883 гг.), отец Флавиан решил ввести богослужение на китайском языке, для чего были пересмотрены многие старые переводы отца Исаии, а также сделаны новые. При участии иеромонахов Николая (Адоратского) и Алексия (Виноградова), а также священномученика отца Митрофана Цзи он завершил перевод воскресных служб Октоиха с греческого на китайский классический язык. В редактировании участвовали учитель Миссии Осия и переводчик Евмений. Примерно в это же время были завершены переводы чинопоследований всех двунадесятых праздников, Страстной и Светлой седмиц, Литургий святителя Иоанна Златоуста, святителя Василия Великого и Преждеосвященных Даров, а также Часослова.

Перевод Евангелия свт. Гурия был подвергнут серьезной переработке и издан заново в 1884 г. Не останавливаясь здесь на анализе текстологических различий, отметим лишь, что евангельский текст в новом издании сопровождался краткими комментариями, набранными мелкими иероглифами. Переводчики констатировали значительные трудности, связанные с передачей на китайском богословских понятий, в особенности догматических.

При изучении различных китайских переводов Священного Писания ученые стараются проследить влияние одних текстов на другие. В настоящее время мы не располагаем подробными сведениями о том, какими материалами пользовался архимандрит Гурий. Относительно архимандрита Флавиана имеется свидетельство отца Николая Адоратского, что в работе использовали протестантский перевод Священного Писания, сделанный С. Шерешевским (см. [Адоратский, 1884, с. 382]).

Третий и последний на настоящий момент православный перевод Нового Завета был сделан в начале XX в., в период 18-й Миссии ее руководителем Преосвященным Иннокентием (Фигуровским), епископом Переяславским, впоследствии митрополитом Пекинским и Китайским (ум. 1931 г.). При нем издательская деятельность Пекинской Духовной Миссии приобрела особенно широкий размах. Были вновь набраны и переизданы старые переводы, например в 1911 г. вышел «Апостол» в переводе архимандрита Гурия. Заново был переведен Требник. К 1910 г. был завершен перевод Четвероевангелия[2].

Перевод Преосвященного Иннокентия фактически представляет собой Евангелие с развернутым подстрочным комментарием. В нем был сделан существенный шаг в сторону модернизации языка. Текст значительно приближен к современному разговорному языку, что выражается, в частности, в использовании новой лексики. В то же время еще встречаются служебные частицы и грамматические обороты классического языка *вэньянь*[3].

Первым шагом на пути решения задачи по формированию крайне необходимого сегодня современного стандарта китайской православной лексики для нас стало составление православного миссионерского русско-китайского словаря, в котором были бы учтены и достижения миссионерских переводчиков, и международный опыт переводов Священного Писания и иных христианских текстов на китайский язык. Честь авторства этого словаря принадлежит профессор МГУ Марине Витальевне Румянцевой, работа над словарем велась при активном участии китайских специалистов из Тайбэя и Пекина (см. [Румянцева, 2008]). Проведение этой работы поставило миссионерские труды нашей Церкви в правильную перспективу в отношении к процессам, происходящим в мировом христианском китаеведении, которое

2 Протоирей Дионисий Поздняев: Практика переводов богослужения и Священного Писания в Китае. *Uranupolis*. URL: https://uranupolis.ru/2019/08/22/tradiczii-i-sovremennaya-praktika-perevodov-bogosluzheniya-i-svyashhennogo-pisaniya-v-kitae/ (дата обращения: 04.04.2020).

3 Вэньянь — нормативный китайский язык, бывший в употреблении в Китае до начала XX в.

в последнее время предпринимает решительные шаги к удалению двойственности и неясности из богословского китайского языка. Вместе с тем, объем словаря, о котором идет речь, быстро оказался недостаточным, мы приступили к работе над расширенным словарем, в который также была включена и английская терминологическая часть, поскольку сегодня православные переводы на китайский язык выполняются не только с русского, но и, с не меньшей интенсивностью, с английского языка.

За последние пятнадцать лет возобновившейся работы по переводам богослужебной и катехизической литературы на китайский язык был накоплен определенный опыт, который нуждается в систематизации и обобщении. Хотелось бы обратить внимание на ряд актуальных вопросов и проблем.

Ставя задачей систематизацию православных китайских переводов, прежде всего я бы обратил внимание на общую для перевода богослужебных и вероучительных текстов проблему выбора одного из имеющихся многочисленных китайских переводов Священного Писания. Если для каждого из наименований катехизической литературы мы можем довольно свободно определить, каким и переводов пользоваться, то перевод богослужебных текстов требует большей аккуратности и последовательности в выборе основы.

Основной корпус известных переводов, сделанных Пекинской Миссией, — Священное Писание и богослужебная литература. Возобновляя работу по переводу, мы, прежде всего, ставили перед собой задачу восполнить недостаток в вероучительной литературе. При этом аудитория, нуждающаяся в этих переводах — как новообращенные из других христианских конфессий, так и атеисты, как китайские ученые, так и простые люди. За пятнадцать лет трудов в итоге мы перевели несколько десятков наименований книг по основам веры, аскетики и духовной практики, истории Церкви, литургике, богословию, гомилетике, церковному искусству, житиям святых и пр. Возможно, единственной областью христианской литературы, в которой мы потрудились менее иных, является православное толкование Священного Писания. Все переводы опубликованы либо нашим издательством *China Orthodox Press*[4], либо в сотрудничестве с другими издательствами Гонконга и Китая. Наши переводы доступны как в электронном формате на сайте издательств, таки и в бумажном, книжном формате — в нашем храме в Гонконге или по заказу в нашем интернет-магазине[5].

Восполнив, в самых общих чертах, нужду в вероучительной литературе, мы обратились к литературе богослужебной и здесь столкнулись с несколькими сложностями. Главная сложность на сегодняшний день — необходимость выработки единого лексического стандарта для богослужебных текстов. Я не являюсь сторонником непременной унификации переводов, однако системный подход подразумевает внедрение общепринятых стандартов. В настоящее время мы все еще далеки от этой цели по нескольким причинам. Основной из них я бы назвал крайнюю нехватку профессиональных переводчиков, разбирающихся в православном богослужении, а также в достаточной степени знакомых с китайской религиозной лексикой. Как многие китайские, так и русские переводчики, приступая к работе, просто игнорируют принцип последовательного использования Священного Писания, особенно Псалтири, в своих переводах. Часто приходилось сталкиваться с тем, что переводчики не видят прямые и непрямые цитаты из Св. Писания в богослужебных текстах, не обращаются к единому авторитетному переводу Священного Писания, пробуют изобрести собственный перевод тех

4 Издательство *China Orthodox Press* создано при поддержке братства Святых Апостолов Петра и Павла в Гонконге, занимается публикацией и распространением православной литературы в Китае, Гонконге, Тайване и других азиатских странах.

5 Магазин и библиотека православных книг. Издательство China Orthodox Press. URL: http://www.orthodoxbookshop.asia/ (дата обращения: 15.04.2020).

или иных стихов в случаях, когда нужно просто воспользоваться цитированием. Это нарушение базового, фундаментального принципа перевода, обусловленное незнанием структуры богослужебных текстов.

Среди сложностей я бы отметил также работу в контексте утерянной традиции православных переводов на китайский. Несмотря на то что большой объем переводов опубликован, многие, пытаясь начать новый перевод, не дают себе труда ознакомиться с тем, что было сделано предшественниками.

Сложность в деле перевода составляет и богатство собственно православной терминологии, часто не имеющей аналогов в лексике иных религиозных традиций.

Значительная сложность работы заключается и в разрозненности переводческих сил, отсутствие контактов и регулярного общения, которое помогло бы в ходе дискуссии выработать общие подходы к процессу перевода и учесть как успешный опыт, так и имеющиеся ошибки.

Другой особенностью контекста современной работы является влияние католического и протестантского стандартов перевода, уже имеющих долгую традицию употребления, на новые православные китайские переводы. Зачастую непосредственное и некритическое использование католического или протестантского стандарта перевода снижают или даже искажают уникальность китайской православной лексики.

Я бы сформулировал несколько общих методологических принципов, сложившихся в ходе нашей работы по переводу православных текстов на китайский:

1) недопустимо игнорировать предшествовавшие переводы, прежде всего, переводы Пекинской Миссии. При переводе сначала следует обратиться к старым текстам. Если принято решение использовать старый перевод, на него следует сослаться. Если нет возражений против его смысла и формы, его следует сохранить;

2) если старый перевод не идеален, искажает смысл переводимого, следует предпринять новый перевод

3) значение исходного термина должно быть полностью понято переводчику

4) если затруднительно найти подходящий перевод, можно пользоваться отсылкой к близким по значению религиозных или философских терминов и их возможной корректировкой и смещением акцентов

5) в отдельных случаях приемлема транслитерация терминов

6) при использовании нового термина зачастую имеет смысл давать ссылку на прежний аналогичный либо дополняющий его.

Оставляя в стороне конкретные лингвистические примеры, которые могли бы иллюстрировать изложенные методологические принципы, хотел бы также сказать несколько слов о рецепции перевода. Оценкой перевода и его внедрением должны быть заняты компетентные референтные группы. Далеко не всегда в рамках действующих приходов, использующих за богослужением китайский язык, мы можем рассчитывать на адекватную оценку сделанного перевода. Отметим, что при Православном Братстве во имя всех китайских святых уже несколько лет работает Комиссия экспертов по китайским переводам, которая занимается редактированием современных переводов. Оценка и комментарии членов этой комиссии могут служить залогом уверенности в надлежащей рецепции сделанных переводов.

В завершение хотелось бы отметить, что в некоторой своей части наследие российских православных миссионеров сохраняет непреходящую ценность и непременно должно быть использовано для возобновления проповеднических трудов Русской Православной Церкви среди китайцев. В то же время нельзя не учитывать и очевидные недостатки этих переводов. В то время как по ряду исторических причин православное миссионерство приостановилось, деятельность западных миссий продолжалась. Под их влиянием в китайском языке уже сформировался устойчивый христианский вокабуляр. Наверное, неверным было бы пытаться его переделывать. Напротив, как представляется, сегодня в большей степени необходи-

мо адаптировать сделанные в конце XIX — начале XX в. переводы богослужебных и вероучительных текстов таким образом, чтобы они были доступны современному китайцу.

Список литературы / References

Румянцева М. В. *Русско-китайский словарь православной лексики (в упрощенном варианте иероглифи*ки). М.: Восточная книга, 2008. — 252 с. [Rumyantseva M. V. *Russian-Chinese Dictionary of Orthodox Vocabulary (with Simplified Hieroglyphics)*. Moscow: Vostochnaya Kniga, 2008. — 252 p. (in Russian)].

Николай (Адоратский), иером. Настоящее положение и современная деятельность Православной Духовной Миссии в Китае. *Православный собеседник*. Казань. 1884, август–сентябрь. С. 373–390 [Nicholai (Adoratsky), Hierom. The Current Situation and Modern Activities of the Orthodox Spiritual Mission in China. *Orthodox Interlocutor*. Kazan, 1884. August – September. Pp. 373–390 (in Russian)].

Письмо архимандрита Гурия к И. Г. Герсинскому о переводе Нового Завета на китайский язык. *Русский архив*. СПб., 1894. № 1 [A Letter from Archimandrite Guri to I. G. Gersinsky on the Translation of the New Testament into Chinese. *Russian Archive*. Saint Petersburg, 1894. No. 1 (in Russian)].

Электронные ресурсы

Иванов П. Православные переводы Нового Завета на китайский язык. *Журнал Московской патриархии*. 1998. № 3 [Ivanov P. Orthodox Translations of the New Testament into Chinese. *Journal of the Moscow Patriarchate*. 1998. No. 3.] URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/199803pivanov_ru.htm (дата обращения: 24.04.2020).

Магазин и библиотека православных книг. Издательство *China Orthodox Press* [Orthodox Literature Bookstore and Library. *China Orthodox Press* Publishing House]. URL: http://www.orthodoxbookshop.asia/ (дата обращения: 15.04.2020).

Протоирей Дионисий Поздняев: Практика переводов богослужения и Священного Писания в Китае. *Uranupolis* [Protopope Dionisy Pozdnyaev: The Practice of Translating Worship and Scripture in China. *Uranupolis*]. URL: https://uranupolis.ru/2019/08/22/tradiczii-i-sovremennaya-praktika-perevodov-bogosluzheniya-i-svyashhennogo-pisaniya-v-kitae/ (дата обращения: 04.04.2020).

DOI: 10.18254/S268684310010394-1

Выставки современных китайских художников в России: о травме китайского общества языком послевоенного европейского искусства

Exhibitions of Chinese Contemporary Artists in Russia: The Trauma of Chinese Society through the Language of Post-War European Art

Дарья Дмитриевна Кузнецова

бакалавр востоковедения, китаевед. Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН). Москва, Россия; kdaria025@yandex.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6648-2159

Daria D. Kuznetsova

Bachelor of Oriental Studies, Sinology. State Academic University for the Humanities (GAUGN). Moscow, Russia; kdaria025@yandex.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6648-2159

Современные китайские художники освоили в своем творчестве западные инновации, поддерживая при этом поэтическую и литературную основу китайского искусства. В статье на примерах выставок китайских мастеров в России наглядно показывается, в каких глобальных арт-трендах задействованы китайские художники и какие идеи и формы можно встретить в их работах. В частности, рассматривается пересечение двух важных для культур Европы и Китая векторов — послевоенного европейского искусства и искусства Китая после травм Культурной революции и в условиях осторожного выхода из парадигмы культурных ценностей, определяемых жесткими рамками соцреализма.

Ключевые слова: современное китайское искусство, политический поп-арт, культурная революция, послевоенное европейское искусство, Мао Цзэдун, Чжан Хуань, Ай Вэйвэй, Хуан Юнпин, Инь Сючжэнь, Ши Синьнин, Суй Цзяньго, Ван Гуани, выставки

Для цитирования: Кузнецова Д. Д. Выставки современных китайских художников в России: о травме китайского общества языком после-

военного европейского искусства. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 158–169. DOI: 10.18254/S268684310010394-1

Contemporary Chinese artists have incorporated Western innovations into their works, while supporting the poetic and literary basis of Chinese art. On the examples of exhibitions, the article clearly shows in which global art trends Chinese artists are involved and what ideas, forms can be found in their works. The article pays particular attention to the intersection of two vectors, which are both equally important for the cultures of Europe and China — post-war European art and Chinese art after the traumas of the Cultural Revolution and in the conditions of a cautious exit from the paradigm of cultural values defined by the rigid framework of socialist realism.

Key words: contemporary Chinese art, political pop, cultural revolution, post-war European art, Mao Zedong, Zhang Huan, Ai Weiwei, Huang Yong Ping, Yin Xuzhen, Shi Xinning, Sui Jiango, Wang Guangyi, exhibitions

For citation: Daria D. Kuznetsova. Exhibitions of Chinese Contemporary Artists in Russia: The Trauma of Chinese Society through the Language of Post-War European Art. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 1–2. Pp. 158–169. DOI: 10.18254/S268684310010394-1

Китайское искусство сегодня находится под сильным влиянием западного искусства и его концепций, в частности, это касается живописи тушью и маслом и перформансов. Преобразуя как традиционный, так и современный западный художественный словарь, китайские художники обсуждают культурные различия между прошлым и настоящим, между собой и другими, стили, формы и идеи.

Драмы истории Китая также нашли отражение в искусстве. Во время социальных, идеологических, политических и культурных конфликтов XX в. китайское искусство менялось быстрее, чем в любой другой период. На официальном уровне западный реализм, просочившийся через образцы советского соцреализма, был преобразован в соответствии с потребностями китайской революции и более полувека доминировал в китайском искусстве. Конец Китайской культурной революции (1966–1976 гг.) открыл совершенно новую главу современной китайской истории, да и китайской культуры. В последнее десятилетие XX века китайское искусство вышло на авансцену художественного мира посредством участия в важных международных экспозициях. После Культурной революции художники стали мыслить более независимо и свободно, началось активное изучение идей, поступающих с Запада (см., например, [Jiang, 2007, pp. 1–10].

Период культурной революции часто упоминается как «десять потерянных лет» или, образно говоря, как «культурная пустыня». И хотя считается, что культурная революция не имела никакого культурного значения, ее визуальное наследие постоянно присваивается китайскими художниками и определенным образом способствует развитию современного китайского искусства, подтверждение чего можно проследить на примере выставок, прошедших в России.

Соц-арт. Политическое искусство в Китае

Одна из первых выставок современных китайских художников в России, «Соц-арт. Политическое искусство в Китае», проходила с 3 марта по 1 апреля 2007 г. в Третьяковской галереи на Крымском валу. Выставка явилась частью масштабного выставочного проекта «Соц-арт» в рамках программы Второй Московской биеннале современного искусства. Проект состоял из двух выставок: «Политическое искусство в России» и собственно выставки китайских художников [Ерофеев, 2007, с. 14]. На тот момент китайское современное искусство было еще мало известно в России, но уже пользовалось популярностью на Западе; для нашей страны выставка стала первой широкой панорамой политического искусства Китая. В одном выставочном

пространстве объединились два направления политического искусства — российский «соц-арт» и современный китайский «политический поп-арт» (*Чжэнчжи бопу*; 政治波普). Подобная структура позволила зрителям оценить специфику каждого из «артов», обострила восприятие их национального, политического, географического своеобразия.

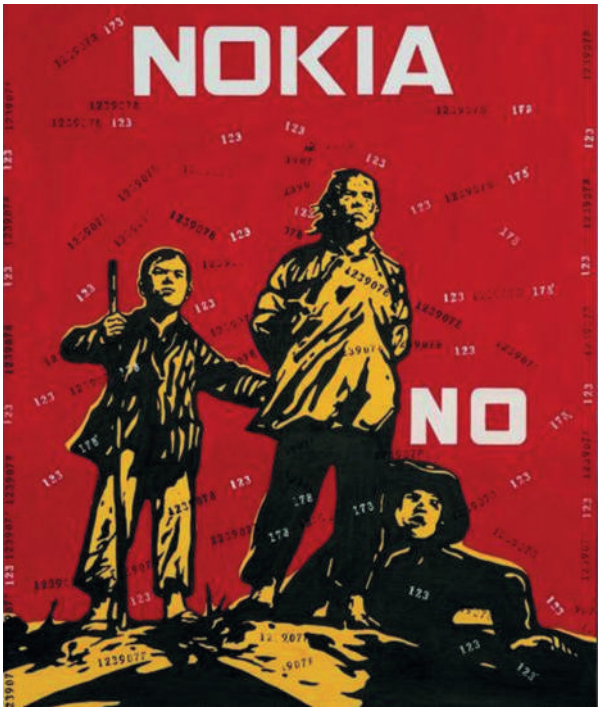
Находясь в русле соцреализма, официального направления китайского искусства, художники настойчиво разрабатывали индивидуальные приемы в работе с живописью, скульптурой, видео-артом, с инсталляцией и фотографией, тем более что благодаря глобализации современное искусство Китая испытало влияние художественных практик Запада. Результатом использования форм, пришедших в Китай с Запада, стало появление «политического искусства» для выражения идей китайского народа, исконно китайской мысли и политических процессов. Вот это-то политическое искусство и вывело ряд китайских художников на глобальную художественную сцену. Темой этого искусства в первую очередь стала реакция китайцев на уроки и отрицательное наследие Культурной революции, на стремительное изменение страны и на интеграцию Китая в международное сообщество.

Сам термин «соц-арт», гибрид «соцреализма» и «поп-арта», указывает на двусмысленность такого искусства, советского по форме и антисоветского по содержанию. Основатели стиля, художники В. Комар и А. Меламид, неоднократно объявляли соц-арт советским аналогом американского поп-арта. Оба движения построены на активном взаимодействии с контекстами массовой культуры, упакованной в США в потребительские соблазны, а в России — в идеологические принуждения [Khidekel, 1998, p. 12]. Китайский соц-арт на десять лет младше советского, возникшего в 1970-е гг. Даже после смерти Мао Цзэдуна и провозглашения нового курса Дэн Сяопином эпоха сопротивления для китайских художников не закончилась. После событий на площади Тяньаньмэнь 1989 в г., первую выставку политического авангарда «Китай / Авангард» закрыли в первый же день ее работы, а в мастерских неофициальных художников проходили погромы полиции [Köppel-Yang, 2003, p. 175]. Сейчас это искусство разрешено, существует параллельно с официальным и успешно представляет Китай на международных биеннале.

Особенности китайского политического поп-арта далее будут рассмотрены на примере трех работ, представленных на выставке: Ван Гуан'и «Великий критицизм: Нокиа», 2005; Ши Синьин, «Председатель Мао и Мэрилин Монро», 2005 и Суй Цзянго, «Куртка Мао», 1997.

Ван Гуан'и (王广义, род. 1957) известен как лидер нового художественного движения, возникшего в Китае после 1989 г., и прославился серией картин «Великий критицизм», в которых он объединяет пропагандистские образы культурной революции и современные бренды западной рекламы. Как и многие другие, Ван испытал влияние Культурной революции и был на три года сослан на работу в деревню в рамках репрессивной кампании «*Ввысь в горы, вниз в села*» [Paparoni, 2013, p. 47]. В серии «Великий критицизм» художник реагирует на приток нового визуального материала: рекламные изображения, предлагающие новые доступные, но часто дорогостоящие товары. На выставке «Политическое искусство в Китае» как раз и была представлена работа с отсылкой на бренд мобильных телефонов «Нокиа» (*Илл. 1*), глядя на которую зрителю предлагается самостоятельно найти связь между группой изображенных и престижной маркой телефонов. В своих работах Ван изображает конфликты между классическими пропагандистскими фигурами и натиском предметов роскоши, появляющихся в Китае с 90-х гг. Как оказалось, приемы поп-арта отлично выражают реакцию на экономические изменения, связанные с новой политикой реформ и открытости Дэн Сяопина.

Ши Синьнин (石心宁, род. 1969), испытавший влияние как соцреализма, так и европейского искусства, специализируется на исторических картинах, где Мао Цзэдун помещен в культовые общественно-политические события XX века,



Илл. 1. **Ван Гуан'и. Великий критицизм: Нокиа.** Х., м. 150.5x120. 2005 г. Фото © MutualArt. Nov. 10, 2010. По: https://www.mutualart.com/Artwork/Great-Criticism-Series--Nokia/DB2A95CD470580CE

такие, как Ялтинская конференция, слушания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и парад с участием королевы Великобритании. Ши Синьнин также часто обращается к теме китайской Культурной революции, которую он пережил в детстве: работы художника посвящены вопросам истории, культурной памяти, западного евроцентризма и китайского изоляционизма. Одной из первых картин Ши с изображением Мао стала работа «Ретроспектива выставки Дюшана», на которой Мао осматривает знаменитый рэди-мейд — писсуар Марселя Дюшана под названием «Фонтан» (1917). Ирония заключается в том, что во времена правления Мао в Китае были запрещены дадаизм и авангардное искусство, а официальное искусство ограничивалось пропагандистскими формами. Говоря о цели и значении включения изображения Мао Цзэдуна в картины, Ши отсылает к влиянию Китайской культурной революции на его детство. По словам художника, «сегодня Мао по-прежнему является иконой в Китае. Он вездесущ; он сформировал мое детство и жизнь моих родителей. Я никогда не помещаю его в реальный контекст 1960-х или 1970-х годов. Я изображаю его как визуальную память»[1]. Ши утверждает, что интересуется Мао как личность его совершенно не интересует, ему больше интересен Мао как икона и символ. На выставке была представлена работа, изображающая Мао с еще одной иконой того поколения — Мэрилин Монро (*Илл. 2*).

Родители **Суй Цзяньго** (隋建国, род. 1956) работали на заводе и почти все время проводили там в связи с переработками, ставшими нормой в промышленном производстве при Мао Цзэдуне. В одном из интервью Суй заявил, что «жил в эпоху поклонения Мао, и дома Мао был фактически богом»[2]. Суй не рассматривал свое увлечение живописью как карьеру, пока в восемнадцать лет не сломал руку, что лишило его возможно-

1 Shi Xinning Exhibited at the Saatchi Gallery. *Saatchi Gallery.* 2 May 2012. URL: https://www.saatchigallery.com/artists/shi_xinning.htm (дата обращения 21.06.2020).

2 Hamlin J. Chinese Artist Sui Jianguo Puts Mao to Rest in Colorful Metaphor. SF Gate. Feb 16, 2005. URL: https://lalouver.com/html/gallery-history-images/other-resources/SJ-SFGate-Hamlin-2005.pdf (дата обращения 21.06.2020).

Илл. 2. **Ши Синьнин. Председатель Мао и Мэрилин Монро.** Х., м. 105 x 140 см. 2005 г. Фото © MutualArt. Sep 20, 2006. По: https://www.mutualart.com/Artwork/Chairman-Mao-and-Marilyn-Monroe/0B4B1D9580ABF73E

Илл. 3. **Суй Цзяньго. Куртка Мао.** Резина, 40.6x27.9x15.2 см. 1997 г. Ethan Cohen Gallery, Нью-Йорк. Фото © Artsy. По: https://www.artsy.net/artwork/sui-jianguo-sui-jian-guo-maos-jacket

сти работать на фабрике. Вскоре, с разрешения и под руководством своего отца, он начал изучать живопись[3].

«Куртки Мао», пожалуй, самая знаковая работа Суй Цзяньго. Существует несколько видов этих курток, большинство из них представляют собой полые скульптуры костюма Мао, который в Китае называется «суньятсеновка». Эта куртка напоминает о прочных связях художника с маоистским прошлым Китая: во время Культурной революции не только Суй, но и подавляющее большинство китайцев находились под влиянием культа личности Мао Цзэдуна. Некоторые искусствоведы видят в этих полых костюмах символы пустых обещаний Великого кормчего (*Илл. 3*). Суй подчеркивает, что куртки представляют собой не столько критику, сколько средство передачи его идей и эмоций по поводу маоистского прошлого.

Картины и скульптура
Выставка Чжан Хуаня

В мае 2020 г. в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург) должна была открыться выставка «Чжан Хуань. В пепле истории», но из-за пандемии коронавируса ее перенесли на август. Первая же персональная выставка художника в России, «Paintings and Sculptures» («Картины и скульптуры»), проходила с 12 декабря 2008 г. по 17 января 2009 г. в галерее *Diehl + Gallery One* в Берлине. Чжан Хуань — настоящая легенда современного китайского искусства, он выставлялся во многих музеях и галереях Европы, Америки и Азии, включая Академию искусств в Берлине, Бостонский музей изящных искусств, Парижский центр Помпиду и галерею Саатчи.

Чжан Хуань — псевдоним: при рождении мальчика назвали Дун Мин (东明), что означает «свет востока». Однако, чтобы поступить на учебу в Центральную академию художеств в Пе-

3 Zhang L. Mao's New Tailor: Sui Jianguo, 2007. *Web Archive.* URL: https://web.archive.org/web/20071221114906/http://www.artzinechina.com/display.php?a=89#TOP (дата обращения 21.06.2020).

кине, в конце 1990-х гг. он поменял революционное имя, полученное от родителей за год до начала культурной революции как дань уважения к председателю Мао[4]. В начале девяностых Чжан Хуан прославился своими перформансами, самый известный из которых — «12 квадратных метров», в котором тело художника, намазанное медом и рыбным маслом, в течение целого часа облепляли мухи в общественном туалете. В 1998 г. он уехал в Нью-Йорк, где продолжил начатое — например, разгуливал по музею Уитни в костюме из свежего мяса («Мой Нью-Йорк», 2002). Вернувшись в Шанхай в 2006 г., Чжан Хуан, подобно прославленным коллегам-художникам Такаси Мураками и Дэмьену Херсту, открыл студию, где на сегодняшний день трудятся около ста ассистентов.

На персональной выставке были представлены 30 работ, при создании которых Чжан обратился к более традиционным техникам — рисунку, живописи и скульптуре. Это изменение в подходе также во многом связано с возвращением художника в Китай из Нью-Йорка в 2006 г., когда Чжан вновь включил в свои произведения традиционные китайские мотивы. Однако его подход к старым медиа новый и самобытный, не столько радикальным благодаря тематическим переосмыслениям, сколько благодаря уникальному использованию материала. На выставке были представлены произведения, сделанные из золы ладана из буддийских монастырей, по форме напоминающие известных западных художников, так скульптура «Голова из пепла № 16» (*Илл. 4*) напоминает работы швейцарского скульптора-экспрессиониста Альберто Джакометти (*Илл. 5*); влияние абстрактного экспрессионизма заметно и в «Большой картине из пепла» (2007). Представитель европейского поставангарда, участник Группы ZERO и создатель знаменитых оптических иллюзий

Илл. 4. **Чжан Хуань. Голова из пепла № 16.** Зола, сталь и дерево, 43.2x38.1x44.1 см. 2007. Storm King Art Center, Новый Виндзор. Фото © Artsy. По: https://www.artsy.net/artwork/zhang-huan-ash-head-no-16]

Илл. 5. **Альберто Джакометти. Бюст Диего.** Бронза. 62.9 см. 1957. Фото © Artchive. По: https://artchive.ru/albertogiacometti/works/483643~Bjust_Diego

4 Sebag-Montefiore C. Sydney Buddha artist Zhang Huan on Chinese dreams — and public toilets. *The Guardian*, 2015. URL: https://www.theguardian.com/artanddesign/2015/jan/09/sydney-buddha-artist-zhang-huan-interview (Дата обращения 21.06.2020).

Илл. 6. **Чжан Хуань. Лицо Будды на бычьей шкуре.** Бычья шкура. 250 x197 x 40 см. 2007 г. По: http://www.zhanghuan.com/worken/info_67.aspx?itemid=1034&parent&lcid=167

из гвоздей немецкий художник Гюнтер Юккер (Günther Uecker; род. 1930), также использовавший в своих черно-белых работах пепел, как и Чжан сочетал в творчестве восточные и западные концепции, так как увлекался дзэн-буддизмом.

Помимо картин, выполненных с использованием пепла, на выставке можно было увидеть инсталляцию «Оперившийся осел», представляющую собой упорно карабкающегося на дерево осла с перьями вдоль хребта, и «Лицо Будды на бычьей шкуре», представляющее собой спокойный лик Будды, продавленный на затвердевшей бычьей шкуре (*Илл. 6*); также были представлены произведения, написанные чернилами и соевым соусом, шелкография. Отойдя от искусства перформанса, Чжан Хуань обратился к традициям, например, к традиции использования в китайском искусстве чернил, древесного угля, золы; использование же соевого соуса ассоциируется с китайской кухней — идеи искусства и кулинарии уже давно тесно связаны в китайской культуре. Вообще же роль чернил была важна для художника и в его ранних работах-перформансах, когда он покрывал свои тело и голову текстом [Gisbourne, 2008]. Какую бы форму художественной работы ни выбрал Чжан Хуань, в ней всегда есть отсылка к китайским мотивам и китайской художественной традиции.

Отчужденный рай
Современное искусство Китая

С 29 октября 2014 г. по 11 января 2015 г. Еврейский музей и центр толерантности представлял выставку «Отчужденный рай. Современное искусство Китая из Коллекции DSL». Собрание DSL, основанное Домиником и Сильвианом Леви, — одно из крупнейших среди европейских коллекций актуального китайского искусства. Выставка представила работы, ставшие результатом симбиоза китайской культуры и европейского искусства. Основные темы работ современных китайских художников — национальные проблемы, сталвшие очевидными после Китайской культурной революции. Само название выставки было вдохновлено представленной на ней видеоработой Ян Фудуна «Отчужденный рай», в которой художник размышляет о судьбе поколения, родившегося во время и после Культурной революции и пытающегося

найти свое место в быстро меняющемся обществе нового Китая.

Первым экспонатом, встречавшим зрителей в выставочном пространстве, стала работа «Иммигрант без документов» 2005 г. Хуан Юнпина (黄永砯, 1954–2019). Сгорбленный и несчастный буйвол в телеге всем своим видом выражает бесприютность странника, затерянного в чужой стране, что символизирует утрату самоидентичности в современном мире из-за процессов глобализации (*Илл. 7*). Хуан Юнпин был таким же странником: с 1989 г. он жил в Париже, где познакомился с творчеством западных художников, прежде всего с работами Йозефа Бойса, Марселя Дюшана, Джона Кейджа, а еще до переезда во Францию он основал в Китае движение «*Сямынь-дада*» (厦门达达) [Köppel-Yang, 2003, p. 253]. В работе художник говорит о своих чувствах мигранта. Вместе с тем, буйвол воскрешает в памяти легенду об основоположнике даосизма мудреце и философе Лао-цзы. По легенде, к хижине Лао-цзы, жившего в горах, однажды подошел и встал в ожидании оседланный буйвол. Когда философ сел в седло, животное унесло его из Китая куда-то на запад, и больше мудреца никто никогда не видел [Лаоцзы, 2000, с. 274]. Возможно, телега в инсталляции Юнпина тоже присутствует не просто так: небольшой трактат Лао-цзы «Дао Дэ Цзин» («Канон Пути и Благодати»), написанный на бамбуковых дощечках, якобы был таким огромным физически, что связки дощечек занимали три телеги, за что труд мудреца и получил второе название «Три телеги». Телега буйвола-скитальца оказывается наполненной множеством смыслов, отсылающих к истории и культуре Китая, в частности, к даосизму.

В самом начале экспозиции посетителей встречала инсталляция «Ангел» (2008) двух художников **Сунь Юаня** (孙原, род. 1972) и **Пэн Юя** (彭禹, род. 1974), известных своей работой с нетрадиционными материалами и такими практиками, как таксидермия, человеческий жир и трупы животных. «**Ангел**» — это скульптура из стекловолокна, где тело старого ангела покрыто

Илл. 7. **Хуан Юнпин. Иммигрант без документов**
Смешанная техника. 2005.
По: https://www.artshebdomedias.com/article/260510-jardin-du-palais-royal-echos-de-shanghai/

Илл. 8. **Сунь Юань и Пэн Юй. Ангел.** Стеклопластик, силикатный гель. 180x220 см. 2008. По: http://www.sunyuanpengyu.com/works/2008/Angel.html

Илл. 9. **Ай Вэйвэй Виноград. 10 стульев династии Цин.**
80 x 175 x 57 см. 2008. Фото © MutualArt. По: https://www.mutualart.com/Artwork/GRAPES/DEA7EAC2F8B4C957

будто настоящей плотью, а пугающую реалистичность работе придают седые волосы и кожа с такими естественными деталями, как морщины и пигментные пятна (*Илл. 8*). Сунь и Пэн часто затрагивают в своих работах тему смерти. Произведение стирает границы между сверхъестественным и мирским, указывает на зыбкость и бессилие небесного покровительства.

Единственной в экспозиции работой, не входящей в коллекцию DSL, стала инсталляция **Ай Вэйвэя** (艾未未, род. 1957) «**Виноград**» 2008 г., состоящая из 10 табуретов династии Цин (*Илл. 9*). Нечто весьма похожее, только гораздо эффектнее, художник показывал годом ранее в павильоне Германии на Венецианской биеннале. Там его композиция из табуретов заполнила практически все внутреннее пространство, а в Еврейском музее она была представлена в скромной версии. Ай Вэйвэй любит иронизировать над культом древностей, царящим в Китае. В одной из работ он снял на кинокамеру процесс разбивания бесценной вазы времен династии Хань («Dropping a Han Dynasty Urn», 1995), в другой — наносил на антикварную вазу логотип *Coca Cola* («Han Dynasty Urn with Coca-Cola Logo», 1994), а в данном случае соорудил из практичных и прочных табуретов с двухвековой историей нечто странное и нефункциональное. В Китае Ай Вэйвэй стал одним из основателей и участников группы художников «Звезды» (*Синсин хуахуэй*; 星星画会), но в 1981 г. бежал в США, опасаясь преследования властей. Наибольшее впечатление на Ая в США произвели поп-арт и концептуализм. Он подружился с поэтом-битником Алленом Гинсбергом, ходил на те же вечеринки, что и Энди Уорхол, чьи работы он обожал, открыл для себя Марселя Дюшана [Панова, 2011]. Идеи дюшановского рэди-мейда заметны и в «Винограде», представленном на выставке.

Работы, представленные на выставке «Отчужденный рай», наглядно иллюстрируют идею китайских либеральных мыслителей начала XX в. о том, что Китай должен использовать западные практики как инструмент для выражения китайских идей и традиций. Рассмотренные выше работы рассуждают о проблемах, актуальных для китайского общества, но делают это художественным языком, заимствованным у западного искусства.

Илл. 10. **Инь Сючжэнь. Медленное действие**
Текстиль. 2016 г.
Фото © Музей современного искусства «Гараж», Москва.
По: https://garagemca.org/ru/exhibition/yin-xiuzhen-slow-release

Инсталляция Инь Сючжэнь «Медленное действие»

С 30 сентября 2016 г. по 8 февраля 2017 г. в атриуме музея современного искусства «Гараж» была выставлена инсталляция «Медленное действие», созданная китайской художницей из Пекина **Инь Сючжэнь** (尹秀珍, род. 1963). Художница часто включает в свои работы уже использованный текстиль и вещи, напоминающие ей детство в Пекине, чтобы показать связь между памятью и культурной самобытностью. Одна из ее работ была описана историком и искусствоведом Филлисом Тео как «обладающая человеческим теплом, близостью и чувством ностальгии, что призывает к самоанализу своих традиций, эмоций и убеждений. Таким образом, она создает чувство общности с аудиторией» [Teo, 2016, p. 205].

Как и у многих китайских художников поколения шестидесятых, художественное образование Инь Сючжэнь было ограничено соцреализмом и советской техникой живописью [Joo, 2011, p. 232]. Как вспоминает художница в одном из интервью, одним из важных событий для ее творчества, как и для многих ее коллег, оказалась выставка работ Роберта Раушенберга 1985 г., когда она впервые осознала, что «язык искусства не может быть ограничен живописью или скульптурой»[5]. Использование Инь различных материалов, таких, как ткань, найденные предметы и бетон, добавило в ее политически и социально заряженные работы тактильный интерес и глубину, помогло ей укрепить свои позиции в экспериментальном авангардном искусстве, где доминировали мужчины-художники, такие, как Гу Вэнда, Сюй Бин и Ай Вэйвэй.

Так, для московской выставки Инь Сючжэнь соорудила двенадцатиметровую архитектурную конструкцию в форме лекарственной пилюли, внутри которой могут перемещаться зрители (*Илл. 10*). Оболочка капсулы сшита вручную из более чем двухсот квадратных метров бывшей в употреблении одежды красного и белого цветов, часть которой пожертвовали москвичи. Конструкция выполнена по образцу

5 Yin Xiuzhen. Yin Xiuzhen on China, Smoking and Freedom. *Phaidon.* 2015. URL: https://uk.phaidon.com/agenda/art/articles/2015/march/04/yin-xiuzhen-on-china-smoking-and-freedom/ (дата обращения 21.06.2020).

Илл. 11. **Микеланджело Пистолетто. Венера в лохмотьях.** Мрамор и текстиль. 1967 г. По: https://artsandculture.google.com/asset/venus-of-the-rags/VQFAb2mc5W507A?hl=ru

пилюли из реально существующей лекарственной системы *slow release*. Суть этой новой технологии заключается в увеличении времени поступления лечебного вещества в организм с целью улучшения терапевтического эффекта. Однако в инсталляции Инь роль «замедляющего» и целительного средства играет сшитая из одежды оболочка, внутри которой оказываются зрители. Художница моделирует ситуацию, в которой сила исцеления во многом зависит от процессов, протекающих в нашем теле и сознании. Находясь в пространстве, созданном из повседневной одежды, из нашей «второй кожи», как называет ее Инь, посетители получают возможность оказаться в другом режиме существования, почувствовать себя внутри собственного тела и, возможно, провести своеобразный сеанс самолечения. Ее работа служит напоминанием о том противоядии, каковым может стать индивидуальный человеческий опыт по отношению к ошеломительным темпам развития общества.

В поисках новых материалов западные художники XX в. уже обращались к текстилю и тканям. В 1967 г. один из лидеров итальянского движения *Arte povera* («Бедное искусство») Микеланджело Пистолетто создал свою знаменитую «Венеру в лохмотьях» (Venere degli stracci) (*Илл. 11*). В этой работе формы классического искусства сталкиваются с беспорядком современной жизни. Сам художник предпочитает трактовать свою «Венеру» как произведение на тему традиционных для искусства дихотомий «богатое — бедное», «возвышенное — низменное», «старое — современное», «прекрасное — банальное» [Christov-Bakargiev, 1999, p. 154]. Можно сказать, что бесформенность кучи порванных тканей предвосхищает и отражает аспекты идеи «антиформы». Однако *Arte povera* характеризуется устойчивым взаимодействием с искусством прошлого, что делает это движение и эту работу отличной от информализма и других современных форм искусства, таких, как концептуализм и пост-минимализм [Christov-Bakargiev, 1999, p. 27].

Инь Сючжэнь использует в своих работах текстиль не с целью показать контраст между богатым и бедным, но также противопоставляет внутренний мир людей, их эмоции и память подавленному и беспокойному ритму современной жизни.

Рассматривая примеры работ, представленных на выставках современных китайских художников в России, можно убедиться, что, хотя современные разработки китайского искусства взяли на вооружение некоторые элементы современного западного искусства, среди китайских художников остается твердое желание развивать свое творчество таким образом, чтобы оно сохранило позиции в китайской культуре. Хуан Юнпин и Чжан Хуань

выражают философские и религиозные идеи китайских традиционных учений в современных формах, что помогает им найти связь китайской истории с современностью, с сегодняшней жизнью людей. Рефлексируя над вопросами Культурной революции и времени после нее, китайские художники наполнили форму поп-арта политическим подтекстом, создав абсолютно новые стили в искусстве, например, циничный реализм.

Скорее всего, успешная репрезентация китайского современного искусства на Западе оказалось возможной по причине того, что экспериментальное искусство в Китае опирается на те же новые средства массовой информации и художественные практики, которые используются художниками на Западе, что позволяет китайским художникам вести диалог с западным зрителем. Ну, а аудитория имеет возможность наслаждаться богатым разнообразием форм искусства, доступным нам благодаря глобализации и — будем надеяться — вопреки пандемии.

Список литературы / References

Ерофеев А. СОЦ-АРТ. Политическое искусство в России. Третьяковская галерея / *The Tretyakov Gallery Magazine*. 2007. № 2 (15). С. 14–23 [Erofeev A. SOTS-ART. Political art in Russia. *The Tretyakov Gallery Magazine*. No. 2, 2007 (15). Pp. 14–23 (in Russian)].

Лаоцзы. Обрести себя в Дао. Пер. И. И. Семененко. М.: Республика, 2000. — 448 с. [Lao-Tsu. Find Oneself in Tao. I. I. Semenenko (Tr.). Moscow: Respublika, 2000. — 448 p. (in Russian)].

Christov-Bakargiev C. *Arte Povera*. London: Phaidon Press, 1999. — 304 p.

Gisbourne M. *Paintings and Sculptures. Zhang Huan*. Press release. Berlin, Diehl + Gallery One, 7 November, 2008.

Jiang Jiehong. *Burden or Legacy*: *From the Chinese Cultural Revolution to Contemporary Art*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2007. — 161 p.

Joo K., Ham-Roberts. *Rethinking Contemporary Art and Multicultural Education.* New York: Routledge, 2011. — 432 p.

Khidekel R. «*It's the Real Thing*». *Soviet Sots-Art and American Pop-Art.* Minneapolis: Minnesota University Press, 1998. — 112 p.

Köppel-Yang M. Semiotic Warfare: The Chinese Avant-Garde. Beijing: Timezone 8, 2004. — 245 p.

Paparoni P. *Wang Guangyi. Words and Thoughts 1985–2012*. Milan: Skira, 2013.— 416 p.

Teo Ph. *Rewriting modernism: three women artists in twentieth-century China: Pan Yuliang, Nie Ou and Yin Xiuzhen*. Leiden: Leiden University Press, 2016. — 320 p.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Панова О. Ай Вэйвэй: «Многие из моих коллег были арестованы и осуждены». *Артхроника*. 2011. № 5. URL: http://artchronika.ru/gorod/ай-вэйвэй-многие-из-моих-коллег-были-а/ (дата обращения 21.06.2020).

Yin Xiuzhen. Yin Xiuzhen on China, smoking and freedom. *Phaidon*. 2015. URL: https://uk.phaidon.com/agenda/art/articles/2015/march/04/yin-xiuzhen-on-china-smoking-and-freedom/ (дата обращения 21.06.2020).

Hamlin J. Chinese Artist Sui Jianguo Puts Mao to Rest in Colorful Metaphor. *SF Gate*. Feb 16, 2005. URL: https://lalouver.com/html/gallery-history-images/other-resources/SJ-SFGate-Hamlin-2005.pdf (дата обращения 21.06.2020).

Sebag-Montefiore C. Sydney Buddha artist Zhang Huan on Chinese dreams — and public toilets. *The Guardian*, 2015. URL: https://www.theguardian.com/artanddesign/2015/jan/09/sydney-buddha-artist-zhang-huan-interview (дата обращения 21.06.2020).

Shi Xinning Exhibited at the Saatchi Gallery. *Saatchi Gallery*. 2 May 2012. URL: https://www.saatchigallery.com/artists/shi_xinning.htm (дата обращения 21.06.2020).

Zhang L. Mao's New Tailor: Sui Jianguo, 2007. *Web Archive.* URL: https://web.archive.org/web/20071221114906/http://www.artzinechina.com/display.php?a=89#TOP (дата обращения 21.06.2020).

DOI: 10.18254/S268684310010395-2

Ориентализм Мариано Фортуни и его влияние на русских художников рубежа XIX–XX вв.

Mariano Fortuny's Orientalism and its Influence on Russian Artists at the Turn of the 19th–20th centuries

Мария Романовна Мороз

Независимый исследователь, журналист (МГУ им. Ломоносова), бакалавр искусств (РГГУ), куратор, лектор, Москва, Россия; onamoroz@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3157-9647

Maria R. Moroz

Independent Scholar, journalist (Lomonosov Moscow State University), Bachelor of Art History (Russian State University for the Humanities; SUH), art curator, lecturer, Moscow, Russia; onamoroz@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3157-9647

Творчество Мариано Фортуни, одного из самых известных художников Испании середины XIX в., и его влияние на русских художников до сих пор остается малоизученной темой. Следы влияния его жанровых сцен, навеянные экзотикой Востока, можно найти в творчестве большого количества его учеников, последователей и подражателей. Работы испанского живописца были невероятно популярны среди русских художников и коллекционеров. Так, в собраниях Дмитрия Боткина и Сергея Третьякова появилось несколько шедевров Фортуни, о его картинах рассказывал на своих занятиях знаменитый педагог Императорской Академии художеств Павел Чистяков, с чем связано увлечение ориенталистской тематикой его учеников Ильи Репина и Василия Поленова. Михаил Врубель также воспроизводил в своих ранних работах орнаментальную стилистику Фортуни. В статье рассматривается, как творчество испанского художника стало ориентиром высокого мастерства для молодых учеников педагога Императорской Академии художеств Павла Чистякова.

Ключевые слова: ориентализм, Мариано Фортуни, Илья Репин, Василий Поленов, Павел Чистяков, Михаил Врубель, Сергей Третьяков, Дмитрий Боткин, Марокко, Битва за Тетуан, испанское искусство, искусство ориентализма, художники-ориенталисты

Для цитирования: М. Р. Мороз. Ориентализм Мариано Фортуни и его влияние на русских художников рубежа XIX–XX вв. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 170–179. DOI: 10.18254/S268684310010395-2

The work of Mariano Fortuny, one of the most famous artists of Spain in the mid–19th century, and his influence on Russian artists is still a little-studied topic. Traces of the influence of his genre scenes, inspired by the Eastern exotic, can be found in the works of a large number of his students, followers and imitators. The works of the Spanish painter were incredibly popular among Russian artists and collectors. So, in the collections of Dimitry Botkin and Sergey Tretyakov several Fortune masterpieces appeared, the famous teacher of the Imperial Academy of Arts Pavel Chistyakov spoke about his paintings in his classes, which is connected with the fascination with the orientalist themes of his students Ilya Repin and Vasily Polenov. Mikhail Vrubel also reproduced in his early works the ornamental style of Fortuny. The article examines how the work of the Spanish artist has become a landmark of high skill for young students of the teacher of the Imperial Academy of Arts Pavel Chistyakov.

Key words: Orientalism, Mariano Fortuny, Ilya Repin, Vasily Polenov, Pavel Chistyakov, Mikhail Vrubel, Sergey Tretiakov, Dimitry Botkin, Morocco, the Battle of Tetuan, Spanish art, orientalist art, orientalist painters

For citation: Maria R. Moroz. Mariano Fortuny's Orientalism and its Influence on Russian Artists at the Turn of the 19th–20th centuries. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 170–179. DOI: 10.18254/S268684310010395-2

Ориентализм и Фортуни

Испанское искусство от Эль Греко до Сальвадора Дали детально исследовано в русской историографии. Но удивительным образом в этой единой хронологической линии от середины XVI столетия до конца XX в. остается малоизученной область второй половины XIX в. Может показаться, что после смерти Франсиско Гойи в 1828 г. в испанском искусстве не было мастеров, достигших европейской славы, и яркой вспышкой после долгого молчания стали лишь работы Пабло Пикассо, представленные для первой персональной выставки в Париже в 1901 г. Но это далеко не так.

Восполнить этот временной пробел была призвана выставка «Импрессионизм и испанское искусство», проходившая в московском Музее русского импрессионизма с 10 октября 2019 по 26 января 2020 г. Имена Мариано Фортуни (1838–1874), Игнасио Сулоаги (1870–1945), Хоакина Сорольи-и-Бастиды (1863–1923), Эрменехильдо Англады–Камарасы (1871–1959) снова привлекли внимание исследователей. И не случайно — творчество этих мастеров было знакомо русскому зрителю начала XX в., а репродукции их работ воспроизводились в русских изданиях. Так, в период с 1901 по 1904 г. в журнале «Мир искусства»[1] было опубликовано девять обзоров выставок с участием испанских художников.

Одним из самых популярных испанских живописцев в конце XIX в. в среде русского художественного сообщества был Мариано (Маріà) Фортуни (Mariano [Marià] Josep Maria Bernat Fortuny i Marsal; 1838–1874). Родившись в Реусе в простой плотницкой семье, Мариано с самого раннего возраста интересовался рисованием. Его художественное образование начиналось в местной художественной школе под руководством каталонского художника Доменека Соберано (Domènec Soberano; 1825–1909). После смерти родителей в возрасте 14 лет он вместе с дедушкой переехал в Барселону и поступил в Школу изящных искусств, где он учился у популярных в то время художников-назарейцев: Мануэля Мила-и-Фонтаналс (Manuel Milà i Fontanals; 1810–1883) и Льюса Ригалта (Lluís Rigalt i Farriols; 1814–1894). В конце обучения Фортуни смог выиграть конкурс и получил грант от правительства Барселоны на двухлетнюю поездку в Рим. Италия стала для

1 «Мир искусства» — ежемесячный иллюстрированный художественный журнал, посвященный творчеству русских символистов и являвшийся органом одноименного объединения. Издавался в Петербурге с 1898 по 1904 гг.

художника второй родиной, здесь раскрылся его талант, проявилась виртуозная живописная манера изображать световые эффекты и мельчайшие детали. Фортуни прожил всего 36 лет и умер в Риме от малярии.

«По мастерству исполнения, положительно нет никого между современными европейскими живописцами, кто мог бы соперничать с Фортуни. ...Манера его, в высшей степени разнообразная: то размашистая и бойкая донельзя, то замечательно оконченная, поражает своими контрастами, приводит в недоумение неожиданностями. Это Мейссонье и Гойя, непостижимым образом слившиеся в лице одного художника», — написал о его творчестве Аполлон Матушинский в статье 1883 г. [Матушинский, 1883, с. 414].

Известность Фортуни составила не только совершенная техника исполнения, но и ориенталистская направленность его работ, особенно популярная во второй половине XIX в.

Интерес к Ближнему Востоку в Европе нарастал постепенно, еще с XVIII — начала XIX в. появлялись работы, в которых художники по–своему перерабатывали этот интерес, изображая при этом не реальный Восток, а некий опоэтизированный воображаемый мир, противопоставлявшийся унылой действительности. В число мотивов входила и женская обнаженная натура в интерьерах гарема (подобно «Турецкой бане» Жана Огюста Доминика Энгра; 1862), и образы сладострастной жизни ассирийских правителей (как в «Смерти Сарданапала» Эжена Делакруа; 1827), и другие — откровенно эротические — темы. Во второй половине XIX в. художники начинают открывать реальный Восток. В 1832 г. Делакруа (1798–1863) отправляется в Северную Африку, Жан Леон Жером (1824–1904) уезжает сначала в Стамбул (1853г.), а позже — в Египет (1856г.), Сирию (1862г.) и Палестину (1868 г.). Так изображения фантазийного Востока уступили место личным впечатлениям художников и многочисленным зарисовкам, выполненным с натуры.

В Испании восточная культура воспринималась двояко — с одной стороны, как часть собственного национального наследия, с другой — как нечто, пусть и когда–то близкое, но все же незнакомое. Когда в 1859 г. между Испанией и Марокко вспыхнула война[2], молодой художник Мариано Фортуни вынужден был отправится на нее по требованию Городского совета Барселоны (ему только исполнился 21 год). Художник в это время находился в своей двухлетней учебной поездке в Риме и еще до того, как назначенный период гранта закончился, Городской совет Барселоны поручил молодому стипендиату важное задание — исполнить несколько картин, которые отобразили бы кульминационные эпизоды войны. Для поездки в Северную Африку и сбора необходимой информации ему была оказана дополнительная финансовая помощь и в конце 1860 года Фортуни покинул Рим и после недолгого пребывания в Барселоне прибыл в Тетуан 12 февраля.

Марокканские впечатления

Война не была интересна живописцу: большую ценность для него представлял сам Марокко с его ярким светом и многообразием красок. Художник много работал на пленэре, стараясь запечатлеть увиденное с предельной точностью. Итоговой для марокканских впечатлений картиной стала «Битва при Тетуане», написанная в 1862–1865 гг. (см. *Илл. 1*). И хотя сам автор так и оставил ее незавершенной из–за трудностей в определении пропорций фигур переднего и заднего плана и не полной цельности всей композиции, в этой огромной работе можно увидеть несколько характерных приемов, которые станут отличительными приемами Фортуни. Это и яркая симфония цветовых пятен, и изображение «рыхлого», местами не прописанного неба и, конечно, внимание к мельчайшим деталям, которые художник передает с ювелирной точностью.

2 Испано–марокканская война (1859–1860 гг.) между Испанией и Марокко велась в северной части Марокко. После победы испанцев в битве при Тетуане марокканцы запросили мира; подписание мирного договора состоялось в Вад-Расе.

Илл. 1. **Мариано Фортуни. Битва при Тетуане**
1862–1865. Холст, масло. 300x972. Фото: © Национальный музей искусства Каталонии, Барселона

Этюды, сделанные во время поездки в Марокко, открыли Фортуни путь к славе. В 1860 г. он показал их известному парижскому арт-дилеру Адольфо Гупилю (1806–1893) и, получив положительный отклик, стал поставлять ему работы. А в 1866 г., когда цены на картины Фортуни сильно взлетели, маршан заключил с ним контракт, по которому художник обязался создавать картины лишь на темы, определяемые для него Гупилем. И с 1866 г. до самой смерти основными сюжетами творчества Фортуни становятся ориенталистские и исторические картины. «Именно в этот период Фортуни создает множество авторских копий своих полотен “Собиратель гравюр”, “Арабская фантазия” или “Марокканский кузнец”», — пишет исследователь творчества Фортуни Сантьяго Альколеа [Альколеа, 2019, с. 44]. По контракту все новые картины Фортуни могли продаваться только через галерею Гупиля, но в награду за эти кабальные обязательства художник получал большой гонорар. Кроме того, арт-дилер был заинтересован в продвижении художника (хоть и для коммерческой выгоды), поэтому он организовывал ему персональные выставки, благодаря которым еще при жизни Фортуни смог добиться международного признания.

Через Гупиля Фортуни познакомился с Жаном-Луи-Эрнестом Мейсонье (1815–1891) и Жаном-Леоном Жеромом (1824–1904). Восхищаясь оптическим совершенством и неотразимой «сделанностью» их работ, в своих картинах он стремился достичь такой же филигранности деталей, но при этом сохранить живописную небрежность при изображении игры света и вибрации воздуха.

Знакомство русских художников с Фортуни

В 1862 г. Фортуни отправляется в Рим, где в то время находился русский художник Павел Чистяков (1832–1919), отправленный в Италию (с 1862–1870 гг.) в качестве пенсионера от Императорской художественной Академии. По мнению выдающегося знатока искусства XIX в. Михаила Алленова, здесь пути художников пересеклись: Фортуни брал у Павла Чистякова уроки (русский художник был старшего его на шесть лет) [Алленов, 1993, с. 45]. И хотя мы не располагаем документами, способными подтвердить это утверждение, интересно, что Павел Чистяков действительно говорил о Фортуни своим ученикам. Во многом благодаря его рассказам и многочисленным упоминаниям и появился интерес к работам Фортуни у художников следующего поколения (у Ильи Репина, Василия Поленова, а позже у Михаила Врубеля и Валентина Серова). Его эксперименты в работе тонкой кистью и графическим штрихом, а также страсть к деталям и орнаментам вдохновляли многих молодых художников на эксперименты с формой.

В 1875 г. Василий Поленов писал о произведениях Фортуни своему учителю Павлу Чистякову: «Они мною совсем овладели, я только их теперь и вижу. Что за новый, небывалый взгляд на картину. Какая особенная композиция, какой удивительный рисунок, какие интересные цвета. Я помню, как вы высоко ставили этого художника. Вы как-то, говоря про его картины, выразились, что от них сияние идет, и действительно правда» [Поленов, 1964, с. 99–100]. Возможно, под влиянием общей моды на ориентализм, Поленов так увлекся восточной тематикой, что вскоре (в 1881–1882 гг.) и сам отправился в Сирию, Палестину и Египет. Собранный в поездке материал художник использовал для создания своих известнейших полотен: «Христос и грешница» (1888), «Тивериадское озеро» (1889), «Среди учителей» (1896). Как писал художник Александр Головин (1863–1930), эти работы Поленова «вызывали в то время почти такой же восторг, как произведения знаменитого Фортуни. В них было столько света и ярких красок, что по сравнению с ними живопись передвижников казалась чем-то вроде фотографии» [Головин, 1940, с. 4].

Однокурсник Поленова Илья Репин (1944–1930) в переписке со своим учителем Иваном Крамским (1837–1887) неоднократно упоминал имя Фортуни как гения своего времени: «Не успеешь опомниться от разнузданной свободы импрессионалистов (Манэ, Монэ и др.), от их детской правды, как на горизонте шагает гигантскими шагами Фортуни, шагает и увлекает всех. Все нации бегут за ним, с готовностью даже погибнуть, отрекшись от самих себя. Что тут толковать о своем маленьком таланте, когда перед вами шагает гений XIX века — вперед! Да здравствует Фортуни!» [*Письмо И. Е. Репина...* 1949, с. 99–100]. Корреспондент великого русского художника отвечает на эти восторги: «Фортуни увлек всех естественно. Так он пишет натурально, еще бы не увлечь. Я видел его одну вещь, которую купил Боткин. Совершенно понимаю, что он нравится больше всех, он пишет наивно, натурально и, стало быть, оригинально. Только он не сродни нам, а понимать его я могу» [*Письмо И. Н Крамского...* 1949, с. 103].

Как бы любимый педагог ни дистанцировался от нового явления в искусстве, Репин поддался обаянию испанского мастера. В 1876 г. Илья Ефи-

Илл. 2. **И. Е. Репин. Негритянка**
Конец 1875 – начало 1876 г.
Х., м. 115х92.
Фото: © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

мович Репин создает «Негритянку», в которой многие исследователи усматривают влияние африканских этюдов Мариано Фортуни [Нестерова, 2019, с. 44] *(Илл. 2)*. Ведь и в «Арабском дворике» (1865 г.), и в «Курильщике опиума» (1869 г.), и в «Марокканцах» (1872–1874 гг.) испанский художник передает атмосферу Востока через людей, красочные одежды, яркие интерьеры.

«Курильщик опиума» у Фортуни представлен на фоне роскошного восточного ковра, тело героя прикрыто обрезами разных цветов ткани, а в руках он держит длинную трубку. Пространство вокруг курильщика декоративно, оно кажется одним ярким узором *(Илл. 3)*. В «Марокканцах» он изображает необычную сцену — нищие у стены (это кормящая мать, которую он рисует с открытой грудью) в окружении двух мужчин: один восседает на лошади, другой, словно стражник, стоит у стены с длинным ружьем на плече. Герои показаны на контрасте — беззащитные мать и дитя рядом с вооруженными мужчинами. Арабы в этой сцене визуально воплощают идею власти *(Илл. 4)*.

В отличие от Фортуни, Репин никогда не был в Марокко; квинтэссенцией Востока стала для него мастерская испанского художника в Париже, где можно было увидеть привезенные из африканских поездок ковры, восточные ткани, керамику и оружие. Вслед за Фортуни Репин выбирает для картины «Негритянка» нетрадиционную для русского художника темнокожую модель. Все предметы быта — свидетельства иной культуры: роскошный красный ковер, кальян, столик с мавританским орнаментом. Спокойный взгляд и неподвижная поза модели передают ощущение застылой архаики восточного мира. Современники высоко оценили портрет: «Вещь эта написана прекрасно во всех отношениях и служит лучшим доказательством, что пребывание художника в Париже не прошло для него бесследно и что в технике искусства сделаны им большие успехи», — писал А. М. Матушинский (см. [Матушинский, 1876]). Важная деталь: русская художественная критика ценила Фортуни прежде

Илл. 3. **Мариано Фортуни. Курильщик опиума.** 1869
Х., м. 38,4х49,8. Бумага, акварель
Фото: © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Илл. 4. **Мариано Фортуни. Марроканцы.** 1872–1874
Д., м. Фото: © Национальный музей Прадо, Мадрид

Илл. 5. **М. А. Врубель. Натурщица в обстановке Ренессанса**
1883. Бумага, акварель. 35x24.
Фото: © Национальный музей «Киевская картинная галерея», Киев

всего как новатора с технической стороны, про содержательную же составляющую его работ многие высказывались критически.

Если знакомство Чистякова и Фортуни не имеет достоверных подтверждений, то первая встреча Репина с мастерской Фортуни задокументирована русским художником в переписке с Крамским (от 26 сентября 1873 года). Художники повстречались в Риме в 1873 году во время пенсионерской поездки Репина. А в 1875 г. в Париже Репин посетил посмертную выставку умершего годом раньше Фортуни. Это событие произвело на русского живописца большое впечатление; в автобиографической книге он писал: «Фортуни поразил всех современных художников Европы недосягаемым изяществом в чувстве форм, колорите и силе света» [Репин, 1964, с. 323].

Интерес к творчеству испанского художника распространился на учеников Репина и Чистякова. Так, во время учебы в Императорской художественной Академии[3] находившийся под сильным влиянием Фортуни Михаил Врубель особенно пристрастился к акварели. В это время он создал работы «Старушка Кнорре за вязанием» (1883), «Гамлет и Офелия» (1884), «Натюрморт. Ткани» (1883)[4]. «Акварель, если будет так идти, как идет, то будет действительно вроде дорогой работы Фортуни, кличка которого все более за мною утверждается в Академии», — сообщал Михаил Врубель в письме сестре Анне о работе «Натурщица в обстановке Ренессанса» 1883 г. [Письмо М. А. Врубеля... 1976, с. 43]. В этом рисунке Врубель уделяет особое внимание орнаменту — натурщица сидит на старинном резном стуле, позади нее средневековый гобелен с растительными

3 Михаил Врубель состоял учеником в мастерской Павла Чистякова с 1880 по 1884 г.
4 Все рисунки выполнены в технике акварели.

Илл. 6. **Мариано Фортуни. Заклинатели змей.** 1870. Д., м. 61x153
Фото: © Государственный музей изобразительного искусства им. А. С. Пушкина, Москва

мотивами, а ее тело окутано дорогой парчой *(Илл. 5)*. То, как исполнена эта акварель, очень походит на описание Матушинского техники Фортуни: «Прежде всего поражаешься непривычным сочетаниям цветов, радужным блеском красок, чрезмерным богатством обстановки. ...У него удивительная способность видеть натуру точно через увеличительное стекло в малейших деталях со всеми ее особенностями» [Матушинский, 1883, с. 416]. Статья была опубликована в том же 1883 г., когда Врубель учился у Чистякова и писал свою «Обнаженную в обстановке Ренессанса».

Русские художники ценили работы Фортуни не только за его нарядно-декоративную стилистику, обусловленую ориенталистской тематикой, требовавшей тонкости в отделке деталей и сложных орнаментальных решений, но и за «натурализм». Картины Фортуни производят впечатление живых и подвижных, в них есть мерцание воздуха. Вместе с точной проработкой отдельных элементов картины художник использовал особую технику нанесения краски: «взяв кисть с короткой, жесткой щетиной, художник короткими, “постукивающими” касаниями наносил на холст мельчайшие пятна, которые сливались в яркую многоцветную фактуру» [Альколеа, 2019, с. 40], за счет чего его картины напоминают калейдоскоп цветных и пестрых пятен, при детальном рассмотрении оказывающихся тонкими ювелирными формами.

Фортуни в русских частных собраниях

Виртуозность техники Фортуни оценили и русские коллекционеры. На следующий год после смерти испанского мастера Дмитрий Боткин (1829–1889) за 50 тыс. франков приобрел для своей галереи в Москве картину «Испанский дворик», что считалось большой удачей, ибо по словам современников работы Фортуни сразу уходили из мастерской в частные собрания и зачастую становились недоступными для публичной демонстрации[5].

Сергей Третьяков (1834–1892) отдал баснословные 110 тысяч франков за работу Фортуни «Заклинатели змей» *(Илл. 6)*, а позже приобрел еще одну — «Любители гравюр» за 60 тысяч франков.

5 «В большинстве случаев акварели и картины знаменитого испанца, необыкновенно высоко ценимые знатоками, из мастерской художника, по неслыханным до того времени ценам, прямо переходили в руки немногих богачей-любителей и таким образом делались почти недоступными для публики» (см. [Матушинский, 1883]).

Однако в середине 80-х гг. интерес к работам Фортуни сменился восхищением произведениями молодых художников импрессионизма. Популярность последних очень быстро затмила спрос на мастеров предыдущего поколения. Кроме того, цена на работы импрессионистов была гораздо ниже, чем на ориенталистские сюжеты — русским коллекционерам их продавали по 10–15 тыс. франков.

Связь с русским реализмом

После революции немногочисленные картины Фортуни распредели между двумя музеями (Музеем изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и Государственным Эрмитажем), где они большей частью находятся в запасниках, оставаясь доступными лишь для специалистов.

Сегодня нельзя не переоценить влияние, оказанное на русских художников Мариано Фортуни. Его творчество изучали в классах Императорской художественной Академии, о нем рассказывал своим ученикам Павел Чистяков, пользовавшийся особым авторитетом среди молодых живописцев, о нем писали в русскоязычных изданиях, его картины покупали для своих собраний видные московские коллекционеры. Став одним из представителей модного для того времени ориентализма, Фортуни выделялся среди художников этого жанра самобытной техникой исполнения работ — тонкой прорисовкой деталей, созданием вибрирующей поверхности (за счет местами не прокрашенного холста) и использованием кьяроскуро для передачи световых эффектов. Но не только виртуозные технические приемы волновали русских художников, изучавших творчество Фортуни, — тематика большинства его произведений была близка живописцам русского реализма. Фортуни изображал простых людей в привычной для них обстановке, в его работах Восток уже не кажется эфемерной фантазией, становясь реальным воплощением арабского мира с его необычными для европейского зрителя укладом жизни и народными типами.

Список литературы / References

Алленов М. М. Врубель и Фортуни. *Вопросы искусствознания*. №2–3. М.: Государственный институт искусствознания, 1993. С. 41–57 [Allenov M. M. Vrubel and Fortuny. *Voprosy Iskusstvoznaniya*. No. 2–3. Moscow: State Institute for Art Studies, 1993. Pp. 41–57 (in Russian)].

Альколеа С. Мариано Фортуни, предтеча импрессионизма. *Каталог выставки «Импрессионизм и испанское искусство»*. М.: Музей русского импрессионизма, 2019. — С. 38–50 [Alcolea S. Mariano Fortuny, the forerunner of impressionism. *Catalog of the "Impressionism and Spanish Art" Exhibition.* Moscow: Museum of Russian Impressionism, 2019. — P. 38–50 (in Russian)].

Головин А. Я. *Встречи и впечатления*. М.: Искусство, 1940. — 177 с. [Golovin A. Ya. *Meetings and Impressions.* Moscow: Iskusstvo, 1940. — 177 p. (in Russian)].

Матушинский А. М. Марьяно Фортуни. *Вестник изящных искусств, издаваемый при Императорской академии художеств*. Под ред. А. И. Сомова. СПб.: А. И. Сомов, 1883. Т. 1. С. 410–442 [Matushinsky A. M. Mariano Fortuni. *Herald of Fine Arts, Published by the Imperial Academy of Arts*. Ed. A. I. Somov. St. Petersburg: A. I. Somov, 1883. Vol. 1. Pp. 410–442 (in Russian)].

Матушинский — Эмъ (Матушинский А. М.). Художественная хроника. Выставка в Академии художеств. [газета] *Голос.* 1876. 1 дек. № 332. С. 1–2 [Matushinsky — "'Em" (A. M. Matushinsky). The Art Chronicle. Exhibition at the Academy of Arts. *Golos*. 1876. Dec., 1. No. 332. Pp. 1–2 (in Russian)].

Нестерова Е. В. Путь через Париж… И. Е. Репин и французское искусство. *Каталог выставки Илья Репин*. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2019. — 592 с. [Nesterova E. V. The Way Through Paris... I. E. Repin and French Art. *Catalog of the Ilya Repin Exhibition*. Moscow: State Tretyakov Gallery, 2019. — 592 p. (in Russian)].

Письмо И. Н. Крамского к И.Е. Репину. 16 мая 1875, Петербург. *И. Е. Репин. Пись-*

ма. М.: Искусство, 1949. С. 103 [A Letter from I. N. Kramskoy to I. E. Repin. May, 2, 1875, Paris. *I. E. Repin. Letters*. Moscow: Art, 1949. Pp. 103 (in Russian)].

Письмо И. Е. Репина к И. Н. Крамскому. 2 мая 1875, Париж. *И. Е. Репин. Письма.* М.: Искусство, 1949. С. 99–100 [A Letter from I. E. Repin to I. N. Kramskoy. May, 2, 1875, Paris. *I. E. Repin. Letters*. Moscow: Art, 1949. Pp. 99–100 (in Russian)].

Письмо М. А. Врубеля к А. А. Врубель. Осень 1883. *Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике.* Сост. Э. П. Гомберг–Вержбинская, Ю. Н. Подкопаева, Ю. В. Новиков. Л.: Искусство, 1976. — 384 с. [A letter from M. A. Vrubel to A. A. Vrubel. Autumn 1883. *Vrubel. Correspondence. Memories of the Artist.* Comp. by E. P. Gomberg-Verzhbinskaya, Yu. N. Podkopaev, Yu. V. Novikov. Leningrad: Art, 1976. — 384 p. (in Russian)].

Поленов В. Д., Поленова Е. Д. *Хроника семьи художников.* Состав. Е. В. Сахарова. М.: Искусство, 1964. — 839 с. [Polenov V. D., Polenova E. D. *Chronicle of the Family of Artists.* E. V. Sakharova (Comp.). Moscow: Iskusstvo, 1964. — 839 p. (in Russian)].

Репин И. Е. *Далекое близкое*. М.: Искусство, 1964. — 511 с. [Repin I. E. *Distant Close*. Moscow: Iskusstvo, 1964. — 511 p. (in Russian)].

DOI: 10.18254/S268684310010396-3

Визуальный активизм на Ближнем Востоке:
как искусство пытается изменить мир

Visual Activism in the Middle East:
The Way Art Tries to Change the World

Марина Витальевна Стародубцева

магистрант Восточного факультета Государственного академического гуманитарного университета (ГАУГН), Москва, Россия; marina.starodubcev@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3015-9616

Marina V. Starodubtseva

Magister of the Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities
marina.starodubcev@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-3015-9616

Статья представляет собой попытку осмысления современного протестного искусства и его революционного потенциала. Особое внимание автор уделяет визуальному искусству, которое появилось в последние годы в странах Ближнего Востока, прежде всего стрит-арту, граффити и кинематографу. Прошедшие за последние годы протесты в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки вновь отразили потребность общества в изменениях. И не случайно, что это был не только политический, но и художественный протест — граффити, музыка, стихи стали важными участниками протеста, напоминая о том, что искусство — это способ конструирования нового мира, пространства для несогласия. Автор пытается ответить на вопрос, каков революционный потенциал искусства в то время, когда иллюзий насчет радикальных изменений системы не осталось и сама идея революции ушла в прошлое.

Ключевые слова: революция, кинематограф, граффити, визуальное искусство, Ближний Восток, Иран, современность

Для цитирования: Стародубцева М. В. Визуальный активизм на Ближнем Востоке: как искусство пытается изменить мир. Восточный курьер / *Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 180–195. DOI: 10.18254/S268684310010396-3

The article reflects on modern protest art and its revolutionary potential. The author pays special attention to visual art, which has appeared in recent years in the countries of the Middle East, — primarily street art, graffiti, and cinema. Protests that take place in the Middle East and North Africa recently have again reflected the need for change in society. And it is no coincidence that this was not only a political, but also an artistic protest — graffiti, music and poetry became important participants in the protest, recalling that art is a way of constructing a new reality. Thus, article raises the question what is the revolutionary potential of art at a time when there is no further illusions about radical changes in the system and the very idea of revolution is a matter of the past.

Key words: revolution, cinematography, graffiti, visual art, Middle East, Iran, modernity

For citation: Marina V. Starodubtseva. Visual Activism in the Middle East: The Way Art Tries to Change the World. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 180–195. DOI: 10.18254/S268684310010396-3

Современность характеризуется большим объемом визуальной информации, в значительной степени формирующей взгляд человека на реальность. С развитием технологий мир наполняется симулякрами — изображениями и знаками, претендующими на отображение реальности. Визуальные образы стали важным инструментом, структурирующим современные общества, они исключают из реальности одних и позволяют доминировать другим, превращая не явленную в визуальной культуре реальность в невидимую. Таким образом, визуальное становится одним из инструментов контроля за восприятием мира и желаниями людей. Система, построенная на потреблении, с помощью визуальных образов вырабатывает у человека желания и соответственно определяет его свободное время. «Я думаю, уже в следующем поколении правители поймут, что поощрение инфантильности и наркогипноз гораздо более эффективны, как государственные инструменты, чем дубинки и тюрьмы, и власть над людьми гораздо легче получить, предлагая им приятное, комфортное рабство, вместо того чтобы склонять их к послушанию пинками и поркой», — писал автор «Дивного нового мира» **Олдос Хаксли**.

Результатом описанного порядка становится исчезновение политики — не как работы институтов власти, но как возможности появления несогласия со status quo, как возможности приведения мира к другой системе, а значит и возможности изменений.

Немецкий драматург **Хайнер Мюллер** (1929–1995) утверждал, что единственная задача искусства — пробудить тоску по другому состоянию мира и именно эта тоска оказывается революционной[1]. Как художнику пробудить эту тоску сегодня, вообще как смотреть на мир, когда реальность постоянно ускользает, заменяется вторичной реальностью симулякров? Как сказать что-то новое когда любая претензия на истинность со стороны кажется наивной и подвергается критике? Можно ли сказать нечто о человеке серьезно после того, как сама возможность серьезного высказывания была отменена?

Исследуя несущее в себе критику современного порядка визуальное искусство, возникшее в последние годы на Ближнем Востоке, автор стремится поставить важные вопросы, касающиеся осмысления современной ситуации не только внутри региона, но и в мире в целом. Данная статья — попытка ответить на вопрос, каков революционный потенциал искусства, когда иллюзий насчет радикальных изменений системы не осталось и сама идея революции ушла в прошлое.

1 Theater; In Germany, a Warning From Heiner Muller. *New York Times.* URL: https://www.nytimes.com/1990/07/08/theater/theater-in-germany-a-warning-from-heiner-muller.html (дата обращения: 17.06.2020).

Революция в эпоху «пост-идеологической» меланхолии

Исследователи называют последние десятилетия «текучей современностью» или временем «безвременья», главными чертами которого стали изменчивость, скорость, легкость и гибкость. В отличие от XX века, времени войн, революций и веры в возможность изменения мира и построения некой прочной структуры, предлагаемой модернистскими проектами, современность — время, лишенное иллюзий. Современность течет и в любой момент может принять любую форму, однако эта форма никогда не станет радикально ломать уже наработанное. Чтобы сохранить status quo современность должна постоянно меняться… не изменяясь. Говоря о сегодняшнем обществе, социолог **Зигмунт Бауман** использовал метафору «текучести». Утрата устойчивости мира, неопределенность жизненной политики и будущего — вот черты «пост-идеологической» эпохи, «постсовременности», современности без иллюзий. По словам Баумана, нашу «форму современности» отличает одна особенность: «постепенный крах и быстрый конец иллюзии времен ранней современности: веры в то, что есть конец дороге, по которой мы движемся, достижимая цель исторического изменения, состояние совершенства, которое будет достигнуто завтра, в следующем году или в следующем тысячелетии, некое хорошее общество, справедливое и бесконфликтное во всех или некоторых из многих его постулированных аспектов» [Бауман, 2008, с. 36].

Если иллюзий об установлении нового социального порядка не осталось, то и идея революции стала восприниматься как часть прошлого. С середины XX века модернистские «всеобщие» нарративы стали восприниматься как авторитарные и подлежащие сомнению. Практически повсеместно установился однополярный мир и вместе с ним неолиберальный порядок; философ и политолог **Фрэнсис Фукуяма** провозгласил «конец истории». В постмодернистском мире, лишенном иллюзий ориентированного на новое модерна, любое всплывание уже известного нарратива приводило к его уничтожению. Настало время многоголосья и возник релятивизм — ситуация множественности знаний и точек зрения.

В книге «Рассуждения о конце революции» философ **Борис Капустин** парадоксально утверждает, что современный мир как раз насквозь революционен, но «его охватила и его радикально трансформирует неолиберальная революция», которая по сути является антиреволюцией. В отличие от революции как события, удостоверяющего разрыв между «старым порядком» и «новым» устройством общества, неолиберальная революция «устраняет из общества все то, что чревато сменой (порядка), таким образом с любой степенью радикальности перестраивая общество» [Капустин, 2019, с. 3]. Капустин считает, что репрессия революции привела к бессилию общества перед капиталом, выхолащиванию демократии и превращению социальной справедливости в мираж. В многоголосице противоречивых мнений не существует верного взгляда на мир, что рождает состояние растерянности и кризиса. Репрессия революции привела к ощущению пустоты и безвременья, к тоске по идеологии, по большим нарративам, похороненным «текучей» современностью. Возникла тоска по самой возможности изменений. Исследователи продолжают говорить о том, что уже тридцать лет ожидают «нового революционного воображаемого», находясь в состоянии «пост-идеологической меланхолии»[2].

Связь визуального и политического

Не могло остаться в стороне от последних изменений и искусство, из-за особенностей глобального капитализма неизбежно вошедшее в

2 XV Малые Банные чтения «Тягучая современность: постмодернистская по форме, консервативная по содержанию et vice versa» *НЛО*. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/ (дата обращения 18.06.2020).

товарные отношения. Искусство стало частью культурной индустрии и потеряло свою автономию: даже критикуя имеющийся порядок вещей, искусство становится инструментом его легитимации, продается, встраивается в культуру под ярлыком «протест» или «сопротивление». Художественное произведение стало оцениваться через коммерческую или идеологическую значимость. Культура присваивает предметы искусства, наделяет их качествами культурного образца и неизбежно упрощает, делает плоскими несомые ими смыслы. «Производство эстетических ценностей имеет определенную рыночную стоимость и более неавтономно, а внешней позиции, из которой можно установить независимую внеэкономическую ценность чего-либо, не существует»[3]. Такая ситуация зависимости неизбежно вводит искусство в ситуацию кризиса.

«Текучую» современность крайне сложно зафиксировать и отрефлексировать. Один из главных вопросов — как смотреть на мир, когда он постоянно меняется, а человек живет не только в реальном, но и виртуальном пространстве, где постоянно растут объемы визуальной информации, абсолютно несоизмеримые с возможностями человека по ее осмыслению. Нестабильный мир противится фиксации взглядом. Проблематизация отношений человека с визуальным особенно важна: визуальная информация связана со зрением, а значит в значительной степени влияет на то, как мы видим и воспринимаем мир, а опосредованно — и на наши желания и действия (см. об этом, например: [Дубровская, 2019]). Такое ускорение мира сделало «быстрым» и искусство; единственным же его видом, способным идти в ногу с «текучей современностью» оказалось искусство визуальное. Таким образом, сегодня визуально — один из важнейших инструментов влияния на наш образ мира.

Именно поэтому власти крайне необходим контроль за визуальной информацией. Визуальные образы и виртуальная реальность, размножающая их, создают новый вид реальности, ставящей своей целью контроль за человеческим восприятием. С развитием технологий мир наполняется симулякрами — изображениями, знаками, в действительности являющимися завесой реальности, все больше от нас ускользающей. Так реализуется связка визуального с политическим. Визуальные образы стали важным инструментом, структурирующим современные общества, они исключают из реальности одних и позволяют доминировать другим, превращая реальность, не явленную в изображениях, в невидимую для зрителя. **Жан Бодрийяр** называет такого рода контроль «семиократией» [Бодрийяр, 2000, с. 158].

Визуальное стало инструментом контроля за желаниями. С помощью визуальных образов система, построенная на потреблении, вырабатывает у человека желания и контролирует его свободное время. «Посещение спортивных событий, театров, кино и музеев, телевидение и интернет, шоппинг и прочие формы потребления — все это институции, цель которых — структурировать и контролировать свободное время», — утверждает искусствовед и философ **Борис Гройс**[4]. Эти способы проведения досуга поддерживают миф о реальности и прячут ее.

Одним из инструментов контроля становится погружение человека в игру, фантазию. Кино, особенно фантастическое, погружает зрителя в придуманные миры, где зритель вместе с героями переживает ситуации на грани жизни и смерти, попадает в приключение, невозможное в реальной жизни. Просмотр кино становится опытом потребления фантазии. То же относится и к компьютерным играм, создающим альтернативный вид реальности, где возможно невоз-

3 XV Малые Банные чтения «Тягучая современность: постмодернистская по форме, консервативная по содержанию et vice versa». *НЛО.* URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/ (дата обращения 18.06.2020).

4 Борис Гройс об Ольге Чернышевой. В поисках долгого воскресения. *Spectate.ru.* URL: https://spectate.ru/boris-groys-olga-chernysheva/#easy-footnote-3-2908 (дата обращения 18.06.2020).

можное в реальной жизни. Такое переплетение нереальной и реальной жизни Бодрийяр называет «гиперреальностью» [Бодрийяр, 2000, с. 148]. Опасность подобного порядка вещей состоит в том, что фикция становится привлекательнее реальности: образ начинает генерировать реальность самостоятельно. Тиражируемые в культуре визуальные образы в итоге убивают реальность, не появляющуюся на экране. «Гипперреальность» позволяет одним образам доминировать, а другие, напротив, делает невидимыми.

Как результат можно наблюдать исчезновение политики, но не как работы институтов власти, а как События, которое разрушает символическую и политическую организацию общества, как ее определяет современный французский философ **Жак Рансьер**. «Политика по своей специфике редка. Она всегда локальна и случайна. Ее нынешнее затмение вполне реально» [Рансьер, 2013, с. 190]. Политику он противопоставляет полиции. Если полиция поддерживает порядок в сложившейся системе отношений, то политика, напротив, производит в публичном пространстве новые места и имена, не совпадающие с настоящим символическим порядком. Положение, когда институты насаждают взгляд на мир, Рансьер называет «полицейской версией истории», критикуя ситуацию, когда человек становится пассивным наблюдателем, потребителем образов (то же самое происходит и в политическом поле — сложившаяся система свела демократическое действие к электоральному процессу). Согласно Рансьеру, самое важное условие для существование политики — несогласие [Рансьер, 2013, с. 44]. Политика — это практика несогласия. Если в обществе не существует разногласий по поводу существующего порядка вещей, не развит активизм, в нем не существует и политики.

Связь искусства и политики

Но как можно сопротивляться полицейскому порядку и как вернуть политику и таким образом вновь восстановить ход истории, опровергнуть ее «конец»? Несмотря на то что реальность скрывается под слоями симулякров, в образной ткани реального все равно остаются дыры, следы реальности. Вопрос только в том, как найти способ их увидеть, ведь «политика опирается на то, что видишь и что можно об этом сказать, на того, кто наделен компетенцией видеть и способностью сказать…» [Рансьер, 2007, с. 15]. Сопротивление возможно через практику несогласия со status quo и поиск новых форм чувствования.

То, что может быть видимо, определяет эстетика, ведь именно искусству легче всего создать новый язык для описания реальности, новых мест и форм, не явленных в реальности. В этом смысле задача искусства — открыть пространство для политики, способное вносить беспорядок в сложившуюся систему, меняя акценты, «…оно определяет художественное по его принадлежности к иному чувственному средоточию, нежели средоточие господствующее» [Рансьер, 2007, с. 71]. С целью борьбы с пассивностью зрителя Рансьер предлагает ослабить воздействие образов на зрителя противодействием знания, то есть рационализировать образ. Таким инструментом для Рансьера становится кино, благодаря технике монтажа способное создавать логику не-причинно-следственных связей и — через сталкивание образа и мысли — бороться с пассивностью зрителя. Философ приводит в пример фильмы Жан-Люка Годара (род. 1930), представителя французской «новой волны» — революционного движения в истории кинематографа, ставившего целью изменение языка кино.

В послевоенные годы в кинематографе разных стран появились движения, целью которых было противостояние массовому кинематографу и обновление культуры. Итальянские неореалисты и режиссеры французской «новой волны» — Роберто Росселлини (1906–1977), Пьер Паоло Пазолини (1922–1975), Франсуа Трюффо (1932–1984) и Жан-Люк Годар, пытаясь противостоять порядку, основанному на потреблении образов, стремились выработать у зрителя критический взгляд на реальность, боролись с кино как иллюзией.

Выводя на экран героев с городских окраин, бедняков и рабочий класс, они противопоставляли свое кино создающей искусственные миры голливудской продукции.

89-летний **Жан-Люк Годар** до сих пор создает фильмы и остается верен революционным взглядам. Однако в последние десятилетия его ленты становятся все более экспериментальными — кадры дополняются многочисленными цитатами, усложняется монтаж, привычными методами стали коллаж и центон, в фильмах исчезают актеры и сюжет. Важной темой фильмов Годара все так же остается насилие образов, подавляющее насилие изображения: «Вы говорили об убийстве. То, что они называют образами, становится убийцей настоящего». Создавая реальность второго порядка, образы убивают первичную реальность. «Внутренний опыт запрещен обществом в целом и зрелищем в частности», — напоминает Годар[5]. В фильме «Прощай, речь» Годар говорит, что искусство — ловушка, а любой автор — убийца реальности. Он напоминает, что человек видит мир через очки — через чужие образы и слова. Эти очки необходимо снять.

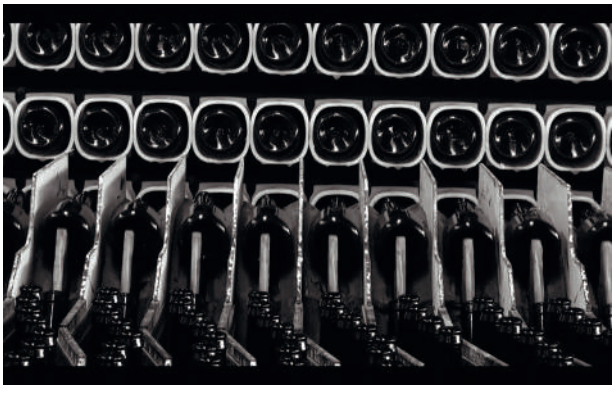
В фильме иранского режиссера **Аббаса Киаростами** (1940–2016) **«Копия верна»** возникает важная мысль о природе кинематографа. Киаростами обращает внимание на то, что кино выстраивает заведомо ложные представления о реальности. Погружая зрителя в довольно простой сюжет, режиссер в какой-то момент начинает разрушать сюжетную ткань, обманывая ожидания зрителя. Главные герои, искусствовед и писатель, встречаются на презентации книги последнего. Они отправляются в путешествие, которое сопровождается размышлениями о копии и оригинале. Но и сами главные герои и их отношения проходят проверку на подлинность. Когда они начинают изображать мужа и жену, зрителю открывается, что на всю историю можно посмотреть совершенно по-другому. В каждую минуту фильм становится другим фильмом, конструирует сам себя. «Копия верна» сталкивает зрителя с невозможностью отличить копию от оригинала, реальность от вымысла. Кино как будто заранее сообщает о том, что оно обманывает и лишь подражает реальности.

На опасность реальности второго порядка указывает и Борис Гройс, говоря, что «исцелением от этого погружения в сон обществом спектакля должен стать шок от встречи с реальным, призванным спасти людей от пассивной созерцательности и побудить их к действию — ибо только оно обещает переживание истины как интенсивной жизни. Спорным представляется исключительно вопрос о том, возможна ли вообще такая встреча с реальным или же оно окончательно исчезло под сформированной дизайном поверхностью мира» [Гройс, 2012, с. 302].

Описанные процессы носят глобальный характер, однако в разных регионах приобретают свою специфику. В разных точках мирах растет сопротивление тирании образов, реальности второго порядка, не отражающей жизнь. В 2001 г. протестующие в Аргентине свергли пять правительств, заявляя: «Они нас не представляют!». Особенно ярко движение за саморепрезентацию проявило себя и на Ближнем Востоке во время Арабской весны.

Масштабные протестные движения в ходе Арабской весны разрушили одни режимы и раскачали другие, однако не привели к радикальной смене политико-экономических парадигм развития. После Арабской весны эксперты стали опасаться, что Ближний Восток рискует отправиться в будущее без политики. Проблемы остались прежними — бедность, коррупция, слабость социальной политики, но тем не менее Арабская весна не прошла незамеченной для культуры, став крупным движением за саморепрезентацию. Протестующие заявляли о праве на репрезентацию своего опыта, своей жизни. Движение во многом приобрело столь крупные масштабы из-за развития социальных сетей и интернет-платформ, позволяющих

5 Война здесь: как понимать позднего Годара. *Afisha.ru.* URL: https://daily.afisha.ru/cinema/9044-voyna-zdes-kak-ponimat-pozdnego-godara/ (дата обращения: 18.06.2020).



быстро распространять информацию и формировать сетевые сообщества. Отразились протесты и на искусстве: на всем Ближнем Востоке начало формироваться поколение художников, ставивших целью опровергнуть прежний визуальный порядок, построенный на неравенстве и исключении.

Тема революции в фильмах иранского режиссера Кейвана Карими

Прошедшие за последний год протесты в Ливане, Ираке, Иране и ряде других стран Ближнего Востока и Северной Африки вновь отразили потребность общества в изменениях. Не случайно, что это был не только политический, но и художественный протест — граффити, музыка, стихи стали важными участниками протеста, напоминая о том, что искусство — это способ конструирования нового мира. В мире, где возможность радикальных изменений и политической активности сведена к минимуму, революцию производит именно художественная деятельность. Чтобы изменить политические и социальные условия, художник создает настройку на видение мира принципиально иных ценностей и смыслов. Искусство всегда имело интенцию изменить мир, однако в разные эпохи эта интенция становилась более или менее актуальной. По мнению профессора Чикагского университета **Роберта Бёрда**, в наше время искусство перестало участвовать в революционном воображаемом. Однако именно на Ближнем Востоке люди говорят об изменениях языком художественных образов, а значит искусство остается территорией, где Бёрдовское революционное воображаемое возможно. Об одном из таких художников речь пойдет ниже.

Иранский режиссер курдского происхождения **Кейван Карими** (род. 1985) называет себя голосом маргиналов. В своих фильмах он обращается к жизни исключенных из системы социально-изолированных групп населения, таким образом позволяя проникать в кино лишенны голоса людям, которые больше всех чувствуют социальное неравенство, экономическое и по-

литическое неравноправие. Говоря о фильмах Карими, нужно обращаться к анализу современного социального порядка, тем более что сам он призывает именно к этому, называя себя левым режиссером с радикальным социально-политическим видением. Не удивительно, что большинство фильмов Карими — картины документальные, где героями становятся люди, занимающиеся контрабандой газа через границы («Нарушенные границы»), вышедшие в отставку военные, потерявшие дома, а вместе с домами и мечты («Контейнер, выдерживающий землетрясения»), работники заводов и охранники, удел которых — обслуживать механизм, быть статистами («Приключение супружеской пары»). Лишенные возможности участия в общественном обустройстве, они становятся невидимыми для массовой культуры[6].

Такой интерес к жизни простых людей можно считать формой сопротивления общественному неравенству и тирании образов. В фильме «**Приключение супружеской пары**» мы следим за жизнью одной семьи. Каждый их день похож на предыдущий: приготовление пищи, обед, дорога на работу, рабочий процесс, дорога домой и снова по кругу. Женщина работает на заводе по изготовлению напитков. Каждое утро она садится на автобус, чтобы доехать до работы, каждый день на заводе мимо нее проносятся тысячи бутылок. Ее задача — заметить брак. Однако глаза ее как будто смотрят сквозь череду бутылок. Человека здесь нет, как нет ни одного осмысленного движения или взгляда. Да и они и не нужны: человеческая деятельность сводится к движению, фиксирующему неполадки, мало отличающемуся от работы механизма. Лицом к лицу с отчуждением сталкивается и муж героини, работающий по ночам охранником на складе, внутри которого беспорядочно разбросаны манекены. Когда он направляет свет фонаря на пластиковые лица, мы видим как дисгармонично и искусственно

6 Иранец Кейван Карими: режиссер сродни художнику граффити. Global Voices. URL: https://ru.globalvoices.org/2016/12/07/55030/ (дата обращения: 18.06.2020).

они выглядят вне торговых центров. Это впечатление усиливается, когда в кадре появляются манекены с детскими лицами. Созданные чтобы воплощать образ счастливого ребенка, лица манекенов имитируют детскую улыбку и смех, но в свете фонаря их смех больше походит на гримасу. Когда охранник, проходя по темному складу, направляет на манекены свет, смех на детских лицах превращается в крик — на складе, вне витрин магазинов детские лица застывают в отчаянии.

Этот беззвучный крик на окаменевших лицах — метафора отчуждения в обществе, где нарушены социальные связи, где безразличие и апатия пожирают жизни людей, лишая их голоса. Все время, пока идет «Приключение супружеской пары», супружеская пара не произносит ни слова. Так же они лишены голоса и в культуре, для которой их жизнь слишком банальна. В фильме стирается граница между реальностью в кино и реальностью зрителя, ведь кино уже не показывает похожую на рекламную картинку, жизнь других, успешных людей, показывая жизнь зрителя, где нет места киношному приключению.

Карими возвращает в кино реальность. Показывая жизнь исключенных из системы людей в местах, в свою очередь исключенных из культуры, формируемой масс-медиа и кинематографом, он обращает внимание на невозможность признания их субъектами внутри системы, ставит задачу показать неправильность игнорирующего их социального порядка.

Главной темой фильма «**Барабан**» становится безымянный страх, не имеющее источника внутреннее беспокойство. Как отражение этого внутреннего беспричинного страха выступает в фильме меланхоличный образ Тегерана. Пространство города лишено опознавательных знаков — в фильме нет ни названий улиц, ни районов. Вообще город для Карими не просто декорация к фильму: он становится одним из главных героев, с которым постоянно взаимодействуют герои-люди. В одном из интервью режиссер подчеркнул, что для него важны отношения человека с городской средой. В каждом из фильмов, снятых в городском пространстве, он проблематизирует эти отношения.

Столица Ирана — Тегеран показан в его фильмах как грязное полуразрушенное пространство, населенное отчужденными индивидами. Таким образом он противопоставляет Тегеран городу, изображения которого тиражируются в СМИ и массовом кино. Так непривычное для культуры изображение, грязное и непристойное, фальсифицирует мир устоявшихся ценностей. Уже в первом кадре хромой мужчина в грязном костюме медленно движется по пустой улице. Навстречу ему летят мусорные пакеты. Мусор и отбросы — главные обитатели современного мегаполиса. «Когда строят образцовые города, создают образцовые функции, образцовые искусственные ансамбли, все остальное превращается как бы в остатки, в отбросы, в бесполезное наследие прошлого», — пишет в книге «Город и Ненависть» Бодрийяр [Бодрийяр, 2006, с. 438].

Хромой мужчина приходит домой к главному герою — адвокату, протягивает ему коробку, говоря, что только тот может ему помочь, и сразу исчезает. На следующий день в квартире героя проходит обыск, тем не менее он коробку не отдает. С этого момента начинается его блуждание по городу.

«Барабан» снят по мотивам романа иранского писателя-модерниста Алиморада Фадайни. Модернистская литература выстраивает повествование как лабиринт, в котором читатель то теряет логическую нить событий, то вновь ее находит, то вдруг снова выпадает из повествования. Пример такой литературы — хорошо известные романы **Франца Кафки** «Замок» (1926) и «Процесс» (1925), построенные как неустойчивые лабиринты, не имеющие входа и выхода.

Фильм «Барабан» — сложно устроенный лабиринт образов, где, как герои фильма, так и зрители, бродят если не в поисках дома, то хотя бы в поиске источника страха, не будучи в состоянии найти ни то, ни другое. Они не могут вписать себя в город и найти в нем проявления жизни, так как любые проявления жизни в нем исчерпаны. В подъезде главного героя за порядком следит пожилой мужчина, на него надета кислородная маска; он с трудом вдыхает воздух. Главный герой постоянно попадает в полуразрушенные пространства — это либо недостроенные дома, либо старые, нежилые, наполовину руинированные строения. Даже его квартира не очень напоминает жилое помещение. Единственное место, похожее на дом, — квартира его подруги. Однако вскоре и она исчезнет — охотники за той самой коробкой убивают ее.

Убежищем адвоката становится старый полуразрушенный дом друга, сразу предупреждающего героя об опасности — пол в доме провисает, можно провалиться. Адвокат назначает там встречу с преследователями, обещая отдать им коробку, но на самом деле — чтобы отомстить. В самом начале фильма голос за кадром говорит,

что в современном мире есть только один имеющий значение закон — «Око за око, зуб за зуб, наказание за наказание». Закон мести. Следуя указаниям героя, преследователи адвоката ищут коробку в руинах старого дома и проваливаются в канализацию. Карими говорил, что люди, тонущие в грязи, — это те, кто нарушает закон и убивает и фигура юриста возникает в фильме не случайно.

Размышляя над современностью, современный итальянский философ **Джорджо Агамбен** разработал теорию «чрезвычайного положения», утверждая, что общественно-политический строй, подразумевающий классовое разделение, эксплуатацию и социальное неравенство, — социально-политическая патология, чрезвычайная ситуация, в которой приостановлено действие закона. И речь не о временной приостановке, а о перманентном чрезвычайном положении, лишающем людей возможности опереться на право и сводящем общество к состоянию «голой жизни». Если смотреть на фильм Карими через оптику Агамбена, получится, что адвокат олицетворяет закон, перестающий действовать при чрезвычайном положении. Люди, пытающиеся убить его и убивающие его подругу, хотят приостановить действие закона, почему и тонут в грязи. Карими вписывает Иран в глобальный контекст: сюжет «Барабана» имеет универсальный характер и может произойти в любой точке земного шара.

При пристальном анализе в фильме прослеживается немало отсылок к недавней политической истории Ирана. Восемьдесят восемь планов связаны с 1388 годом по иранскому солнечному календарю, то есть с 2009 годом, когда в Иране проходили крупные протесты против переизбрания консерватора Махмуда Ахмадинеджада на пост президента. Протесты вошли в историю Ирана как **«Зеленое движение»** и стали одними из самых крупных демонстраций со времен Исламской революции 1979 г. Убийство подруги адвоката Карими связывает с убийством Парваны Форухар, иранской активистки, ставшей одной из жертв серийных убийств, совершенных в Иране в 80-е и 90-е гг.[7]. Но если «Барабан» не указывает на конкретные политические события в истории Ирана прямо, а использует достаточно абстрактную образную систему, оставаясь верным литературному источнику, то в другом фильме режиссера история Ирана становится тканью повествования; Карими выстраивает нарратив на цепочке исторических событий последних сорока лет.

Граффити как форма визуального активизма

В документальном фильме «**Надписи на стенах**» объектом исследования Карими становится сам Тегеран и его стены. Режиссер рассказывает, как менялся Иран, начиная с Исламской революции 1979 г. и вплоть до современности. Все эти изменения отражаются на стенах, потому что стены — зеркало города и, соответственно, зеркало времени. За городские стены постоянно борются разные силы — власть использует их для пропаганды, но стены всегда остаются открытыми и для протестных лозунгов. «Мы читаем надписи на стенах города и узнаем, о чем мечтают его жители, кто среди них авторитет. Уважая тех, кто стремится изменить текущую ситуацию, через надписи на стенах мы узнаем, о чем они на самом деле думают», — говорится в фильме.[8]

Фильм Карими посвящен тому, как происходит революция, как теряет изначальный смысл и энергию и как продолжает существовать на городских стенах: «Стены напоминают нам о системе и революции, стены — это отражение жажды свободы и подавляемого гнева, исходящего из тюрем». Прежде чем произойти в реаль-

7 One Person's Story. Human Rights & Democracy for Iran. *Iranrights.org* URL: https://www.iranrights.org/memorial/story/28400/parvaneh-eskandari-foruhar (дата обращения: 18.06.2020).

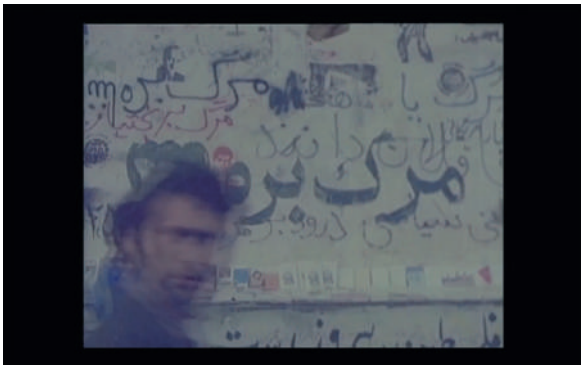
8 Writing on the City. Keywan Karimi. *YouTube.* URL: https://www.youtube.com/watch?v=3laaKrp5ebE (дата обращения 18.06.2020).

ности, революция выплескивается на городские стены, потому что стены — это подсознание города и его жителей. Режиссер обращается к концепции французского философа **Анри Лефевра** (1901–1991) с его идеей города как продукта социального взаимодействия; ведь именно общество и повседневные практики создают городское пространство. Люди меняли городское пространство во время Исламской революции 1979 г., положившей начало действующему иранскому режиму. Однако в фильме Карими занимается деконструкцией этого мифа: для него революция стала результатом народного недовольства, протестные лозунги против шаха писали на стенах «люди, пылающие гневом и ненавистью» к режиму. Подчеркивается, что графити коряво писали простые люди, а не профессиональные художники, боровшиеся таким образом за новый мир без социального неравенства.

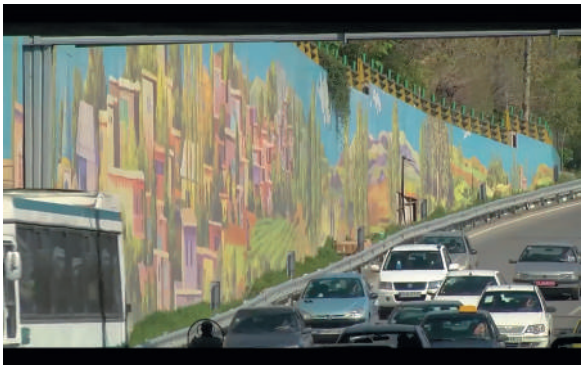
«Распыленные на стенах изображения и граффити были лидерами революции. Шах погиб под красками и баллончиками».

Из фильма «Надписи на стенах».

Прошло не так много времени, и надписи стали исчезать. Власть создает устойчивую систему, которой мешают протестные голоса. Революция так и не успевает осуществиться — власть очищает стены. «Указ по очистке стен был издан 17 марта 1979 г. Параллельно с установлением новой власти этот указ шаг за шагом заглушал голоса стен, ставших похожими на улицы — чистые, обветшалые и покорные»[9]. С этого момента начинается история официальных граффити. Системе требовались мифы: власть нуждалась в славе, и Ирано-иракская война 1980–1988 гг. стала важным событием в послереволюционной истории Тегерана, создав образы героев-мучеников, отдавших жизнь за Исламскую Республику. На стенах Тегерана начали появляться лица этих мучеников. «Надписи на стенах военного



9 Writing on the City. Keywan Karimi. *YouTube.* URL: https://www.youtube.com/watch?v=3laaKrp5ebE (дата обращения 18.06.2020).



времени отражали войну внутри городов и призывали людей идти на фронт и умирать». Миф о войне стал логическим продолжением мифа о революции: система боролась за идеалы.

За восемь лет войны люди устали от борьбы и смерти, мечтали вернуться к нормальной жизни. Карими подчеркивает: тогда в Иране появились деньги от продажи нефти и новая идея — развитие. Вот только государство не знало, какую идеологию поддерживать — революционную или капиталистическую? В этот момент и началась история современного Тегерана — города неоновых вывесок, небоскребов и уродливых зданий с рекламой. Революционные и религиозные идеалы уступили повседневности и потребительству.

На новый капиталистический порядок отреагировали и стены города. Революционные лозунги исчезли, замененные билбордами — теми самыми симулякрами, о которых писал Бодрийяр. Город превратился в гетто знаково-символических систем. Мегаполис дает горожанам массу преимуществ, среди которых работа, хорошее образование, легкость взаимообмена, возможность интенсивного социального взаимодействия, доступность информации и культурного развития. Однако «ускорение и интенсификация всех этих процессов порождает в индивидах безразличие и приступы замешательства» [Бодрийяр, 2006, с. 441]. Такой режим жизни Бодрийяр назвал ненавистью, только не страстной, а пассивной. Из-за невозможности повлиять на жизнь, из-за превращения людей в зрителей, постоянно потребляющих все новую информацию и новые визуальные образы, человек превращается в пассивного обывателя. Исчезают желания, а вместе с ними и стремление к переменам, остается лишь ненависть к самому себе. Современный город разобщает людей. Знаковая система встраивает человека в траектории, разрушающие любую возможность объединения.

«Ориентированная на развитие власть с ее ключевым слоганом "Наш город — это наш дом", просила людей не выбрасывать мусор на улицы точно так же, как они не делают этого в собственном

доме. Не говорилось об одном: можно ли свободно думать на улице — так же, как у себя дома».

Из фильма «Надписи на стенах».

Официальные изображения дают понять: уже не надо ничего радикально менять. В 2000-х гг. серьезный взгляд лидера Революции стал радостным, на лице появилось улыбка. Борьба за изменения осталась позади, настало время наслаждаться жизнью в мире, созданном Революцией, — утверждали визуальные образы. На стенах появились изображения природы; райские сады погружали человека в мир фантазий, предлагая вместо настоящей природы фантастическую. Голос за кадром дает понять, что появление таких изображений — выражение отчаяния обществ, видящего единственный способ спасения в возврате к сельской жизни.

«Зеленое движение» 2009 г. стало выражением этого экзистенциального отчаяния; впервые за многие годы на стены вернулись протестные лозунги. В те годы многие мегаполисы превратились в протестные площадки. Тирания знаковых систем привела к тому, что горожане включились в борьбу за активное преобразование городского пространства и доступ к нему — то, что Анри Лефевр называет «**правом на город**». «Стены — это зеркало города, но люди на улицах не видят в них своего отражения», — так выразил Карими кризис репрезентации людей в городской среде. В одном из интервью Карими сравнил режиссера с «уличным художником», утверждая, что искусство должно быть политическим. Действительно, протесты в 2011 г. в Тунисе, Египте и других странах Ближнего Востока были движениями за политическую репрезентацию и, в частности, попытками изменить визуальное мышление (до 2011 г. единственным изображением на тунисских улицах был портрет бывшего президента Зина аль Абидина бен

Али). Протестуя, активисты начали использовать новые формы визуального мышления — стрит-арт и граффити.

«Граффити обращается к людям не для того, чтобы они боялись, подчинялись или что-то покупали, но чтобы они просто были людьми. Граффити напрямую просит людей вернуть им город».
Из фильма «Надписи на стенах».

Ныне на Ближнем Востоке появилось поколение молодых художников, которым важна роль искусства в решении насущных проблем, «право на город». На стенах городов отражаются протесты, продолжающиеся в Ираке и Ливане. Когда изображение, среда и зритель находятся во взаимодействии, возникает пространство для политики — для несогласия и изменений. Вовлекая зрителя в пространство искусства, художник показывает другое видение мира. Граффити и стрит-арт — способ расширить язык сопротивления и принять участие в политической жизни, влияя на визуальное мышление и на будущее. «Город сам пишет на своих улицах и стенах. И его посланиям нет конца», — заканчивает фильм Кейван Карими, цитируя Анри Лефевра.

Бельгийский философ, один из членов Ситуационистского движения[10] и автор книги «Революция повседневной жизни» **Рауль Ванейгем** писал про «Надписи на стенах»: «Свобода городских стен разрушает стены тюрем. Когда реальность обнажается, мечты становятся реальностью. Под маской вероучений и идей всегда скрывается настоящая жизнь. И тогда ничего не защищает человека от него самого. Однажды стены будут отражать наши желания». Таким образом, сейчас именно стены становятся пространством для революционного воображаемого. Именно стены, заполненные рекламой и

10 Международное революционное художественно-политическое движение, сыгравшее ключевую роль в протестах 1968 г. во Франции. На ситуационистов большое влияние оказали авангардные движения, такие, как дадаизм, сюрреализм и флюксус. Своей целью ситуационисты ставили революцию сознания.

симулякрами, сегодня стали ареной борьбы за смыслы. Несмотря на то, что современность является скорее антиреволюционным временем, мечты о новом мире продолжают жить в умах людей. И такое народное творчество как граффити и стрит-арт, часто анонимное, зачастую небрежно и быстро выполненное, позволяет людям видеть на стенах свое отражение. Конечно, и протестные граффити, и кинематограф отражают скорее ситуацию кризиса, а не создают принципиально новое представление о мире. Тем не менее они создают пространство для несогласия, а значит — для политики и для нового.

Список литературы / References

Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек.* М.: издательство АСТ, 2015. — 576 с. [Fukuyama F. *The End of History and the Last Man.* Moscow: AST, 2015. — 576 p. (In Russian)].

Капустин Б. *Рассуждения о «конце революции».* М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. — 144 с. [Kapustin B. *Consideration on the End of Revolution.* Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2019. — 144 p. (In Russian)].

Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть.* М.: Добросвет, 2000. — 387 с. [Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. Moscow: Dobrosvet, 2000. — 387 p. (In Russian)].

Бодрийяр. Ж. *Город и ненависть.* Журнал Логос. М.: «Территория будущего». 2006. — 815 с. [Baudrillard J. *City and Hatered.* Moscow: «Territory of the Future», 2006. — 815 p. (In Russian)].

Дубровская Д. В. *Зрение как зеркало: европейские теории визуальности и «аккомодативный» стиль художников-иезуитов в Китае. Вопросы философии.* 2019. № 4. с. 166–172 [Dubrovskaya D. V. *Vision as a Speculum: European Visual Theories, and Jesuit Artists' Accomodative Style in China.* 2019. No. 4. Pp. 166–172].

Рансьер Ж. *Несогласие*. Спб.: Machina, 2013. — 192 с. [Ranciere J. *Disagreement.* Saint-Petersburg: Machina, 2013. — 192 p. (In Russian)].

Рансьер Ж. *Разделяя чувственное.* Спб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. — 263 с. [Ranciere J. *The Distribution of the Sensible.* Saint-Petersburg: European University Publishing House, 2007. — 263 p. (In Russian)].

Гройс Б. *Политика поэтики.* М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. — 400 с. [Groys B. *Politics of Poetics.* Moscow: Ad Margined Press, 2012. — 400 p. (In Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Theater; In Germany, a Warning From Heiner Muller. *New York Times.* URL: https://www.nytimes.com/1990/07/08/theater/theater-in-germany-a-warning-from-heiner-muller.html (дата обращения: 17.06.2020).

XV Малые Банные чтения «Тягучая современность: постмодернистская по форме, консервативная по содержанию et vice versa» (Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 24–25.05.2019). НЛО. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/ (дата обращения 18.06.2020).

Борис Гройс об Ольге Чернышевой. В поисках долгого воскресения. *Spectate.ru.* URL: https://spectate.ru/boris-groys-olga-chernysheva/#easy-footnote-3-2908 (дата обращения 18.06.2020).

Иранец Кейван Карими: режиссер сродни художнику граффити. *Global Voices.* URL: https://ru.globalvoices.org/2016/12/07/55030/ (дата обращения: 18.06.2020).

One Person's Story. Human Rights & Democracy for Iran. *IranRights.org.* URL: https://www.iranrights.org/memorial/story/28400/parvaneh-eskandari-foruhar (дата обращения: 18.06.2020)

Writing on the City Keywan Karimi. *YouTube.* URL: https://www.youtube.com/watch?v=3laaKrp5ebE (дата обращения 18.06.2020).

Война здесь: как понимать позднего Годара. *Afisha.ru.* URL: https://daily.afisha.ru/cinema/9044-voyna-zdes-kak-ponimat-pozdnego-godara/ (дата обращения: 18.06.2020).

DOI: 10.18254/S268684310010397-4

Лувр Абу-Даби:
на пересечении цивилизаций

Louvre Abu-Dhabi:
At the Crossroads of Civilizations

Ксения Тимуровна Вяземская

Бакалавр востоковедения и африканистики, специализируется на изучении культуры Ближнего Востока и Османской империи. Магистр искусствоведения, автор ряда научных публикаций про османскую живопись и литературу. Лауреат международных грантов по изучению османского языка; Ванкувер, Канада; kviazemski@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-6120-7847

Xenia T. Vyazemskaya

BA in Oriental Studies specializing in Middle East and Ottoman Empire culture. MA in Art History, author of multiple scientific publications about Ottoman fine art and literature. Laureate of international Ottoman studies grant programs; Vancouver, Canada
kviazemski@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-6120-7847

Статья представляет собой краткий обзор Лувра Абу-Даби — крупнейшего музея изобразительного искусства на Аравийском полуострове, имеющего важнейшее культурное и геополитическое значение для Объединенных Арабских Эмиратов и всего Персидского залива. На основе ряда аналитических источников по истории и экспозиции музея, а также на материале личных наблюдений во время посещения Лувра Абу-Даби в декабре 2017 года, автор анализирует ключевые составляющие структуры музея, которые делают его уникальным и отчасти противоречивым феноменом в современной мировой культуре.

Ключевые слова: Лувр, Абу-Даби, Лувр Абу-Даби, ОАЭ, Ближний Восток

Для цитирования: Вяземская К. Т. Лувр Абу-Даби: на пересечении цивилизаций. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 196–202. DOI: 10.18254/S268684310010397-4

This article is a brief overview of Louvre Abu Dhabi — the biggest fine art museum on the Arabian peninsula that has a fundamental cultural and geopolitical importance for United Arab Emirates and the entire Gulf region. Based on a number of journalistic publications about the museum's history and exposition, as well as personal observations made during the Abu Dhabi visit in December 2017, the author analyses the key elements of the museum that make it a unique and controversial phenomenon in the modern world culture.

Key words: Louvre, Abu Dhabi, Louvre Abu Shabi, UAE, Middle East

For citation: Xenia T. Vyazemskaya. Louvre Abu-Dhabi: At the Crossroads of Civilizations. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 196–202. DOI: 10.18254/S268684310010397-4

История Лувра Абу-Даби неразрывно связана с масштабным движением последнего десятилетия в странах Персидского Залива — стремительно набирающей обороты «культурной гонкой вооружений» [Shaj, 2017], призванной утвердить место столицы Объединенных Арабских Эмиратов среди ведущих культурных центров мира.

Несмотря на богатую историю Аравийского полуострова, на протяжении многих тысячелетий служившего стратегическим торговым пунктом для ведущих мировых цивилизаций, международное сообщество традиционно видит ОАЭ как страну с бедным культурным наследием, начавшую стремительное развитие лишь после обнаружения в стране нефти в 1980-х гг.

Сегодня ОАЭ — одна из наиболее динамично развивающихся экономик стран Персидского Залива и мира — активно борется с этим стереотипом с помощью амбициозных культурных, религиозных и архитектурных проектов. Монументальная Мечеть Шейха Заеда в Абу-Даби (2007), Бурдж Халифа в Дубае (2007) — громкое заявление правительства Эмиратов о месте государства в мировой культуре, а также приглашение к напряженному соревнованию, в котором лидирующие страны региона состязаются за превосходство.

Распахнувший двери для широкой публики в ноябре 2017 г. Лувр Абу-Даби — главная ставка ОАЭ на победу в этой гонке. Парящий узорчатый купол, беспрецедентный бюджет и уникальная для региона коллекция сделали Лувр Абу-Даби международной сенсацией задолго до торжественного открытия, на котором присутствовала вся государственная элита Арабских Эмиратов, а также целая плеяда политических деятелей во главе с французским президентом Эммануэлем Макроном. В речи на открытии президент подчеркнул особое значение музея для Франции и кросс-культурных коммуникаций во всем мире.

В представленной статье делается попытка кратко рассмотреть историю, архитектуру, экспозицию и геополитическое значение Лувра Абу-Даби, за недолгое время существования успевшего стать одним из самых известных музеев Ближнего Востока и мира XXI века.

Музей-рекорд

Лувр Абу-Даби был возведен в рамках масштабного проекта правительства ОАЭ по превращению расположенного всего в семи минутах от центра Абу-Даби острова Саадият в ведущий культурный центр Персидского Залива (Илл. 1). Из семи музеев, строительство которых было запланировано на острове в течение десяти лет, на сегодняшний день завершены всего два: Лувр и Манарат Аль-Саадият. Строительство еще двух музеев — Гуггенхайма

Илл. 1. **Лувр Абу-Даби, вид с водяной глади. Архитектор Жан Нувель**
Фото © Roland Halbe. По: https://www.archdaily.com/883157/louvre-abu-dhabi-atelier-jean-nouvel

Абу-Даби (архитектор — прославленный мэтр Фрэнк Гери)[1] и Национального Музея Шейха Зайда (архитектор — еще более прославленный сэр Норман Фостер) планируется завершить к 2022 году.

От государства, построившего самое высокое здание в мире (Башня Бурдж Халифа) нельзя было ожидать меньшего в сфере культуры и искусства. Подчеркивая заявленный статус и оправдывая возложенную на себя роль, Лувр Абу-Даби бьет мировые рекорды музейного строительства по многим параметрам, начиная с размеров: занимая площадь более 24,000 квадратных метров (экспозиционная площадь 8,600 кв. м.), он возглавляет список крупнейших музеев на всем Аравийском полуострове.

Кроме того, арабский Лувр — самый дорогой музей XXI века: расходы на его строительство и открытие оцениваются в сумму около двух миллиардов долларов. За использование торговой марки Лувра, а также за консультации в области музейного дела правительство ОАЭ заплатило Франции 1.3 млн дол. Около 520 млн дол. ушло на право использовать название «Лувр в Абу-Даби» в течение 30 лет, 250 млн дол. — на аренду порядка 300 шедевров из парижской коллекции Лувра на десятилетие. В 250 млн дол. Эмиратам обошлись «специальные выставки» [Rabbat, 2018], которые Парижский Лувр обязался организовывать в Абу-Даби в течение 15 лет с момента открытия. Помимо этого, ОАЭ выделили более 30 млн дол. на реставрацию одной из галерей Лувра в Париже.

Отдельная статья расходов — монументальное здание музея, обошедшееся правительству ОАЭ в 650 млн дол.

1 Музей Гуггенхайма в Абу-Даби планируют открыть в 2022–2023 г. *The Art Newspaper Russia*. URL: http://www.theartnewspaper.ru/posts/6867/ (дата обращения 08.06.2020).

Архитектура

Здание — настолько же неотъемлемый показатель уровня современного музея, как и его коллекция. Архитектурные инновации ведущих культурных учреждений мира задают высокую планку для строящихся в XXI веке музеев: к показательным примерам относятся стеклянная пирамида, построенная архитектором Бэй Юймином (Йо Минг Пей; 貝聿銘; 1917–2019) для Лувра в 1989 г., а также застекленный Большой двор Британского музея, спроектированный Норманом Фостером в 2000-м.

Стремясь приблизиться к уровню Лувра, Британского музея и музея Метрополитен, правительства и частные организации выделяют на строительство огромные бюджеты и обращаются к самым знаменитым архитекторам современности. К возведению Музея Исламского Искусства в Дохе, открывшегося в 2008 г., был привлечен легендарный архитектор Бэй Юймин, которому на тот момент уже было более 90 лет. Для постройки Фонда Луи Вуиттон в Париже (2014) президент компании Бернар Арно привлек лауреата престижнейшей архитектурной Притцкеровской премии Фрэнка Гери (род. в 1929). Оба здания, созданные архитекторами, — выдающиеся образцы музейной архитектуры XX в.

Для возведения Лувра Абу-Даби, имеющего огромное политическое и социально-культурное значение для Арабских Эмиратов, выбор правительства пал на французского архитектора Жана Нувеля (род. в 1945 г.) — признанного

Илл. 2. **Лувр Абу-Даби. Под кружевной крышей.** Фото: © Laurian Ghinitolu
По: https://www.archdaily.com/883202/jean-nouvels-louvre-abu-dhabi-photographed-by-laurian-ghinitoiu

виртуоза работы с естественным светом, который неоднократно работал с ближневосточной тематикой на протяжении своей карьеры.

В 1987 г. Нувель, также лауреат Притцкеровской премии, построил здание Института Арабского Мира (Institut du Monde Arabe) в Париже, в 2008-м — здание Национального Музея Катара, а в 2012 г. — 46-этажную Башню Доха (Doha Tower) в столице Катара. Также ему принадлежит проект музея Исламской Культуры в Нью-Йорке. Среди других знаковых работ архитектора — здание музея искусства коренных народов Африки, Океании, Азии и Америки на набережной Бранли в Париже и здание Парижской Филармонии.

Здание Лувра Абу-Даби, вне всякого сомнения, является кульминацией в развитии арабского направления творчества архитектора. По заказу правительства Арабских Эмиратов для Лувра Абу-Даби Жан Нувель создал проект огромного парящего купола, ставшего визитной карточкой музея и одним из наиболее узнаваемых зданий в регионе (см. Илл. 2). Замысловатая система водных каналов, на создание которой архитектора вдохновила арабская инженерная система falaj (от араб. «канал»), пронизывает пространство музейного комплекса, создавая ощущение оазиса посреди пустыни; множественные слои купола с неравномерной перфорацией напоминают ветви огромного дерева, переплетающиеся над головой у посетителей, закрывая вас от палящего солнца. Отдельные лучи проникают в белоснежный внутренний двор, где располагается экспозиция.

Особенности экспозиции

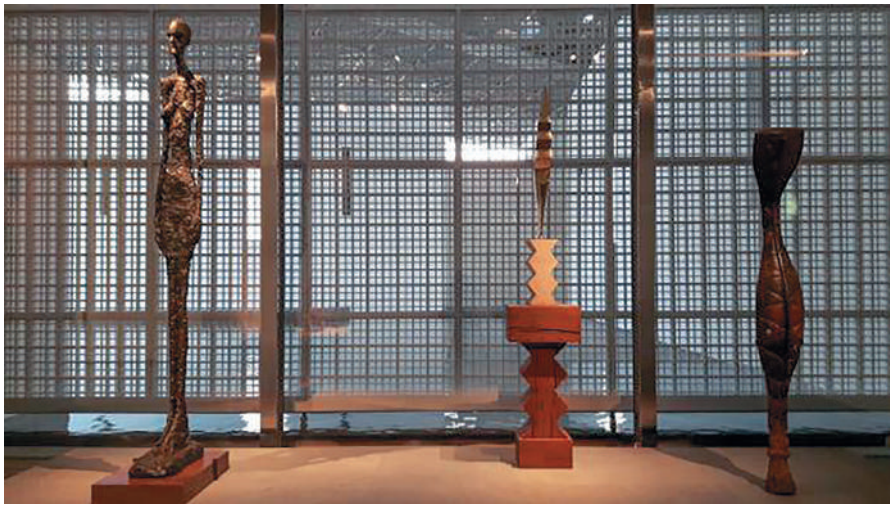
Официальный девиз музея «Увидеть человечество в новом свете» (“See humanity in the new light”) тонко прослеживается во всей экспозиции Лувра Абу-Даби. 600 экспонатов в 12 галереях и 55 комнатах рассказывают историю человечества от «Первых деревень» (“First Villages”) до «Мировой сцены» (“A Global Stage”) в непривычном для зрителя формате — древности из удаленных уголков планеты, классические полотна и работы самых именитых художников современности располагаются в тематическом, а не в привычном хронологическом порядке. В одном зале создатели экспозиции музея объединили объекты из самых разных стран и эпох, показывая незримые связи и параллели, связывающие цивилизации и культуры сквозь века.

Так, в одном из залов музея рядом на подиуме располагается «Шагающий человек» (1961) Альберто Джакометти (1901–1966), «Петух» (1935) Константина Бранкузи (1876–1957) и змеиная маска из Папуа Новой Гвинеи (ок. III в. н.э.) (Илл. 3). На первый взгляд не имеющие ничего общего объекты при более внимательном рассмотрении имеют неуловимые черты сходства, объединяющие кардинально разные эпохи и стили. По такому принципу построена вся экспозиция Лувра Абу-Даби: после ее посещения действительно создается ощущение, что вам удалось взглянуть на цивилизацию с новой, свежей и непредвзятой точки зрения.

В последней галерее музея — «Мировая сцена» — самые разнообразные произведения искусства расставлены по залу без определенной иерархии и порядка, еще раз подчеркивая основную философию экспозиции [Gronlund, 2018].

Несмотря на то что Лувр Абу-Даби не уступает ведущим музеям мира масштабностью проекта и архитектурным замыслом, между ним и другими музейными институциями существует ряд фундаментальных отличий. В то время как в основу Парижского Лувра, Британского музея, музея Метрополитен легли аристократические коллекции и дары богатых покровителей, коллекция арабского Лувра сформировалась лишь в течение последних 10 лет. Произведения искусства, легшие в основу коллекции, были приобретены по заказу правительства Эмиратов через частные галереи, закрытые продажи и аукционы.

Такой метод формирования корпуса арт-объектов наложил на коллекцию Лувра Абу-Даби определенные ограничения; музей мог приобретать лишь те объекты, которые были доступны на рынке искусства на момент фор-



Илл. 3. **Скульптуры Альберто Джакометти, Константина Бранкузи и Змеиная маска из Папуа — Новой Гвинеи в одном выставочном пространстве.** Фото © Anne Chepeau / Radio France
По: https://www.francetvinfo.fr/culture/arts-expos/louvre/avec-le-louvre-d-abu-dhabi-jean-nouvel-signe-une-agora-arabe-ouverte-sur-le-monde_2457454.html

мирования коллекции. Собранные усилиями ведущих экспертов экспонаты отличает отменное качество, однако 300 скульптур и полотен явно недостаточно для наполнения музея такого масштаба.

Именно по этой причине экспозиция Лувра Абу-Даби была дополнена за счет соглашения об аренде с *Agence France-Museums*, консорциумом 12 ведущих музейных учреждений Франции. Среди полотен, переданных музею, — «Бонапарт на перевале Сен-Бернар» Жана Луи Давида, «Прекрасная Ферроньера» Леонардо да Винчи, «Дама у зеркала» Тициана, а также работы таких мастеров, как Пабло Пикассо и Рене Магритт[2].

В сентябре 2018 г. в Лувре Абу-Даби была запланирована выставка «Спасителя Мира» — произведшего фурор изображения Христа, ушедшего с молотка в руки анонимного покупателя на аукционе *Christie's* в ноябре 2017 г. за 450 млн дол. Картина, авторство которой приписывают Леонардо Да Винчи, стала самым дорогим произведением искусства, когда либо проданным на аукционе. По неизвестным причинам выставка отменилась, а в прессе появились публикации о пропаже картины. В настоящее время ее местонахождение неизвестно, а Департамент культуры и туризма Абу-Даби отказывается отвечать на вопросы прессы и публики.

Этические вопросы и будущее музея

Несмотря на то что международное научное сообщество признает важнейшую роль Лувра Абу-Даби в развитии региона и культурного обмена с Европой, самобытность и инновационность подхода в формировании экспозиции, сам музей — как и стратегия ОАЭ в целом — часто подвергаются критике.

Государства Персидского залива и возведенные ими культурные и образовательные учреждения часто обвиняют в культурном заимствовании и слепой имитации западных ценностей. Абу-Даби известен разнообразием филиалов западных компаний: в столице ОАЭ есть кампусы NYU и Сорбонны, американские госпитали

2 Официальный сайт Лувра Абу-Даби. URL: https://www.louvreabudhabi.ae (дата обращения: 12.05.2020).

и европейские продуктовые магазины, поэтому закономерно, что арабский Лувр рассматривают в первую очередь как попытку имитации, а не как самобытный национальный проект.

Другая часть критиков обращается к политике: согласно распространенному мнению, такие монументальные проекты, как Лувр Абу-Даби, не возвеличивают нацию, а лишь подчеркивают глобальный разрыв между правящим классом и 90 % бедного населения. Также существует мнение, что средства на строительство музея были получены за счет продажи оружия, что строительство осуществлялось за счет привлечения рабочей силы иммигрантов, а посещение музея могут себе позволить лишь богатые эмиратцы и туристы.

Хотя приведенные аргументы и небезосновательны, достижения правительства Арабских Эмиратов в сфере культуры и искусства невозможно недооценить — Лувр Абу-Даби является наглядным доказательством того, что даже при отсутствии исторических музейных коллекций молодое государство способно создать культурное учреждение, способное сравниться с ведущими музеями мира. Парижский Лувр подчеркивает[3] стремление Лувра Абу-Даби выстроить собственную коллекцию произведений искусства и, опираясь на “skill-transfer approach”, со временем стать независимым игроком на международной музейной сцене.

Список литературы / References

Gronlund M. *World at Large: The Louvre Abu Dhabi*. New York: Artforum International, 2018. — 203 p.

Rabbat N. *France’s Oriental Dream: The Louvre Abu Dhabi.* New York: Artforum. 2018. — 231 p.

Shaj M. *The Power of the Louvre Abu Dhabi.* New York: The New Republic. 2017. — 302 p.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Официальный сайт Лувра Абу-Даби. URL: https://www.louvreabudhabi.ae (дата обращения: 12.05.2020).

Louvre Abu Dhabi and From One Louvre to Another: Opening a Museum for Everyone. URL: www.louvre.fr/en (дата обращения: 13.05.2020).

Официальный сайт Лувра. URL: https://www.louvre.fr/en/louvre-abu-dhabi (дата обращения: 13.05.2020).

Музей Гуггенхайма в Абу-Даби планируют открыть в 2022–2023 году. The Art Newspaper Russia. URL: http://www.theartnewspaper.ru/posts/6867/ (дата обращения: 08.06.2020).

3 См. официальный сайт парижского Лувра. URL: https://www.louvre.fr/en/louvre-abu-dhabi (дата обращения 26.05.2020).

DOI: 10.18254/S268684310010400-8

Могольский изумруд в европейском ювелирном искусстве

Mughal Emerald in European Jewelry

Ирина Владимировна Пожидаева

магистр истории искусств, координатор выставочных проектов; Еврейский музей и центр толерантности, Москва, Россия
irina.pozhidaeva@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8992-9593

Irina V. Pozhidaeva

Master in Art History, Exhibition projects Coordinator, Exhibition department; Jewish Museum and Tolerance Center, Moscow, Russia; irina.pozhidaeva@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8992-9593

Ювелирные украшения можно считать надежными документами, характеризующими смену эпох, стилей, модных течений и вкусов. В данной статье автор обращается к проблеме бытования восточного драгоценного камня в западной культуре начала XX века. В статье делается попытка ответить на следующие вопросы: как и почему добытый в копях Новой Гранады изумруд попадал ко двору Великих Моголов, какой обработке он там подвергался, кто способствовал его проникновению в Европу и каким образом члены разных сообществ участвовали в формировании истории редкого зеленого минерала и определении его ценности. Также исследуется вопрос о соотношении драгоценного камня и его оправы.

Ключевые слова: могольское искусство, Великие Моголы, ювелирное искусство Востока, ардеко, изумруд, могольский изумруд

Для цитирования: Пожидаева И. В. Могольский изумруд в европейском ювелирном искусстве. *Восточный курьер / Oriental Courier*. № 1–2. С. 203–215. DOI: 10.18254/S268684310010400-8

Jewelry is an accurate document of the change of eras, styles, cultures and tastes. In this article, the author addresses the problem of the existence of an oriental gem in Western culture at the beginning of the 20th century. The article attempts to answer the following questions: How and why the emerald mined in the mines of New Granada got to

the court of the Mughals, what treatment it received there, who contributed to its penetration into Europe and how members of different societies participated in the history of the rare green mineral and the formation his values. The issue of the ratio of the gem and its frame is also being investigated.

Key Words: Mughal art, Great Mughals, oriental jewelry, Art Deco, emerald, Mughal emerald

For citation: Irina V. Pozhidaeva. Mughal Emerald in European Jewelry. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. No. 1–2. 2020. Pp. 203–215. DOI: 10.18254/S268684310010400-8

Илл. 1. **Абу-ль Хасан. Принц Хуррам держит украшение с изумрудом, ок. 1616 г. Музей Виктории и Альберта, Лондон**
По: V&A http://collections.vam.ac.uk/item/O16761/shah-jahan-painting-hasan-abul-nadirul/

Могольский изумруд

Изумруд с древности занимал выдающееся положение на рынке драгоценных камней, особенно на Востоке. Этими зелеными минералами императоры демонстрировали свое богатство, могущество и протекцию Аллаха. Воцарение Могольской династии во главе Индийской империи в 1526 г. знаменует новую эпоху в истории исламской культуры. Среди многих черт, которые Бабур (правление: 1526–1530 гг.), наследник Тамерлана и основатель династии, и его преемники получили от своих предков, была любовь к искусству. Ритуалы и церемониальная часть при дворе в могольской Индии были сформированы из иранской культуры, к которой принадлежали правители, персидский был культурным и административным языком империи (*Илл. 1*). Из Персии же пришла традиция художественной резьбы по драгоценному камню. Украшение именно изумрудов с помощью нанесения глиптики[1] было принято среди могольских ремесленников по нескольким причинам. Во-первых, из-за крупного размера и правильной формы

1 Борис Виппер в книге «Введение в историческое изучение искусства» определяет термин глиптика как «пластическая обработка дорогих каменных пород, горного хрусталя и стекла; не столько даже резьба, сколько шлифовка алмазным порошком различных изображений» [Виппер, 2008, с. 60].

камней. Чаще всего это были шестигранные и восьмигранные пластины. Глиптика также маскировала недостатки изумруда — разные вкрапления в структуре, которые делали камень полупрозрачным и тем самым увеличивали видимость резного узора. Среди мотивов преобладали растительные симметричные композиции. Также в эпоху Великих Моголов считалось, что натуральная сила изумруда могла быть усилена религиозной надписью — цитатой из Корана [Keene, Kaoukji, 2001, p. 60].

Проникнутые религиозным значением и все более и более втянутые в систему обмена дарами, изумруды ушли из мира обычных товаров, чтобы стать изысканными объектами священного искусства [Michell, 2007, p. 97].

Начиная с XVI в. крупные и качественные южноамериканские изумруды поступали к могольскому двору через португальскую колонию Гоа [Flores, Vassallo, 2011, p. 39]. Однако при огромном количестве драгоценных камней в императорских сокровищницах резные изумруды все же представляли редкость — любое уменьшение веса камня (даже вследствие его обработки) не приветствовалось, глиптика наносилась на самые выдающиеся камни в особое время.

В этой статье мы понимаем «могольский изумруд» как добытый в Новой Гранаде (совр. Колумбия) крупный минерал, на который в мастерских при дворе Великих Моголов был нанесен резной орнамент. Лучшие образцы могольских изумрудов датируются XVII в., когда придворные мастера достигли небывалых высот в искусстве обработки твердых драгоценных камней [Untracht, 1997, p. 245]. Интересно, что изумруды оторвались от своего южноамериканского происхождения — в Европе было принято считать, что они пришли с Востока.

Как индийский камень пришел в Европу

Сложно посчитать объем рынка драгоценных камней из Индии в XVII–XVIII вв. Камни легко переносились и прятались, служили простым средством обмена, накопления и инвестиций — именно так огромное количество индийских драгоценностей попало в Европу. Все большее число дипломатов и чиновников Ост-Индской компании вкладывали накопленное в Индии состояние в драгоценные камни и ювелирные украшения. Они могли быть подарены человеку индийским правителем или высокопоставленным лицом, а также представляли собой военные трофеи.

После падения империи в 1858 г. сокровища моголов оказались рассеяны по миру — часть осталась в Индии, часть перешла англичанам, часть в Персию. Так, персидский шах Надир (гг. пр. 1736–1747) преподнес дар в виде индийских драгоценных камней русскому императорскому двору, и в Эрмитаже с XVIII в. хранится одно из лучших собраний могольского ювелирного искусства.

С середины XIX в. значительное количество изделий отсылалось из Индии на крупные международные выставки — они оказали наибольшее влияние на рост интереса публики к индийским драгоценностям [*Индия. Драгоценности, покорившие мир…* 2014, p. 229–334]. Ювелирное искусство впервые стало субъектом серьезных исследований: в 1870 г. важную серию заметок об индийском орнаменте опубликовали в Журнале Индийского искусства. У европейцев также появилась возможность приобрести изделия, в том числе «исторический изумруд», на аукционах [Интервью с С. Строндж, 2017].

В первые десятилетия XX в. между Индией и Западом происходил удивительно плодотворный художественный обмен. Индия сильно повлияла на европейский дизайн ювелирных украшений, а европейское влияние привело к тому, что некоторые индийские аристократы начали отказываться от многовековых традиций индийского ювелирного искусства [*Индия. Драгоценности, покорившие мир…* 2014, с. 247]. Это было время встречи Востока с Западом, давшее мощный импульс ювелирному ар деко. Индийские принцы посещали Европу, были вдохновлены западной культурой и приготовились обновить

свои коллекции ювелирных изделий у европейских мастеров. Заказанные махараджами драгоценности сохранили восточный колорит и при этом хорошо смотрелись как с европейским костюмом, так и с парадным сари или тюрбаном. Европейцев же Индия покоряла своей эксцентричностью и экзотической красотой [Stronge, 1986, p. 311].

Не остались в стороне и российские ювелиры: на рубеже веков ювелирное искусство России развивалось целиком в контексте западноевропейских художественных традиций, появились дизайнеры в современном понимании этого слова. Развитие ювелирного дела поддерживалось реформами правительства, а изменившееся отношение потребителей привело к оценке творчества ювелиров с художественных позиций [*Интервью с У. Тилландер-Гуденйелм*, 2017].

Катализатором, создавшим из многочисленных разрозненных вспышек интереса к индийской культуре повсеместную романтизированную моду на ориентализм, стало прибытие «Русских балетов» Сергея Дягилева в Париж в 1910 г. Первую коллекцию украшений по мотивам «Шехерезады» уже в ноябре 1910 г. создал Роберт Линцелер по дизайну Поля Ириба. В одиннадцати разных изделиях он воплотил эстетику и декоративные мотивы мира восточной сказки [Nadelhoffer, 1984, p. 144].

Например, в броши, представленной на *Илл. 2*, ювелир использовал изумруд с двусторонней зеркальной глиптикой с мотивами цветов и изогнутых листьев, а также бриллианты, сапфиры, жемчужины, платину. Впервые в предмете высокого художественного статуса де люкс официально декларировалось нетрадиционное сочетание чистых цветов — синего и зеленого, изумруда и сапфира [Stronge, Ferrari, Whalley, p. 110]. Брошь представляет собой шестигранный камень, от трех верхних граней расходятся бриллиантовые, сапфировые и жемчужные лучи. На данный момент брошь хранится в коллекции Аль Тани.

В 1906 г. Жак Картье (1884–1942) занял пост директора лондонского отделения ювелирной фирмы, что открывало ему двери к самой щедрой британской территории — Индии, которая была источником драгоценных материалов, вдохновения в дизайне и огромного потенциального рынка. В 1911-м г. 26-летний Картье отправился туда сам — его личные контакты и связи с влиятельными правителями стали главным результатом поездки. Жак привез с собой ювелирные украшения для женщин, но вскоре понял, что огромный потенциал этого рынка заключается в ювелирных изделиях для мужчин — принцы покупали в основном для себя, оставаясь ключевыми меценатами европейских ювелиров и домов высокой моды [Rudoe, 1997, p. 127].

В 1910-е гг. становятся все более заметными изделия чистых геометрических форм, украшения с неканоническими по тем временам

Илл. 2. **Эгрет / брошь дизайнера Поля Ирибе и ювелира Роберта Линцелера, 1910 г.** Могольский изумруд конца XVI в., бриллианты, сапфиры, жемчуг, платина. 9x5,6 см. Коллекция Аль Тани. Credit: Servette Overseas Limited 2014. Photo: © Prudence Cuming Associates Ltd

цветовыми сочетаниями, в частности, зеленого и синего, а также произведения, обладающие необычным дизайном и нетрадиционным подбором камней. Первая же половина 1930-х гг. стала временем «белых украшений» из платины и бриллиантов, причем драгоценных камней в них было больше, чем в изделиях предыдущего десятилетия [Краснокутская, 2013. с. 80]. Это связано с важной функцией ювелирного изделия того времени — инвестиционной. В годы тяжелого экономического кризиса оно, несмотря на малый размер, стало одним из самых надежных капиталовложений.

Вкус к привезенным из Индии украшениями достиг пика в 1934–1936 гг. [*Индия. Драгоценности, покорившие мир…* 2014, с. 245]. В это время повального увлечения индийскими драгоценными резными камнями было создано множество объектов с могольским изумрудом. Заказы один за одним получали не только Картье, но и Бушерон, Шоме, Ван Клиф & Арпельс, Мобуссен и др.

Итак, индийский стиль в работе европейских ювелиров первой половины XX в. проявлял себя в следующих четырех важных аспектах:

1) заказы от индийских клиентов влияли на дизайн других украшений;

2) ювелиры использовали изумруды с глиптикой, импортированные из Индии;

3) они выкупали индийские ювелирные изделия (старинные и современные) и перепродавали их без изменений;

4) европейские ювелиры активно создавали моду на ювелирные изделия в индийском стиле среди неиндийских клиентов. В этом были задействованы буквально все виды искусства, от литературы до балета, и выставочный сектор.

В процессе делового и творческого сотрудничества взгляды мэтров ювелирной индустрии Европы и индийской аристократии взаимно обогащались, а подчинение восточной пышности геометрическим формам ар деко привело к созданию самых впечатляющих произведений ювелирного искусства XX в. [Possémé, 2009, p. 113].

Ювелирные изделия с могольским изумрудом

В XVIII в. появляется разделение на повседневные и вечерние украшения, и изделия с могольским изумрудом в силу своей ценности и обрамления всегда относится к последним. Художественная ценность ювелирного произведения определяется не только заложенной в нем идеей и оригинальностью ее интерпретации автором, но и технологическим совершенством обработки. Имея дело с дорогим, исторически ценным камнем, перед ювелиром встает непростая задача — предельно раскрыть и подчеркнуть красоту камня [Possémé, 2009, p. 21].

Такие предметы практического назначения, как коробочки, таблетницы, шкатулки, несессе-

Илл. 3. **Шкатулка Фаберже. Конец XIX в.** 3x2,6x3,1 см. Музей Исламского искусства, Доха, Катар. Фото: © музей Исламского искусства

ры и различные футляры особенно интересны для исследователя ювелирного искусства. Декоративность утилитарных предметов — это показатель роскоши. Только самые богатые и требовательные заказчики могли позволить себе подобное изделие с камнем, принадлежащим древней цивилизации [*Интервью с У. Тилландер-Гуденйелм*, 2017].

Аукционы, на которых фигурируют лоты с индийскими камнями, проходят ежегодно. На один из них хочется обратить особое внимание. В 1998 г. на аукционе Филлипс в Женеве из коллекции частного клиента была выставлена на продажу миниатюрная эмалированная шкатулка с крышкой из могольского изумруда, подписанная одним из ведущих мастеров Фаберже Михаилом Евлампиевичем Перхиным. Он принял участие в развитии области изделий практического назначения и создал множество новаторских произведений, среди которых были папиросницы, шкатулки, звонки, рамки и др. [*Интервью с К. МакКарти*, 2017]. На данный момент изделие хранится в Музее исламского искусства в Дохе, Катар.

В этой статье шкатулка исследуется в первый раз, также впервые происходит включение Фаберже, наряду с Картье и другими фирмами, в контекст европейского ювелирного искусства конца XIX – первой половины XX в., использующих в своих работах могольский изумруд. Изобилие различных стилей, влиявших на искусство российской столицы, стало характерной чертой последних двух десятилетий XIX в.: это было время соперничества, в ходе которого один стиль быстро вытеснялся другим. Мастера и члены семьи Фаберже черпали вдохновение в эпохе Возрождения, в искусстве Китая, Японии, Арабского Востока, Персии, Индии [Snowman, Kenneth, 1993, p. 49].

Коробочка Фаберже (*Илл. 3*) датируется XIX в. и делится на два отдела. Нижний — корпус, выполненный в технике гильошированной эмали, датируется концом XIX в. Верхний отдел, крышечка — это резной восьмигранный изумруд с тонкой цветочной резьбой. Качество глиптики изумруда дает основания отнести его к XVIII в., концу династии Великих Моголов. 72 бриллианта окружают центральный изумруд, также бриллианты вписаны в геометрический рисунок корпуса, в качестве металла закрепки используется золото. Ножки сделаны из четырех жемчужин. Улла Тилландер-Гуденйелм отмечает, что форма коробочки была определена формой камня, и что ножки из жемчужин не свойственны мастеру Перхину и в целом стилистике дома [*Интервью с У. Тилландер-Гуденйелм*, 2017].

Считается, что это единственный известный случай использования изумруда Фаберже, хотя путей попадания камня в Российскую Империю было достаточно. Во-первых, вследствие дипломатических отношений, как подарок. Во-вторых, как заказ восточной элиты. В-третьих, Карл Фаберже мог взять камень из своей коллекции и создать изделие для свободной продажи.

Своими размером и формой могольские изумруды определяли тип изделий, в которые они были помещены, и крупные броши, отлично сочетающееся с вечерними платьями, стремительно набирали популярность.

В 1920 г. фирма Картье создает брошь с сапфирами. Большой восьмиугольный изумруд украшен глиптикой в виде цветущего лотоса и четырьмя листовыми стеблями, простирающимися в разных направлениях. Хотя естественная форма могольских изумрудов — шестиугольник, камень был заново огранен Картье в процессе превращения его в брошь (*Илл. 4. 1)*. Первоначально в Индии камень скорее всего был центральным элементом базубанда (традиционного индийского браслета, носившегося на плече). По краям восьмиугольника квадратные сапфиры-кабошоны чередуются с изумрудными арками, под которыми расположен трилистник из трех круглых сапфиров-кабошонов. Края изумрудной «арки» заканчиваются изумрудными волютами, перехваченными с каждой стороны двумя сапфирами. Брошь, возможно, была сделана для одного из американских клиентов Картье. В 2015г. Шейха Амна бинт Мохаммед Аль

Илл. 4. 1. **Брошь Картье, 1920.** Могольский изумруд XVII – нач. XVIII в., сапфиры, платина. 5x5,5 см. Метрополитен музей. По: Metmuseum http://www.metmuseum.org/art/online-features/metcollects/brooch-with-carved-emeralds-and-sapphires

Илл. 4. 2. **Брошь на плечо Картье для Марджори Мерривезер-Пост, 1923.** Могольский изумруд нач. XVII в., изумруд, бриллианты, платина, эмаль. 15,3x3, 3x7 см. Музей Хиллвуд, Вашингтон, США. По: hillwoodmuseum.org/collection/item17.75

Илл. 4. 3. **Брошь Картье, 1924.** Могольский изумруд конца XVII в., изумруды, платина, бриллианты. 11x4 см. Коллекция Картье. Фото © Hans Nadelhoffer

Илл. 4. 4. **Брошь Картье, 1925.** Изумруды, бриллианты, платина, эмаль. Изменена в 1927 г. 6,7x4,4 см. Коллекция Аль Тани. Credit © Servette Overseas Limited 2014. Photograph: Prudence Cuming Associates Ltd

Илл. 4. 5. **Клипса-брошь Картье, 1935.** Могольский изумруд XVII в., платина, бриллианты. 4,8x2,6 см. Британский музей, Лондон. По: https://www.britishmuseum.org/collection/object/H_2001-0505-6

Илл. 4. 6. **Брошь Картье, 1947.** Изумруды, жемчуг, бриллианты 3,7x3,2x3,8 см. Собственность семьи Блэр. По: https://www.christies.com/lotfinder/jewelry/an-emerald-pearl-and-diamond-flower-brooch-6049421-details.aspx

Тани подарила это украшение музею Метрополитен в Нью Йорке [Haidar, Stewart, 2015, p.29].

Брошь на плечо (*Илл. 4. 2*) с использованием семи разных изумрудов считается одним из лучших творений Картье в индоевропейском стиле [Nadelhoffer, 1984, p. 230]. Марджори Мерривезер Пост (1887–1973), единственная наследница зерновой империи Пост, филантроп и коллекционер произведений искусства, приобрела эту брошь вместе с подвеской, изготовленной лондонским отделением Картье, в 1928 г. Резной изумруд датируется началом XVII в.: на его краю есть выгравированная фраза «служащий Шаха Аббаса». Плечевая брошь была разработана для украшения легких струящихся платьев 1920 гг., ткань которых не могла выдержать тяжелое украшение. Дизайн этой броши с центральным круглым камнем и двумя меньшими боковыми элементами напоминает основную часть индийского базубанда. Грушевидные бриллианты, примыкающие к центральному изумруду, закреплены в технике кундан[2] как дань традиционным индийским украшениям. Изумруды установлены в платину, которая как подчеркивает важность камней из-за иллюзии отсутствия металла.

Идеальное украшение 1920-х гг. должно было подходить к конкретному наряду и быть изготовлено либо по специальному заказу определенной женщины, либо подобрано в точном соответствии с ее вкусами, образом жизни и внешними данными. Рыночная стоимость и качество работы лишь дополняли художественную ценность изделия. Именитые ювелирные дома и художники-ювелиры отказались от массовых, повторяющихся орнаментов [Cartlidge, 1985, p. 159].

Так, другая брошь Картье 1924 г. (*Илл. 4. 3*) имеет необычную конструкцию, вероятнее всего позаимствованную у индийских брошей XIX в. — в них неподвижная булавка выходит из незамкнутого круга [Rudoe, 1997, p. 317]. Огранка могольского изумруда также нестандартна — ювелиры вырезали эту форму специально. Изумруд крепится крапанами к платиновому постаменту с бриллиантами закрепки паве[3]. В его основе закреплен небольшой резной изумруд с вырезанным цветком, от него в разные стороны расходятся кривые, в конце которых также закреплен изумруд огранки «принцесса».

Картье, безусловно, был новатором в технической области, он не боялся кардинально менять форму изумруда и, тем самым, уменьшать его вес и стоимость. Его брошь 1925 г. (*Илл. 4. 4*) с использованием изумрудов разной огранки, бриллиантов огранки «багет» и черной эмали можно назвать экспериментом ювелира, игрой форм, цвета и фактуры. Центральный элемент — шестиугольный могольский изумруд с симметричным узором. В середине, по сути, закрывая его половину, закреплен с помощью черной эмали резной круглый изумруд, окруженный овальными изумрудами-кабошонами. По нижнему и верхнему краям в канальной закрепке бриллианты-багеты, по боковым — изумрудные бусины кабошон, закрепленные на пины, и между ними находятся бриллианты огранки «принцесса». Геометрическое многообразие завершают четыре платиновых квадрата с круглыми бриллиантами внутри. Брошь, наряду с колье Береника, входила в комплект, созданный для выставки 1925 г. Двумя годами позднее дизайнеры Картье внесли в нее незначительные изменения [Краснокутская, 2013, с. 89].

К числу серьезных изобретений 1920-х гг. относится новый тип украшения — брошь-клипса, которая благодаря системе крепления могла украсить любую часть туалета. Брошь Картье с зажимом 1935 г. выполнена из платины, центральный

2 Техника, при которой сверхочищенное золото плющится в узкие полоски фольги так, что при комнатной температуре оно становится липким и может применяться на любой жесткой поверхности. Отсутствие необходимости использовать пайку дает мастеру почти полную художественную свободу.

3 В закрепке паве камни крепятся на общее основание вплотную. После установки множество камней они выглядят как единый массив; металлическая основа украшения скрывается под камнями, а ее поверхность может быть как ровной, так и изогнутой, иметь различные размеры и очертания.

могольский изумруд с двусторонней глиптикой обрамлен бриллиантами круглой и багетной огранки, вместе образующими цветок лотоса (*Илл. 4. 5*). На лицевой стороне драгоценного камня выполнен декор в виде двойной многолепестковой розетки, а на оборотной стороне вырезан трилистник в окружении листвы. Геометрическая природа цветка на передней стороне камня позволяет заключить, что изумруд, вероятно, был вырезан в конце династии Великих Моголов. У него нет шевронного рисунка по граням, обычно встречающегося на ранних камнях моголов, однако это может также означать, что в XX в. его форма и размер были немного изменены. С двух сторон в типичной могольской манере просверлены отверстия для подвески. На оборотной стороне броши находится двойной вертикальный штырь, так что ее можно закрепить в любом месте костюма или даже в шляпе. Украшение хранится в Британском музее.

Платиновая брошь 1947 г. выполнена в форме цветка, могольский изумруд является его центральным элементом, а в качестве «лепестков» выступают бриллианты круглой огранки и жемчужины в канальной закрепке, из них же сделан стебель цветка. Стоит отметить бриллианты огранки «багет» в листиках платинового цветка. Натуралистическая конструкция оправы, как и в предыдущем изделии, обыгрывает флористическую глиптику и является удачной находкой Картье (*Илл. 4. 6*).

Броши с могольским изумрудом формируют довольно крупную группу во всем массиве брошей ар деко. Своим ярким цветом, формой, геометрическим узором камень настолько вписался в стилистику ар деко, что происхождение изумруда отходит на второй план. В то же время он представляет собой уникальное явление — это маленькое и дорогое произведение искусства с долгой историей, которое можно превратить в личное украшение.

В стремлении отказаться от форм предыдущих десятилетий художники периода ар деко предлагали ювелирные изделия, поражавшие смелостью дизайна и яркостью цветовых решений. Традиционные индийские украшения для тюрбанов, часто имевшие шелковую кисточку, европейцы стали воспроизводить в сотуарах, а в типичные для Индии ожерелья из трех видов камней (сапфиров, изумрудов, рубинов) они добавили плашки из платины и бриллиантов [Краснокутская, 2013, с. 120]. Шелковые кисточки превратились в набранные из жемчуга, бусин коралла и других камней кисточки на сотуарах (см. *Илл. 5. 4.* Сотуар Картье, 1925), опускающиеся ниже уровня талии. Удлиненные силуэты пользовались популярностью, такой тип украшений акцентировал внимание на крое платья и декольте, а также благодаря форме и длине визуально вытягивал фигуру. Существовало несколько способов носить сотуар: на груди, на спине или обернув несколько раз вокруг шеи.

В 1924 г. барон Юджин Даниэль Ротшильд (1884–1976) заказал у Картье колье. Кулон состоит из трех важных могольских камней с цветочной глиптикой: шестиугольный изумруд, сапфир овальной огранки и грушевидный изумруд, отделенные друг от друга круглой бусиной, выложенной бриллиантами с закрепкой паве. Самый крупный изумруд обрамлен лазуритом, его удерживают две пары крапанов с бриллиантами и сапфирами. Нить состоит из 41 сапфира и 80 бусин из лазурита и бриллиантовых ронделей[4] (*Илл. 5. 2*). Одна нить при помощи бусин-ронделей переходит в кулон, а конец второй выполнен в форме петли с бриллиантами в канальной закрепке. В украшении сочетаются элементы индийских и персидских декоративных традиций. Созданный главным дизайнером Картье Шарлем Жакко (1865–1930), лидером смелой эстетики ар деко, этот драгоценный камень прекрасно сочетает в себе восточные и западные мотивы, модернизируя сине-зеленое сочетание. Длина ожерелья (79 см) идеально подходила к платьям 1920-х гг. Скорее всего его носили,

4 Рондель — небольшая декоративная бусина из металла или стекла, овальная или цилиндрическая по форме, слегка приплюснутая у оснований. Чаще всего предназначенная для разделения основных бусин в украшении.

Илл. 5. 1. **Колье Картье, 1925.** Могольские изумруды XVII в., сапфиры, изумруды, бриллианты, платина. 42x4,4x3,8. Коллекция Сигельсон. Фото: © Siegelson, New York

Илл. 5. 2. **Колье Картье, 1924.** Могольский изумруд XVIII века, изумруд, сапфир, платина, лапис-лазурь, бриллианты. 79x2x4 см. Коллекция Ага Хана. По: http://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2015/magnificent-jewels-n09331/lot.364.html

Илл. 5. 3. **Колье Картье, 1927.** Могольский изумруд XVI в., изумруды, сапфиры, бриллианты, платина. 75,05x4,4 см. Коллекция Ага-Хана. По: Nadelhoffer H. Cartier: Jewelers extraordinary. New York, 1984. P. 142

Илл. 5. 4. **Сотуар Картье, 1925.** Могольский изумруд XVII в., жемчуг, бриллианты, платина. 75,05x4,4см. Коллекция Картье. По: Nadelhoffer H. Cartier: Jewelers extraordinary. New York, 1984. P. 141

обернув несколько раз вокруг шеи. Подвеска была продана на аукционе Сотбис за рекордные $2 590 000.

В 1925 г. по заказу Лиллиан Тимкен (жена крупного промышленника Уильяма Тимкена, с которым они собрали крупную коллекцию европейского искусства; 1881–1959) ювелиры Картье включили в колье три редких изумруда с двусторонней глиптикой (*Илл. 5. 1*). Нить колье составлена из бусин сапфиров-кабошонов овальной и барочной формы, чередующихся с рифлеными изумрудами и помещенными между ними небольшими плоскими с двух сторон бусинами-ронделями, выложенными бриллиантами. Концы нити выполнены в виде двух вытянутых петель, украшенных бриллиантами, которые крепятся к центральной подвеске, состоящей из трех крупных украшенных резьбой изумрудов и одного сапфира. Верхний изумруд в подвеске имеет треугольную округлую форму и весит 29,21 каратов. Центральный изумруд листовидной формы весом 30,27 каратов отделен

Илл. 6. **Браслет Картье, 1930-е гг.**
Могольский изумруд XVI в. сапфиры, изумруды, бриллианты, оникс, платина. 20х5 см. Коллекция Ага-Хана.
По: Nadelhoffer H. Cartier: Jewelers Extraordinary. New York, 1984. P. 150

от верхнего камня круглой бусиной, выложенной бриллиантами с закрепкой паве. Самый крупный нижний шестиугольный изумруд весом 71,91 каратов, отделенный круглой сапфировой бусиной от центрального камня, закреплен в аналогичной бриллиантовой оправе, охватывающей его по всему периметру. Помимо крупных драгоценных камней подвеску украшают 18 сапфировых и изумрудных бусин, 34 сапфира с дополнительными гранями и 652 бриллианта [*Индия. Драгоценности, покорившие мир…* 2014, с. 125]. Примеры аналогичных по стилю колье и сотуаров см. на *Илл. 5. 3; 5. 4.*

Графичность, присущая искусству ислама, характерная для него стилизация натуралистических мотивов, комбинации основных цветов полностью отвечали художественным идеалам ар деко, однако в дизайне шейных украшений ювелиры заимствовали только те элементы индийской культуры, которые потенциально были способны вписаться в европейскую традицию.

Широкие гибкие браслеты были очень модным украшением в первой половине XX в. Обычно они состояли из узких пластин, звеньев геометрической формы или рядов камней контрастных цветов.

В 1930-е гг. в парижском отделении Картье для султана Мухаммад-шах Ага-Хана III создается браслет в стилистике тутти-фрутти. Стоит заметить, что глава парижского филиала фирмы Картье Луи Картье (1875–1942) одним из первых стал производить украшения с вырезанными из рубинов, сапфиров, изумрудов фруктами и цветами, положив начало так называемому стилю тутти-фрутти, одному из немногих фигуративных направлений в ювелирном искусстве ар деко. Для огранки драгоценных камней он нанимал исключительно индийцев [*Интервью с Д. Уорреном*, 2017].

В центре браслета могольский изумруд с выгравированным священным текстом из Корана. Могольский изумруд нестандартной прямоугольной формы весом в 76 каратов с двух сторон крепится парой стреловидных крапанов с бриллиантами, между которыми вставлено три сапфира-кабошона.

В области ювелирных металлов, начиная с 1900-х гг., ведущую роль играла платина. В отличие от серебра она не подвержена окислению, а ее высокая прочность позволяет использовать для оправы камня меньше металла. Из платины стали производить тонкую, но очень прочную проволоку. На примере браслета (*Илл. 6*) наглядно видно преимущество платины, с помощью которой драгоценный камень закреплялся на металле так, что невооруженным глазом было практически невозможно увидеть место соединения [Cartlidge, 1985, p. 187].

Заключение

История ювелирного искусства, насчитывающая более семи тысяч лет, отражает последовательную реакцию поколений мастеров на

проблему преобразования редких и ценных материалов в изделия, отражающие господствующий в то или иное время стиль.

Перед европейскими ювелирами XX в., получившими появился доступ к историческим драгоценным камням, стояла непростая задача: выразить красоту древних образов современным языком, придать восточной эстетике современное звучание, не утратив уникальности. Мастера прошли путь от подражания и копирования индийских образцов до адаптации их под западные формы [*Индия. Драгоценности, покорившие мир…* 2014, с. 243].

Начиная с 1910-х гг. происходит непрерывная стилевая эволюция ювелирного искусства, подготовившая почву для появления в 20-х гг. нового стиля — ар деко, соединившего в себе и экзотизм неевропейских культур, и строгую геометричность классического искусства, и природные формы, и яркие краски. Безусловно, общая информационная среда — мировые выставки, публикации путешественников, развитие путешествий, синтетический образ Востока в Русских балетах — способствовал знакомству европейцев с очаровавшими их экзотическими странами.

В рассмотренных украшениях с могольским изумрудом передана тонкая гармония этнической достоверности (того, что называлось тогда «варварским») и удивительная рафинированность европейского мышления. Любопытно, что нередко коллекционеры из восточных стран воспринимают эти изделия как эволюцию индийской ювелирной традиции, в то время как западные теоретики ювелирного искусства относят их к ветви европейской. Могольский изумруд превратился в «изумруд ар деко». Можно отметить достаточно многообразный характер стилистики произведений с ним — шкатулка, подвески, серьги, броши, часы, но явно преобладание брошей, которые, будучи на пике моды, представляют собой наиболее удачный вариант демонстрации дорогого камня. Форма камня во многом определяет тип конструкции, могольский изумруд везде является центральным элементом, под который подстраивается оправа, по ценности соответствующая ему. Обнаруживаются и сходные с традиционными могольскими способы закрепки камней.

Рядом с изумрудом неизменно присутствуют бриллианты в разной огранке — контрастное сочетание бриллиантов и изумрудов является классическим образцом эстетики нового стиля. В индийской традиции золото всегда занимало позицию выше любого другого, оно было символом не только достатка и силы, но редкости и ценности [Stronge, 2001, p. 70]. Несмотря на это в 1910–1930 гг., европейские элиты лишили золото звания любимого металла Востока: его место заняла платина. Платиновая оправа обеспечила принадлежность изделия к европейской эстетике. При этом уникальность и «историчность» могольского изумруда остается важным фактором формирования ценности изделия [*Интервью с Д. Уорреном*, 2017].

Драгоценному изумруду отведено особое место в ювелирном искусстве Европы первой половины XX в.— его использование наиболее ярко демонстрирует точку пересечения индийского влияния и стиля ар деко. Ювелиры до сих пор продолжают создавать изделия с могольским изумрудом, камнем с многовековой историей: добытым в шахтах Южной Америки, обработанным в Индии и нашедшим общемировое признание и собственную нишу в европейском ювелирном искусстве.

Список литературы/ References

Виппер Б. Р. *Введение в историческое изучение искусства*. 3 изд. М.: Издательство В. Шевчук, 2008. — 368 с. [Vipper B. R. *Introduction to Art History Studies*. 3rd ed. Moscow: V. Shevchuk, 2008. — 368 p. (in Russian)].

Индия. Драгоценности, покорившие мир. Балакришнан У., Вечерина О., Пешехонова Л., Скарисбрик Д. Щербина Е. (Сост.), О. Вечерина (Ред.). М.: Индийско-российский ювелирный фонд, 2014. — 428 с. [*India. Jewels that Conquered the World*. U. Balakrishnan,

O. Vecherina, L. Peshekhonova, L. Skarisbrik. E. Scherbina (Comp.), O. Vecherina (Ed.). Moscow, Indian-Russian Jewelry Fund, 2014. — 428 p. (in Russian)].

Краснокутская М. А. Ювелирные украшения ар деко во Франции. Контекст, специфика, мастера. М.: Буки Веди, 2014. — 120 с. [Krasnokutskaya M. A. *Jewelry of the Art Deco Epoch in France. Context, Specifics, Artists*. Moscow: Buki Vedi, 2014. — 120 p. (in Russian)].

Стародуб Т. Х. Исламский мир. Художественная культура VII–XVII веков. М.: Восточная литература, 2010. — 254 с. [Starodub T. H. *Islamic World. Artistic Culture of the 7th–17th Centuries*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. — 254 c. (in Russian)].

Cartlidge B. *Twentieth-Century Jewelry. New York*: Harry N. Abrams, 1985. — 238 p.

Flores J., Vassallo e Silva N. *Goa and the Great Mughal*. New York: Scala, 2011. — 240 p.

Haidar N., Stewart C. A. *Treasures from India. Jewels from Al Thani Collection*. New York: The Metropolitan Art Museum, 2015. — 144 p.

Keene M., Kaoukji S. *Treasury of the World; Jeweled Arts of India in the Age of the Mughals.* London: Thames & Hudson in association with the al-Sabah Collection, 2001. — 160 p.

Michell G. *The Majesty of Mughal Decoration: The Art and Architecture of Islamic India*. London: Thames & Hudson, 2007. — 288 p.

Nadelhoffer H. *Cartier: Jewelers extraordinary*. New York: Harry N. Abrams, Inc publishers, 1984. — 312 p.

Possémé E. Art Deco Jewelry. Modernist Masterworks and their Makers. – London: Thames & Hudson, 2009. — 256 p.

Rudoe J., *Cartier 1900–1939*. – Harry N. Abrams, New York, 1997. – 344 p.

Snowman A. K. *Fabergé, Lost and Found: The Recently Discovered Jewelry Designs from the St. Petersburg Archives*. London: Thames & Hudson, 1993. — 176 p.

Stronge S. Cartier and the East. *Jewelry Studies*. 2001. No. 9. Pp. 65–77.

Stronge S. Jewels for the Mughal Court. *The Victoria&Albert Album* – 1986. No. 5. Pp. 308–317.

Stronge S., Ferrari A., Whalley J. *Bejewelled Treasures: The Al-Thani Collection*. London: Victoria and Albert museum, 2015. — 176 p.

Untracht O. *Traditional Jewelry of India.* New York: Harry N. Abrams, 1997. — 430 p.

Интервью

Интервью с Уллой Тилландер-Гуденйелм, потомственным специалистом по Фаберже, автором ряда книг, посвященных его творчеству, членом экспертного совета Музея Фаберже. Дата проведения интервью 07.03.2017. *Личный архив автора*.

Интервью с Сьюзан Стронджс, куратором отдела юго-восточной Индии музея Виктории и Альберта, автором монографий и статей по могольскому ювелирному искусству. Дата проведения интервью 09.03.2017. *Личный архив автора*.

Интервью с Дэвидом Уорреном, ведущим специалистом аукционного дома Christie's. Дата проведения интервью 10.03.2017. *Личный архив автора*.

Интервью с Кираном МакКарти, директором королевского ювелирного дома и антикварного магазина Вартски, специалист по Фаберже. Дата проведения интервью 11.04.2017. Личный архив автора.

DOI: 10.18254/S268684310010401-9

Путешествие в Сибсагар: три столицы Ахомского царства[1]

En Route to Sibsagar: The Three Capitals of the Ahom Kingdom

Александр Александрович Столяров

кандидат исторических наук, доцент РГГУ, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; astol@gattamelata.com
ORCID ID: 0000-0001-9790-0256

Alexander A. Stolyarov

PhD (History), Associate Professor, RSUH, Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; astol@gattamelata.com
ORCID ID: 0000-0001-9790-0256

Продолжение статьи [Столяров, Газиева, 2019], опубликованной в предыдущем «ВК», рассказывает о путешествии в Сибсагар и посещении исторических мест, в которых в разное время располагались столицы Ахомского царства: это самая древняя столица Чарайдео, от которой до настоящего времени дошли только курганы, более поздний центр Гархгаон с дворцом Каренг-гхар, и последняя — Рангпур с многочисленными памятниками XVII–XVIII вв., включая дворцы, дворцовые павильоны и храмы, такие как Талатал-гхар, Ранг-гхар, Джагадхатридоул и другие.

Ключевые слова: Ассам, Ахомское царство, Ахомская династия, Сибсагар, майдамы Чарайдео, Гархгаон, Каренг-гхар, Рангпур, Талатал–гхар, Ранг–гхар

Для цитирования: Столяров А. А. Путешествие в Сибсагар: три столицы Ахомского царства. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 216–242. DOI: 10.18254/S268684310010401-9

The article (see the first installment in [Stolyarov, Gazieva, 2019]) describes a travel to Sivasagar and its environments including visits to historical places in which some of the capitals of Ahom kingdom

1 Продолжение. Начало см. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2019. № 1–2. С. 186–191.

were established in different periods of Ahom history. Among these capitals Charaideo *maidams* is the earliest, then Garhgaon is described with Kareng-ghar palace, and also Rangpur which is the latest one with many monuments of the 17th and 18th centuries including palaces, temples, and ponds like Talatal-ghar, Rang-ghar, Jagadhatri-doul, etc.

Key words: Assam, Ahom kingdom, Ahom dynasty, Sivasagar, Charaideo maidams, Garhgaon, Kareng-ghar, Rangpur, Talatal-ghar, Rang-ghar

For citation: Alexander A. Stolyarov. En Route to Sibsagar: the Three Capitals of the Ahom Kingdom. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 216–242. DOI: 10.18254/S268684310010401-9

Итак, авторы добрались до Сибсагара и остановились в небольшой и вполне чистой гостинице без особых изысков. Комнаты без окон (вернее, без окон на улицу). Теоретически окно в комнате есть, но оно выходит в коридор типа галереи, а уж из окон галереи видна улица и ровно напротив — куча мусора. Подумалось, что, судя по величине кучи, не убирали его неделю. Все оказалось сложнее: когда мы вышли на улицу, кучи уже не было, но на следующее утро она волшебный образом возвратилась на место.

Сибсагар, небольшой городок и центр аграрного дистрикта, расположен на северо-востоке штата Ассам вверх по течению Брахмапутры, примерно в пятнадцати километрах к юго-востоку от нее. Согласно переписи 2011 г., на тот период в городе проживало чуть более 51 тысячи человек.

В самом названии города *Сибсагар* нетрудно угадать санскритское *Шивсагар* или *Шивасагар*, что значит «Океан Шивы». Скажем несколько слов об особенностях ассамского произношения. Современные ассамцы используют для письма бенгальский шрифт, добавив в него три «ассамские» буквы для обозначения двух согласных *ро* и *во* и сочетания *кхьо*. Как и бенгальцы, они окают и, кроме того, не видят разницы между *б* и *в*, а также между некоторыми шипящими согласными. Так, вместо *в* они предпочитают произносить *б*, а буквы *с*, *ш* и *х* произносят, чаще всего, как *с*. Поэтому на обложках местных путеводителей красуется слово «**Сивасагар**», а в качестве одного из вариантов происхождения слова «Ассам» предлагается слово «**Ахом**» — по названию династии, правившей здесь на протяжении шести столетий (с начала XIII по начало XIX в.).

Рангпур — ассамская столица новейшего периода

Миновав демонстрацию, речь о которой пойдет в следующих главах этого рассказа, мы добрались до ожидавшей нас машины с гидом, одним из немногих сертифицированных гидов Сибсагара по имени Манош Калита (Shri Manash Kalita). Когда друзья познакомили нас с Маношем, мы сказали ему о желании посетить исторические памятники времен Ахомских царей, и гид повез нас в южный пригород Сибсагара — Рангпур, где в XVIII в. находилась столица Ахомского царства и располагался самый большой из ахомских архитектурных памятников — **Талатал-гхар**, или **Рангпурский дворец** (Общую карту путешествия см. на *Рис. 1*). Санскритское слово *талатал* значит «один из разделов ада», а распространенное во многих новоиндийских языках слово *гхар* восходит к санскритскому *гриха* и означает «дом, жилище». Надпись на щите, установленном перед воротами, открывавшими вход на территорию дворца, сообщала, что Талатал-гхар, также известный как **Каренг-гхар** («царский дворец»), изначально имел семь этажей, три из которых — подземные с двумя секретными туннелями. Один из них имел длину 16 км и был предназначен для бегства в случае вражеского штурма. В настоящее время все подземные этажи опечатаны, поскольку ранее бывали случаи, когда проникшие в них люди терялись в лабиринтообразных переходах.

Между тем, газета «Times of India» в номере, вышедшем в Гувахати, центральном городе Ассама, 21 апреля 2015 г., сообщала о первом георадарном исследовании, проведенном совместно

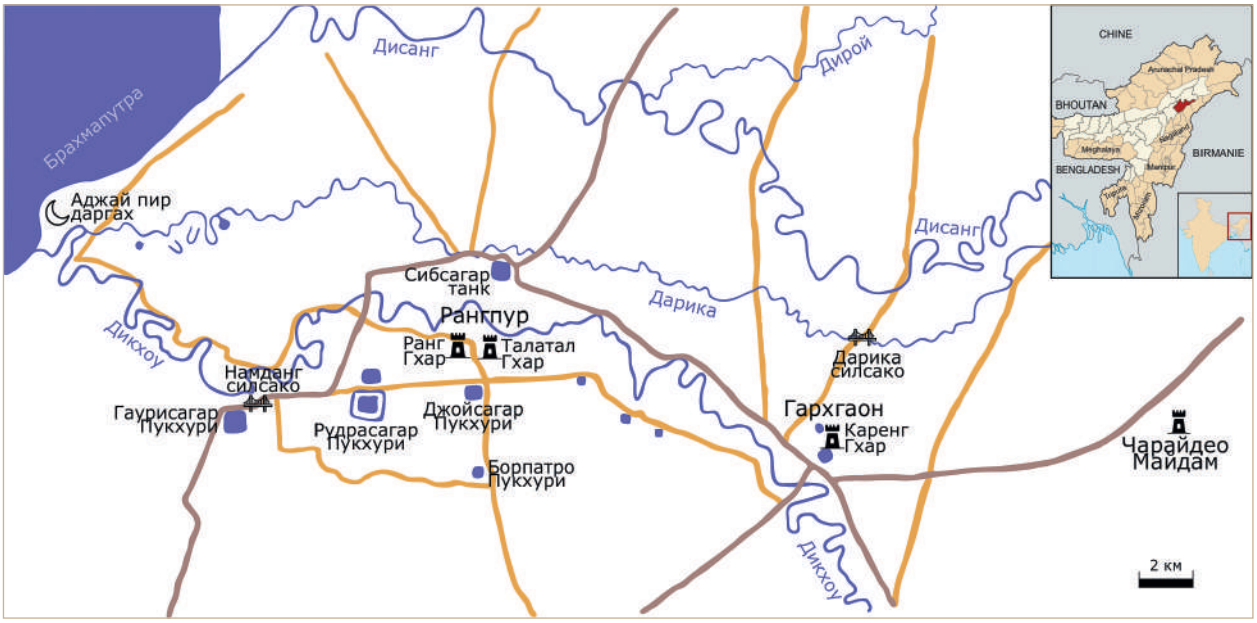


Рис. 1. **Карта окрестностей Сибсагара с обозначением трех столиц: поздней в Рангпуре, средней в Гархгаоне и ранней в Чарайдео**

Индийским технологическим институтом, расположенным в Канпуре (штат Уттар Прадеш), и филиалом Археологического управления Индии в Гувахати в двух царских дворцах Сибсагара в течение пяти дней в начале апреля 2015 г. Исследование не выявило существования каких-либо подземных ходов в районе дворцов. Радар подтвердил лишь наличие усиленного фундамента, заложенного на случай возможных землетрясений, что свидетельствовало о предусмотрительности ассамских строителей и их незаурядном мастерстве. Таким образом, писала газета, рассказы о пропавших людях, подземельях и тайных комнатах, хранящих несметные сокровища, оказались ничем иным, как слухами последних десятилетий. Впрочем, геологи и археологи говорят, что это лишь предварительные результаты. Необходимо продолжить изучение этих мест.

От ворот со щитом к входу в кирпичной стене, окружавшей Талатал-гхар, шла дорожка, обрамленная кустарниками и цветами, а у ее начала

Фото 1. **Пушки у входа в Талатал-гхар** (фото автора)

под навесами, охраняя дворец, лежали длинные пушечные стволы, по три с каждой стороны (см. *Фото 1)*. Как и положено средневековым орудиям, они были украшены поясками, орнаментами и надписями. Орнамент у некоторых орудий ближе к жерлу мог принимать зооморфные очертания: в них могла угадываться голова некоего водного чудища, «макары» — то ли речного дракона, то ли крокодила.

Войдя, наконец, на территорию дворцового комплекса, мы оказались перед огромным и сложным сооружением из красного кирпича, некоторые части которого тянулись с запада на восток, а некоторые — с юга на север (см. *Фото 2*).

Как утверждалось на щите перед воротами, Талатал-гхар был сооружен в годы правления Сваргадео (от санскритского *сварга-дева* — «небесный господин», царский титул) Сукхрунгпха, известного также под именем Рудра Сингха (1696–1714), при котором Ахомское царство достигло зенита мощи и славы.

В настоящее время от четырех этажей осталось только два и часть третьего. По всей видимости, он, так же, как и четвертый, был сделан из бамбука и дерева и по естественным причинам не мог сохраниться надолго. Самый нижний этаж представлял собой галерею из больших помещений примерно одинакового размера, прорезанных посредине длинным коридором. Здесь располагались конюшни и кладовые, жила челядь (см. *Фото 3*).

Толщина кирпичной кладки нижнего яруса — больше метра, верхних — менее или около метра. Кирпичи клались на оригинальный раствор, основу которого составляли клейкий рис и лебединые яйца.

Верхние этажи, в особенности не сохранившиеся деревянные, предназначались для правителя и его семьи. Наружные стены второго этажа украшены терракотовыми орнаментами и относительно крупными стелами, изображавшими сцены из жизни богов (см. *Фото 4*). Сохранность их плохая, терракота почти полностью осыпалась, и установить, что же именно изображено на стеле, чаще всего, не удается.

Фото 2. **Вид на Талатал-гхар с юга и с востока**
(фото автора)

Фото 3. **Коридор нижнего этажа Талатал-гхара**
(фото автора)

Фото 4. **Терракотовые фризы, украшавшие дворец** (фото автора)

Фото 5. **Зала с арками (слева) и потомки правящей династии Талатал-гхара (справа)** (фото автора)

Внутри помещений, по большей части, ничего нет, остались лишь оштукатуренные стены терракотового цвета, иногда оживлявшиеся прямоугольными и аркообразными углублениями, а также зелеными разводами плесени. Окон во внутренних помещениях тоже не было. В одном месте находилась зала с арками, выходящими наружу; ее противоположную стену украшали изящно выполненные углубления с арочными навершиями, скорее всего, для скульптур богов, для светильников, а может быть, и для хозяйственной утвари (см. *Фото 5*).

В какой–то момент нас нагнала группа местных посетителей музея. (Манош уверял, что они не кто иные как потомки правящей династии). Мы отвлеклись от осмотра и попросили разрешения их сфотографировать, на что потомки охотно согласились (см. *Фото 5*).

Ахомы или таи-ахомы — этнические тайцы, пришедшие в Ассам восемь столетий назад, в самом начале XIII в. из исторической области Шан[2], она же — страна Монг Мао[3], и основавшие в долине Брахмапутры независимое государство. На всех изображениях, имеющих, впрочем, позднее происхождение, ахомские правители, их придворные и воины одеты в традиционную тайскую одежду: халаты, панцири, круглые конусообразные шапки.

Ученые, издающие объемное исследование «Народ Индии», выходящее серийно начиная с

2 Шан — территория на границе Мьянмы (Бирмы) и китайской провинции Юньнань.

3 Монг Мао — конфедерация мелких княжеств или вождеств, существовавшая в период между 560 и 1604 гг. на обширной территории, охватывавшей части китайской провинции Юньнань, Мьянмы, индийских штатов Ассам, Аруначал Прадеш и др., население которой говорило преимущественно на таи-кадайских языках.

Фото 6. **Остатки покоев царицы** (фото автора)

1992 г., утверждают, что в Ассаме проживает не менее 115 этнических групп. Благодаря многообразию этнических и лингвистических групп, постоянно идущему процессу их смешения и переплетения, штат часто называют «Индией в миниатюре».

Ахомский язык был придворным языком ахомских правителей, но уже больше двух веков не употребляется и относится к категории вымерших. Почти половина населения штата — больше 48 % — говорит на ассамском языке. В колониальное время и в период независимости многие из ахомов вносили немалую лепту в формирование ассамской культуры. К ним, в частности, относился Кришна Канта Хандики (1898–1982) — санскритолог, индолог, просветитель и филантроп. Кришна обучался в Оксфорде, Сорбонне, Берлине, был полиглотом: знал пять индийских и восемь европейских языков, включая русский, стал основателем и первым вице-канцлером Университета Гаухати (1948–1957). В библиотеке Университета хранится принадлежавший ему книжный шкаф, заполненный литературой на русском языке; в Гаухати есть открытый университет, названный его именем. Кстати, нынешний вице–канцлер Университета Гаухати также носит фамилию Хандики. Из современных деятелей Индии известен Ранджан Гогои, с 2019 г. член Раджья сабхи — верхней палаты Парламента Индии, Верховный судья Индии в 2018–2019 гг., одобривший строительство храма Раме в священном городе Айодхья на месте разрушенной мечети Бабри. По линии матери он ведет происхождение от Пурандара Сингхи, последнего, 41-го ахомского правителя (1833–1838). Младший брат Ранджана, Анджан Гогои — маршал авиации индийских ВВС.

Среди составных частей Талатал-гхара обращают на себя внимание огромные каменные террасы, лежащие поверх помещений первого этажа. Над ними, очевидно, возводились шатры или легкие постройки из бамбука и дерева. Напротив южной стены дворца через террасу видны остатки отдельно стоящего небольшого

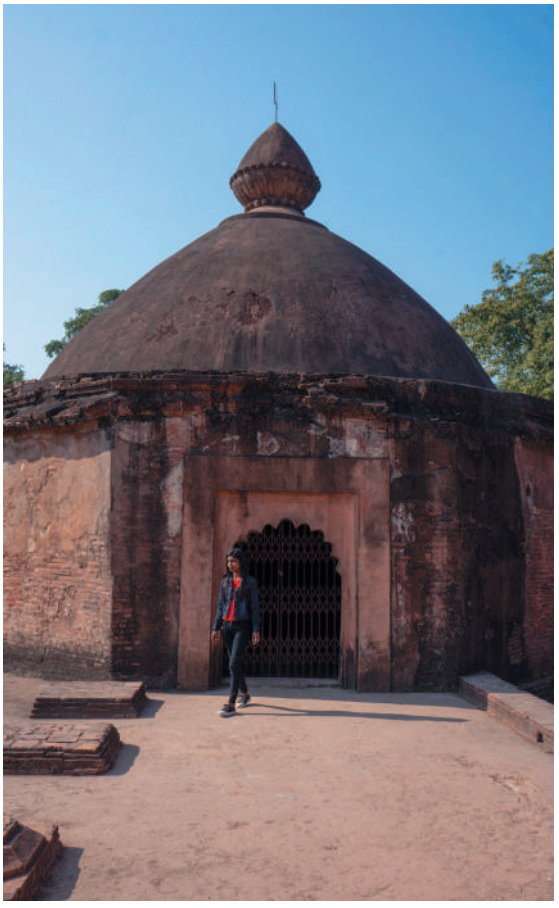


Фото 7. **Вид молельни снаружи (слева вверху, справа) и вид молельни внутри (слева внизу)** (фото автора)

помещения. Поговаривают, что это покои царицы, где она должна была оставаться на время возможной немилости господина (см. *Фото 6*).

В северо-восточном углу Талатал-гхара располагается изящный восьмигранный храм–молельня. Внутри в стенах фигурные ниши для изображений богов и углубления для деревянных потолочных перекрытий. На стенах — зеленые следы плесени (см. *Фото 7*).

Развлекательный корабль Ранг-гхар

Примерно в полукилометре к западу от Талатал–гхара, через дорогу, ведущую от Сибсагара на юг, известную также как Ассамская магистральная дорога (или «Колесный путь») (Assam Trunk Road), часть Великого колесного пути, стоит большой двухэтажный павильон из красного кирпича, состоящий из сквозных арок, общими очертаниями напоминающий перевернутый корабль. Это **Ранг-гхар** — «дом игр, развлечений». Его называют самым древним из сохранившихся в Азии амфитеатров. Впервые его возвел Сваргадео Рудра Сингха одновременно с Талатал-гхаром, но тогда он был выстроен из бамбука и дерева. Кирпичным он стал ближе к середине XVIII в., при Сваргадео Прамате Сингхе (1744–1751), младшем сыне Рудры Сингха. Ранг-гхар использовался как царский спортивный и увеселительный павильон. За ним простиралась огромная поляна, напоминающая гигантский амфитеатр, где устраивались буйволиные, петушиные и слоновьи бои, соревнования в борьбе и другие состязания, за которыми, расположившись под аркадой бельэтажа, наблюдали государь с придворными. Изнутри стены

царского павильона были обработаны специальным раствором, позволявшим сохранять прохладу в жаркие дни.

И в наши дни Ранг-гхар пользуется большой популярностью как место отдыха жителей Сибсагара. Ворота, открывающие вход на его территорию, охраняют драконы, лишь отдаленно напоминающие крылатых львов, символ ахомской династии (см. *Фото 8*).

Фото 8. **Ранг-гхар: вид от ворот** (фото автора)

Печальная доля Джагадхатри-доула[4]

От царской резиденции Манош провез нас километра два или три на юг к храму на берегу искусственного водоема, по преданию, вырытому по приказу Пхулешвари Конвари, первой жены Сваргадео Сиба Сингхи (1714–1744), старшего сына Рудра Сингхи, в память о брате, служившим первым министром ее двора. Поэтому водоем и носит название «Борпатро пукхури» («Пруд премьер-министра»). Как и многие водные резервуары в Сибсагаре и его окрестностях, пруд имеет форму правильного прямоугольника, близкого к квадрату. Небольшой храм богине Джагадхатри (местный вариант Дурги) стоит на его западной стороне. Уже много лет, судя по сильно стертому тексту на щите у входа, восточная часть южной стороны храма украшена строительными лесами из бамбука. Благоразумно выполненный из бетона шит сообщает, что срок окончания очистительно-восстановительных работ — 2014–2015 гг. Снимок сделан 14 января 2019 г. (см. *Фото 9*).

Фото 9. **Джагадхатри доул** (фото автора)

Как бы в противовес этому, популярная среди ассамцев газета «Сентинел» опубликовала в 2016–2017 гг. целый ряд заметок, сообщавших о бедственном состоянии памятника и равнодушии властей. Так, в заметке от 3 мая 2017 г. рассказывалось, как активисты из Сибсагарского отделения Общества по охране окружающей среды расчистили территорию вокруг **Джагадхатри-доул**, выкорчевали деревья и кустарники,

4 Слово *доул*, *дол* — на ассамском языке значит «место, деревня». Сейчас оно употребляется для обозначения храма или святого места.

Фото 10. **Растительность, выросшая на шикхаре храма** (фото автора)

выросшие на стенах и крыше храма. Говорилось также о непреходящей ценности барельефов, размещенных на стенах храма, о том, что они разрушаются и что храм пропадает и как великолепный памятник архитектуры и искусства, и как туристический объект.

За более чем полтора года, прошедшие между этой публикацией и нашим посещением храма в январе 2019 г., мало что изменилось. Строительные леса по-прежнему подпирают храм, а стены и крыша густо поросли новыми деревьями и кустарниками (см. *Фото 10*).

Тем не менее именно к этому храму привез нас Манош в самом начале путешествия по памятникам Ахомского царства. Выстроенный также по приказу Пхулешвари Конвари в соответствии с правилами архитектуры *нагара* (или североиндийской), он, как видно по фотографии, состоит всего из двух частей: небольшой шикхары[5] с четырехъярусной амалакой[6], на которой успели вырасти деревья, и совсем скромной закрытой мандапы[7], похожей на кирпичный сарай под плоской двускатной крышей, вход в которую расположен не с торца, как обычно, а с южной стороны. Основное же сооружение, заключавшее гарбхагриху, — святая святых, находившаяся под шикхарой, была построена по типу *ратха* (скр.: «часть», здесь: «грань») и снаружи имела вид *саптаратха* («семь граней»), как и большинство индуистских храмов в окрестностях Сибсагара.

Снаружи стены храма украшены великолепными образцами ахомской скульптуры. Они представляют собой достаточно крупные барельефы и горельефы, высеченные из темно-серого камня, расположенные на уровне человеческого роста и изображающие в основном различных индуистских богов: Сурью[8] в колеснице, запря-

5 *Шикхара* (скр. «горная вершина») — пирамидальная башня, возвышающаяся над гарбхагрихой (скр.: «дом, вместилище зародыша») — святая святых храма, в которой установлен алтарь с главными мурти (скр.: «тело, облик») — статуей или изображением определенной формы бога, дэвы или святого.

6 *Амалака* — каменный диск обычно с ребрами по краю, расположенный на вершине главной башни храма. Согласно древнему толкованию, Амалака символизирует плод лотоса и является обозначением символического местопребывания божества под ним. В другой интерпретации Амалака символизирует солнце, понимаемое как врата на небеса.

7 *Мандапа* в индусском храме — это похожая на крыльцо конструкция, ведущая в храм через пышно украшенные ворота (гопурам). Она используется для религиозных танцев и исполнения музыки, а также является частью основного здания храма. Большой храм состоит более чем из одной мандапы, каждая из которых используется по разным назначениям и получает соответствующую своей функции название.

8 Сурья, бог Солнца в индуизме, в ведийский период — одно из трех главных божеств, наряду с Индрой и Агни, в постведийский период часто отождествляется с Вишну; известен под многими другими именами и сопровождается другими эпитетами. *Вахана* (ездовое животное) — семерка коней или семиголовый конь.

Фото 11. **Слева направо: Сурья, Катрттикея , Брахма, Кама (?)** (фото автора)

женной семеркой коней, Картикею, или Сканду[9], восседающего на павлине, четырехголового Брахму[10] на гусе (или лебеде), Камадеву[11] на попугае, и множество других. Следует отметить хорошую проработанность деталей там, где они сохранились (см. *Фото 11*).

Надо иметь в виду, что иконографический канон допускает иногда очень большую долю вариативности и что Ассам во все времена находился на периферии индуистского мира, где он постоянно и активно смыкался — и по настоящее время смыкается — с местными мифами, традициями и верованиями. На отход от правил могли влиять и относительно слабая информированность скульпторов-изготовителей, и воздействие местных мифов и легенд, и многие другие детали. На фотографиях хорошо различимы *ваханы* — ездовые птицы — павлин, гусь и попугай. На гусе, как и положено, восседает четырехголовый и четырехрукий Брахма, слева от него на павлине — двурукий Картикея с мечом и дротиком, а справа от Брахмы, на попугае, — похоже, тот же Картикея, правда, четырехрукий, с мечом, дротиком и палицей, но никак не Камадева с луком из сахарного тростника и стрелами из цветов, как полагается по канону.

Наше внимание привлекли три барельефа, которые хотелось бы рассмотреть как группу (см. *Фото 12*). На центральном барельефе изображен, судя по атрибутам, Индра — у него одна голова и две руки. В правой руке он держит ваджру (скр.: «громовая молния») — мощное бо-

9 Картикея — бог победы и Кундалини — йогической энергии, сосредоточенной в основании позвоночника человека; бог войны и предводитель войска богов, также бог воров, сын Шивы и Парвати, брат Ганеши, по другой версии — сын Агни и Свахи. Другие имена: Сканда, Кумара, Муруган, Шаравана, Махасена. Изображается в виде одноголового или шестиголового (в зависимости от района и художника) юноши, держащего в руках божественное копье, меч, дротик, палицу и проч. *Вахана* — павлин.

10 Брахма — бог творения. Наряду с Вишну и Шивой, один из богов Тримурти («три лика») — триады, объединяющей трех главных божеств индуистского пантеона в единое целое, представляющее собой духовное начало — Брахмана. Изображенный отдельно, Брахма чаще всего имеет четыре головы, четыре лика, олицетворяющие четыре веды, и четыре руки, олицетворяющие четыре стороны света. Вдобавок к этому, задняя правая рука представляет ум, задняя левая рука представляет разум, передняя правая рука — эго, а передняя левая рука — самоуверенность. *Вахана* — гусь или лебедь, символизирующий милость и способность отличать плохое от хорошего.

11 Камадева («чувственное удовольствие, вожделение, страсть») — бог любви и чувственного влечения. Другие имена: Мадана (*Madana*; Опьяняющий любовью); Манматха (*Manmatha*; Волнующий ум); Мара (*Mara*; Ранящий); Прадьюмна (*Pradyumna*; Всепокоряющий); Ананга (*Ananga*; или Бестелесный). Изображается в виде прекрасного юноши с кожей зеленого цвета, держащего в руках лук из сахарного тростника и пять стрел из цветов. *Вахана* — попугай по имени Сукха, символизирует правду, поскольку попугай дословно повторяет то, что услышал.

Фото 12. **Группа из трех барельефов. В центральном — Индра** (фото автора)

жественное оружие, соединяющее в себе свойства меча, булавы и копья, а в левой — клинок с шипом на конце, как у багра. Под ним слон Айраватха, небесный предок всех индийских слонов, с четырьмя бивнями и, возможно, семью хоботами. Сзади Индры на слоне восседает его супруга — «бесконечно прекрасная» Шачи[12]. Еще две фигуры на этом изображении стоят по бокам слева и справа: за и перед Айраватхой. Фигура слева — видимо, служанка Шачи с опахалом, а фигура справа плохо сохранилась, и непонятно, что именно изображено: пронзает ее бивнями Айраватха или это удерживающий его слуга. Слева и справа от изображения Индры на слоне размещены два одинаковых изображения стоящего четырехрукого бога. Две руки его опущены вдоль тела, в левой он держит скипетр в форме черпака или большой ложки, а в правой — цветок лотоса, две других руки подняты вверх, в левой он держит молитвенные четки, а в правой — непонятный продолговатый предмет, напоминающий сосуд. Это атрибуты Брахмы, который в отличие от большинства других индуистских божеств, не держит в руках оружие. Сложно сказать, насколько все три изображения связаны между собой и в чем заключается эта связь, притом что обычно Брахма не самое популярное божество индуистского пантеона.

Некоторые изображения трудно атрибуировать из-за необычности как их самих, так и атрибутов божеств или их сочетаний. Вот, например: божество восседает на плечах человека (см. *Фото 13*). У него две руки: в правой он держит нечто, похожее на бутон лотоса, в левой — нечто, напоминающее лопатку или черпак. Черпак и лотос — атрибуты Брахмы. Но вахана Брахмы — гусь или лебедь. Человек может быть ваханой Дакши[13]. Но в индуистской традиции Дакша

12 Шачи (скр. «мощь, помощь») — богиня ревности и гнева. Другие имена: Индра́ни («царевна Индры»), Аи́ндри, Маха́ндри и Пуло́ми. Дочь асуры (разновидность низших божеств) Пуломана, убитого Индрой. Считается одной из семи матрик (богинь-матерей). Описывается как прекрасная девушка с тысячью очей. Ассоциируется со львами и слонами.

13 Дакша (скр. «ловкий, способный») — ведийский и индуистский бог. С Дакшей связан ряд мифологических мотивов и сюжетов, подчеркивающих его участие в творении, его роль прародителя. Наиболее известный миф излагает историю жертвоприношения Дакши: во искупление греха владыка созданий Дакша на вершине горы Химават (или у истоков Ганги) устраивает первое жертвоприношение, созвав всех богов, кроме Рудры (одна из форм Шивы, персонификация гнева и ярости); разгневанный Рудра в облике Вирабхадры (одно из позднейших индийских божеств, сопутствующих Шиве, олицетворение воинственной ярости) пронзает жертву стрелой, после чего нападает на богов, наносит им увечья и в конце сносит голову Дакше. Найти ее нигде не могут и приставляют Дакше козлиную голову, с которой он обычно и представлен в иконографии индуизма.

обычно изображается с козлиной головой, так как его собственная была снесена Рудрой[14].

Еще одно четырехрукое божество изображалось стоящим на коленях на спине крылатого льва — грифона, символа Ахомской династии. Почти такое же изображение льва, но без крыльев и с более сглаженными чертами есть на другом барельефе, при этом божество сидит на нем верхом и, судя по прическе, это богиня (см. *Фото 14*). У нее две руки, а лик утрачен. В левой руке богиня держит примерно такой же клинок с шипом на конце (скипетр?), что и Индра; атрибут в правой руке утрачен. Очень осторожно можно предположить, что это богиня Джагадхатри, которой посвящен храм. Что же касается божества, стоящего на коленях на спине грифона, — трудно определить его с уверенностью. Трудность идентификации зачастую осложняется и тем, что скульпторы, высекавшие лики богов, работали, скорее всего, по одному шаблону, поскольку все божества похожи друг на друга.

По большей части изображения статичны, торс развернут к зрителю, как на постановочной фотографии или древнеегипетском рельефе, но некоторые полны экспрессии, как, например, Дурга[15] в момент, когда она поражает демона Махиши или Махишасуру, способного принимать облик и человека, и буйвола (см. *Фото 15*).

Фото 13. **Вахана — человек**
(фото автора)

Фото 14. **Богиня Джагадхатри**
(фото автора)

Фото 15. **Дурга**
(фото автора)

14 Рудра (скр.: «яростный, ревущий, красный») — ведийское божество и одна из форм индуистского бога Шивы, связанная со смертью, охотой, грозой, ветром, бурей, исцелением, воплощение гнева и ярости. В Ведах Рудра считался приносящим болезни, а также тем, кто излечивал от них: к нему обращались с молитвами о здоровье. Индуистский Рудра изображался в виде охотника, одетого в звериные шкуры, с черными волосами, стянутыми в узел. В этом облике он путешествовал по миру, охотился в лесах с помощью лука и черных стрел. Женой Рудры была Сати, дочь властелина всех созданий Дакши. Сати безумно любила своего мужа и даже принесла себя в жертву, узнав, что при дележе жертв Рудре не выделили ничего.

15 Дурга («туднодоступная, устрашающая»), другие имена: Ади Парашакти, Сати, Парвати, Амбика, Каушики, Махакали, Бхагавати, список далеко не полон, — одна из самых популярных богинь в индуизме; почитается также в буддизме, джайнизме и сикхизме. Богиня войны, воинственная форма Парвати, супруги Шивы, выступающая против сил зла за поддержание мирового порядка — Дхармы. Свирепая форма Богини-матери. Изображается многорукой (от восьми до восемнадцати рук), чаще всего находящейся в процессе борьбы с демоном Махишасурой, оставаясь при этом с ясным и полным умиротворения ликом, восседающей на тигрольве Давоне или Гдоне, подаренном ей богами в качестве помощника в битвах, по другой версии — ее отцом Химаватом.

Фото 16. **Вид на Борпатро пукхури из мандапы** (фото автора)

Рассказывая о храме, Манош увлеченно комментировал барельефы, разъясняя значение и иконографические детали некоторых персонажей.

Мы заглянули внутрь мандапы, но не нашли там ничего, кроме строительного мусора. Бросив последний взгляд на храм, продолжили экскурсию и поехали назад, на север — в направлении Талатал-гхара и Ранг-гхара (см. *Фото 16*).

Древний «хай-тек» водоемов Ахомского царства

На подъезде к ним, примерно в полукилометре, есть большой пруд, называемый **Джойсагар**. Как утверждают, это самый большой искусственный водоем в Индии, во всяком случае в Ассаме (см. *Фото 17*). Пруд был вырыт по приказанию все того же Рудра Сингха в память

Фото 17. **Вид на Джойсагар-пукхури** (фото автора)

Фото 18. **Ворота перед входом в парк Рудра Сингхи** (фото автора)

о матери, принцессе Джоймоти Конвари, замученной на этом месте преследователями ее мужа, принца Гадапани, бежавшего по ее настоянию в горы Нага к дружественным правителям народа нага. То был период междинастийной борьбы, когда за неполные 12 лет, с 1670 по 1681 г., на ахомском престоле сменилось семь правителей из различных кланов ахомской династии. При этом двое из них, в том числе и отец принца Гадапани, правили не более двадцати дней. В конце концов поддержка воинственных нагов решила исход борьбы. К власти пришел клан Тунгкхунгиа во главе с принцем Гадапани, взошедшим на трон под тайским именем Сваргадео Супаатпха, или Супаатфа и под индусским Гададхар Сингха и царствовавшим 15 лет с 1681 по 1696 г.

Пока мы ехали вдоль берега Джойсагара, Манош поведал, что Рудра Сингха приказал установить в центре водоема столб особой формы, чтобы регулировать уровень воды. Как оказалось, это было достижение не одного только Рудры Сингхи: многие ахомские правители известны сооружением водоемов. Искусственные пруды, сохранившиеся в районе Сивасагара и соседних с ним дистриктах, представляли собой сложные инженерные сооружения. Обычно они располагались выше уровня окружающей местности, их берега специальным способом укреплялись, а уровень воды и ее качество поддерживались при помощи разных ухищрений. И конечно же, сооружение водоема не могло не сопровождаться многолюдным ритуалом, совершаемым массой жрецов с принесением множества жертв. Согласно поверью, если священников было больше ста, то водоем назывался *сагар* (скр. «океан»), а если меньше, то *пукхури* («искусственный водоем»). В дно водоема в центре устанавливался *нагмари* — столб из отполированного салового дерева[16], обвитого змеем — *нагой*, или же выполненного в форме змея. Столб устанавливался в центр медного круга, а в основание его помещалась смесь из ртути и угля, таким образом с помощью нагмари регулировался уровень воды в водоеме и ее чистота[17].

По разным оценкам ранее в окрестностях Сибсагара насчитывалось около трех сотен искусственных водоемов. Сейчас их список состоит из почти 90 названий. Джойсагар — самый крупный из них[18].

16 Дерево сал, или шорея исполинская — одно из священных деревьев Индии. Обладает твердой крупнозернистой древесиной. Она прочная и смолистая, используется в строительстве, но не подходит для резьбы и полировки. Слово *сал* возводят к санскритскому *шала* — «жилище». В индуистской традиции считается излюбленным деревом Вишну. В древних источниках его часто путают с деревом ашока.

17 Chapter VI. Architectural Technology. *Shodhganga.* URL: https://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/284970/13/13_chapter%206.pdf (дата обращения 14.05.2020).

18 Water Culture of the Ahoms: With Special Reference to the Sivasagar District. *Social Research Foundation.* URL: http://www.socialresearchfoundation.com/upoadreserchpapers/5/130/1703230642541st%20urbashi%20mahanta.pdf (дата обращения 20.04.2020).

Фото 19. **Мост через заросший водоем (слева) и вид на Гханашьям-хаус (справа)** (фото автора)

На щите, стоявшем на берегу Джойсагара, было указано, что водоем вырыли за 45 дней в 1697 г. в правление Рудра Сингхи. Можно представить, как все эти полтора месяца в месте сооружения водоема толпилось больше сотни брахманов и толпы паломников и местных жителей, воскурялись благовония, совершались жертвоприношения и пелись гимны. И все это во время строительства!

Подъехав к юго-восточному углу Джойсагара, мы остановились перед воротами оригинальной (ахомской?) формы с надписью «Парк Рудра Сингхи» (см. *Фото 18*). На цилиндрических колоннах лежала длинная массивная балка с навершием, напоминающим храмовую амалаку. По бокам балки возлежали крылатые львы в напряженной позе, с пастями устремленными в небо, а за их шипастыми хвостами, извиваясь, как змеи, вздымались хоботы слонообразных чудищ. Ощущение жутковатое.

Ворота стояли на самом берегу Джойсагара, через дорогу, как отдельно стоящее сооружение, отгораживая пространство Джойсагара от пространства за ними лишь символически. Роль стены выполняли стоящие в ряд деревья и кустарники; местность за ними выглядела пустынной.

Несанкционированное посещение Гханашьям-хауса

Широкая тропинка от ворот действительно шла вниз, опускаясь метра на три-четыре и ведя к каменному мосту, перекинутому через еще один небольшой водоем, больше напоминающий болото, густо заросшее буйной травой. Через болото перекинут мост, выглядящий довольно ветхим. Сразу за мостом начиналась территория, огороженная металлической сеткой, повешенной на невысокие столбики; правее —

Фото 20. **Вид на Гханашьям-хаус (Наати Гхоса Доул) (слева) и Бходж-гхар (справа)** (фото автора)

Фото 21. **Терракотовые рельефы на фасаде Гханашьям-хауса (слева) и поясок терракотовых изразцов (справа)** (фото автора)

покосившийся крутящийся турникет, закрытый на ржавый замок. Впрочем, пройти к турникету можно было, спустившись по тропинке неподалеку от ворот и пройдя прямо к нему по берегу заросшего водоема. Попасть за турникет очень хотелось: за ним манила к себе аккуратно подстриженная лужайка, на которой стояли два словно бы кукольных домика, один чуть побольше и поигривее, другой поменьше и попроще. И никого вокруг. Место, однако, было посещаемым: кто-то предусмотрительно оставил с обеих сторон турникета два потрепанных, но крепких стула, так что преодолеть преграду оказалось делом несложным. Манош пролез первым, тем самым показывая, что мы вроде ничего и не нарушаем (см. *Фото 19*).

Место, куда привез нас Манош, называлось **Гханашьям-хаус**, он же храм, известный как **Наати Гхосаи Доул** (см. *Фото 20*). Построен хаус был в то же время, что и Джойсагар, в правление Рудра Сингхи, и назван так в знак признания заслуг зодчего Гханашьяма Кханикара, приглашенного из Куч-Бехара[19] и назначенного главным архитектором. По другой версии, после того как Гханашьям воздвиг группу храмов в районе Джойсагара, его отпустили на родину, но тут же схватили за то, что он тайком вывез карту Рангпура, новой столицы Ахомского царства. Зодчего приговорили к пожизненному заключению, отбывая которое, он и создал этот храм.

Внешне Гханашьям-хаус существенно отличается от сибсагарских храмов Ахомского царства — прежде всего, своей скатной дугообразной крышей. В Бенгалии скатный стиль кровли назывался *чала*. В архитектуре храма заметно могольское влияние (см., например, [Потабенко, 2019]). Похожие храмы, относящиеся к XVII–XVIII вв., сохранились в ряде мест как в Бангладеш, так и в Западной Бенгалии. Так, город Вишнупур, расположенный далеко от Сибсагара, в дистрикте Банкура, на юго-западе штата Западная Бенгалия, знаменит многими храмами, сделанными из кирпича, фасады которых, покрытые терракотовыми орнаментами, очень напоминают фасад Гханашьям-хауса — с тремя арками и колоннами. Правда, размеры вишнупурских храмов позволяли расположить по углам их крыш башенки с островерхими куполами-шпилями, а Гханашьям-хаус, видимо, ввиду своей миниатюрности, остался без них.

Вблизи оказалось, что терракота на фасаде храма подверглась значительным утратам, в особенности над центральной аркой (см. *Фото 21*). И все же наблюдатель может разобрать сюжеты: крыши города с жителями в домах, лианы, вьющиеся над домами, обезьяны, скачущих по ним, а в центре композиции — многоголовую и

19 Куч-Бехар — небольшое княжество в предгорьях Гималаев, существовавшее с 1586 по 1949 гг. В настоящее время это дистрикт Куч–Бихар на севере штата Западная Бенгалия. Столица — город Куч-Бихар.

Фото 22. **Гханашьям-хаус: вид на архитектурный комплекс** (фото автора)

многорукую фигуру, по-видимому, царя ракшасов Равану, к которому на судне подгребают по волнам обезьяны. Скорее всего, изображен эпизод из шестой книги «Рамаяны», известной как «Юддха канда» («Книга о битве»), или «Ланка канда» («Книга о Ланке»), когда обезьянье войско Рамы переправилось на остров Ланку и достигло одноименной столицы царства ракшасов. Получается, что храм вишнуитский, как и многие храмы в окру́ге. По бокам фасада тянется поясок ярких терракотовых изразцов, смыкающихся под дугообразной крышей. На изразцах изображены те же боги, что и на храме богини Джагадхатри — двурукие, многорукие, на ваханах и без них. Впрочем, из-за их малого размера разглядеть манеру изображения и степень тщательности исполнения сложно. Ряды таких же изразцов украшают боковые и заднюю стены храма. Но гораздо больше изразцов с орнаментами в виде разнообразных розеток. Пояски их тянутся не только вдоль фасада, но и по бокам, и с задней стороны храма. Поэтому, несмотря на утраты, храм смотрится радостно, нарядно.

Стоящий рядом с Гханашьям-хаусом **Бходжгхар,** или кухня выглядит скромнее: фасад украшен лишь нишами для возможных вставок. Справа от обоих зданий, если смотреть с севера, виднеется законсервированный фундамент еще одного сооружения. Возможно, это был еще один храм. В таком случае, первоначальная композиция могла состоять из двух храмов и кухни за ними, но так ли было на самом деле, сказать трудно.

Однако и в этом виде Гханашьям-хаус можно считать маленьким архитектурным шедевром. Оба здания выглядят забавно и весело: клонятся в разные стороны, как три знаменитых сооружения на пизанском «Поле чудес» — Piazza dei miracoli, хотя если смотреть по отдельности, каждое из них твердо стоит на земле (впрочем, и Пизанская башня пока, к счастью, не торопится падать; см. *Фото 22*).

Дворцовая жизнь Джойдола

Солнце заметно клонилось к закату, когда мы подъехали к храму, стоявшему на противоположном от Гханашьям-гхара берегу водоема Джойсагар.

Храмы Сибсагара вообще отличаются пропорциональностью, но этот оказался, пожалуй, самым пропорциональным из всех. Сооружение известно как храм **Кесаванараян (Вишну)**, или **Джойдол** (см. *Фото 23*), и был выстроен по приказу Рудра Сингхи в память о его матери, Джоймоти Конвари. Строительство его началось в 1698 г. и длилось два года.

Устройство храма так же просто, как и архитектура Джагадхатри-доула: *шикхара* да *мандапа*,

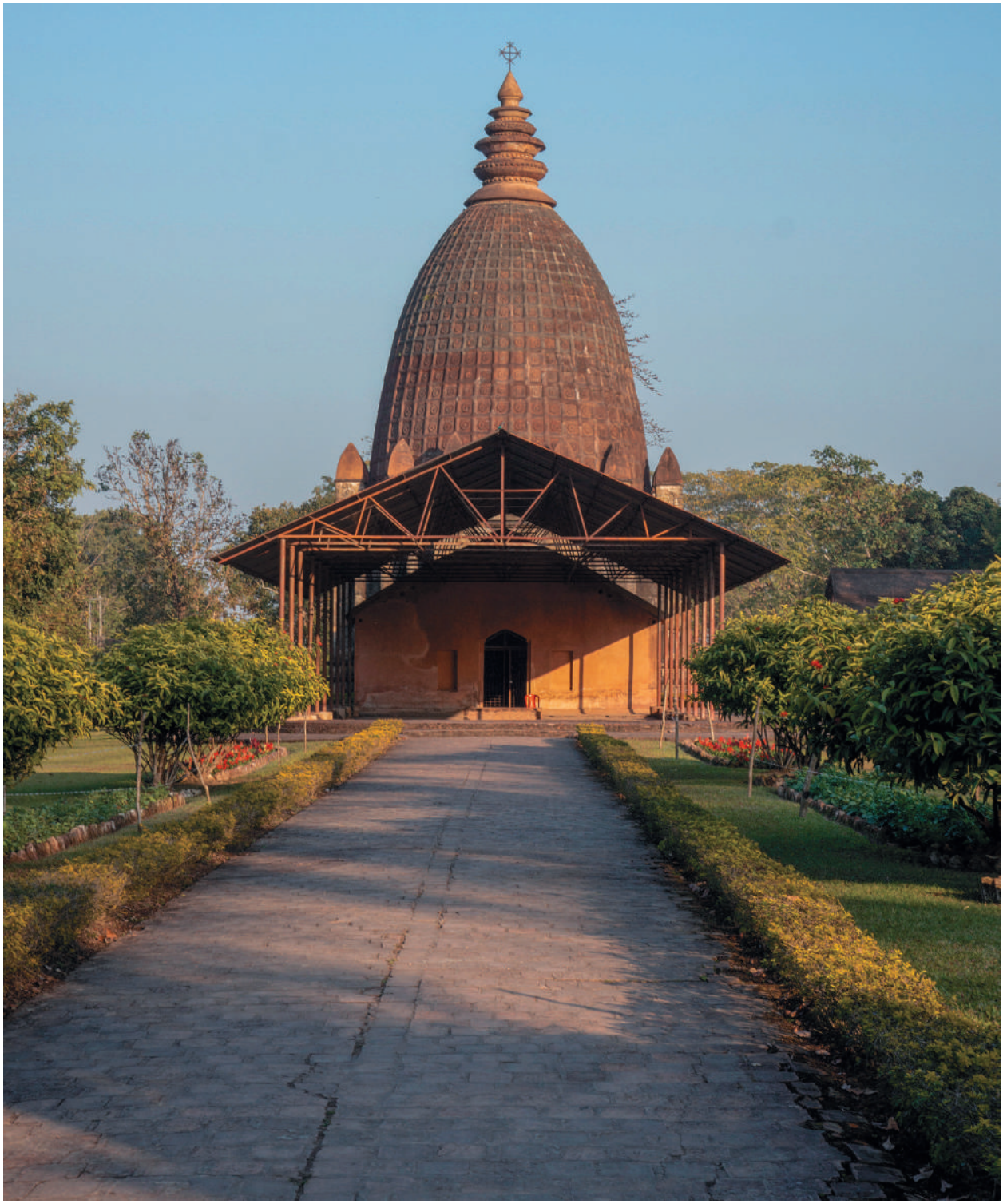


Фото 23. **Храм Кесаванараян, или Джойдол** (фото автора)

Фото 24. **Грани храма Кесаванараян: внешний вид (слева) и два нижних пояса украшений (справа)** (фото автора)

Фото 25. **Охота (слева) и караван (справа)** (фото автора)

Фото 26. **Слева направо: Брахма, Матсья, государь на коне, фигура женщины** (фото автора)

Фото 27. **Верхние пояса украшений Джойдола (слева) и противоположный берег Джойсагара (справа)** (фото автора)

перед входом в которую выстроен навес для продажи подношений и защиты прихожан от солнца в дни праздников, выполнявший функции *ардха-мандапы* или *полу-мандапы*. Зато наружное убранство гораздо богаче.

Так же, как и храм Джагадхатри, Кесавананаян выстроен в стиле *сантаратха* (скр.: «семь граней»), в соответствии с традициями средневековой индийской архитектуры, но в отличие от первого, не из кирпича, а из камня, отчего в лучах вечернего солнца кажется серовато-коричневатым. Наружные грани выглядят как квадратные колонны, встроенные в стену храма и выступающие из нее. На них через одну поставлены квадратные башенки с пирамидальными куполами. Снаружи все плоскости храма обвиты горизонтальными поясами, в основном с изображениями богов, правителей, светских сцен. Таких поясов насчитывалось не меньше шести, если не считать пространства между ними, также украшенного растительным орнаментом, и медальонов на квадратных башенках под пирамидальными куполами. Лучше всего можно разглядеть три нижних пояса. Самый нижний, расположенный у основания, содержит только растительный орнамент (см. *Фото 24*).

Над нижним регистром размещается пояс с изображениями животных, со сценами охоты, с изображениями караванов. Некоторые сцены изображали царский выезд в колеснице, другие — дворцовую жизнь, возможно, танцы. Изображения сильно повреждены: от многих сохранились лишь силуэты. Сцены охоты экспрессивны, выразительны и изображения караванов (см. *Фото 25*).

Третий снизу фриз преимущественно изображает богов. Он самый крупный и расположен примерно на уровне человеческого роста. Большинство богов изображено без вахан, чаще всего стоя. Например, имеется несколько изображений стоящего Брахмы. На одном из них он стоит, держа в задних руках цветок лотоса и четки, передние же руки молитвенно сложены у груди, а скипетр и предмет, похожий на сосуд, зажаты в локтевых сгибах (см. *Фото 26*). Странно, правда?

Любопытно наполовину утраченное изображение Матсьи — первой и древнейшей из десяти аватар Вишну. Получеловек-полурыба держит в четырех руках атрибуты, похожие на атрибуты Брахмы: можно различить четки, лотос, скипетр и что-то, напоминающее сосуд (см. *Фото 26*).

Фото 28. **Каренг-гхар, внешний вид** (фото автора)

В другом месте изображен выезд государя — на коне, под зонтиком, с опахалом (см. *Фото 26*). Может быть, это Рама?

Также вполне по-светски и по-земному выглядит фигура женщины, поправляющей на голове тонкую накидку (см. *Фото 26*).

Манера, в которой выполнены изображения и орнаменты Джойдола, отличается от Джагадхатри-доула большей тщательностью и проработанностью деталей.

Когда мы закончили внешний обход храма, он оказался закрыт и внутрь мы не попали. На осмотр верхних поясов, змейкой тянувшихся по граням, не оставалось времени. Противоположный берег Джойсагара погружался во тьму (см. *Фото 27*).

Толстые стены Гархгаона: средней столицы Ахомского царства

Рано утром следующего дня Манош уже ждал нас. Мы направились по восточной дороге, ехали с остановками, тем не менее минут через сорок остановились у забора, за которым возвышалось величественное здание, внешними очертаниями напоминавшее щусевский мавзолей Ленина на Красной площади, только гораздо крупнее.

То был еще один царский дворец, **Каренг-гхар,** известный также как **гархгаонский дворец** (см. *Фото 28*), расположенный в Гархгаоне, бывшей столице Ахомского царства, до того как она была перенесена на новое место, в район Талатал-гхара и Ранг-гхара. Сейчас от всей

Фото 29. **Наружная галерея Каренг-гхара (слева) и массивные стены первого этажа (справа)** (фото автора)

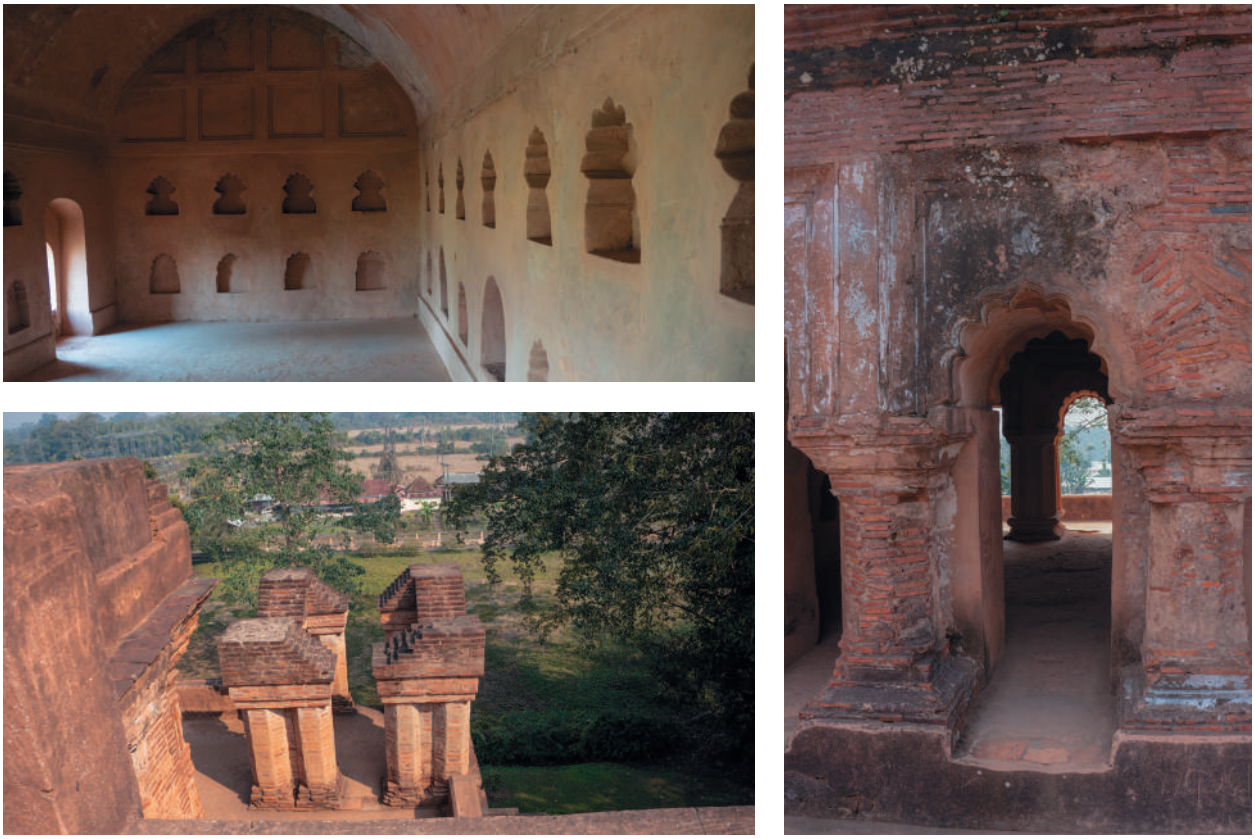


Фото 30. **Комната со сводчатым потолком (слева вверху) и вид на колонны и арки (справа), вид с уровня четвертого этажа (слева внизу)** (фото автора)

Фото 31. **Лестница на верхнюю площадку (слева) и вид сверху на лужайку перед дворцом (справа)** (фото автора)

столицы сохранилось только одно здание. Сама столица была основана ахомским правителем Сукленмунгом (1539–1552), который и выстроил здесь дворец из камня и дерева. С приходом к власти клана Тунгкхунгиа и воцарением Супаатпха, известного также как Гададхар Сингха (1681–1696), столица была перенесена в Рангпур, на территорию современного Сибсагара. Тем не менее Каренг-гхар не забыли. Именно сюда якобы тянулся легендарный шестнадцатикилометровый туннель из Талатал-гхара, нового дворца, построенного Рудрой Сингхой. При Сиве Сингхе (1714–1744), сыне Рудры Сингхи, гархгаонский дворец обнесли пятикилометровой кирпичной стеной, а при Раджешваре Сингхе (1751–1769), четвертом сыне Рудры Сингхи, старое здание дворца разобрали и выстроили новое из кирпича. Это произошло примерно в 1752 г.

При входе внутрь, как и в Талатал-гхаре, поражает толщина стен первого этажа (см. *Фото 29*).

В большинстве описаний Каренг-гхара утверждается, что он, так же, как и Талатал-гхар, имеет семь этажей, из которых три находятся под землей, а четыре на поверхности, однако никаких подробностей о подземных этажах не сообщается, а четвертый этаж не сохранился — остались только площадка и основания стен. Возможно, там размещалась стража.

В целом дворец производил впечатление более светлого и «сквозистого», нежели Талатал-гхар. Этому способствовали, в частности, сводчатые комнаты с относительно большими окнами и нишами в стенах. И конечно же, Каренг-гхар выглядит гораздо более высоким, чем Талатал-гхар. Вдобавок, он лучше отреставрирован и отделан. Правда, отсутствуют терракотовые рельефы. В некоторых комнатах, впрочем, имеется орнаментальная отделка кромок потолка (см. *Фото 30*).

На площадку четвертого этажа ведет узкая лестница, а сверху открывается вид на декоративную лужайку перед дворцом, где высаженные кусты образуют слова *Ahom Raja Palace* — «дворец ахомского царя» (см. *Фото 31*).

В тот ранний час мы были почти единственными посетителями гархгаонского дворца. Но надо было двигаться дальше, к памятнику, построенному правителями Каренг-гхара.

На машине по древнему мосту через речку Дарика

Ехать было недолго, не больше пяти километров. Дорога привела нас к мосту, вернее, сразу к трем мостам, лежавшим параллельно. Из двух крайних мостов один был явно новее и выше, по нему мы только что проехали, другой, на сваях, производил впечатление временного, но все равно еще использовался. Между ними (на уровне свайного моста) лежал древний (но вполне крепкий), узкий однополосный мост. Тем не менее и по нему вполне могла проехать повозка или легковой автомобиль.

Текст на щите, стоящем рядом, составленный от имени Археологического управления штата Ассам, сообщал на двух языках — английском и ассамском, что это **Дарика силсако** — мост через речку Дарика, стоящий на четырех подпорах, сделанных из обтесанных каменных блоков (см. *Фото 32*).

Текст гласит, что пять арок моста выложены из тонких кирпичей лакхори[20], скрепленных раствором суркхи[21], что ширина моста 13 футов 1 дюйм (ок. 4 м), длина 109 футов 2 дюйма (чуть более 33,27 м) и высота 18 футов 5 дюймов (чуть более 5,6 м) и что сооружен он в правление Пратапа Сингхи (ок. 1603–1641). Пратап Сингха известен как царь-реформатор, его называли также *бурха раджа* («старый царь»), поскольку

20 Кирпичи лакхори, или бадшахи, или какайя — плоские тонкие кирпичи из обожженной красной глины, использовались в качестве строительного материала в могольской Индии, начиная с правления Шах Джахана (1628–1658) и вплоть до начала XX в.

21 Раствор суркхи — известковый огнеупорный строительный раствор, составленный из извести, истолченного в порошок кирпича и воды.

Фото 32. **Мост Дарика силсако** (фото автора)

он взошел на престол в весьма солидном возрасте: в 58 лет, после чего сумел процарствовать еще 38. Место, где выстроен мост, ахомы считали священным, поскольку в прежние времена здесь сливались три реки: Диджойкхана, Товла и Саруной. Рек с такими именами поблизости уже нет. Нынешняя же Дарика, через которую перекинуты мосты, выглядит скорее как ручей, протекающий с востока на запад извилисто и долго, пересекающий северную окраину Сибсагара и впадающий в реку Дикхоу всего в нескольких километрах от ее слияния с Брахмапутрой. Когда-то мост украшали ныне утраченные скульптуры. Расположенный рядом со старым новый мост возведен усилиями отделения ONGC[22] из близлежащего города Назира с целью сохранить исторический памятник в качестве туристического объекта[23].

Майдамы Чарайдео — первой столицы Ахомского царства

От моста, построенного Сваргадео Пратапом Сингхой, мы направились в глубь истории: в **Чарайдео** — первую столицу Ахомских царей, заложенную ок. 1253 г. Чаолунгом Сукапхаа, вождем одного из тайских племен, пришедшим сюда со своим народом в 1228 г., когда они были вынуждены покинуть страну Монг Мао из-за внутренних разногласий, а также под натиском монгольских войск, ведомых полководцами Чингисхана, завоевавших Китай. Таи-ахомы во главе с Сукапхаа мигрировали на север, спустились с Паткайской горной гряды, и потеснили обитавшие здесь племена и царства, в частности, царство чутиев[24]. В хрониках сказано, что Сукапхаа в течение двадцати лет выбирал, где

22 ONGC (Oil and Natural Gas Corporation Limited) — крупнейшая государственная нефтегазовая корпорация Индии. Организована индийским правительством в 1956 г. Производит 77 % сырой нефти и 81 % природного газа Индии. Удовлетворяет около 30 % потребности Индии в сырой нефти.

23 The Stone Bridges of the Ahom Era. *DimorianReview.* URL:_http://www.dimorianreview.com/2018/09/the-stone-bridges-of-ahom-era.html#axzz6Lx4kFgxf (дата обращения 10.05.2020).

24 Царство чутиев (1187–1673) — средневековое государство, существовавшее на части территории индийских штатов Ассам и Аруначал Прадеш. Народ чутия — произносится также как ‘сутия’ — представители одной из доминантных этнических групп, населяющих Ассам, относятся к группе народностей, объединенных названием «бодо-качари», говорящих на языках бодо-гаро сино-тибетской языковой семьи и считающихся более ранней, нежели таи-ахомы, волной переселенцев, мигрировавших через Тибет из южных районов Китая в долины рек, берущих начало в Гималаях и протекающих по территориям современных индийских штатов Зап. Бенгалия (северо-восточные дистрикты), Ассам, Трипура, а также Бангладеш.

основать столицу, уходил и на север от Брахмапутры, и на юг, постепенно расширяя владения, и в конце концов остановился в месте, почитаемом чутиями, моранами и другими племенами. Неизвестно, как выглядела новая столица, нет и археологических свидетельств, поздние хроники сообщают лишь, что Сукапхаа, считавшийся народом воплощением бога, после смерти был погребен чуть ли не в самом ее центре. Здесь же стали хоронить и его преемников, их жен и членов семьи. Впоследствии столица меняла местонахождение много раз, но захоронения правящего клана совершались только в Чарайдео. Так первая столица ахомов, заложенная в священном месте, продолжала сохранять свой статус в течение последующих шести столетий.

Погребения ранних ахомов называются майдамами[25]. Отсюда название всего исторического комплекса: «**Майдамы Чарайдео**». Погребальный обряд ахомов был для этих мест уникален. Строение майдама таково: основу его составляет сводчатая камера, называвшаяся по-ахомски ‘чоу-чали’, часто состоявшая из двух этажей, располагавшихся на поверхности земли без какого-либо фундамента. Сверху камера засыпалась несколькими слоями земли вперемешку с кирпичами и камнями так, что получался курган полусферической формы. Основание крупных майдамов укреплялось низкой каменной кладкой, восьмиугольной в плане, с полукруглыми выступами по углам. С западной стороны устраивался арочный вход. На вершине иногда ставилось кирпичное сооружение. Со временем курганы зарастали травой и деревьями и постепенно все пространство, заполненное ими, стало выглядеть как волнообразно-холмистый пейзаж.

Ахомские хроники сообщают, что тело умершего царя омывали в специальном, только для этого предназначенном, водоеме, после чего везли по специальной, специально для этого проложенной, дороге.

Археологические раскопки свидетельствуют, что каждая сводчатая камера имела в центре помост, на который клали тело усопшего. Сюда же клали и вещи, сопровождавшие покойного при жизни: символы царской власти, предметы из дерева, слоновой кости или железа, украшения, оружие, царскую одежду. Службы по умершему проводились на протяжении длительного времени — от полугода до двух лет. В ахомских хрониках говорилось, что большинство влиятельных лиц и просто участников ритуала также подвергались погребению в живом или мертвом состоянии. Обычай погребения живых прекратил только Рудра Синха[26] на рубеже XVII и XVIII вв.

Материалы и приемы, использовавшиеся при сооружении майдамов, с течением времени менялись. Между XIII и XVII вв. основным строительным материалом для погребальных камер было дерево, а начиная с XVIII в. стали использоваться камень и обожженные кирпичи разных размеров[27]. После того как индуизм стал основной религией ахомского царства, распространилась практика кремации.

Формально исторический комплекс майдамов, находящийся на расстоянии не более 30 км восточнее Сивасагара, расположен на территории соседнего с ним дистрикта Чарайдео, образованного 15 августа 2015 г. решением Таруна Гогои, тогдашнего главного министра Ассама. Всего на территории области Верхний Ассам насчитывается несколько сотен майдамов, они есть практически в каждом дистрикте. В районе исторического комплекса их около 150. Их уникальность заключается в том, что почти все они — захоронения царей или членов царского клана. Впрочем, охранный статус Археологического

25 Слово Майдам (произносится как *мойдам)* восходит к тайскому *пхранг май-дам* или *май-там*, где *пхранг май* значит «класть в могилу, хоронить», а *дам* — «дух умершего».

26 Maidams at Charaideo. Sivasagar, Assam. *Guwahati Circle, Archaeological Survey of India.* URL: http://asiguwahaticircle.gov.in/publication/Chaaideo%20maidams.pdf (дата обращения 24.04.2020).

27 Moidams — the Mound-Burial system of the Ahom Dynasty. *Guwahati Circle, Archaeological Survey of India.* URL: http://www.asiguwahaticircle.gov.in/Tentative%20list.html (дата обращения 08.05.2020).

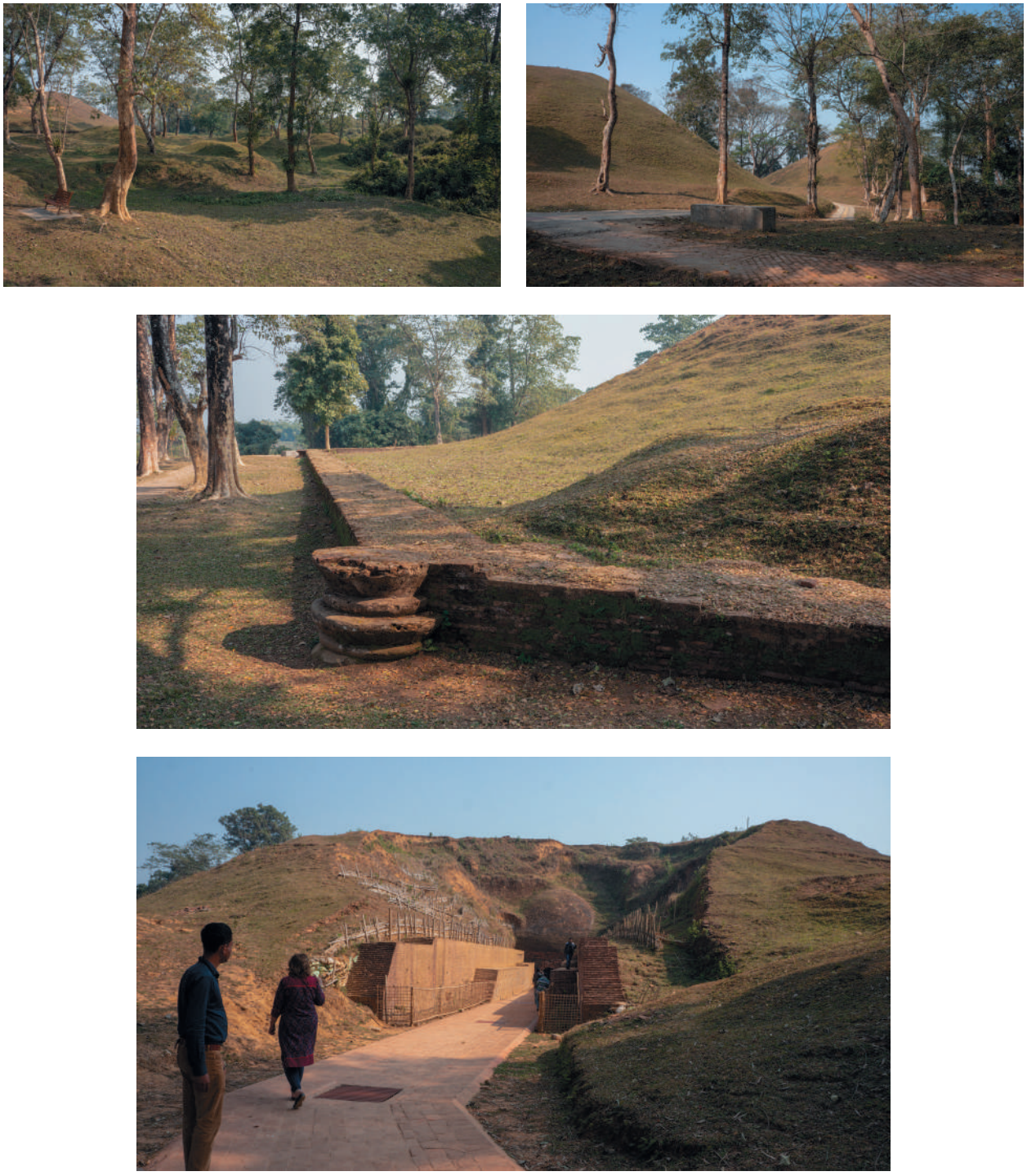


Фото 33. **Общий вид на майдамы (слева вверху), крупные майдамы (справа вверху), часть восьмиугольной каменной ограды, служащей укреплением кургана (посередине), и ритуальный проход с западной стороны (внизу)** (фото автора)

управления Индии распространяется не более чем на 30 майдамов. Крупных среди них только четыре. Диаметр майдамов № 1 и 2 — 265 м и 300 м соответственно, а майдамов № 3 и 4 — по 150 м. Многие майдамы находятся под охраной правительства штата Ассам, но много и не охраняемых (см. *Фото 33*).

Будучи историческим комплексом, сопоставимым с комплексами египетских пирамид или пирамид майя, майдамы Чарайдео в 2014 г. были включены в Предварительный список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

***

Получилось так, что начав с Рангпура, столицы Ахомского царства в XVII–XIX вв., в период его наибольшего расширения, культурного расцвета и последующего упадка, мы двигались на восток, в глубину истории — к Гархгаону с величественным Каренг-гхаром и далее к Чарайдео, столице, от которой не осталось ничего, кроме майдамов. Дерево и бамбук были основным строительным материалом не только майдамов, но и всех прочих сооружений того времени. Они не могли сохраниться в условиях влажного субтропического климата.

Конечно же, осмотренными тремя столицами далеко не исчерпываются материальные памятники исторического прошлого ахомов — теперешних ассамцев. И об этом будет рассказано в продолжении травелога.

Список литературы / References

Потабенко С. И. Мавзолеи Индии. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2019. № 1–2. С. 192–203 [Potabenko S. I. The Mausoleums of India. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2019. No. 1–2. Pp. 192–203].

Столяров А. А., Газиева И. А. Путешествие в Шивасагар. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2019. № 1–2. С. 186–191 [Stolyarov A. A., Gazieva I. A. En Route to Sivasagar. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2019. No. 1–2. Pp. 186–191].

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Chapter VI. Architectural Technology. *Shodhganga*. URL: https://shodhganga.inflibnet.ac.in/bitstream/10603/284970/13/13_chapter%206.pdf (дата обращения 14.05.2020).

Maidams at Charaideo. Sivasagar, Assam. *Guwahati Circle, Archaeological Survey of India*. URL: http://asiguwahaticircle.gov.in/publication/Chaaideo%20maidams.pdf (дата обращения 24.04.2020).

Moidams — the Mound-Burial system of the Ahom Dynasty. *Guwahati Circle, Archaeological Survey of India*. URL: http://www.asiguwahaticircle.gov.in/Tentative%20list.html (дата обращения 08.05.2020).

The Stone Bridges of the Ahom Era. *Dimorian Review*. URL: http://www.dimorianreview.com/2018/09/the-stone-bridges-of-ahom-era.html#axzz6Lx4kFgxf (дата обращения 10.05.2020).

Water Culture of the Ahoms: With Special Reference to the Sivasagar District. *Social Research Foundation*. URL: http://www.socialresearchfoundation.com/upoadreserchpapers/5/130/1703230642541st%20urbashi%20mahanta.pdf (дата обращения 20.04.2020).

DOI: 10.18254/S268684310010402-0

Яррист: Михаил Горелик между кистью и мечом

Glamdring: Mikhail Gorelik Between a Brush and a Sword

Прошло пять лет, с тех пор как ушел из жизни Михаил Викторович Горелик — известный знаток материальной культуры Востока, художник, археолог, один из отцов российского реконструкторского движения, востоковед, коллега и друг. В актуальном жанре устной истории «ВК» публикует небольшие воспоминания о Михаиле Викторовиче — Мише — Горелике, с которым долгие годы дружили участники редакции журнала.

Ключевые слова: М. В. Горелик, устная история, востоковеды, Институт востоковедения РАН, российское востоковедение, культурология.

Для цитирования: Столяров А. А., Дубровская Д. В. Яррист: Михаил Горелик между кистью и мечом. *Восточный курьер / Oriental Courier*. № 1–2. 2020. С. 243–251. DOI: 10.18254/S268684310010402-0

Five years have passed since Mikhail Gorelik, well-known expert on the material culture of the East, artist, archaeologist, one of the fathers of the Russian reconstruction movement, Orientalist, colleague, and friend, passed away. In the currently much demanded genre of oral history, OC publishes recollections of

Mikhail Viktorovich — Misha — Gorelik, with whom the editorial staff were friends for many years.

Key words: Mikhail V. Gorelik, oral history, Asiatic scholars, Institute of Oriental Studies, RAS, Russian Oriental studies, Russian orientalists, Culturology.

For citation: Alexander A. Stolyarov, Dinara V. Dubrovskaya. Glamdring: Mikhail Gorelik Between a Brush and a Sword. *Восточный курьер / Oriental Courier*. No. 1–2. 2020. Pp. 243–251. DOI: 10.18254/S268684310010402-0

Илл. 1. **Детская художественная школа «У планетария» в не сохранившемся особняке Небольсиных на Садовом кольце в Москве, где учились автор и юный Миша Горелик.** По: https://kr-presnya.paint.mos.ru/about/history/

Майкл Горелик: годы учебы

Осенью 1958 года папа отвел меня в художественную школу «у Планетария». Как я узнал уже потом, это была Краснопресненская детская художественная школа (КДХШ), известная всей тогдашней Москве. Осенью 2020 года ей исполнится 85 лет (см. *Илл. 1)*.

Сейчас школа располагается на улице Красина, а в те годы размещалась в старом особняке Небольсиных[1] на Садовом кольце. Занятия проходили по вечерам, после учебы в обычной школе. Добираться приходилось на трамвае, я почти всегда опаздывал, и весь путь от трамвая до школы преодолевал бегом. Быстрее всего добежать до школы можно было с Садового кольца, свернув к планетарию и обогнув его справа, где располагалась калитка во двор. Основной фасад здания смотрел на планетарий, а ближняя к калитке левая дверь и вела в школу. Классы были большие, светлые, окна казались огромными, особенно изнутри. В каждом классе за мольбертами сидело по двадцать учеников перед листами в ¼ ватмана, занимались рисунком или акварельной живописью. Проучился я в школе три или четыре года. Учителя перекидывали меня из класса в класс, стараясь поскорее избавиться, поскольку талантом я не блистал.

И вот где-то среди этих переходов я и увидел необычного ученика, вернее — двух учеников. Это было на перемене, когда вместо того чтобы побродить по коридору, все сгрудились в классе вокруг двух мальчиков, которые продолжали сидеть и рисовать. Я тоже подошел и увидел на мольбертах листы не с ученическими кубами, шарами или задрапированными кувшинами, а с воинами: у одного с русскими витязями в латах и при конях, а у другого — с угловатыми и узкоглазыми восточными всадниками. Это были отличники — Володя Толстиков[2] и Миша Го-

1 Не сохранился. Не путать с домом Небольсиных, он же дом Гагарина, находящимся неподалеку, на Садовой-Кудринской улице, дом 15, строение 3а (территория Филатовской детской больницы). Николай Андреевич Небольсин (1785–1846) — участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода, российский государственный деятель, московский гражданский губернатор (1829–1837), позже — московский губернский предводитель дворянства, сенатор.

2 Ныне Владимир Петрович Толстиков — заведующий Отделом искусства и археологии Античного мира ГМИИ им. Пушкина, археолог, кандидат исторических наук.

релик. Судя по всему, им было разрешено заниматься тем, что они хотели делать. Они сидели за мольбертами с невозмутимым видом и, моя кисти, сосредоточенно вглядывались в свои работы. Этакий центр тишины посреди галдящей толпы. А работы действительно были превосходные — пропорциональные, яркие, но выдержанные в едином колорите. Грамотно рисовать человеческие фигуры в разных позах тогда удавалось не каждому.

По завершении учебного года в школе обычно устраивали выставку студенческих работ. Их развешивали в классах, холлах и коридорах, дети и родители ходили толпами и разглядывали свои достижения. Я без труда обнаружил полстены акварелей с угловатыми всадниками в восточных нарядах, с кривыми клинками или длинными пиками, восседающих, скачущих или гарцующих в пышных доспехах на не менее угловатых конях. Ничего не оставалось, как стоять, восхищаться и завидовать.

Конечно же, я не познакомился тогда с Мишкой. Как-то повода не представилось.

В следующий раз я повстречал Майкла много лет спустя, в конце семидесятых или начале восьмидесятых, когда то ли до, то ли после защиты совершал набеги в ИВ АН в надежде перейти туда из ИНИОНа. Я наведывался тогда в отделы Индии, древнего Востока и памятников, и был очень удивлен, когда увидел его среди сотрудников Отдела Древнего Востока. От приятелей-архитекторов, с которыми мы, будучи студентами, ходили в конце шестидесятых по Каргополью, я слышал, что он обучался с ними в Училище 1905 года[3]. И конечно же, я тогда не знал, что одновременно с посещением нашей детской художественной школы он с 1960 г. занимался в археологическом кружке при ГИМе и участвовал в раскопках курганов и древних городищ.

Мишку я узнал сразу, на мой взгляд, он почти не изменился, хоть и носил теперь бороду и выглядел как добрый гномик. Когда я заглянул в Отдел Древнего Востока, он показывал коллеге какую-то иллюстрацию. Я заглянул через плечо и увидел такого же угловатого рыцаря-степняка на коне в восточном доспехе, похожего на тех, что висели на стене в школе у планетария. Конечно, проработка деталей и фона была значительно лучше, но манера оставалась той же, спутать автора было невозможно.

Подружились мы с ним только в девяностых, когда пришли на работу в Отдел истории Востока. Он был интересным собеседником — увлеченным и увлекающимся, любил рассказывать о реконструкциях древнего оружия, о своем даре исторического предвидения, имея в виду, что он по логике предвидел в артефакте наличие того или иного атрибута, а потом это подтверждалось раскопками. Майкл любил рассказывать истории, граничащие с небылицами, и страшно обижался, когда кто-нибудь сомневался в их правдивости. Все всегда происходило в высшей степени дружелюбно.

Таким талантливым и дружелюбным, мягким с виду, но никогда не забывавшим своих угловатых всадников в скрупулезно прописанных доспехах, и остался в моей памяти Мишка Горелик.

© 2020 А. А. Столяров[4]

Михаил Горелик о татаро-монголах, Василии Лановом, оружии и последних могиканах

Мы познакомились и быстро подружились с Мишей Гореликом в далеком 1999 году, после моего возвращения с полугодовой стажировки в Китае, о которой я делала торжественный

3 Основано в 1925 г. С 1965 по 1995 называлось «Московское государственное художественное училище памяти 1905 года». Ныне — «Московское академическое художественное училище (МАХУ)» — федеральное государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение.

4 Александр Александрович Столяров, кандидат исторических наук, доцент РГГУ, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; astol@gattamelata.com. ORCID ID: 0000-0001-9790-0256.
Alexander A. Stolyarov, PhD (History), Associate Professor, RSUH, Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; astol@gattamelata.com. ORCID ID: 0000-0001-9790-0256.

и ответственный доклад на заседании нашего Отдела истории Востока тогда еще Института востоковедения Академии наук СССР (до распада СССР нынешний ИВ РАН на радость всем непосвященным звался ИВ АНом). Мне не было еще и тридцати, а институт, где проучилась и проработала с 1982 года после окончания ИСАА, я все еще знала плохо: сначала аспирантура в Отделе Китая, во время которой я ухитрилась родить сына, потом недолгая работа в Отделе историко-культурных связей СССР со странами Востока, возглавляемом П. М. Шаститко, и, наконец, реорганизация, в результате которой в конце 1980-х гг. был создан наш прекрасный Отдел истории Востока [*Институт востоковедения…* 2018, с. 114–115], собравший ряд блестящих умов и специалистов, по разным причинам не нашедших себе места в региональных отделах, — такая небольшая институтская Америка для беженцев из других восточных стран.

Так и наша группа исследования проблем Центральной Азии под руководством Бориса Павловича Гуревича, откочевавшая из Отдела Китая, оказалась в Отделе истории, где мы жили до поры достаточно обособленно. Поэтому о том, кто такой Горелик и какими судьбами он оказался в Отделе, я толком не знала, пока мы собственно не познакомились (см. о М. В. Горелике, например, в: [*Институт востоковедения…* 2018, с. 298–301]). Миша сам заинтересовался мной как китаистом, только что вернувшимся из «страны изучаемого языка», подошел пообщаться после упомянутого доклада, а потом стал иногда обращаться с теми или иными китаеведческими вопросами.

Миша не был «карьерным востоковедом»: он закончил Отделение истории искусств истфака МГУ и был редким в наших востоковедных рядах кандидатом не исторических или филологических наук, а искусствоведения. Однако кандидатством Мишины квалификации не ограничивались — Горелик был энциклопедистом без страха и упрека; такие, конечно, встречаются в наших богатых на светлые умы и выдающуюся эрудицию академических коридорах, но Миша, помимо всей истории человечества, еще знал всю его культуру, все искусство и все оружие (см. *Илл. 2*).

Особой Мишиной страстью были земли древней Монголии, и он очень любил подчеркивать заимствования оседлых культур у культур степного кочевого пояса. Как-то я его спросила —

почему, мол, такое увлечение именно монголами (см. *Илл. 3*)? Миша ответил, что его как представителя системно угнетаемого еврейского народа всегда задевало, что в советской историографии татаро-монголы рассматривались исключительно как низкоразвитые враги и душегубы, и ему с детства хотелось защитить этот народ от недопонимания, а его культуру от упрощения. И Миша защищал монголов с оружием в руках.

Миша был очень востребован как специалист-консультант по костюмам. Он переконсультировал (и получил за это ряд престижных наград), кажется, целый сонм исторических фильмов (в частности, прославленного «Ермака») и часто ездил со съемочными командами на *натуру*, а потом оживленно и увлекательно рассказывал о съемочных приключениях. Запомнился его рассказ о Стамбуле — он вообще любил тюркский мир и Турцию и восхищался мастерством турецких ювелиров, а я люто позавидовала тому, как он облазил со съемочной бригадой все древние стены Константинополя (см. *Илл. 4*), как будто предчувствуя, что этой любви к великому городу суждено передаться и мне. Почему-то помнится, что в том стамбульском фильме снимался великий «Вася Высочество» **Василий Лановой**[5]. Сам Миша был не очень высок и склонен к полноте — в какой-то момент у него даже развился диабет, но он никогда ни на что не жаловался (разве что на дураков, но эти жалобы — общее место) и совершенно искренне отмахивался от любых болячек. «Ну и что? Диабет второго типа? Так

Илл. 2. **Михаил Горелик. Изгнание поляков из Москвы. 1612 г.**

Илл. 3. **Михаил Горелик. Монгольский воин**

5 Василия Ланового знали в народе как «Вася Высочество» вовсе не за высокий рост, как можно было бы подумать, а цитируя одну из самых знаменитых шуток золотого века театра имени Вахтангова, а именно «Принцессу Турандот» Карло Гоцци в постановке Рубена Симонова, где Лановой играл принца Калафа, и вся труппа радостно импровизировала на сцене. Именно там Николай Гриценко и обратился к Лановому «Ваше... Ваше... Вася Высочество!». См. Василию Лановому – 75. *Вахтангов. ру.* URL: http://www.vakhtangov.ru/en/mediabox/interview/press/23026. Дата обращения 28.06.2020. Фильм «Рыцарский роман» по Вальтеру Скотту. Кинопоиск. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/343287/ (дата обращения 27.06.2020).

Илл. 4. **Михаил Горелик во время съемок фильма «Рыцарский роман» в Стамбуле**

Илл. 5. **Миша Горелик с многолетним ученым секретарем Отдела истории Востока Натальей Максовной Горбуновой в 213 комнате ИВ РАН**

от него есть таблетки!» Наоборот, Миша всегда был щедр на похвалу и обладал орлиным глазом.

Вот и после той стамбульской поездки он рассказывал: «Представляешь — Лановой! Это же образец мужской породы! Он же идеален! Нам надо идти на прием, а он и говорит — я, мол, всю жизнь мечтал о настоящем блейзере. Ты представляешь — Лановой! мечтает! о блейзере! И я его отвел в магазин (а турки прекрасно шьют, Динка!), и мы купили ему блейзер — он на него сел как влитой, потому что у него же идеальный торс!» С тех пор я так всегда и вспоминаю Василия Ланового — на пару с Мишей Гореликом. И в идеальном синем блейзере, конечно.

На ежегодных отчетах Отдела перед дирекцией мы обычно сидели рядом. Миша любил потрепаться — если звонил, то минут на пятьдесят, с удовольствием сиживал в наших знаменитых глубоких кожаных креслах в 213 комнате (см. *Илл. 5*), гонял чаи и рассуждал об истории, политике и артефактах, вот и заседаниями он тоже пользовался, чтобы пообщаться, а мне приходилось делать вид, что внимательно слушаю выступающих. После смерти матери в 2008 году я пыталась занять себя разными полезными вещами — пошла учить итальянский язык, занялась живописью и рисунком, потом поступила на второе искусствоведческое образование в РГГУ. Пока училась рисовать, пыталась делать это при любой возможности, так и на одном отчете сидела и беспомощно чирикала «портреты» докладчиков в блокнотике, пытаясь простроить объем головы и нарисовать лицо так, чтобы оно подразумевало наличие затылка, как нас учили. Миша доброжелательно смотрел на эти потуги, давал какие-то советы (я-то на тот момент знала, что он прекрасный рисовальщик, а рисование с натуры вообще считал элементарным занятием), наконец я не выдержала и сказала — ну покажи класс! И он показал, буквально несколькими точными движениями с ходу набросав головы в искомом ракурсе и с требуемым объемом. Этот блокнот сохранился у меня до сих пор.

Из плюшкинского скопидомства все-таки приложу к этой статье хотя бы Мишкиных индейцев. Миша с доброжелательной покровительственностью относился к разным моим хобби, и когда я преподавала английский язык в школе, где директорствовала моя мама, и мы ставили с детьми какие-то мною же написанные пьесы, несколько раз делал «артворк» для программок. Индейцы нарисованы для первого спектакля про «Последних из могикан»; так наша театральная группа потом и называлась — «Могикане» (см. *Илл. 6*).

Илл. 6. **Иллюстрация Михаила Горелика к спектаклю «Последние из могикан»**
Из личного архива автора

Илл. 7, 8. **Войны, всадники, осады, — главные темы Михаила Горелика**

Илл. 9. **Презентация монографии «Лан Шинин, или Джузеппе Кастильоне при дворе Сына Неба» в ГАУГН и рассказ о роли, которую сыграл в ее создании Михаил Горелик (на слайде справа)**
Фото из архива автора

В девяностые годы издательство «Аванта» начало издавать свою знаменитую роскошную полноцветную многотомную детскую энциклопедию. В институте прошел слух, что для них будет, в частности, рисовать Горелик, а «Миша ерунды не нарисует»: у Миши все будет на месте — каждая подпруга и каждая чешуйка на доспехе будут подтверждены археологическими находками и доскональным знанием матчасти. Недаром Миша чуть не первым в Москве основал семейную мастерскую «**Яррист**»[6] по производству реконструкторского оружия и доспехов, широко востребованных музеями, реквизиторскими студиями и коллекционерами. В гостях показывал шлемы, клинки, мечи, кольчуги, все давал трогать, все объяснял. Знал и помнил тысячи фактов, да не просто номинально, — он понимал как поверхностные, так и подводные течения истории. Когда я с завистью спрашивала, откуда у него такая хорошая память, Миша отвечал: «Да память-то у меня никакая. Я просто все читаю по несколько раз».

Мишин художественный стиль — зубодробительно подробный, верный и по-хорошему традиционный, как ни странно, нравился не всем (см. *Илл. 7, 8*). Когда в журнале «Вокруг света», где я какое-то время работала по совместительству, встал вопрос об иллюстрировании исторических статей, я показала руководству рисунки Горелика и получила ответ — «Это как раз то, чего мы хотим избежать». Так что рисовать для ВС стал другой отличный художник, с которым мы прекрасно сработались, более «современный». Для этого художника Михаил Горелик был небожителем.

Миша все время меня куда-нибудь звал. В гости — это понятно: в забитой книгами, картинками, артефактами и опять же оружием квартире в пятиэтажке на Соколе я бывала многократно, даже с сыном, которого Миша немедленно полюбил и всегда о нем справлялся. Но Миша звал и дальше — поехать с ним в Китай (два или три раза; все маршруты у него были продуманы), сделать вместе сумасшедший проект тематического исторического парка на территории бывшей ВДНХ, написать про художника-иезуита Джузеппе Кастильоне, ведь это же так красиво! Из всех призывов я поддалась только на последний, да и то лишь спустя три года после Мишкиной смерти, когда вышла моя книга об этом итальянском художнике в Китае, посвященная памяти Михаила Горелика [Дубровская, 2018] (см. *Илл. 9*).

6 Яррист — название меча одного из главных героев эпопеи Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» (в переводе В. Муравьева и А. Кистяковского [Толкиен, 2001]) Гэндальфа Белого. В оригинале меч назывался *Glamdring*.

Иногда кажется, что Миша все еще ходит по нашим длинным извилистым коридорам исторического здания института на Рождественке. Но это, конечно, не он, а какие-то другие люди, просто иногда похожие — походным жилетом цвета хаки с тысячью карманов, или седой гривой, или общим строением тела… А настоящий Миша, увы, остался только в памяти — моей, его друзей, поклонников и последователей. Остался представителем плеяды последних могикан нашей науки и культуры — энциклопедистом, умником, мечтателем, тружеником и человеком Возрождения.

© 2020 Д. Дубровская[7]

Список литературы / References

Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н. Вспоминая Михаила Викторовича Горелика. *Археология евразийских степей.* 2017. № 5. 231–233 [Druzhinina I. A., Chkhaidze V. N. Remembering Mikhail Viktorovitch Gorelik. *Archaeology of the Eurasian Steppe.* 2017. No. 5. Pp. 231–233 (in Russian)].

Дубровская Д. В. Лан Шинин, или Джузеппе Кастильоне при дворе Сына Неба. М.: ИВ РАН, 2018. — 140 с. [Dubrovskaya D. V. Lang Shining, or Giuseppe Castiglione at the Court of the Son of Heaven. Moscow: IOS RAS, 2018. — 140 p. (in Russian)].

Золотоордынская цивилизация. Памяти Михаила Викторовича Горелика. Ежегодник. Казань, 2015 (№ 8) [*Golden Horde Civilization.* To the Memory of Mikhail Viktorovitch Gorelik. Yearly Issue. Kazan, 2015 (No. 8)].

Измайлов И. Л. Вклад М. В. Горелика в развитие отечественной военной археологии. *Археология евразийских степей.* 2017. № 5. С. 240–242 [Izmailov I. L. M. V. Gorelik's Contribution to the Development of Russian Military Archaeology. *Archaeology of the Eurasian Steppe.* 2017. No. 1. Pp. 240–242 (in Russian)].

Измайлов И. Л. Памяти Михаила Викторовича Горелика (1946–2015). *Поволжская археология.* 2015. № 1. С. 271–281 [Izmailov I. L. To the memory of Mikhail Viktorovich Gorelik (1946–2015). *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology).* 2015. No. 1. Pp. 271–281 (in Russian)].

Институт востоковедения РАН — прошлое и настоящее. К 200-летию основания. В. В. Наумкин (отв. ред.), Д. В. Дубровская (авт.-сост.). — 336 с. М.: ИВ РАН, «Наука», 2018 [*Portrait of the Institute of Oriental Studies against the Background of Russian History*. V. V. Naumkin (Ed.), D. V. Dubrovskaya (Comp.). Moscow: IOS RAS, Nauka, 2018. — 336 p.].

Рябинин А. Л. Памяти коллеги и друга. М. В. Горелик. *Восточный архив*. 2015. № 1. С. 34–35 [Ryabinin A. L. To the Memory of Colleague and Friend. M. V. Gorelik. *Oriental Archive*. 2015. No. 1. Pp. 34–35 (in Russian)].

Толкиен Дж. *Властелин Колец*. Пер. В. Муравьева, А. Кистяковского. М.: Яуза; ЭКСМО-Пресс, 2001 [Tolkien J. The Lord of the Rings. Tr. into Russian by V. Muraviev & A. Kistyakovsky. Moscow: Yauza; EKSMO-Press, 2001 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Василию Лановому — 75. *Вахтангов. ру.* URL: http://www.vakhtangov.ru/en/mediabox/interview/press/23026 (дата обращения 28.06.2020).

Горелик, Михаил Викторович. Wikipedia.org. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Горелик,_Михаил_Викторович (дата обращения 22.06.2020).

Фильм «Рыцарский роман» (по Вальтеру Скотту). *Кинопоиск*. URL: https://www.kinopoisk.ru/film/343287/ (дата обращения 27.06.2020).

7 Динара Викторовна Дубровская, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, Россия; distan@gmail.com; ORCID ID: 000-0001-9372-6553.

Dinara V. Dubrovskaya, PhD (History), Senior research fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Assistant Professor, Eastern Department of the State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia; distan@gmail.com; ORCID ID: 000-0001-9372-6553.

DOI: 10.18254/S268684310010404-2

III Съезд молодых востоковедов в Уфе (2019 г.)

The 3rd Convention of Young Orientalists in Ufa (2019)

Александр Дмитриевич Васильев

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, директор Международного российско-турецкого центра РГГУ, Москва, Россия; advasilyev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2947-4413

Alexander D. Vasilyev

PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS. Director of the International Russian-Turkish Center, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; advasilyev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2947-4413

Ксения Анатольевна Кожа

кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; koxen@mail.ru. ORCID ID: 0000-0003-2717-6156

Ksenia A. Kozha

PhD (Philology), Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia; koxen@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2717-6156

Дмитрий Александрович Марьясис

кандидат экономических наук, руководитель Отдела изучения Израиля и еврейских общин ИВ РАН, Москва, Россия; dmaryasis@ivran.ru
ORCID ID: 0000–0002–7910–4552

Dmitry A. Maryasis

PhD (Economics), Head of Israel and Jewish Communities Studies Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Assistant Professor, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia; dmaryasis@ivran.ru
ORCID ID: 0000-0002-7910-4552

Луиза Романовна Хлебникова

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший научный сотрудник кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ, заместитель директора Центра проблем безопасности и развития, факультет мировой политики МГУ, Москва, Россия; lkhlebnikova@ivran.ru
ORCID ID: 0000–0001–8479–0676

Luiza R. Khlebnikova

PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS. Senior Research Fellow, Jewish Studies Department, Institute of Asian and African Countries, MSU; Deputy Director for International and Public Affairs of the Center for Security and Development Studies, School of World Politics, MSU, Moscow, Russia; lkhlebnikova@ivran.ru
ORCID ID: 0000-0001-8479-0676

Предлагаемая статья содержит обзор основных итогов прошедшего 25–27 сентября 2019 г. в Уфе III Съезда молодых востоковедов. Проводимые с 2012 г. съезды молодых ученых продолжают традицию подобных встреч молодых исследователей Востока, начатую еще до Перестройки. За минувшие восемь лет, прошедшие со времени первого съезда, состоявшегося в подмосковном Звенигороде, слеты молодых ученых успели стать традиционной площадкой для выступлений и дискуссий начинающих свой путь в науке востоковедов из различных научных и образовательных центров не только Москвы, но и все России. На съезде прозвучало несколько десятков докладов — как молодых исследователей Востока и Африки, так и маститых востоковедов, прошли круглые столы и мастер-классы. По результатам мероприятия был снят документальный фильм.

Для цитирования: А. Д. Васильев, К. А. Кожа, Д. А. Марьясис, Л. Р. Хлебникова. III Съезд мо-

лодых востоковедов в Уфе (2019 г.). *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 252–268. DOI: 10.18254/S268684310010404-2

Ключевые слова: съезд молодых востоковедов, хроника конференции, востоковедение, научная жизнь, ИВ РАН, ГАУГН, российское востоковедение

The article provides an overview of the main results of the 3rd Congress of Young Orientalists held in Ufa on September 25–27, 2019. Conducted since 2012, congresses of young Oriental scholars continue the tradition of such meetings of young researchers of the East, begun even before Perestroika. Over the past eight years since the first congress, which took place in Zvenigorod, Moscow Region, the rallies of young scholars have become a traditional venue for talks and discussions by orientalists starting their journey in academic research from various scholarly and educational centers not only in Moscow, but throughout Russia. Several dozens of talks were delivered at the congress — both young researchers of Asia and Africa, and venerable orientalists held round tables and master classes. As a result of the event, a documentary was shot.

For citation: Alexander D. Vasiliev, Ksenia A. Kozha, D. A. Mariasis, Luisa. R. Khlebnikova. The 3rd Convention of Young Orientalists in Ufa (2019). *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 252–268. DOI: 10.18254/S268684310010404-2

Key words: Asiatic scholars convention, conference chronicle, Oriental Studies, academic life, IOS RAS, GAUGN, Russian Oriental Studies

25–27 сентября 2019 г. в Уфе проходил Третий съезд молодых востоковедов России и стран СНГ[1]. Проведение съезда стало возможным благодаря поддержке Администрации Главы Республики Башкортостан; огромный вклад в его организацию внесли также сотрудники Башкирского государственного университета, институтов Уфимского научно-исследовательского центра РАН. В состав научного комитета вошли известные отечественные востоковеды: член-корреспондент РАН В. М. Алпатов, академики РАН В. В. Наумкин, Н. Н. Крадин и Б. В. Базаров, член-корреспондент АН РБ Ф. Г. Хисамитдинова, директор Института востоковедения РАН В. П. Андросов, директор Института истории, языка и литературы А. В. Псянчин, директор Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Р. М. Мухаметзянова-Дуггал, заместитель директора Института востоковедения РАН, заместитель декана Восточного факультета ГАУГН А. К. Аликберов (см. *Фото 1*).

Оргкомитет получил около 130 заявок из городов России и других стран СНГ: Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Казани, Махачкалы, Липецка, Екатеринбурга, Баку, Вильнюса, Ташкента, Намангана, Нур-Султана, Алматы. Была представлена большая часть ВУЗов и НИИ, где проводятся востоковедческие исследования: Съезд объединил студентов-востоковедов, аспирантов и молодых научных сотрудников из ИСАА МГУ, Института Африки РАН, Института Дальнего Востока РАН, ИВ РАН, Института философии РАН, ВШЭ, МГИМО(У) МИД РФ, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Восточного факультета СПБГУ, ИВР РАН (Азиатский музей), Российского этнографического музея (Кунсткамера), КФУ, Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Дагестанского и Калмыцкого гос. университетов, Уральского федерального университета, Института востоковедения НАН Азербайджана, Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Университета ал-Фараби (Алмата), Института истории АН Республики Узбекистан и других.

На съезд были также приглашены авторитетные востоковеды, с участием которых прошел ряд мастер-классов (см. *Фото 2*). Известный уйгуровед, профессор университета «Туран» *А. К. Камалов* (Алматы) провел методологи-

1 Первый съезд прошел в Звенигороде под Москвой в 2012 г., а второй в 2013 г. в Баку.

Фото 1. **Выступление заместителя директора Института востоковедения РАН, заместителя декана Восточного факультета ГАУГН А. К. Аликберова о новых подходах в востоковедении** (фото © Д. Моева)

ческий **мастер-класс «“Большая игра” в Центральной Азии. Парадигма и нарратив»**, посвященный анализу исследовательских подходов к изучению соперничества Великих держав за влияние в Центральной Азии. На примере политики Великих держав в Синьцзяне Камалов продемонстрировал существующие национальные нарративы — изложение событий Большой игры глазами российских, западных, центрально–азиатских, уйгурских и китайских ученых. В ходе мастер-класса были предложены следующие направления исследований:

1) Изучение истории «снизу» в противовес традиции изучения Большой игры «сверху» (т. е. переход к изучению частных, локальных сюжетов в противовес общим, генерализованным темам)

2) изучение истории «изнутри» — изучение исторической памяти народов Центральной Азии и, зачастую, психо-исторических травм

3) изучение истории повседневности

4) изучение субалтернов (изучение сложных связей второстепенных или внерегиональных участников Большой игры, ее субъектов, второстепенных и зависимых акторов)

5) изучение «устной истории» как отражение социально-политических процессов, особенно актуальное для изучения региона в конце XIX – начале XX в.

6) социально-экономическая история

7) сравнение сведений китайских, европейских и местных источников (в китаеведении).

Ведущий дал молодым коллегам рекомендации по формулированию темы исследования,

Фото 2. **Аблет Камалов, Леонид Фитуни, Ирина Абрамова, Ирина Попова, Галина Мишкинене и другие маститые востоковеды** (фото © Д. Моева)

выбору методологии, анализу источников. Директор Института восточных рукописей РАН, член-корреспондент РАН *И. Ф. Попова* провела **мастер-класс «Кисть и калам. Методика работы с восточными рукописями из российских коллекций»** (см. *Фото 3*). Мастер-класс проводился по следам одноименной выставки, незадолго до открытия съезда прошедшей в Петербурге и вызвавшей большой общественный интерес. И. Ф. Попова завладела вниманием аудитории, задав вопрос о том, зачем в наш высокотехнологичный век нужны манускрипты и почему необходимо прилагать колоссальные усилия к сохранению рукописного наследия? Поискам ответов на эти вопросы и был посвящен мастер-класс, открывавший эпохи рукописного творчества восточных народов, детективные истории поиска и открытия документов, неожиданные повороты в судьбах документов и новые подходы к их исследованиям, описанию и каталогизации.

Профессор, главный научный сотрудник ИВ РАН *А. В. Акимов* провел **мастер-класс «Новая система производительных сил на базе технологий четвертой промышленной революции»**. В последние годы сформировалось представление о четвертой промышленной революции, как о важнейшем этапе развития современного производства и общества в целом. В качестве ее основных черт выделяют Интернет, робототехнику, искусственный интеллект и обучающиеся устройства. Для общественных наук наибольшее значение представляет вытеснение живого труда из производства. Ряд процессов предопределил эту тенденцию:

1) микроминиатюризация в электронике, выведшая размеры производимых изделий за пределы, физиологически доступные для глаз и рук человека

2) потребность в повышении качества изделий. В силу физиологических ограничений человек допускает отклонение от необходимых действий, приводящих к браку, тогда как современное оборудование этого не допускает

3) удорожание рабочей силы не только в развитых странах, но и Китае и новых индустриальных странах

4) конкурентное преимущество непрерывно работающего автоматизированного оборудования по сравнению с использованием рабочей силы.

Профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований ИМЭМО РАН» *И. Д. Звягельская* провела **мастер-класс «Устойчивый диалог как способ разрешения конфликтов на Ближнем Востоке и в Центральной Азии»**. Автор, лично участвовавшая в работе устойчивых диалогов, рассказала об истоках Дартмутской конференции и роль в ее продвижении Гарольда Сондерса, заместителя госсекретаря США (1978–1981 гг.) и архитектора Кэмп-дэвидского мирного процесса, завершившегося подписанием

Фото 3. **Директор Института восточных рукописей РАН Ирина Попова готовится к подписанию договора о сотрудничестве между Институтом восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), Уфимским федеральным исследовательским центром РАН (УФИЦ РАН) и Башкирским государственным университетом (БашГУ)**
(фото © Д. Моева)

Фото 4. **Слева: Директор Института Африки Ирина Абрамова и заместитель директора ИАфр Леонид Фитуни. Справа: Ирина Абрамова приветствует участников съезда** (фото © Д. Моева)

мирного договора между Израилем и Египтом. Ключевой проблемой в международных отношениях, как заявила Ирина Доновна, является неправильное прочтение намерений друг друга. Автор подробно рассказала про 5 стадий устойчивого диалога, включающие готовность сторон вступить в диалог; установление отношений в группе; совместный анализ причин конфликта и возможностей выхода из него; создание динамики отношений и составление рекомендаций. Мастер-класс вызвал огромный интерес: прозвучало много интересных вопросов, например, о будущем палестино-израильского урегулирования и о втором треке американо-российских отношений по Сирии.

Профессор, зам. директора Института Африки РАН, член-корреспондент РАН *Л. Л. Фитуни* провел **мастер-класс «Размышления экономиста о догоняющем развитии, демографическом дивиденде, превратностях статистики и перспективах экономического роста Африки».** Ведущий поставил под сомнение тезис о том, что «догоняющее развитие» африканского континента будет продвигаться именно так, как его рисуют базовые африканские стратегии развития, и так, как о них принято говорить в последнее время в российской научной литературе. Большое внимание было уделено переоценке роли «демографического дивиденда»[2] в странах Африки: для наступления благоприятных соответствующих эффектов нужно создавать более производительные рабочие места. Ведущий в доступной и увлекательной форме увязал экономическую проблематику догоняющего развития с развертывающимся и стимулируемым рядом внешних игроков процессом «омоложения элит». Л. Л. Фитуни (см. *Фото 4*) дал классификацию и описание трех типов поведенческой модели африканской молодежи в вопросах политической активности и в заключение систематизировал классификацию фундаментальных причин, по которым происходят статистические просчеты, объяснив, как привести оценки развития к более реалистичным сценариям.

С приветствиями и дружескими напутствиями к участникам съезда обратились **В. В. Наумкин** (профессор, д. и. н., научный руководитель ИВ РАН, академик РАН), **И. О. Абрамова** (профессор, директор ИАфр РАН, член-корр. РАН), **Ф. Г. Хисаметдинова** (д. ф. н., профессор, член-корр. АН РБ), **Р. Р. Фахрутдинов** (д. и. н., профессор, директор Института Международных исследований КФУ), **А. К. Аликберов** (д. и. н., зам. директора ИВ РАН), **Н. Н. Телицын**

2 Демографический дивиденд — потенциальный экономический рост, возникающий в результате изменений в возрастной структуре населения, когда доля трудоспособного населения от 15 до 64 лет больше, чем доля нетрудоспособного населения в будущем.

(д. ф. н., профессор, зав. Кафедрой Тюркской филологии СПбГУ), **Г. А. Мишкинене** (профессор, руководитель Центра тюркологических исследований Вильнюсского университета; см. *Фото 6*), **Н. Н. Крадин** (д. и. н., профессор, Директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, член-корр. РАН).

Заседания съезда проходили в рамках секций по филологии, истории, экономике, политологии, религии и философии, культуре, искусству и образованию. Прошел также круглый стол, посвященный истории развития городов Востока, а члены Оргкомитета и почетные гости провели ряд открытых лекций для студентов уфимских ВУЗов и всех интересующихся востоковедением.

По традиции рабочую программу открывала **филологическая секция**. Научное содержание секции оказалось ярким и разнообразным и, вместе с тем, позволило участникам задуматься о комплексных проблемах языкознания и источниковедения, раскрывая параллели, аналогии и различия в языковых и текстовых материалах исследований. Высокий уровень лингвистического анализа был задан в первых же докладах секции.

К. А. Алиева (СПбГУ) представила семантический анализ форм *–miš* и *–dï* в древнетюркских языках в диахроническом развитии. В исследовании предпринята попытка определения кластера аспектуальных значений у форм, традиционно приписываемых к формам категории времени в тюркских языках огузского типа. С этой целью на материале древнетюркских языков проведен анализ ситуаций употребления указанных форм, их семантики и генерализация их значений.

И. В. Рабинович (ВШЭ) представил исследование характеристики звукового строя арабского языка VIII в., изложенной в «Книге» Сибавейхи — уникальном и наиболее обсуждаемом источнике знаний по грамматике арабского языка. Автор использовал современную западную классификацию звуков арабского языка, представленную в книге Сальмана Аль-Ани. Докладчик выдвинул гипотезу о том, что звуковая система языка как отдельная объективная реальность и физическое явление наравне с собственно звуком, должна описываться на основе схожих принципов как в рамках какой-либо одной лингвистической традиции (арабской), так и в двух автохтонных лингвистических традициях, развивавшихся отдельно друг от друга: в арабской и в европейской.

Весомый вклад в работу секции внесли башкирские филологи. Так, *Н. И. Хабибуллина* совместно с *А. Ю. Куланчиным* (БГПУ) представили дискуссионный доклад об арабских и персидских заимствованиях в башкирском языке. Авторы отметили интенсификацию процесса заимствования из арабского языка и возрождение лексического пласта фарсизмов, вызванных бурным развитием межкультурных связей и ростом интереса к ирано- и арабоязычной культурам.

Л. К. Ишкильдина (ИИЯЛ УФИЦ РАН) рассказала о сложной истории формирования системы согласных башкирского языка, где явления общетюркского характера сосуществуют со специфическими процессами, свойственными лишь башкирскому языку. Так, к общетюркским относится явление сингармонизма, озвончение глухих смычных согласных [п], [к], [қ] при аффиксации и др., в то время как в исконной лексике в конце слова не допускается употребление звонких согласных [б], [д], [г], [ғ], что характерно для кыпчакских языков.

Узкоспециальную направленность секции расширили необычные по тематике доклады *Г. Р.* и *А. И. Шагаповых* о лексике и внутренних механизмах игрового фольклора народов Востока. *Г. Р. Шагапова* представила увлекательное исследование об «игре с веревочкой», универсальной для самых различных культурных регионов мира. Выступление сопровождалось увлекательным видеорядом. *А. И. Шагапова* (самый юный участник Съезда) рассказала о скрытых культурных кодах детских игр в прятки и считалочек, несущих глубинный сакральный смысл. Авторы выдвинули ряд оригинальных гипотез: в счи-

талках мы имеем дело с последними стадиями проживания ритуалов и явно ощущаем ритмическую структуру архаичных языков и обрядов.

Фольклорным традициям и обрядам башкирского народа был посвящен доклад *Г. Г. Шамсутдиновой* (ИИЯЛ УФИЦ РАН), исследовавшей широко распространенный тюркский эпос «Кузыйкурпес и Маянхылыу»[3]. Автор отметила тесную связь отраженных в эпосе обрядов и обычаев с формированием национальной традиции, особенностями быта отдельного этноса, правилами повседневного поведения представителей этого этноса.

Географический ареал языкового материала, охваченного в исследованиях участников заседания, протянулся от дальневосточных рубежей Азии до внутренних регионов Африки. Так, *К. А. Кожа* (ИВ РАН) представила историческую канву теоретических изысканий по китайскому языку в России XIX в., основы которых были заложены выдающимся русским синологом о. Иакинфом – Бичуриным. Автор выявила ряд характерных параметров языкового описания той эпохи (изыскания о генезисе и структуре иероглифической письменности, привязка к латинской модели выделения частей речи, попытки фонетического транскрибирования средствами европейских языков и др.), с опорой на которые в докладе были представлены критические замечания Бичурина к работам европейских синологов о китайском языке.

Л. Р. Франгулян (ИВ РАН) перенесла слушателей в эпоху египетского средневековья, рассказав об уникальном памятнике коптской агиографии —«Мученичестве Иоанна Фаниджойтского (XIII в.)». Текст этого мученичества — редкий литературный феномен, поскольку написан на коптском языке в начале XIII в., когда жители Египта говорили и писали на арабском. В выступлении автору удалось передать и саму атмосферу содержания этого агиографического источника, и развернуто представить критерии, на основании которых текст следует отнести к историческим мученичествам.

Запомнился участникам яркий по содержанию доклад и иллюстративная презентация *Н. В. Сафоновой* (ИВ РАН) о жанре бестиария на средневековом Востоке. Бестиарии, являясь частью корпуса христианской литературы, хорошо изучены и описаны в мировой научной литературе, однако в корпусе арабо-мусульманской литературы бестиария в его классическом виде не существовало (на арабский язык был переведен греческий «Физиолог»). Переводу, распространению и влиянию этого текста на сюжеты о животных в разных жанрах литературы, а также параллелям, существующим между жанрами, описывающими животных на Востоке и Западе в указанный период, и было посвящено выступление.

Перекликались доклады *С. А. Искандаровой*, представившей обзор персоязычных рукописей поэтического содержания из фонда рукописей ИИЯЛ УФИЦ РАН, *Д. М. Магомедова* (ИЯЛИ им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН) об арабоязычном наследии народов Дагестана и *Н. Р. Салих* (ИИГУ БашГУ) о коллекциях арабографичных рукописей Института рукописей Матенадаран (Ереван) и Грузинского национального центра рукописей (Тбилиси). Докладчики инициировали оживленную и конструктивную дискуссию, обменялись сведениями, добытыми в ходе многотрудной работы с фондами, наметили перспективы коллегиальной работы в будущем.

Подводя итоги работы филологической секции Съезда, отметим дружественную атмосферу заседаний и творческий обмен мнениями между начинающими исследователями и старшими коллегами. В силу специфики предмета филология — не столь динамично развивающаяся отрасль знания, требующая углубленного анализа исходных данных, зачастую добытых полевым методом, прежде чем какие-либо обобщения станут доступны исследователю. Большинство

3 Версия Тимофея Беляева, записанная и переведенная на русский язык в начале XIX в. и изданная в 1812 г.

докладчиков продемонстрировали прочную методологическую основу, готовность искать подходы к сложным языковым и текстовым материалам даже в тех областях, где исследовательский инструментарий пока не совершенен.

В связи с большим количеством докладов, **секция по политологии** была разделена на два заседания, прошедших в один день. Модераторами выступили **Л. Р. Хлебникова** (ИВ РАН), **Р. Р. Тухватуллин** (БашГУ) и **Д. А. Милеев** (ИВ РАН).

В рамки **ближневосточного блока секции политологии** вошла **«турецкая серия»**, посвященная внешней и внутренней политики Турции, самая большая по количеству выступавших. *Р. Ш. Хасанов* (ЮФУ) был единственным, кто фокусировался исключительно на внутриполитическом развитии Турции, в частности на изменениях в турецкой партийной системе, происшедшей в связи с конституционной реформой 2017 г. Особое внимание автор уделил электоральному продвижению ряда партий с выраженным этническим компонентом: прочеркесской Партии плюралистической демократии и прокурдской Демократической партии народов.

И. Г. Ревенко (РГГУ) посвятила доклад пантюркизму и неоосманизму в современной внешней политике Турции, подчеркнув, что концепции пантюркизма и неоосманизма тесно сплетены и являются основными составляющими турецкого евразийства. Выступление вызвало оживленную дискуссию среди участников и гостей мероприятия, полемизировавших о целесообразности использования этих двух терминов. В рамках обсуждения внешней политики Анкары *Э. Я. Адигозалова* (РГГУ) представила анализ эволюции политики Турции в 2014–2019 гг. на Ближнем Востоке, уделив особое внимание роли Р. Эрдогана в усилении претензий Турецкой Республики на роль лидера в регионе.

А. Р. Иванова (РГГУ) посвятила выступление современным взаимоотношениям Турции и Европейского Союза, выделив отдельно проблему вступления Анкары в ЕС и подчеркнув малую вероятность того, что Турция станет членом ЕС, что не будет означать прекращения сотрудничества в области энергетики, миграции, борьбы с международным терроризмом и др. *Я. Р. Дергачева* (РГГУ) выступила с анализом турецко-французских отношений, как их истории, так и современного состояния.

Несколько докладов было посвящено внешней политике Исламской Республики Иран. *Т. Р. Хайруллин* (ИАфр РАН), открывая **«иранскую серию»**, представил анализ иранского исламизма как инструмента для достижения регионального лидерства на примерах отношений с Ираком, Сирией и Ливаном, подчеркнув, что Иран, не являясь арабской страной, продвигает «шиитский проект» исламизма в Ираке, Сирии и Ливане, направленный на объединение шиитских (и шире — несуннитских) общин в государствах арабского региона. По мысли докладчика, проект позволил укрепить стратегическую ось Иран – Ирак – Сирия – Хезболла.

Ф. Э. Ибрагимов (ИМЭМО) выделил этапы эволюции сотрудничества Ирана и Азербайджана, указав, что динамика отношений не была статичной и постоянно менялась. Сегодня разные факторы, как глобальные, так и региональные, влияют на характер отношений между двумя государствами. Одним из важных сфер для взаимодействия является проект международного транспортного коридора (МТК) «Север – Юг».

Ш. С. Галбацова (Дагестанский Гос. Университет) посвятила доклад торгово-экономическому сотрудничеству между Дагестаном и Ираном, в проведении которого играет большую роль заключенный в 1997 г. Меморандум о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. Докладчик заключила, что экономическое сотрудничество Дагестана с Ираном имеет тенденции к росту.

В работе секции выделилась и **«арабская серия»** с докладами, посвященными арабским странам Ближнего Востока. *Р. Ш. Мамедов* (РСМД) представил анализ влияния инструментов внешней помощи на формирование политических элит в Ираке в пост-игиловский период. В докладе, ставшем результатом исследования

в рамках проекта «Дилеммы содействия укреплению государственности в странах Ближнего Востока и Северной Африки в условиях формирования новых угроз миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности»[4], было подчеркнуто, что проблема восстановления страны — один из важнейших вопросов для всех политических сил Багдада. После Международной конференции по восстановлению Ирака в Кувейте (2018 г.) многие игроки, в том числе страны Европейского союза и Персидского Залива, обещали инвестировать в Ирак, но на практике существенных подвижек не произошло; основной причиной нежелания предоставлять помощь Ираку стала структурная и функциональная слабость Багдада, включая коррупцию и вызовы безопасности.

В. А. Матросов (ВШЭ, ГАУГН) посвятил доклад эволюции концепции «Великой Сирии» в риторике политических лидеров Сирии и Ливана в XX – нач. XXI в., разобрав истоки появления идей «большой», «исторической», «Великой» Сирии, а также содержание концептов исторически обусловленной «однородности» (*таджа̄нус*) сирийской нации и «совместного существования» (*муса̄кана*).

«Израильская серия» секции политологии была открыта выступлением *Е. А. Якимовой* (ИВ РАН), представившей исследование деятельности израильских арабских партий, играющих важную роль в политической жизни Израиля, до и после выборов в Кнессет 21 созыва. Докладчик заключила, что на данный момент арабские партии не смогли разрешить назревшие проблемы, что усугубляет кризис доверия к ним со стороны израильского общества и усиливает их маргинализацию, приводя к отказу от признания в качестве полноправных потенциальных партнеров по правительственной коалиции.

Л. Р. Хлебникова (ИВ РАН) (см. *Фото 5*) выявила новые тенденции в восприятии Еврейского государства и американо-израильских отношений политическими партиями США. Республиканская партия США в целом продолжает традиционно поддерживать еврейское государство, в свою очередь, в демократической партии, наоборот, растет критическое восприятие действий израильского руководства. Автор подчеркнула, что проблема трансформации внепартийной поддержки американских политиков Израиля играет весомую роль в будущем американо-израильского партнерства. Ближневосточный блок был закрыт выступлением *М. С. Садыгзаде* (ВШЭ), представившим анализ роли ЦУР ООН как фактора стабилизации ближневосточного региона.

Африканский блок секции политологии был представлен *У. Н. Кудашевым* (ИИГУ БашГУ), сфокусировавшимся на разработке тактических ракет в странах Африки южнее Сахары и заключившем, что государства региона не смогли разработать качественные тактические ракеты, в основном приобретая или разрабатывая неудачные копии, например, иранских ракет. Тем не менее зачастую наличие этого вооружения производит сильное психологическое воздействие на соседние страны. Докладчик был единственным спикером на секции, представившим видеоролик, где были собраны кадры тестирования тактических ракет в Судане, что вызвало особый интерес участников мероприятия.

Азиатско-тихоокеанский блок был открыт выступлением *О. А. Добринской* (ИВ РАН, ДА МИД РФ), посвященным отношениям в треугольнике Япония – Индия – Китай, имеющим большое значение для понимания процессов, разворачивающихся в регионе. Высокий уровень экономической зависимости Японии и Индии от Китая, как и индийская политика невступления в союзы позволяют предположить, что в треугольнике будет сохраняться определенное равновесие. Изменения в рамках треугольника будут зависеть от взаимоотношений его игроков с США, стратегии Вашингтона в регионе, а также политического курса руководства входящих в него стран. *Р. Л. Казарьян*

4 Грант РФФИ №1737–01018–ОГН, руководитель В. И. Бартенев.

Фото 5. **На заднем плане — представители оргкомитета (они же авторы статьи Л. Хлебникова Д. Марьясис и А. Васильев) в приятных хлопотах** (фото © Д. Моева)

(ИВ РАН) выявил перспективы решения Корейского вопроса в первой половине XXI в., указав, что проблема ликвидации раскола Кореи и воссоединения двух государств с разными политико-экономическими и идеологическими системами остается долгосрочной и сложной задачей, трудновыполнимой в условиях продолжающихся санкций в отношении КНДР. Огромное значение для стабилизации ситуации имеет усугубляющийся торгово-экономический конфликт между США и Китаем, играющим все большую роль в урегулировании вопросов вокруг КНДР.

М. А. Пахомова (ВКИЯ МИД РФ, ИВ РАН) выделила особенности политической культуры Китая на примере отношений КНР со странами Ближнего Востока. В выступлениях высших руководящих лиц по вопросам ближневосточной политики КНР часто используются фразы, призванные приравнять возраст китайской и исламской цивилизаций, постоянно встречается указание на давнюю и благополучную историю двусторонних отношений, не омраченную конфликтами. Это весьма традиционный и характерный прием китайской дипломатии по отношению ко всем партнерам, например, России и США. *Д. А. Милеев* (ИВ РАН) посвятил выступление европейскому направлению японской внешней политики на современном этапе.

На **секции по истории** были заслушаны доклады Д. М. Тимохина, И. Р. Саитбатталова, О. Г. Власовой, Д. В. Возчикова, Д. Г. Кукеева, О. М. Курниковой, А. В. Рягузовой, А. М. Евмененко, Д. А. Носова, А. А. Жаворонкова, Г. В. Лукьянова.

Д. М. Тимохин (ИВ РАН) сделал доклад об относительно мало востребованном современными исследователями монгольского завоевания Центральной Азии, Ирана и сопредельных регионов историческом источнике — сочинении арабского историка Абу Шама ал-Макдиси (1203–1267) «Услада глаз в описании государств известных и могущественных и что было в них во времена татар», содержащем множество малоизвестных данных по истории монгольских завоеваний. *И. Р. Саитбатталов* (ИИГУ БашГУ) уточнил биографические данные писателя, историографа и богослова Тадж ад–Дина ибн Йалчигула, видного мусульманского интеллектуала Урало-Поволжья рубежа XVIII–XIX вв., сравнив различные списки работы «Тарих нама-и Булгар», имеющие разночтения, касающиеся хронологии жизни автора, с ревизскими сказками из государственных архивов Татарстана и Башкортостана.

О. Г. Власова (ЛГПУ) рассмотрела институт императорской власти в Японии. Сочетание религиозной и номинальной политической жизни в руках императора, при наличии реальной власти в руках премьер-министра и Парламента дает пример синкретизации традиции и модернизации. Подобный строй был бы нежизнеспособным без признания императорской династии главной ценностью государственного культа. следует изучать этот опыт.

Д. В. Возчиков (УрФУ) рассмотрел политическую карту Индии второй половины XVI в. глазами венецианского купца Чезаре Федеричи (ок. 1521–1601), проведшего восемнадцать лет на Ближнем Востоке, в государствах Индии и Юго-Восточной Азии. Отчет о его поездках, «Путешествие мессера Чезаре де Федеричи в Восточную Индию и по ту сторону Индии», был опубликован в Венеции в 1587 г. Федеричи несколько раз останавливался в португальских колониях (Ормуз, Гоа, Малакка и др.), и в его отчете прослеживается значительное влияние португальского нарратива о Южной Азии. Венецианец детальное описание городов и государств Юго-Восточной Азии — Камбеи; Гуджаратского султаната, империи Великих Моголов, Диу, Виджаянагара, их политического, военного и торгового потенциала. Хотя торговые пути и товары интересовали купца куда более исторических событий, в его отчете нашли отражение политические сдвиги в истории Южной Азии второй половины XVI в. — исчезновение с международной арены одних держав (Гуджаратский султанат), упадок других (Виджаянагар) и экспансия третьих (империя Великих Моголов).

Д. Г. Кукеев (КалмГУ) в докладе «О сходствах пограничной политики Джунгарского ханства и Цинского Китая в Центральной Азии» затронул актуальную тематику политического наследия джунгар, постаравшись рассмотреть пограничную политику Джунгарского ханства и Цинского Китая в этом регионе. В докладе был представлен процесс формирования пограничной политики Джунгарского ханства и Цинской империи по отношению к их приграничным территориям и рассмотрены сходства и различия стратегий контроля пространств, населенных кочевыми и полукочевыми народами.

А. В. Рягузова (ЛГПУ) в докладе «Новые данные о деятельности индийского ревкома в Ташкенте в 1920 г.» рассмотрела попытки советского руководства использовать Туркестан как «революционную базу» для экспорта революции на Восток. Ярким примером такой деятельности Коминтерна был Временный всеиндийский центральный Ревком, одним из основателей которого был член Третьего Интернационала индийский революционер Манабендра Натх Рой. В ноябре 1920 г. Ревком разработал мало отвечавшую индийским реалиям программу; большинство индийцев в Ташкенте не были готовы к принятию коммунистической платформы в борьбе против Великобритании.

А. М. Евмененко (РГГУ) в докладе «Значение битвы при Чанаккале в национально-освободительной борьбе в Турции» рассмотрел значение этого сражения для формирования политического авторитета Мустафы Кемаля Ататюрка и роль Галлиполийской обороны в исторической памяти турок.

Фото 6. **Выступление профессора Галины Мишкинене (Вильнюсский университет) на открытии съезда**
(фото © Д. Моева)

Д. А. Носов (ИВР РАН) выступил с докладом «Монголия 1920-х гг. глазами студентов: отчеты слушателей Ленинградского Института Живых Восточных Языков как источники по культурной истории МНР», рассмотрев доклады востоковедов — слушателей и студентов ЦИЖВЯ о длительных командировках в Монголию, продолжавшихся не менее одного учебного года. Материалы архивов Улан-Батора и Санкт-Петербурга) позволили восстановить историю работы и путешествий троих студентов, оставивших впоследствии значительный след в отечественном монголоведении — В. А. Казакевича (1896–1937), Ц.-Д. Номинханова (1898–1967) и Л. С. Пучковского (1899–1970).

А. А. Жаворонков (ЛГПУ) в докладе «Военное сотрудничество между СССР и Афганистаном в 1927–1929 гг.» рассмотрел историю военно-технической поддержки Советской Россией правительства Аманулла-хана в конце 1920-х гг. Взявшее курс на модернизацию вооруженных сил правительство Аманулла-хана продолжало закупать в СССР крупные партии вооружения и военной техники, приняв решение в течение 1927 г. оборудовать в Кабуле завод для изготовления бездымного пороха. Однако несмотря на советскую военную помощь Аманулла-хан отрекся от престола и не сумел сохранить власть.

Г. В. Лукьянов (ВШЭ, ГАУГН) в докладе «Ливийская революция 1969 г. в отечественной и зарубежной историографии (в преддверии 50-летней годовщины)» рассмотрел эволюцию взглядов и исследовательских подходов к событиям сентября 1969 г. в Ливии, приведшим к свержению монархии и приходу к власти «молодых офицеров» во главе с Муаммаром Каддафи. Вплоть до начала второго десятилетия XXI в. данный сюжет являлся одним из центральных в национальной историографии и имел сакраментальное значение для национальной политики исторической памяти. Но если из собственно ливийского дискурса «революцию завоевателей» (1969) последовательно начали вытеснять «февральская революция» (2011) и «революция достоинства» (2014), то в зарубежном дискурсе данное понятие продолжают относить к событиям 1969 г., значительно видоизменяя его интерпретацию.

В 2019 г. по инициативе сотрудников ИВ РАН начал реализовываться совместный с НИУ ВШЭ **проект, посвященный изучению городов Востока**, и одной из площадок, где велась работа по проекту, стал III съезд молодых востоковедов в Уфе, для чего в программу был включен круглый стол «Города Востока: традиции функционирования, новые вызовы и их решения».

Заседание открыл *А. Д. Васильев* (ИВ РАН, РГГУ), рассказавший о своеобразной встрече Востока (османский город Эрзерум) и Запада (русская военная администрация). В докладе

Фото 7. **Александр Васильев открывает заседание докладом об Эрзеруме** (фото © Д. Моева)

рассматривалось, насколько эффективно военные могут осуществлять управление гражданским населением и насколько европейский взгляд на вещи и европейские инструменты управления адаптируются под нужды восточного города. Из доклада сложилось впечатление, что ответы на эти вопросы скорее отрицательные. Как отметил в дискуссии сам докладчик, само российское командование не нашло способов организовать эффективное взаимодействие с элитными группами местного населения Эрзерума (см. *Фото 7*).

Заседание круглого стола продолжилось выступлением *Н. В. Шиловой* (ВШЭ), посвященным вопросам городского планирования в Израиле. На примере Израиля докладчик проанализировала суть конфликта между сторонниками краткосрочных децентрализованных планов развития городской застройки и сторонниками долгосрочных программ. Несмотря на специфичность израильского примера представляется, что конфликт такого рода актуален не только для этой страны, что позволяет экстраполировать примененные методы для исследования схожей проблематики других стран.

М. Е. Кузнецова-Фетисова (ИВ РАН) связалась с участниками круглого стола из Китая, где находилась в рабочей командировке. Ее выступление, посвященное особенностям строительства жилых помещений в Китае во II тыс. до н. э., было сделано в жанре «научного путешествия»[5]. Столкнувшись с проблемами отопления в старых китайских домах на личном опыте, докладчик решила исследовать эту проблему, взяв в качестве объекта сохранившиеся строения Великого города Шан. Наблюдения автора доклада представляют безусловный интерес: так, древние китайцы очень долго использовали печи не для обогрева помещений, а в определенных производствах.

В. В. Мальцева (ВШЭ) поделилась соображениями о трансформации исторических центров городов Средней Азии, представив в докладе облик и структуру городов указанного региона. В качестве объекта сравнения был выбран один из полисов Древней Греции. Докладчик наглядно продемонстрировала, что и в XXI в. структура средневекового города (на примере четырех городов современного Узбекистана) во многом сохранена и проанализировала результаты изменений городской застройки последних лет (в отсутствие четкой продуманной политики возможно разрушение исторического облика городов, входящих в список культурного наследия ЮНЕСКО). В докладе поднята существенная тема сохранения баланса между прошлым, настоящим и будущем в развитии города.

Круглый стол прошел в живой непринужденной атмосфере, вместив в себя множество вопросов и обсуждений. Участники отметили разницу в методах и подходах к исследованиям городов, продемонстрированную востоковедами и урбанистами. Вместе с тем, эти методы не противоречат, а являются комплементарными, что позволяет надеяться на успешное сотрудничество двух групп исследователей в рамках проекта «Города Востока».

В рамках третьего дня работы Съезда состоялось заседание **экономической секции**. Работа открылась выступлением **Д. А. Марьясиса** (ИВ РАН), посвященным технологическим возможностям организации общественной жизни вне государственных рамок в контексте событий на Ближнем Востоке. Основной тезис доклада заключался в том, что с экономической точки зрения в современном мире нет необходимости в наличии государства как института. Управление и развитие может осуществляться с использованием современного информационно-коммуникационного и финансового инструментария. В ходе дискуссии участники обсудили, насколько возможна реализация предложенной идеи в реальности, а не на концептуальном уровне, ведь общество боле консервативно, чем технологии, и вряд ли готово быстро принять кардинальные изменения.

Э. Э. Имамкулиева (ИВ РАН) подняла активно обсуждаемую в экономических и полити-

5 См. соответствующую рубрику «ВК».

ческих кругах тему устойчивого развития, рассмотрев арабские страны в XXI в. По уровню интенсивности реализации концепции были выделены три группы арабских стран, при этом автор отметила, что ни одна из стран не перешла к новым моделям производства полностью. Докладчик показала, что уже сделано, а что предстоит сделать арабским странам, чтобы трансформировать национальные хозяйства для обеспечения устойчивого развития.

После двух макроэкономических тем заседание продолжилось выступлением по микроэкономической проблематике. *А. И. Бизяев* (ИВ РАН) рассказал о сути тендерной конкуренции (или конкуренции за рынок) на примере автобусных перевозок в Израиле. После общетеоретического вступления, раскрывающего экономическую суть проблемы, докладчик показал, как реализация концепции сказалась на автобусных перевозках в Израиле, придя к выводу, что рассмотренный подход повысил эффективность работы системы, представляющей собой абсолютный продукт западного типа мышления в Израиле. Отвечая на вопрос, насколько она эффективна в странах Востока, докладчик счел ее вполне релевантной. Насколько он прав, покажет время.

В докладе *Д. П. Елагина* (МГИМО) проанализировано взаимовлияние вооруженных конфликтов и специфики экономического развития Афганистана на основе качественных и количественных методов анализа. Докладчик изложил основы использованного метода и некоторые базовые экономические подходы, раскрывающие суть такого взаимовлияния, обратившись далее к афганскому опыту и показав наличие в стране существенного теневого сектора, во многом связанного с производством и торговлей наркотиками; высокую степень децентрализации экономической системы страны; слабость официального сектора экономики и официальных экономических институтов. Доклад вызвал много вопросов. Одной из основных тем обсуждения стала роль наркотиков в экономическом развитии Афганистана и наличие возможностей принципиально изменить ситуацию.

Заседание завершилось выступлением *Н. Р. Масумовой* (МГИМО), посвященным анализу особенностей модернизации современной экономики Турции. В докладе с привлечением большого количество было показано, что модернизация Турции отличается внедрением в значительную часть экономических укладов и социальных страт общества, при этом существенно завися от внешних не всегда положительных факторов. Автор полагает, что, несмотря на прогресс, модернизация экономики Турции еще не завершена.

Секция, посвященная культуре, искусству и образованию, открылась докладом *В. А. Зуевой* (РГГУ) «Турция на пересечении европейской и азиатской культур», посвященным предварительному обзору взаимовлияния европейских и восточных элементов в культуре Турции. На секции были также представлены доклады *М. В. Вершининой* (ИСАА МГУ) «Выдающиеся азербайджанские просветители конца XIX – начала XX вв. и их вклад в развитие прессы на Восточном Кавказе»; *Н. Т. Абдуллажановой* (НамИСУ) «Творчество Абу Райхана Беруни в исследованиях русских востоковедов»; *М. А. Другомиловой* (ИВ РАН) «Мужчина-абориген и женщина-аборигенка Австралии в работах отечественных востоковедов»; *М. С. Кругловой* (ИЭ РАН, ГАУГН) «Маттео Рипа: гравер при дворе императора Канси»; *С. Т. Назаровой* (Институт Истории АН РУз) «Исследователи Туркестана: история музыки и театра в работах востоковедов»; *В. Ю. Холова* (Институт Истории АН РУз) «Зарождение концепции Центральной Азии как Востока в исследованиях британских интересов и Британский ориентализм»; *А. А. Хаперстковой* (РГГУ) «Современная политика Турции в области культуры и образования в странах бывшего Советского Союза»; *В. В. Цибенко* (ЮФУ) «Развитие востоковедения в Южном федеральном университете: промежуточные итоги и перспективы»; *Н. В. Казуровой* (МАЭ РАН) «Национальный иранский кинематограф как социокультурный феномен»; *К. М. Воздиган* (МАЭ РАН) «“Племенной шик” и “образ другого”: способы репрезентации адиваси в современной массовой культуре Ин-

дии»; *А. Ю. Куланчина* (БГПУ) «Неизвестные страницы из жизни востоковеда Заки Валиди»; *М. А. Гильманова* (Уфимская городская башкирская гимназия № 20) «Воспитание подрастающего поколения (джигитов) на примере башкирских народных сказок»; *К. Кеменгера* (ЕНУ) «Казахская молодежь, обучавшаяся в медресе “Галия”».

Особенное внимание участников секции привлек доклад *А. К. Саргсян* (РГГУ) «Особенности различных стилей турецкого народного танца». Докладчица рассказала о традициях танца у тюркских народов Евразии и об их синтезе с танцевальными традициями других народов Малой Азии, объяснив особенности мужских и женских танцев и обрядов, с ними связанных, сопровождая рассказ многочисленными примерами. Автор пояснила, что участвует в ансамбле восточного танца «Фаджар», и теоретический интерес к турецкому танцу у нее связан с практической деятельностью.

Секция религиоведения и философии открылась докладом *З. Р. Хабибуллиной* (ИЭИ УФИЦ РАН) «Хадж в религиозных и коммуникативных практиках мусульман России». В докладе, основанном на материалах, полученных в ходе исследования мусульманского сегмента Интернета (контент-анализа текстовых материалов, фото и видео), рассматривались вопросы цифровизации хаджа и святых мест. Хадж проецируется в Интернете через фотографии, социальные сети, блоги, материалы онлайн-СМИ. Участвуя в кибердискуссиях по вопросам хаджа, просматривая аудио и видео, не совершающие паломничество мусульмане имеют возможность приобщиться к нему онлайн. Селфи как одна из сторон виртуализации хаджа, представляет собой одну из граней такого масштабного явления как цифровизация святых мест.

А. А. Лукашев (ИФ РАН) в докладе «Бог и мир как действующее и претерпевающее (на материале творчества Санаи Газнави)» рассмотрел доктрину единобожия действий Газнави (1087–1130), наложившую отпечаток на особенности его текстов. Если единобожие самости рассматривает Бога как своеобразную монаду, то единобожие действий характеризует Бога как единственный источник действий, в связи с чем Санаи рассматривает отношение Бога к миру как действующего к претерпевающему. Представляет интерес, как отношение «действующе-претерпевающей» в качестве инвариантной формы описания отношения «Бог – мир» функционирует в текстах родоначальника суфийского философско-дидактического эпоса.

Р. С. Абдулмажидов (ИИАЭ ДНЦ РАН) в докладе «Особенности взаимодействия адата и шариата в правовой культуре Дагестана XVIII–XIX вв.» провел текстологический анализ дагестанских правовых кодексов. При формировании большинства правовых установлений, содержащихся в дагестанских сборниках адатов, важную роль играло мусульманское право, рецепция которого происходила в Дагестане постепенно. Не случайно ряд исследователей указывают, что «в новое время» в правовой культуре горцев установилась тенденция к поиску компромисса между адатом и шариатом; вместе с тем, в Дагестане адат и шариат нередко вступали в противоборство.

Г. М. Гиззатуллина (ИИЯЛ УФИЦ РАН) в докладе «Духовное и религиозное наследие лиро-эпического жанра мунаджат» рассмотрела особый вид фольклора, где отражаются религиозные, духовные и душевные аспекты человеческого бытия. Произведения этого жанра создаются для обучения, воспитания и просвещения, отражая жизнь как со стороны отношений с Высшей Силой и следования ее законам, так и со стороны обучения последующих поколений нравственно-моральным устоям, обычаям, традициям, духовному опыту предков.

И. Х. Миняжетдинов (ИВ РАН) в докладе «Экуменизация ислама: религиозная и политическая составляющие феномена» выделил основные факторы проблемы: взаимодействие современного международного экуменического движения с мусульманскими сообществами, диктуемое глобализацией, столкновение экуменических и исламских духовных ценностей

Фото 8. **Завершение съезда. Фото на память: организаторы и участники Третьего съезда молодых востоковедов России и стран СНГ** (фото © Д. Моева)

и специфические черты концепции «диалога религий» в экуменизме. Специфика заключается в понимании «диалога» как инструмента управления конфессиональным фактором во внутриполитических процессах того или иного региона. Решающий фактор — глобальная религиозная унификация, грозящая разрушением духовного суверенитета исламской уммы России.

Участники съезда отметили высокий уровень прозвучавших докладов и положительно оценили широкий охват затронутых тем (см. *Фото 8*). Такого эффекта позволил добиться именно формат съезда, так как обычно конференции в основном организованы либо по страновому, либо по узкому отраслевому принципу. В завершение было принято решение продолжать практику проведения молодежных школ, оказывающую положительное влияние на профессиональный рост молодых востоковедов, способствующую развитию профессиональных навыков, знаний и связей с коллегами из других регионов и государств постсоветского пространства.

Работа и неформальное общение участников съезда и маститых востоковедов нашли отражение в фильме[6], автор которого — корреспондент ИВ РАН Дарья Моева (ей же принадлежат фото, иллюстрирующие этот отчет).

Электронные ресурсы / Electronic Sources

В Уфе прошел съезд молодых востоковедов России и СНГ. *Bash.News.* URL: https://bash.news/news/106298-v-ufe-proshel-sezd-molodykh-vostokovedov-rossii-i-sng. Дата обращения 24.06.2020.

Третий съезд молодых востоковедов. Уфа. *YouTube.* 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=YX9ar6GM3vs. Дата обращения 24.06.2020.

Третий съезд молодых востоковедов. *ИВ РАН.* URL: https://www.ivran.ru/novosti?artid=13901. Дата обращения 24.06.2020.

6 Третий съезд молодых востоковедов. Уфа. *YouTube.* 2019. URL: https://www.youtube.com/watch?v=YX9ar6GM3vs. Дата обращения 24.06.2020.

DOI: 10.18254/S268684310010405-3

Хроника онлайн конференции молодых ученых «Осмысляя Восток» (2020 г.)

Online Conference of Young Scholars "Understanding the East", 2020

Григорий Валерьевич Лукьянов

старший преподаватель департамента политики и управления в составе факультета социальных наук НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН, Москва, Россия; gvlukyanov@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-5569-2492

Grigoriy V. Lukyanov

Senior Lecturer in the Department of Politics and Management at the Faculty of Social Sciences of the Higher School of Economics, Junior Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia; gvlukyanov@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-5569-2492

В статье представлен обзор основных результатов II (онлайн)-конференции молодых ученых «Осмысляя Восток», проходившей в Zoom 23–24 апреля 2020 г. Проводимая во второй раз (первая прошла весной 2019 г.), научно-практическая конференции молодых ученых стремится сформировать новую традицию междисциплинарных встреч молодых исследователей Востока из различных университетов и научных центров. В этом году прошла первая онлайн-конференция такого масштаба, проведенная совместно Институтом востоковедения РАН и Восточным факультетом Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН). Предполагается, что подобные онлайн-конвенции молодых востоковедов станут традиционной площадкой для знакомства и академического общения начинающих ученых, проводящих исследования в различных научных и образовательных центрах по всей России. На конференции прозвучало несколько десятков докладов; молодые исследователи Азии и Африки провели несколько секций под руководством маститых востоковедов, также присоединившихся к ним через ZOOM.

Для цитирования: Г. В. Лукьянов. Хроника онлайн конференции молодых ученых «Осмысляя Восток» (2020 г.). *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 269–279. DOI: 10.18254/S268684310010405-3

Ключевые слова: онлайн конференция, хроника конференции, востоковедение, научная жизнь, ГАУГН, российское востоковедение, Zoom

The article provides an overview of the main results of the 2nd Online Conference of Young Scholars "Understanding the East" held in Zoom on April 23–24, 2020. Conducted since 2019, academic and practical Conferences of young scholars try to form a new tradition of multidisciplinary meetings of young researchers of the East. This was the first on-line conference of such scope, held jointly by the Institute of Oriental Studies, RAS (IOS RAS), and the Oriental Department of the State Academic University for the Humanities (GAUGN). Such conventions of young Oriental scholars are thought to become traditional venue for discussions and talks by juvenile academics starting their journey in research from various scholarly and educational centers throughout Russia. Dozens of talks were delivered at the Conference — young researchers of Asia and Africa held several panels, led by venerable orientalists, joining them via ZOOM.

For citation: Grigoriy V. Lukyanov. Online Conference of Young Scholars "Understanding the East", 2020. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1–2. Pp. 269–279. DOI: 10.18254/S268684310010405-3

Key words: online conference, conference chronicle, Oriental Studies, academic life, GAUGN, Russian Oriental Studies, Zoom

23–24 апреля 2020 г. впервые в онлайн-формате состоялась вторая всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Осмысляя Восток», организованная совместно Восточным факультетом Государственного академического университета гуманитарных наук (ВФ ГАУГН) и Институтом востоковедения РАН (ИВ РАН).

Молодежные академические чтения по востоковедению, в соответствии с замыслом организаторов, призваны стать регулярно собирающейся инклюзивной универсальной научно-образовательной платформой, в рамках которой молодые ученые из различных высших учебных заведений России смогут обсудить широкий круг актуальных теоретических и прикладных вопросов изучения истории, культуры, экономики и политики стран Азии и Африки, а также поделиться наработками и размышлениями в области теории и методологии востоковедных исследований. Начиная с 2019 г., когда прошла первая конференция, к участию в ней ежегодно приглашаются студенты бакалавриата и магистратуры, обучающиеся в российских и зарубежных университетах по направлениям подготовки «Востоковедение и африканистика», «История», «Культурология», «Международные отношения», «Политология», «Право», «Регионоведение», «Филология», «Философия», «Экономика» и «Юриспруденция», а также аспиранты и соискатели ученой степени, занимающиеся исследованиями в области изучения Востока — а именно истории, культуры, политики, экономики и права стран и народов Азии и Африки, а также истории, традиции и методологии их изучения в Росси и за рубежом.

Одной из отличительных особенностей конференции следует считать принципиальное желание организаторов следовать классической традиции проведения академических симпозиумов и направленность на приобщение к ней нового поколения молодых исследователей. Миссия конференции заключается в том, чтобы приумножать возможности межпоколенческого диалога в российском востоковедении и способствовать обогащению академической науки молодыми кадрами. В этом отношении конференция организована в рамках сотрудничества Государственного академического университета гуманитарных наук и Института востоковедения РАН, главным результатом которого ранее стало создание Восточного факультета под руководством действи-

тельного члена Российской академии наук, научного руководителя ИВ РАН, академика РАН, доктора исторических наук Виталия Вячеславовича Наумкина.

Все заявки, поступающие в адрес организационного комитета, содержат тезисы предлагаемого заявителем выступления. Заявки проходят обязательное многоуровневое слепое рецензирование на предмет соответствия критериям, предъявляемым к докладам конференции по содержанию и оформлению. В процессе рецензирования и оценки заявок принимают участие не только представители организационного комитета, но также руководители и модераторы секций, а также приглашенные преподаватели Восточного факультета и профильных подразделений Института востоковедения РАН. Решение принимается коллегиально по итогам обсуждения итогов рецензирования и заочного анонимного голосования приглашенных экспертов по каждой поступившей заявке. Данные процедуры позволяют не только отобрать к участию лучшие доклады, но и задать высокую планку последующей работы как для участников, так и для организаторов.

Один из идейных вдохновителей и соучредителей конференции, **руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН Василий Александрович Кузнецов** в интервью для этого отчета отметил: «У нас получилась замечательная конференция, демонстрирующая как большое разнообразие исследовательских процессов молодых востоковедов, так и высокое качество их научной деятельности. … Очень важно, что в конференции принимают участие студенты самых разных востоковедческих вузов — *тем самым формируется единое профессиональное сообщество, которому суждено определять облик нашей науки в долгосрочной перспективе*».

Основополагающую роль в распространении информации о конференции сыграли социальные сети, формируемые сообществом российских востоковедов — научных сотрудников академических институтов и исследовательских центров, преподавателей университетов, студентов и практиков, работающих в различных сегментах государственной службы, общественном секторе и бизнесе в различных регионах Российской Федерации и за рубежом. Благодаря этому сотрудничеству в конференции уже два года подряд принимают участие не только представители московских востоковедных центров, но и молодые исследователи из Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода и других российских городов, где сложились и успешно развиваются собственные школы востоковедных исследований.

Особо следует отметить роль самоорганизующихся сообществ молодых исследователей и студенческих организаций, оказавших содействие в информировании всех интересующихся о факте существования и проведения конференции и организации процесса подачи коллективных заявок. Так, Ближневосточные клубы Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, МГИМО(у) МИД РФ, Института стран Азии и Африки и Факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, а также Российская ближневосточная ассоциация оказали неоценимую помощь в организации ближневосточной секции конференции: представители этих студенческих объединений не только сами приняли участие в работе конференции в качестве докладчиков, но и организовали сбор заявок среди заинтересованных учащихся своих факультетов.

Модераторами и дискуссантами сессионных заседаний, принимающими активное участие в обсуждении каждого представленного доклада, уже традиционно выступают преподаватели Восточного факультета и научные сотрудники профильных структурных подразделений Института востоковедения РАН, а также приглашенные востоковеды, ученые теоретики и практики, из других организаций.

Первая конференция «Осмысляя Восток» прошла 17 мая 2019 г. в стенах Института востоковедения РАН и собрала в рамках 7 тематических секций 57 докладов участников из университетов и научных центров Москвы (ГАУГН, МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО(у) МИД РФ, НИУ ВШЭ, РГГУ, МГЛУ, Дипломатическая

академия МИД РФ, РГСУ), Санкт–Петербурга (СПбГУ), Казани (К(П)ФУ), Красноярска (СФУ), Нижнего Новгорода (НИНГУ им. Н. И. Лобачевского), Томска (ТГУ). На открытии конференции с приветственным словом к участникам и гостям конференции обратился **декан Восточного факультета академик РАН В. В. Наумкин.** В течение двух дней конференции параллельно работали секции по лингвистическим и историческим (руководитель — профессор школы исторических наук НИУ ВШЭ, д. и. н. Алексей Леонидович Рябинин), социально-экономическим (руководитель — ведущий научный сотрудник Отдела Израиля и еврейских общин ИВ РАН, к. э. н. Дмитрий Александрович Марьясис), политологическим исследованиям (руководитель — старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН, к. ф. н. Константин Михайлович Труевцев) и исследованиям международных отношений (руководитель — старший преподаватель факультета социальных наук НИУ ВШЭ Григорий Валерьевич Лукьянов), а также отдельные секции корейских (руководитель — ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН, к. и. н. Константин Валерианович Асмолов) и исламских исследований (руководитель — профессор ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, д. и. н. Владимир Викторович Орлов).

Проведение второй конференции «Осмысляя Восток» в 2020 г. было омрачено распространением в мире эпидемии вируса COVID–19, а потому оказалось под вопросом из-за мер самоизоляции, введенных в России на государственном уровне. Тем не менее организационным комитетом было принято решение не отменять и не переносить конференцию, как это было сделано в отношении многих других мероприятий, а провести ее в формате видеоконференции на базе платформы для организации мультимедийных конференций Zoom.

Изменение формата проведения конференции не только не привело к уменьшению числа желающих принять в ней участие, а наоборот — число заявок на порядок возросло, что потребовало ужесточения критериев отбора. Принимая во внимание особенности работы в онлайн-формате, оргкомитет в сотрудничестве с руководителями секций и модераторами сессионных заседаний принял решение провести конференцию в два рабочих дня в формате двух укрупненных секций, разделенных на тематические заседания.

По итогам завершения второго дня работы конференции руководитель секции дальневосточных исследований **заведующий кафедрой стран Дальнего Востока ВФ ГАУГН А. Л. Рябинин** заключил: «Все заседания показали, что общение *online* способно творить чудеса и создавать тот уровень ноосферы, о котором мечтал еще академик В. И. Вернадский».

В итоге, во второй конференции «Осмысляя Восток» приняли участие 46 студентов бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, обучающиеся в российских университетах и институтах Российской академии наук. Помимо учащихся московских высших учебных заведений (ГАУГН, МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО(у) МИД РФ, НИУ ВШЭ, РГГУ, Финансовый университет при Правительстве РФ), представили доклады и приняли участие в обсуждении студенты и аспиранты из Санкт-Петербурга (СПбГУ), Казани (К(П)ФУ), Нижнего Новгорода (ННГУ им. Н. И. Лобачевского), Перми (ПГНИУ), Улан-Удэ (Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова). В общей сложности на конференции были представлены на уровне докладчиков 11 российских университетов из 6 городов Российской Федерации. Вниманию участников конференции были представлены 43 доклада по актуальным темам востоковедных исследований.

Работа конференции проходила в рамках двух параллельных секций, объединивших, соответственно, ближневосточные и дальневосточные исследования. Каждая из секций была разделена на тематические сессии, которые в свою очередь проходили последовательно в течение двух дней работы конференции 23 и 24 апреля 2020 г. в формате онлайн конференцсвязи в системе Zoom.

Секция дальневосточных исследований. За два дня работы секции дальневосточных исследований были представлены и обсуждены 17 докла-

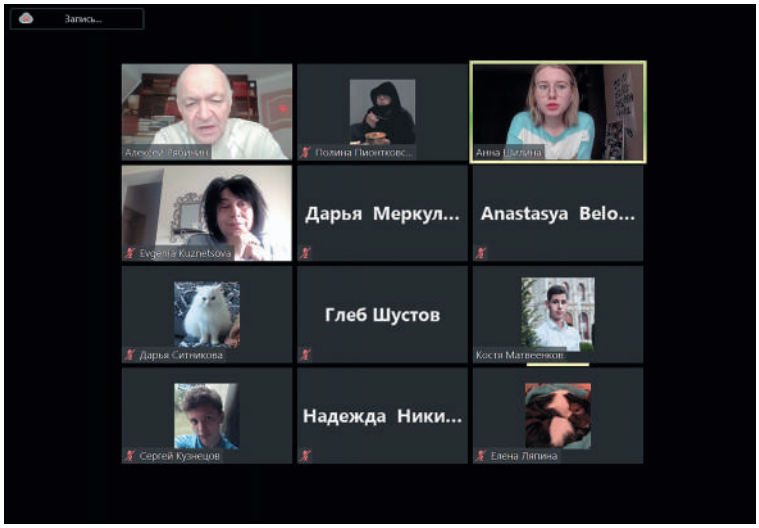


Фото 1. **Секция дальневосточных исследований**

дов, посвященных различным аспектам изучения истории и современности политического, экономического и культурного развития обществ Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии. Руководителем секции выступил заведующий кафедрой стран Восточной Азии ВФ ГАУГН, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ А. Л. Рябинин. Выступив на открытии секции, он также руководил работой состоявшихся в ее рамках сессий «История», «Политика и управление» и «Международные отношения» (см. *Фото 1*).

В первый день конференции участники секции в рамках **сессии «История»** заслушали шесть докладов, четыре из которых сделали студенты московских университетов и по одному — коллеги из Казани и Улан–Удэ. Среди всех докладов лучшим, по мнению руководителя секции, явился доклад Ильи Колнина, студента выпускного 4 курса образовательной программы «Востоковедение» Школы востоковедения НИУ ВШЭ, «Дао и чжи люэ; 島夷誌略 (Краткое описание островных чужеземцев»; 1349 / 1350) и его влияние на последующие экспедиции Чжэн Хэ (1405–1433)». Интерес вызвали также сообщения Баясхалана Чимитдоржиева из Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова о буддийской модели теократии во Внутренней Азии, а также доклад Арслана Мингалиева и Ферузы Башкирцевой, представлявших Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, о традиционной архитектуре и повседневной жизни Туркестана в фотоматериалах Этнографического музея Казанского университета. Половину всех докладов представили студенты Восточного факультета ГАУГН: Александр Задорожный изложил свое видение развития сельскохозяйственных технологий в средневековом Китае, Георгий Погосян поделился соображениями о деятельности католических и протестантских движений в Корее периода японской колонизации, а Николай Шестаков описал китайско-индийский конфликт, обозрел его предысторию и предпосылки. С точки зрения А. Л. Рябинина, все докладчики проявили значительные исследовательские способности и показали значительные возможности развития своего научного потенциала.

Работой **сессии «Культура»** руководила кандидат исторических наук Динара Викторовна Дубровская, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, доцент кафедры стран Восточной Азии ВФ ГАУГН. Восточный факультет ГАУГН на сессии представили студентка бакалавриата Меланья Ильичева с докладом о Джузеппе Кастильоне как ярком представителе китайской живописи нача-

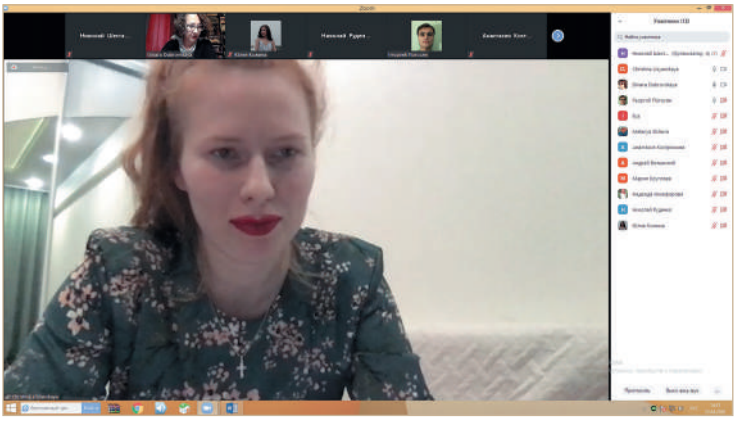


Фото 2. **Докладчик — Кристина Лисянская**

ла XVIII в. и студентка магистратуры Кристина Лисянская с сообщением о жанрово-стилистических особенностях китайского комического дискурса, рассмотренном ею на примере текстов в жанре *сяншэн* (см. *Фото 2*). Представительница НИУ ВШЭ Анастасия Костромина представила доклад «Образы Шанхая и Гонконга в произведениях Чжан Айлин (1920–1995) “Любовь, разрушающая города” и “Опилки райского дерева. Первый аромат”» (см. *Фото 3*), а представительница славных традиций Восточного факультета Санкт–Петербургского университета Юлия Кожина рассмотрела проблемы перевода романа «Цветы в зеркале» Ли Жучжэня на иностранные языки (на примере английского, корейского и русского языков).

Во второй день на заседании секции дальневосточных исследований в рамках **сессии «Политика и управление»** было представлено 3 доклада. Ксения Меркулова из Казанского (Приволжского) федерального университета описала преимущества японской бизнес-системы Кайдзэн и привела примеры ее успешного применения в России. Санат Жилкибаев, аспирант московского Финансового университета, подробно описал эволюцию Гражданского кодекса в КНР, представив его как экономическую конституцию в «новую эпоху» постмаоистского Китая. Кира Савина из НИУ ВШЭ убедительно продемонстрировала возможности персуазивной стратегии на примере выступлений президента РК Мун Чжэина. Все докладчики проявили большую заинтересованность и исследовании своих предметов и готовность к дальнейшему научному творчеству.

На заседании **сессии «Международные отношения»** было заслушано 5 докладов, из которых

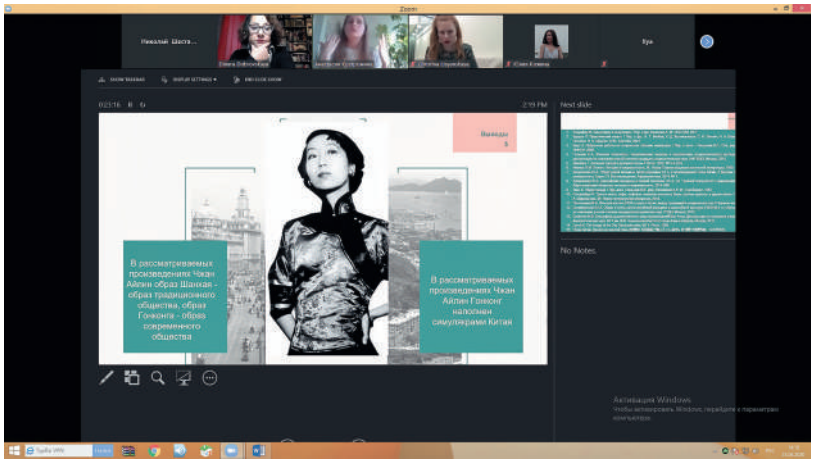


Фото 3. **Фрагмент презентации доклада «Образы Шанхая и Гонконга в произведениях Чжан Айлин (1920–1995) “Любовь, разрушающая города” и “Опилки райского дерева. Первый аромат”»**

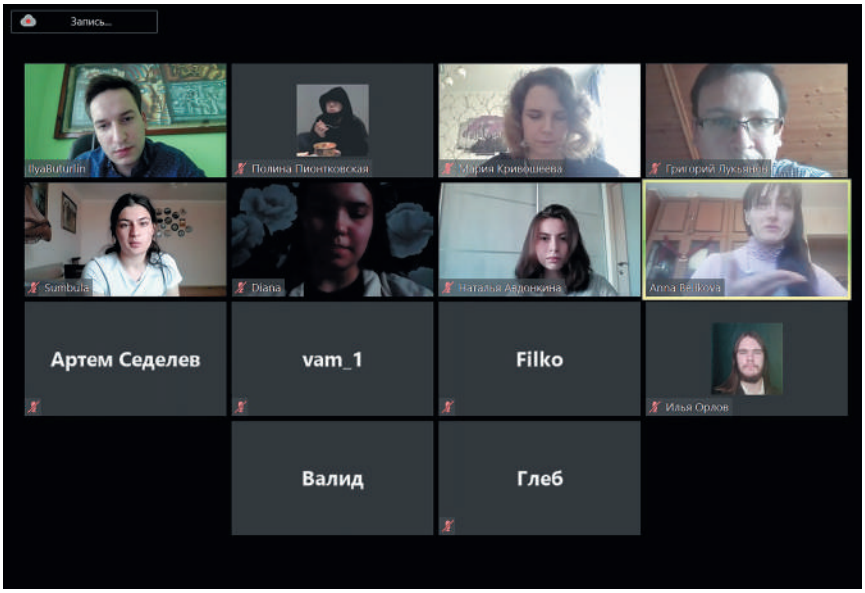


Фото 4. **Секция ближневосточных исследований**

один принадлежал студентке из Нижнего Новгорода, а все остальные — москвичам и москвичкам. Наиболее интересными докладами явились, по мнению руководителя секции, выступления двух студентов МГИМО. Сергей Кузнецов представил доклад о конкурентном трансрегионализме как факторе международной жизни в Евразии, описав при этом почти все региональные, трансрегиональные и суперрегиональные союзы в Евразии. А Константин Матвиенко поведал об особенностях технологической войны между Китаем и США, заключающихся в своеобразном процессе «расщепления» (decoupling) отношений двух великих держав. Бурную дискуссию вызвало выступление Дарьи Меркуловой из Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобаческого, в котором она рассмотрела роль «культурной революции» в КНР в контексте международных отношений на современном этапе. О принципах конструирования взаимных образов России и Республики Корея в СМИ обеих стран рассказала студентка Анна Шилина из НИУ ВШЭ, а Надежда Никифорова из ГАУГН сделала доклад о развитии послевоенной внешней культурной политики Японии и ее влиянии на современный образ Японии. А. Л. Рябинин высоко оценил качество как самих докладов, представленных участниками, так и дискуссии, развернувшейся вокруг них.

Секция ближневосточных исследований. В рамках секции состоялось шесть тематических заседаний: «Культура, религия и общество», «История, политика и экономика», «Политика, религия и общество» 23 апреля, «Международные отношения» 24 апреля. Работа секции ближневосточных исследований была начата приветственным вступительным словом ее научного руководителя — Василия Александровича Кузнецова, руководителя Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН.

Модераторами тематических заседаний стали Анна Алексеевна Беликова, главный специалист службы внешних коммуникаций информационного телеканала RT и старший преподаватель кафедры информационного обеспечения внешней политики Факультета мировой политики МГУ, Григорий Валерьевич Лукьянов, старший преподаватель Факультета социальных наук НИУ ВШЭ и кафедры стран Ближнего Востока ВФ ГАУГН, и Валерий Анатольевич Матросов, преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ и кафедры стран Ближнего Востока ВФ ГАУГН (см. *Фото 4*).

Посетили секцию ближневосточных исследований и приняли участие в дискуссиях авто-

ритетные российские востоковеды и зарубежные исследователи: В. В. Наумкин, научный руководитель ИВ РАН и декан ВФ ГАУГН; И. Л. Алексеев, доцент кафедры современного Востока РГГУ; А. А. Куделин, доцент кафедры стран Ближнего Востока ВФ ГАУГН; доктор Абдулла Валид Латиф, советник по экономическим вопросам посольства Королевства Бахрейн в Российской Федерации, доцент кафедры русского языка Багдадского университета (Ирак); доктор Уаннес Хафьян, директор Института языков Туниса Карфагенского университета (Тунис); Руслан Шакирович Мамедов, менеджер ближневосточных программ Российского совета по международным делам (РСМД); Дмитрий Александрович Тарасенко, научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ).

В первый день работы конференции на площадке **сессии «Культура, религия, общество»**, проходившей под руководством А. А. Беликовой, было заслушано и обсуждено при большом интересе участников и гостей пять докладов, посвященных различным аспектам истории и культуры народов Ближнего Востока и сопредельных регионов. Президент Ближневосточного клуба ИСАА МГУ Сумбула Султанова представила фундированное сообщение о представления о зороастризме и зороастрийцах, бытовавших в средневековых мусульманских источниках. Уникальный доклад, в котором была аргументирована необходимость выделить «муташайтина» в отдельный класс сверхъестественных существ в арабском фольклоре, представила студентка Школы востоковедения НИУ ВШЭ Мария Кривошеева. Описанию характера и особенностей влияния кинематографа на литературное творчество иранского прозаика Садека Хедаята был посвящен доклад студентки РГГУ Дианы Муллахметовой. Живой отклик аудитории вызвало сообщение студента Школы востоковедения НИУ ВШЭ Ильи Бутурлина о развитии и современном состоянии популярной музыки на Арабском Востоке. Завершил заседание насыщенный деталями доклад Натальи Авдонкиной из Санкт-Петербургского университета о современных тенденции в области негрузинской топонимии в контексте миграционных процессов в Восточной Грузии.

В рамках **сессии «История, политика и экономика»**, прошедшей под руководством старшего преподавателя Г. В. Лукьянова, вокруг четырех представленных докладов развернулась продуктивная дискуссия с участием не только самих докладчиков, но и многочисленных приглашенных экспертов и гостей конференции. Никита Ганжа из Школы востоковедения НИУ ВШЭ в докладе «Проблемы рассмотрения экономического аспекта “Мукаддимы” Ибн Хальдуна в российском востоковедении», сконцентрировал внимание вокруг проблем перевода и концептуального осмысления интеллектуального наследия великого мусульманского мыслителя в отечественной науке. К обсуждению доклада присоединился и подробным образом его прокомментировал один из ведущих российских исследователей наследия Ибн Хальдуна доцент кафедры современного Востока РГГУ И. Л. Алексеев. Два доклада сессии оказались посвящены различным аспектам социально–политического и политико-экономического развития Арабской республики Египет. Илья Орлов, представлявший сразу два университета, в которых он обучается, ГАУГН и НИУ ВШЭ, рассмотрел законодательное измерение политики централизации и децентрализации административной системы АРЕ в последней трети XX и первой четверти XXI вв., выделив различные факторы, способствовавшие трансформации той или иной тенденции от Анвара Садата до Абдул-Фаттаха ас-Сиси. В свою очередь, Антон Сажин из Пермского государственного университета обозначил существующие подходы к разрешению проблемы продовольственной безопасности в Египте на рубеже XX–XXI вв. Оба доклада стали хорошей основой и поводом для конструктивного обсуждения влияния географических факторов на социально–политическое развитие и нестабильность в современных государствах Ближнего Востока и Северной Африки. В этом ключе дискуссия была продолжена докла-

дом студента факультета социальных наук НИУ ВШЭ Кирилла Резнова о влиянии ресурсного проклятие на трансформацию гибридных режимов на Ближнем Востоке.

Сессия «Политика, религия и общество» под руководством преподавателя Восточного факультета В. А. Матросова включала пять очень разных по содержанию и тематической направленности, но одинаково отличающихся высоким качеством доклада. Марьям Беларби, студентка Восточного факультета ГАУГН, подробно рассказала о недостатках и рисках религиозной политики египетских властей в период оккупации Сирии войсками Мухаммеда Али в 1831–1840 гг. Вадим Шалупкин из Высшей школы экономики представил подробный доклад о причинах кризиса военной диктатуры Ибрагима ʻАббуда и возникшей в результате борьбы за власть в Судане в 1958–1964 гг. Президент Ближневосточного клуба МГИМО Артем Седелев выступил с сообщением, в котором представил результаты работы по сбору и систематизации современной англоязычной историографии деколонизации Договорного Омана. Также представитель МГИМО Миша Мкртчян рассмотрел особенности процесса адаптации модели консоциативной демократии к политическим реалиям Иракской Республики. Студентка МГУ Мария Руновская выступила с докладом на тему «Гендерное неравенство и положение женщин в армии в Израиле», не оставившем равнодушным никого из участников. Развернувшаяся дискуссия отличалась не только дружелюбной атмосферой, но и высоким содержательным уровнем.

Сессия «Международные отношения» оказалась разделена на три тематические заседания: «Региональные конфликты и кризисы в регионе Ближний Восток и Северная Африка», «Мягкая сила во внешней политике государств Ближнего и Среднего Востока», «Внешняя политика Саудовская Аравия на современном этапе». За время работы сессии было представлено и обсуждено 10 докладов и сообщений, общее руководство и модерацию осуществлял Г. В. Лукьянов.

Открыла работу сессии сообщением о динамике развития отношений Турции и ЕС в контексте европейского миграционного кризиса студентка МГИМО Татьяна Захарова. Для нее, как и для студентки НИУ ВШЭ Елизаветы Мареевой, представившей результаты сравнительного анализа подходов к концептуализации проблемы «Талибана» в Афганистане при Дж. Буше младшем и Д. Трампе (см. *Фото 5*), выступление на конференции «Осмысляя Восток» стало первым и при этом весьма успешным опытом участия в научных мероприятиях подобного уровня. Еще одна представительница НИУ ВШЭ Александра Фокина обратилась к весьма перспективной и актуальной теме изучения одностороннего насилия в отношении гражданского населения в условиях вооруженных конфликтов и представила результаты своего анализа на примере Гражданской войны в Алжире 1991–2002 гг. Вызвал живой интерес у аудитории и стал началом весьма

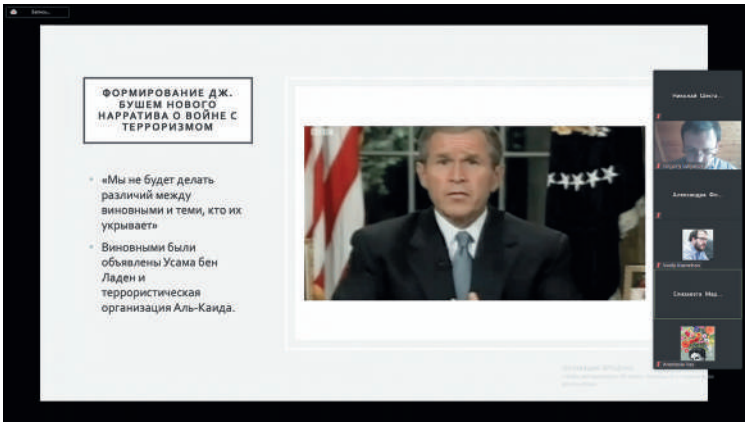


Фото 5. **Фрагмент презентации доклада Е. Мареевой «Сравнительный анализ подходов к концептуализации проблемы “Талибана” в Афганистане при Дж. Буше младшем и Д. Трампе»**

Фото 6. **Фрагмент презентации доклада Д. Полякова «Иранское видение стратегии и методов политики “магкой силы”»**

продуктивной дискуссии доклад студента Факультета мировой политики МГУ Артема Ломакина о деятельности Лиги арабских государств (ЛАГ) и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) по урегулированию конфликта в Сирии.

Работой сессии, посвященной феномену «мягкой силы» и опыту его практического применения во внешней политике государств Ближнего Востока, руководила А. А. Беликова. Все три предложенных в рамках заседания доклада отличались проработанностью и большим вниманием к деталям, что свидетельствовало, с одной стороны, о глубокой погруженности докладчиков в проблематику, а с другой — о перспективности и глубине затронутой темы. Творческий тандем Глеба Дорошенко и Андрея Шелковникова из ВШЭ на примере ОАЭ и Катара описал особенности применения концепции и инструментов мягкой силы при реализации государственной политики «малых» монархических стран ССАГПЗ. А Александра Павлюченко из МГУ обратилась к более частному виду политики мягкой силы — цифровой дипломатии, описав и оценив опыт ее применения в ОАЭ и Кувейте. В свою очередь, взгляд с «другой» стороны Персидского залива, а именно — иранское видение стратегии и методов политики «мягкой силы» — подробно изложил в своем выступлении Дмитрий Поляков из Нижегородского государственного университета (см. *Фото 6*).

Заседание сессии, посвященной внешней политике Саудовской Аравии, посетил и предметно прокомментировал каждый из представленных докладов ведущий российский исследователь истории и современного положения Королевства Саудовская Аравия Григорий Григорьевич Косач, профессор Факультета истории, политологии

Фото 7. **Докладчик — Леван Кочои**

и права РГГУ и факультета мировой политики МГУ. В рамках заключительного заседания сессии Леван Кочои из МГУ представил весьма подробный и исчерпывающий обзор ключевых направлений внешней политики Саудовской Аравии на современном этапе (см. *Фото 7*). В свою очередь Тагир Тагиров из МГИМО сконцентрировал внимание на военных угрозах, механизмах обеспечения военной безопасности и характерных особенностях военного строительства в Королевстве в период реализации фундаментальных реформ короля Салмана и наследного принца Мухаммеда. Воспитанник НИУ ВШЭ Никита Синопальников обратился к очень конкретному, но при этом практически неизученному направлению современной внешней политики КСА, а именно — к политике в отношении государств и народов региона Западные Балканы, которую он сравнил с региональной политикой Турции.

По итогам работы секции В. А. Кузнецов отметил: «Замечательное впечатление производит одновременно доброжелательная и требовательная атмосфера развернувшихся дискуссий, их открытость и большой энтузиазм, проявляемый участниками». С ним трудно не согласиться, поскольку конференцию и правда отличает живость и свобода дискуссий, ставших неотъемлемой частью работы любой секции и непременным спутником презентации каждого из предложенных докладов. Новые знакомства и наведенные мосты сотрудничества между молодыми учеными из разных университетов, городов и регионов, между теми, кто только начинает свой путь в науке, и теми, кто в ней уже состоялся, стали одним из главных достижений конференции и ее вкладом в развитие академического востоковедения в России.

Благодаря возможностям формата онлайн конференции к обсуждению студенческих и аспирантских докладов смогли присоединиться многие преподаватели ВФ ГАУГН и научные сотрудники ИВ РАН, а также авторитетные представители научного сообщества из России и других государств, что значительно повысило уровень конференции и сделало ее одинаково интересной и полезной для нескольких поколений исследователей. «Удивительная атмосфера на нашей конференции. Она чувствуется даже в дистанционном формате. Когда молодые ученые могут высказывать свое мнение наряду с авторитетными востоковедами, спорить с ними, дискутировать, отстаивать свою позицию. Даже незначительное погружение в такую среду для многих может служить импульсом для новых научных поисков» — поделилась своим мнением **первый заместитель декана Восточного факультета Евгения Викторовна Кузнецова**, выступившая идейным вдохновителем и инициатором проведения конференции.

Организационный комитет конференции работал под руководством старшего преподавателя кафедры стран Ближнего Востока Григория Лукьянова и включал студентов 3 курса Восточного факультета Николая Шестакова, Георгия Погосяна, Полину Моргунова и Филиппа Олейникова, для которых участие в этом проекте стало первым опытом организации крупного академического мероприятиях подобного рода в новых условиях режима самоизоляции.

По итогам конференции отобранные оргкомитетом оригинальные авторские доклады, доработанные и оформленные в соответствии с требованиями, планируется опубликовать в печатном сборнике материалов. Также всем участникам будут высланы именные сертификаты, подтверждающие факт участия в конкретном заседании и конференции в целом с указанием темы представленного доклада. Сертификаты могут быть использованы для наполнения портфолио участников, в т. ч. для поступления в магистратуру и аспирантуру ГАУГН и ИВ РАН.

Организационный комитет выражает признательность и благодарность всем участникам и гостям конференции за неоценимый вклад, не только сделавший возможным проведение конференции в сложные для страны и мира времена, но и превративший ее в крайне интересное и плодотворное мероприятие.

DOI: 0.18254/S268684310010406-4

Василий Верещагин в восточных войнах*

Vassily Vereshshagin and Eastern Wars*

Динара Викторовна Дубровская

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия; distan@gmail.com
ORCID ID: 000-0001-9372-6553

Dinara V. Dubrovskaya

PhD (History), Senior research fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Assistant Professor, Eastern Department of the State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia; distan@gmail.com
ORCID ID: 000-0001-9372-6553

Обзор прошедшей в 2018 г. монографической выставки Василия Верещагина в Государственной Третьяковской галерее на Крымском валу фокусируется на нескольких важных востоковедных темах: художник, чаще всего ассоциирующийся у отечественного зрителя с горой черепов на картине «Апофеоз войны», показан как системный художник-ориенталист с особой спецификой и методом изображения натуры — беспристрастным, репортажным и, казалось бы, отстраненным. На примере картины «Торжествуют» автор рассматривает свою гипотезу объяснения этого художественного приема, давая попутно краткую характеристику

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

* The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 “Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History”).

Верещагину как на удивление «недооцененному живописцу».

Ключевые слова: Василий Верещагин, ориентализм, художники-ориенталисты, выставки

Для цитирования: Дубровская Д. В. Василий Верещагин в восточных войнах. *Восточный курьер / Oriental Courier.* 2020. № 1–2. С. 280–191. DOI: 0.18254/S268684310010406-4

The review of 2018 Vassily Vereshchagin's monographic exhibition at the State Tretyakov Gallery on Krymsky Val focuses on several important topics of the Oriental Studies: The artist, most often associated with a mountain of skulls in his painting "Apotheosis of War", is shown as a systemic orientalist with a special method — impartial, stringer-like and seemingly detached. Using the example of his "They Triumph" painting, the author examines her hypothesis of this artistic device, giving along the way a brief description of Vereshchagin as an "underestimated painter".

Key words: Vassily Vereshchagin, Orientalism, Orientalist painters, exhibitions

For citation: Dinara V. Dubrovskaya. Vassily Vereshshagin and the Eastern Wars. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* 2020. No. 1 – 2. Pp. 280–191. DOI: 0.18254/S268684310010406-4

Третья по счету[1] монографическая выставка-блокбастер Государственной Третьяковской Галереи[2], вышла самой радостной — не только для востоковедов, получивших возможность приобщиться к огромному массиву работ главного российского художника-ориенталиста, собранным в одном месте, но и для широкой публики. Подобно Серову, Айвазовскому и Репину (монография которого потрясла зрителей столиц на переломе последнего «дочумного» и нынешнего, 2020 года, *когда музеи еще работали*), Василия Васильевича Верещагина (1842–1904) тоже нельзя не любить, но, к счастью, при упоминании его имени супер-эстеты раздраженно не морщатся, как от олигархического Айвазовского, а бедный норовистый Серов в массовом сознании теперь всегда будет ассоциироваться с очередями на морозе и со сломанными дверями. Нет человека, при имени Верещагина мысленно не снявшего бы шляпу и одновременно не улыбнувшегося. Великолепие колорита его полотен, красота и пышность Востока, несравненное личное мужество художника, наконец, его трагическая гибель, — все это находит благодарный отклик как в восприятии самого массового, неискушенного зрителя, так и у придирчивых арт-критиков.

Однако что же на самом деле мы хотим увидеть на выставке Верещагина? Предмет или живопись? Как у большинства ориенталистов, наверное, скорее предмет — роскошь Востока в трактовке ориенталиста (см. подробнее об ориентализме и оксидентализме в: [Вяземская, 2019; Dubrovskaya, 2019; Чернышева, 2018]), да еще и такой Восток, каким его не покажут современные тревел-фотографии. Однако если нам понадобится припасть к живописному Ладаку или Кашмиру, мы скорее будем искать репродукции старшего Рериха, а не разглядывать крошечные этюды формата А4 Василия Верещагина[3]. Если же нас заинтересует традиционное искусство Дальнего Востока, мы скорее обратимся к собственной живописи Китая и Японии, а не к Верещагину. (Забегая вперед, скажем: в плане Японии — напрасно: Верещагин, пишу-

1 После печально известной массовыми беспорядками, с одной стороны, и порадовавшим всех пробуждением коллективной зрительской «Наташи», с другой, выставки Валентина Серова и торжественно-великолепной экспозиции «художника олигархов» Ивана Айвазовского; обе — 2016 г.

2 Организована Государственной Третьяковской галереей (генеральный директор З. И. Трегулова), проходила 7 марта – 15 июля 2018 г. в Новой Третьяковке на Крымском валу.

3 Что весьма обидно: выставка демонстрирует, что натура диктует метод — скажем, две небольшие работы Верещагина, изображающие озеро Иссык-Куль» (обе 1874 г., в том же году приобретенные у автора П. М. Третьяковым), демонстрируют «правдивость» передачи колористической схемы, характерной для многих пейзажей Центральной Азии, отцом и сыном Рерихами, и эти работы не одиноки [Василий Верещагин, 2018, с. 120] *(Илл. 1, 2)*.

Илл. 1. **В. В. Верещагин. Озеро Иссык-Куль**
Х., м. 14,8х17. 1874 г. ГТГ
По: [Василий Верещагин, 2018, с. 102]

Илл. 2. **В. В. Верещагин. Озеро Иссык-Куль**
Х., м. 17х26. 1874 г. ГТГ
По: [Василий Верещагин, 2018, с. 102]

щий Японию, не столько фиксирует Японию, сколько ищет новые media. Можно спорить о том, насколько удачно у него это получается, но в картинах, посвященных Японии, перед нами не академический Верещагин с дробным и слитным заглаженным мазком, а протопостимпрессионист со смелыми черными контурами и иероглифической работой кисти.) Что ж — у Верещагина мы найдем другое, не только предмет, но и великую живопись как таковую. Но начнем все-таки с предмета.

До посещения выставки автору не приходило в голову, что there's a method in his madness[4], что в выборе тем художник работает как фоторепортер. Верещагин заводит мотор. Верещагин выбирает тему. В выборе темы Верещагин бесстрашен, как дитя. Верещагин видит войну. Верещагин «видит» казни. Верещагин пишет[5]. После выставки появилась осторожная гипотеза, что в том, как Верещагин видит и пишет, есть определенная система, даже, возможно, подразумеваемый урок.

Неегипетские казни

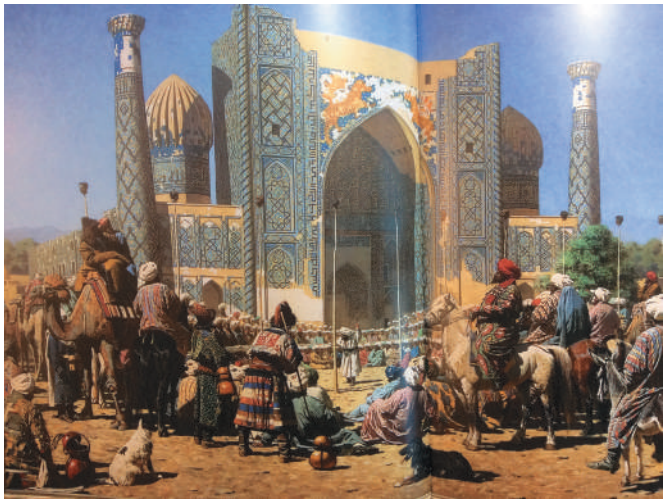
ВВВ желает показать нам, как выглядит, когда «туркестанцы» радуются победе (картина «Торжествуют», 1872 г. [*Василий Верещагин*, 2018, с. 100–101; 196–197] см. о Туркестанской серии: [Агеева, 2018b]), а русские проиграли и потеряли буйные головы (*Илл. 3*). Давайте же посмотрим.

Перед нами огромное полотно (195,5х257); чуть больше, и пришлось бы строить для него отдельный павильон, как для Ивановского «Явления Христа народу», но дело происходит в Новой Третьяковке, допускающей необходимый размах и даже возможность отойти для обзора картины подальше. Типичный близорукий зритель тем не менее с готовностью упирается взглядом в первый план — еще бы, на нем сидят на песке площади Регистан[6], стоят и восседают на лошадях и верблюдах цветастые тюркоязычные персонажи в тщательно прописанных ярких одеяниях, лежит испеченная на солнце собака… —

4 Парафраз характеристики Гамлета Полонием: "Though this be madness, yet there is method in 't." («пусть то безумье, но в его безумье есть система») [Shakespeare, 1993, p. 991].

5 Предлагаем читателю сравнить творчество и судьбу Василия Верещагина, не брезговавшего военной стороной восточных сюжетов, и отторжение подобной проблематики испанским художником-ориенталистом Мариано Фортуни (1838–1874), старшим современником Верещагина, которому посвящена статья [Мороз, 2020] в этом же номере «ВК».

6 Центральная площадь Самарканда — Регистан (тюрк. «место, покрытое песком»).



Илл. 3.
В. В. Верещагин. Торжествуют. 1872
Х., м. 195,5х257. ГТГ
По: [Василий Верещагин, 2018, с. 196–197]

для нас устроены бытовые пропилеи, калитка, удобный вход в сюжет, низкие стартовые кулисы, «упор присев». Если мы знали заранее, что Верещагин хорош в изображении цветастых драпировок и ждали от него именно этого, пропилеев нам будет достаточно — уже на этом этапе можно восхититься, полюбоваться и пойти дальше, но картина все-таки большая, она требует к себе уважения, и взгляд сам потащит вас вперед и в глубину холста, туда, где за великолепным руинированным объемом тимуридского медресе Шир-Дор синеет беспощадное самаркандское небо. Второй и третий ряды сидящих (предусмотрительно раскроенных автором на левую и правую части, чтобы оставить проход для ленивого взгляда зрителя и придать происходящему глубину) создают массу присутствующих. Красочно, безусловно, уже чуть бледнее, все еще колористически весело, и никто ничего не подсказывает, ничто не предвещает: солнце льется отовсюду, как напалм, его не выставишь искусственно, как утонченное студийное освещение, в глазах желто, дробные цветные пятна… за коль-

Илл. 4. **В. В. Верещагин. Казнь заговорщиков в России.** 1884–1885. Х., м. 285х398
По: [Василий Верещагин, 2018, с. 296]

Илл. 5. **В. В. Верещагин. Распятие на кресте у римлян.** 1887. Х., м. 301х401,3. Частное собрание
По: [Василий Верещагин, 2018, с. 297]

цом сидящих пустая площадка, на ней кто-то типа глашатая? сказителя? конферансье? В цветастом же халате и в тюрбане, но еще бледнее, бледнее, потому что глашатай уже далеко от начала огромного полотна, где-то в центре. Взгляд зрителя возносится вверх, к фасаду медресе. Это задник картины-сцены, наш взгляд уперся в него (сцена закончилась, и никому не важно, что за ней — базары, пустыни, саксаулы или оазисы), скользнул по бледным остаткам былой красоты и, отскочив теннисным мячиком, вернулся к тому предмету, о котором писалась картина. На центральном плане мы наконец-то видимо параллельный плоскости полотна ряд высоких тонких шестов, а на них отрубленные усатые головы. В принципе, их можно и не заметить, если не пройти по узкой дороге от первых ярких халатов до этих страшных *плодов* войны. Никакого карнажа, как у Эжена Делакруа в хиосской резне (1824 г.), никакого лобового тыканья зрителя лицом в pulp fiction (при всей отважной стрингерской репортажности и достоверности картины), никакой морали, никакого гротеска; наши и не наши подаются Верещагиным всегда совершенно одинаково — описательно, без подсказок, где кто, зритель призван сам найти жертву и, возможно, даже задуматься над вопросом, почему меняющиеся местами жертвы и победители изображены столь одинаково.

Описанный метод (а он будет работать во всех работах так называемой «трилогии казней», представленных на выставке, — в «Казни заговорщиков в России» и в «Распятии римлянами») повторяется во многих картинах. Мы видим толпу, разглядываем людей в толпе, прописанных до последней морщины и тщательно «сделанных» одежд, узнаем Магдалину, а в Петербурге — кажется, ловим снежинки, и поражаемся тому, что половину холста (столь же грандиозного, как в Самаркандской казни) занимает серо-желтое зимнее небо с дымами. До чего же художник уверен в том, что делает! Позволяет нам разглядывать зимние шапки зрителей или веселые разноцветные камни Иерусалимских стен, а народовольцы висят слева на заднем плане и окутаны туманом, не разглядишь (*Илл. 4*) (см. о Палестинской серии Верещагина [Резван, Резван, 2018с]). То же и с расположенной уже справа на заднем плане троицей распятых на Голгофе (*Илл. 5*). Почему? Насколько известно автору обзора, искусствоведение пока не задавалось этим вопросом. Мы же лишь можем предположить, что художник не просто

Илл. 6. **В. В. Верещагин. Калмыцкий лама.** Х., м. 38,9х48,5. 1874. ГТГ
По: [Василий Верещагин, 2018, с. 109]

Илл. 7. **В. В. Верещагин. Перед исповедью на паперти сельской церкви.** 1888. Х., м. 29,5х40 ГРМ. По: [Василий Верещагин, 2018,с. 311]

Илл. 8. **В. В. Верещагин. Иконостас церкви Иоанна Богослова на Ишне близ Ростова Ярославского** 1888. Х., м. 60,5х45. ГРМ По: [Василий Верещагин, 2018, с. 306]

Илл. 9. **В. В. Верещагин. Паперть церкви Иоанна Предтечи в Толчкове. Ярославль.** 1888 Х., м. 44,5х59,4. ГТГ По: [Василий Верещагин, 2018, с. 308]

изображал грандиозные трагедии с точки зрения зрителя, но и сознательно придавал не меньшее значение именно зрителям, и участникам и не-участникам трагедии.

Свет Востока

Верещагин — певец полуденного солнца. Он, может, и не пел бы его, если бы этого солнца не было. Это фотограф будет героически «ловить свет», ждать правильное освещение, схватывать мгновение, подкарауливать его, а Верещагину не до того. Девиз художника — «Вижу цель, не вижу препятствий», иначе ослик унесет седока, сдвинется графичная тень на стене, перестанет ослепительно бликовать спина лошади, а глаз блаженно сощурится; послан небом слепящий полдень, художник — вперед (*Илл. 6*). Глядя на центрально-азиатские, палестинские, индийские и все остальные «южные» вещи Верещагина (см., например, [Агеева, 2018а]) делается жарко и кружится голова (на выставке это ощущение усиливалось, ибо ее посетила, как положено в последние годы на таких проектах, вся Москва и гости мундиаля). Наш герой так любит этот

Илл. 10. **В. В. Верещагин Японка.** 1903. Х., м. 76х41. ГРМ
По: [Василий Верещагин, 2018, с. 348]

Илл. 11. **В. В. Верещагин. Прогулка в лодке.** 1903
Х., м. 70х103,5. ГРМ. По: [Василий Верещагин, 2018, с. 349]

почти адский жар, что приносит его и в нутро русских интерьеров, церквей. Это не привычный нам северный холодно-синеватый свет, а внутренность печи, и люди, как уголья, сидят в его интерьерах и жарятся-греются (*Илл. 7, 8, 9*). Чуть сместить акцент в сторону черного, и интерьер японского храма обернется лаковой шкатулкой. При этом сам художник утверждал, что дальневосточные кумирни его «не поражают». Как выясняется, пусть и не поражали, но в картины просились.

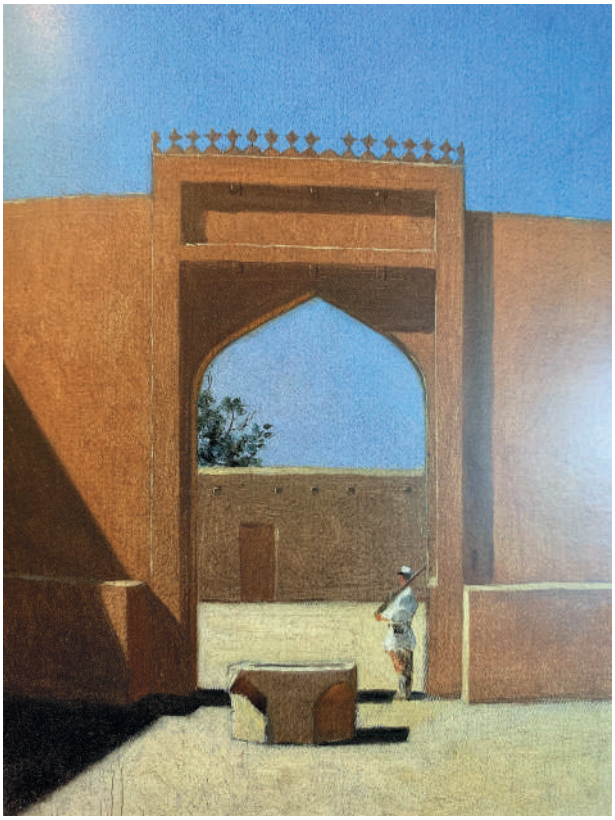
Возвращаясь к верещагинской композиции и к Японии — две-три вещи сделаны у него с поисковой небрежностью работы кисти, но все с той же зубодробительной продуманностью кадра (см. [Ким, 2018]). На переднем плане в углу будет сидеть, предположим, японка с зонтиком — нам виден лишь профиль, кусок плеча, затем пруд / река /протока, лодочка, на ней другая японка с зонтиком (*Илл. 10, 11*). Верещагин может не любить какую-то натуру, но схватывать ее помимо воли как профессиональный кинематографист: театральность и выстроенная псевдонебрежность *ваби-саби* японской культуры отражены тут сполна (см. подробнее [Теркель, 2018]).

Отметим тут à-propos, что записные книжки художника сами по себе должны послужить прекрасным источником для будущего исследователя-востоковеда, наверняка нашедшего предмет для актуального мультикультурного исследования в наблюдениях мастера вроде следующего: *«Мы ехали на пароход “Айкоку-мару” (если не ошибаюсь), очень плохом, старом, держащемся еще керосинового освещения и даже не имеющем электрических звонков, так что слугу-“боя” приходилось звать смертным криком. Стол, впрочем, у нас был недурной, а состав служащих вежливый. Один из офицеров даже говорил немного по-русски, что, по-видимому, радовало его, потому что после всякой с грехом пополам сказанной русской фразы он самодовольно и приветливо улыбался.*

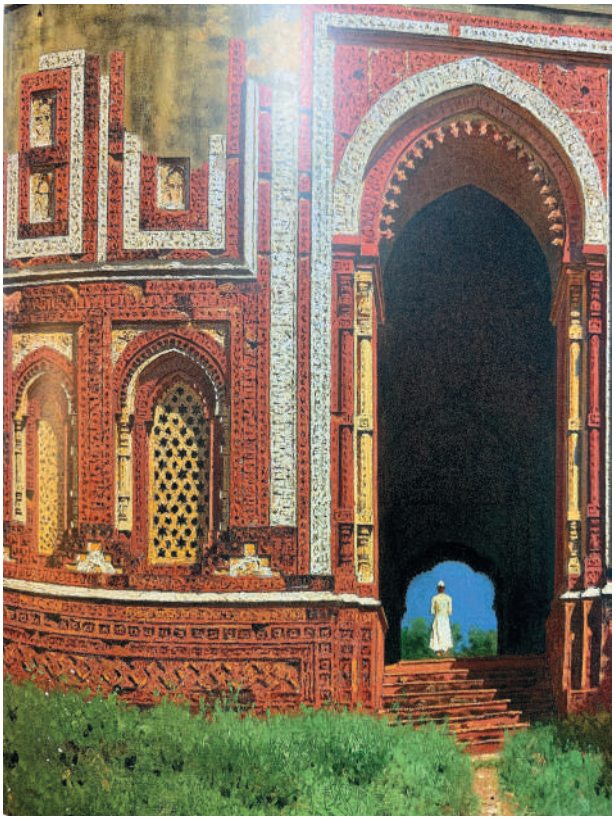
С чем трудно примириться, к чему не скоро привыкнешь в Японии, это с авторитетом и

Илл. 12. **В. В. Верещагин. Вечер на озере. Один из павильонов на Мраморной набережной в Раджнагаре (княжество Удайпур).** 1874. Х., м. 28,4х40,6. ГТГ. По: [Василий Верещагин, 2018, с. 223]

Илл. 13. **В. В. Верещагин. Входные ворота Арка (крепости). Самарканд.** Х., м. 32,5х24,2. 1874. ГТГ По: [Василий Верещагин, 2018, с. 314]



Илл. 14. **В. В. Верещагин. Ворота около Кутуб-Минара. Старый Дели.** 1875. Х., м. 36,5х28,6 ГТГ. По: [Василий Верещагин, 2018, с. 227]



Илл. 15. **В. В. Верещагин. Шипка – Шейново. Скобелев под Шипкой (фрагмент)**
1878–1879
Х., м. 147х299. ГТГ
По: [Василий Верещагин, 2018, с. 282]

значением этих маленьких, положительно обезьянообразных людей, часто изображающих известных воинов, прославившихся в дипломатии или на поприще внутренней деятельности графов, майоров и князей» (Цит. по: [Верещагин, 2018, с. 356]). Оставим это и подобные суждения великого художника без комментария: дело проходило до прихода в Европу (а тем более в Россию) япономании и даже до появления в искусстве такого явления, как жапонизм.

Недооцененный художник
Эпоха гигантов

ВВВ — во многом недооцененный художник. Живописец. Его колористические схемы новаторски и отважны. Снизу вверх: полоса зеленой травы, полоса бежевой травы, голубое небо; рама; сверху вниз: красная шапка, синий кафтан, коричневые штаны. Как будто вручили открытку по почте: получите, распишитесь. Насколько художник способен дать себе труд изобразить просящих милостыню дервишей до последней точки на халате и трещинки на тыкве, настолько же без всяких усилий и сдерживания себя он увидит и передаст чистоту и красоту пустых плоскостей, совмещенных под нужными углами, стену с единственным проемом, покажет эстетическую ценность границы яркого света и черной тени (*Илл. 12, 13, 14*). А это уже живопись, а не этнография. Это, в принципе, уже и не ориентализм.

Отдельная тема — Верещагин и Скобелев (см. [Резван, Резван, 2018а]). Как порой бывает в истории культуры, в одно и то же время и в близкой географии сходятся и работают вместе настоящие гиганты, пусть и из различных областей деятельности. Щедро показанные на выставке оружие, разнообразные артефакты, кимоно и японские куклы оставили автора почти равнодушным[7], а вот вышитый женой Верещагина личный «значок» М. Д. Скобелева (1843–1882) из индийской шелковой шали, считавшийся то счастливым, то несчастливым амулетом Ак-Паши[8], знамена наших балканских войск, скромная орденская звезда со всадником тронули до глубины души. Хорошо известные и любимые Балканские картины Верещагина пусть формально и относятся к батальному жанру, но с точки зрения живописи, хотя и прекрасны, но не уникальны. Классический художнический вызов «белое на белом», правильный мутный

7 Не по причине принципиального равнодушия автора к объектам материальной культуры — это далеко не так, а по причине сосредоточенности на живописи В. В. Верещагина.

8 Так — «Белым пашой» — называли легендарного генерала, завоевателя Средней Азии и освободителя Болгарии по-турецки.

Илл. 16. **В. В. Верещагин. Старый партизан. «Не замай — дай подойти!»** 1887–1895. Х., м. 203x152 Военно-исторический музей ГИМ. По: [Василий Верещагин, 2018, с. 336]

Илл. 17. **В. В. Верещагин. «С оружием в руках? — Расстрелять!»** Х., м. 150x201. Военно-исторический музей ГИМ По: [Василий Верещагин, 2018, с. 337]

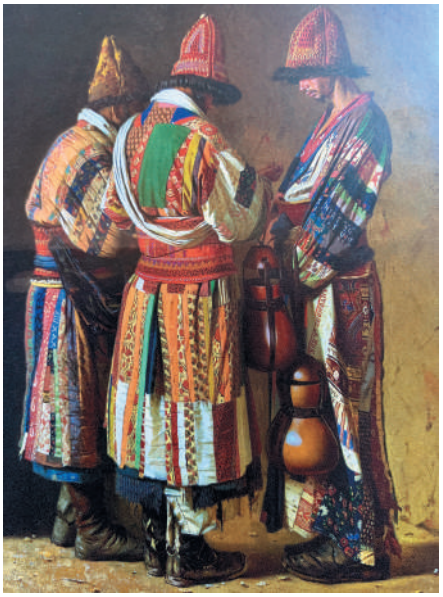
свет, серое, желтоватое, грязно-бежевое, история о пустившем в галоп лошадь Скобелеве, благодарившем войска, — и снова слева на заднем плане, не в центре композиции, с сорванной с головы шапкой в вытянутой руке; убитые на переднем плане (*Илл. 15*). С точки зрения живописи, там, где Верещагин лишен своей любимой восточной натуры, ему приходится встать в ряд и в строй. Это хорошая живопись, но в целом без откровений. С точки же зрения композиции и идеи — критик по-прежнему рвет с головы шапку.

Огорчительно, что на столь масштабной выставке оказалось недостаточно вещей из наполеоновского цикла. Но было кое-что любимое. И снова чудеса композиции — рождественской открытки: партизаны за мохнатым кружевом снежных елочных лап — что за убийственная компания русского Деда Мороза бродит по подмосковным лесам? Добро пожаловать, «гостюшки из Хранции» (*Илл. 16*). И снова «метод Верещагина»: снова непонятно, кто жертва, а кто победитель. Греющийся у костра закутанный Наполеон на второй картине — победитель: одолел русского Деда Мороза, поставил на колени; деда, конечно... расстреляют, а вот мороза… (*Илл. 17*).

Отдельная благодарность устроителям за раздел с фотографиями, на которых можно увидеть, какие вещи в лучших гоголевских традициях Верещагин уничтожил, как их, уничтоженные (*Илл. 18*), «выставляли» в Третьяковке на посмертной экспозиции (видны пустые рамы), какой была мемориальная выставка Верещагина после гибели в 1904 г. А как бы он написал свой взорвавшийся баркас! Лучше реальной фотографии (их на выставке было три).

Оценивать выставку как таковую нет смысла — она была хороша, на ней присутствовало все, что должно присутствовать в монографическом мамонте, — попытка собрать все сущее и проиллюстрировать релевантными артефактами и мемориабилией; Москва, как обычно, отозвалась

Илл. 18. **В. В. Верещагин. Забытый.** 1872
Фотография картины, уничтоженной автором
ОФ ГТГ. По: [Василий Верещагин, 2018, с. 21]



Илл. 19. **В. В. Верещагин. Дервиши в праздничных нарядах. Ташкент**
1870. Х., м. 72х47,5. 1870. ГТГ
По: [Василий Верещагин, 2018, с. 153]

толпами, от которых мы успели отвыкнуть за месяцы самоизоляции. Но Верещагину и этот формат по плечу. Его Азия, воюющая Европа, воюющая Россия, лица простых людей, его этнография (см., например, [Резван, Резван, 2018b]), антропология, репортажная живопись, способность к анализу и обобщению, наконец, удивительное чувство колорита способны вытянуть это паломничество, как способен был океан Айвазовского утопить всякого входящего на его выставку и для верности пристукнуть плотом в висок. Для востоковедов особенно ценно то, что творчество Василия Верещагина в полную силу раскрылось в этом проекте как «русская дверь на Восток» (см. [Резван, Резван, 2018d]; *Илл. 19*); художник не только открыл ее, но и провел зрителя с собой в этом — пусть виртуальном — путешествии.

Ну, а если вы любите Верещагина хотя бы дистанционно, можно заказать большой каталог [*Василий Верещагин*, 2018], спокойно разглядеть его дома и составить впечатление об этом гиганте русского ориентализма и батальной живописи.

Список литературы / References

Агеева Н. Е. Кавказская серия. 1863–1864, 1865. *Василий Верещагин.* М.: Третьяковская галерея, 2018a. С. 76–95 [*Vasily Vereshchagin.* Moscow: State Tretiakov Gallery, 2018a. Pp. 76–95 (In Russian)].

Агеева Н. Е. Туркестанская серия. 1867–1874. *Василий Верещагин.* М.: Третьяковская галерея, 2018b. С. 98–102 [*Vasily Vereshchagin.* Moscow: State Tretiakov Gallery, 2018b. Pp. 98–102 (In Russian)].

Василий Верещагин. 1842–1904. М.: Гос. Третьяковская галерея, 2018. — 416 с. [*Vasily Vereshchagin. 1842–1904.* Moscow: State Tretiakov Gallery Publishers, 2018. —416 p. (In Russian)].

Верещагин В. В. Из записной книжки. *Василий Верещагин.* М.: Третьяковская галерея, 2018.

С. 356–372 [*Vasily Vereshchagin*. Moscow: State Tretiakov Gallery, 2018. Pp. 356–372 (In Russian)].

Вяземская К. Т. Осман Хамди Бей (1842–1910): первый турецкий ориенталист? *Восточный курьер / Oriental Courier.* № 1–2. 2019. С. 126–138 [Vyazemskaya K. T. Osman Hamdi Bey (1842–1910): The First Turkish Orientalist? *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* No. 1–2. 2019. Pp. 126–138 (in Russian)].

Ким Е. В. Японская серия. 1903–1904. *Василий Верещагин.* М.: Третьяковская галерея, 2018. С. 338–350 [*Vasily Vereshchagin*. *1842–1904.* Moscow: State Tretiakov Gallery, 2018. Pp. 338–350 (in Russian)].

Мороз М. Р. Ориентализм Мариано Фортуни и его влияние на русских художников рубежа XIX–XX вв. *Восточный курьер / Oriental Courier.* № 1–2. 2020. С. 170–179. [Moroz M. R. Mariano Fortuny's Orientalism and its Influence on Russian Artists at the Turn of the 19th–20th Centuries. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier.* No. 1–2. 2020. pp. 170–179. (in Russian)].

Резван Е. А., Резван М. Е. Балканская серия. *Василий Верещагин. 1842–1904.* М.: Третьяковская галерея, 2018a. С. 266–292 [*Vasily Vereshchagin*. *1842–1904.* Moscow: State Tretiakov Gallery, 2018a. Pp. 266–292 (In Russian)].

Резван Е. А., Резван М. Е. Индийская серия. *Василий Верещагин. 1842–1904.* М.: Третьяковская галерея, 2018b. С. 214–266 [*Vasily Vereshchagin*. *1842–1904.* Moscow: State Tretiakov Gallery, 2018b. Pp. 214–266 (In Russian)].

Резван Е. А., Резван М. Е. Палестинская серия. *Василий Верещагин. 1842–1904.* М.: Третьяковская галерея, 2018c. С. 298–304 [*Vasily Vereshchagin*. *1842–1904.* Moscow: State Tretiakov Gallery, 2018c. Pp. 298–304 (In Russian)].

Резван Е. А., Резван М. Е. Русская дверь на Восток *Василий Верещагин. 1842–1904.* М.: Третьяковская галерея, 2018d. С. 200–214 [*Vasily Vereshchagin*. *1842–1904.* Moscow: State Tretiakov Gallery, 2018d. Pp. 200–214 (In Russian)].

Теркель Е. А. Япония глазами Василия Верещагина. *Василий Верещагин. 1842–1904.* М.: Третьяковская галерея, 2018. С. 350–356 [*Vasily Vereshchagin*. *1842–1904.* Moscow: State Tretiakov Gallery, 2018. Pp. 350–356 (In Russian)].

Чернышева М. А. Василий Верещагин и Жан-Леон Жером. *Василий Верещагин. 1842–1904.* С. 30–40. М.: Третьяковская галерея, 2018 [*Vasily Vereshchagin*. *1842–1904.* Pp. 30–40. Moscow: State Tretiakov Gallery, 2018. (In Russian)].

Dubrovskaya D. V. Orientalism and Occidentalism: When the Twain Meet. Восток / Oriens. № 5. 2020. Pp. 77–82.

Shakespeare W. The Tragedy of Hamlet. *The Yale Shakespeare. The Complete Works*. New York: Barnes & Noble, 1993. Pp. 975–1025.

Подписано в печать 30.06.2020
Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,25. Тираж 500 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12

Департамент научных изданий
Научно-инновационного управления
Государственного академического
университета гуманитарных наук
e-mail: dsp@gaugn.ru
http://gaugn.ru/science/dni

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами в
ООО «Институт информационных технологий»
170021, г. Тверь, ул. Дачная, д. 33, офис 1